

Академик В. М. Плоских

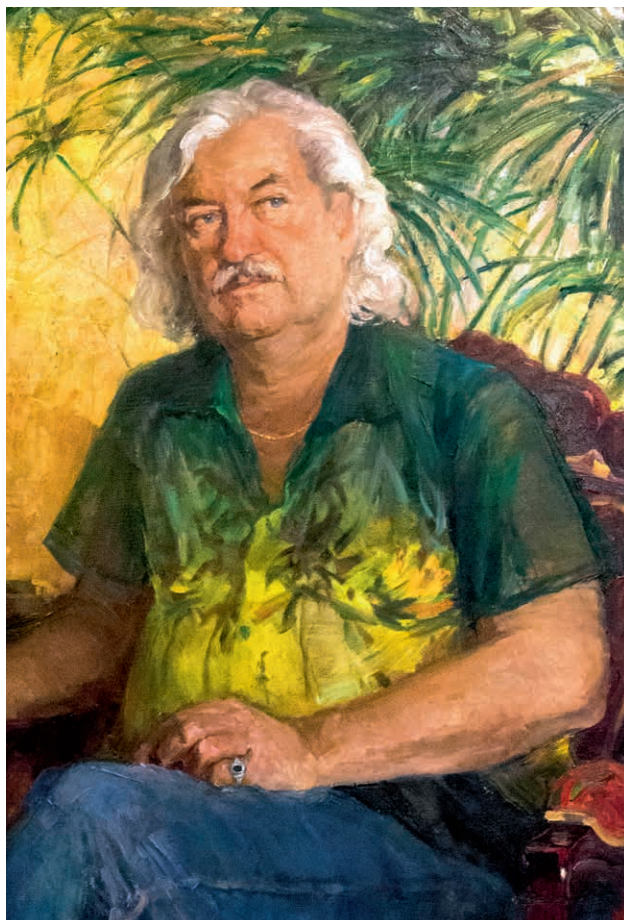
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

XIII

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

John

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

XIII

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, А. Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

В. М. ПЛОСКИХ

АМАН ГАЗИЕВ

Бишкек — 2020

Плоских В. М.

П 74 **Аман Газиев.** Исторические повести и рассказы. — Бишкек. 2020. — 416 с. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. XIII).

ISBN 978-9967-03-476-5

В XIII том собрания сочинений включены исторические литературные произведения, написанные В. М. Плоских в соавторстве с историками В. П. Мокрыниным и Ю. Бородиным под псевдонимом Аман Газиев: «На берегах Яксарта», «На берегах Иссык-Куля», «Посольство Земарха».

В основе исторической повести «На берегах Яксарта» — героическая борьба населения Тянь-Шаня — саков (скифов) — с воинами Александра Македонского в 329 г. до н. э.; описывается жизнь, быт, верования народа, населявшего бассейн реки Яксарт (древнее название р. Сыр-Дарьи и её истока — р. Нарын).

Историко-археологическая повесть «На берегах Иссык-Куля» описывает путешествие китайского дипломата и первооткрывателя Великого Шёлкового пути Чжань Цяня (II в. до н. э.); рассказывает об античном государстве усуней и его столице Чигу, оказавшейся с течением времени под водами оз. Иссык-Куль.

«Посольство Земарха» — это исторические сюжеты из жизни Западно-тюркского каганата, повествующие о дипломатических связях древних тюрок Тянь-Шаня с Византией и Ираном на территории Великого Шелкового пути.

ISBN 978-9967-03-476-5

© Плоских В. М., 2015

ПОД ВУАЛЬЮ ПСЕВДОНИМА (О творчестве Амана Газиева)

Академик Владимир Михайлович Плоских — ученый-историк, уже более полувека плодотворно исследующий историю кыргызского народа, автор многочисленных монографий, учебников и статей. В то же время, наверное, большая часть публики не знает, что его творчество многогранно и имеет также отношение к художественной литературе. Под псевдонимом «Аман Газиев» (в соавторстве с друзьями-историками Юрием Бородиным и Владимиром Мокрыниным) он написал и издал исторические романы, повести и новеллы, среди которых «На берегах Яксарта», «Пулатхан», «Курманжан-датка — некоронованная царица Алая», «Барс-бек — каган кыргызов», «Таласская битва» и др.¹

Вполне естественно, что исследование исторических эпох, насыщенных громадными событиями, а также изучение жизни выдающихся личностей пробудили творческий порыв ученого. Тем более, живое, образное представление исторических картин для исследователя должно быть и интересно, и увлекательно.

Блестящее владение автором научными источниками является одной из выигрышных составляющих в определении его творческой поступи. Вполне допустимо, что многие другие историографы не имеют полной возможности свободно

¹ И хотя двух соавторов уже нет в живых (Ю. Бородина и В. Мокрынина) Аман Газиев продолжает творить, свидетельство тому — публикация двух новелл («Байтик-батыр» и «Шабдан-батыр») из нового романа «Ак-Суёк» (см. ж. «Литературный Кыргызстан», 2010, №1).

пользоваться различными архивными материалами, анализировать их, приводить в систему, чтобы представить читателям ту или иную картину исторического бытия. Встречаются случаи, когда некоторые авторы допускают искажение исторических фактов в угоду своим личным взглядам. И все-таки надо учитывать, что процессу создания образов героев любых произведений присущи некоторый субъективизм, авторская интерпретация, придание особого, индивидуального колорита. В самом деле, исторические события, факты могут быть одинаковы в различных исторических произведениях, но в них легко угадываются симпатии и антипатии авторов к своим героям — через внутренние миры, взгляды и внешние портретные характеристики. В результате, показ положительных и отрицательных сторон героев во многом определяет восприятие читателя. Однако, В. Плоских, В. Мокрынин и Ю. Бородин подходят к историческим сведениям весьма ответственно, как к той данности, которой нельзя манипулировать.

Абдылдажан Акматалиев
профессор, член–корреспондент
НАН КР, (ж. «ЛК» № 3-08, с. 183)

ОТ АВТОРА

«Я собрал в этой книге истории, которые рассказывают люди и которые передаются из уст в уста во время собраний. Я думаю, большая их часть никогда прежде не была извлечена из памяти людской и увековечена на бумаге, не была занесена в книгу, подобную этой, и не была сохранена навечно в разных свитках рукописей. Подобные истории принято запоминать, чтобы потом, в случае надобности или когда они прибудутся кстати, их можно было пересказать...»

Я надеюсь, что мое собрание найдет своего читателя, и что я не зря трудился и уставал, записывая весь этот материал. Это будет так, даже если моему сочинению будет оказано предпочтение всего лишь по сравнению с чистым листом бумаги».

Абу Али аль-Мухасин ат-Танухи (X в.), следуя заветам которого, автор составил свою книгу исторических преданий и легенд.

Книга написана в соавторстве с великими мудрецами прошлого: Ала-Абу Рабахи, Али Сафи.

Да будет вечной их светлая память.

**НА БЕРЕГАХ
ЯКСАРТА**

*Историческая
повесть*

САКИ, КОТОРЫЕ ЗА СОГДОМ

Нужна ли человеку жена

В этом году зима кончилась неожиданно. Повеял теплый южный ветер. Он дул несколько дней с неослабевающей силой. Солнце, светоносное око Митры¹, встало над миром и грело склоны гор. В синем-синем небе, продутом богом ветров Вайю, — ни облачка. И вот началось ежегодное чудо: в ложбинках и затененных местах еще лежал грязный ноздреватый снег, а солнечные проплешины дружно зазеленели. Кеклики перепархивали по склонам, радостно перекликаясь. Грузные улары тяжело взлетали с кособоких полян. Козлы-нахчиры, домашний скот горных духов-пэри, жировали на зеленом приволье...

Охотник Сатрак вернулся к своей хижине и сбросил с натруженных плеч козла, сегодняшнюю добычу. В доме никого не было. Отец, белобородый Кидрей, с утра отправился в горы. На охоте был и сын, двадцатилетний Мавак.

Сатрак уселся лицом к солнышку, устало вытянул ноги и закрыл глаза... Надо бы поставить котел с водой на огонь, приготовить обед для старого отца и сына... Охотник горько покачал головой... С тех пор как Анхра-Майню² унес душу жены в подземный мрак, не стало в доме женщины-хозяйки. Вот уже третий год дед, сын и внук бедуют одинокие, неухоженные. Разве может семья из одних мужчин быть счастливой? Там, где нет

¹ Митра — солнечное божество.

² Аихра-Майню — властелин злых сил.

ласковых и заботливых, трудолюбивых и сноровистых женских рук — там нет ни радости, ни умиротворения... Слава богам, подрос уже сын. Приведет жену — и будет в хижине молодая хозяйка...

Сатрак размечтался, разомлел на солнцепеке... Но тут его окликнули. Подъехал сосед Мермер:

— Эй, Сатрак! Слышал новость? Арсак сказал Сираку, Сирак сказал Рутаку, Рутак сказал Скунхе, Скунха сказал Бразану, Бразан сказал мне, будто Арсак видел в Роксанакке Спаргатифа и тот говорил, что наш верховный вождь Липохшайя призывает всех мужчин в свое войско.

Охотник не сразу очнулся от приятных грез. Ох, этот назойливый сосед. Недаром его прозвали Мермером-говоруном.

— Что ж ты молчишь? — нетерпеливо сказал Мермер. Он спешился и присел рядом.

— Дружная весна будет нынче, — сказал Сатрак.

— Это верно!.. Ты — знаменитый воин, сражался в войске самого Дараявауша¹, хорзарского царя. Глядишь — и поставят тебя начальником сотни...

— Козлы рано поднимутся наверх. Скоро и там зазеленеет...

— Эй, Сатрак! Не о том говоришь! Надо точить акинак², ладить сагарису³, сучить тетиву...

— Против кого?

— Разве ты не слыхал, что в Бактрию пришел злой дух пустыни Апаоша с большим войском дэвов? Говорят, он покорил девяносто девять племен и сокрушил великое царство хорзаров⁴. Сыновья Виштасы⁵ все погибли.

¹ Дараявауш — древнеперсидский царь Дарий III Кодоман.

² Акинак — сакский короткий меч-кинжал.

³ Сагариса — сакская боевая секира.

⁴ Хорзары — так саки называли персов.

⁵ Виштаспа (Гистасп) — отец Дария I, прародитель династии Ахеменидов в Иране.

— А мне какое дело? — отвечал Сатрак. — Почему я должен мстить за сыновей Виштаспы? Разве они мои родственники?

Мермер озадаченно приподнял свою остроконечную шапку и почесал темя.

— Зачем мне война? — продолжал Сатрак. — Враг напал на землю моих предков? Я — охотник. У меня дружба с пэри — горным народом. Они позволяют мне охотиться на свой домашний скот — козлов, оленей. А война приносит только горе. Это знатные от войны богатеют, а бедняки становятся еще беднее. Я ходил на войну, я знаю.

— Но ведь Арсак говорил Сираку, а Сирак передал Рутаку...

— Эй, сосед! Какое нам дело, кто кому что сказал?.. Мой отец, белобородый Кидрей, вопрошал три ночи подряд звезды: наступает великий праздник. Надо готовиться: работы много, а женщин в нашем доме нет! Ты уж прости, если я возьмусь за хозяйские дела.

— Каждый в своем доме — царь, — ответил Мермер.

Когда назойливый сосед уехал, Сатрак начал готовиться. Старый Кидрей по ему одному понятным признакам — по звездам, луне, солнцу и явлениям природы определил, что приближается день весеннего равноденствия. Кончается старый год и начинается новый. Праздник Нового года — Ноуруз — великое торжество. Обновляется природа и жизнь как бы воскресает после зимней спячки. В Новый год полагается вступать чистым духовно и телесно. Из дому выбрасывали поношенную одежду, разбивали старую посуду, выметали всю золу из очага, чтобы новый, только что рожденный огонь загорелся на чистом месте. Пусть все старые грехи, болезни, злые мысли и слова останутся в старом году!

Обычно уборкой занимались женщины... Сатрак угрюмо пересматривал скарб своего семейства. Эти видавшие виды штаны хоть и старые, а выкидывать жалко — кто новые

сошьет? Засаленный кафтан, отцовский плащ... Придется хорошенько постирать в ручье...

Старой одежды набрался большой узел, с которым охотник и отправился вниз, к воде, оглядываясь по сторонам: не увидели бы соседи, не подняли бы на смех.

К вечеру хижина была тщательно подметена, посуда перемыта. Стены снаружи разрисованы желтыми кругами — солнечными знаками, а внутри опорный столб — символ «древа жизни» — украшала ветка высокогорной ели... Над очагом томилась задняя часть козлиной туши и ее запах был куда сильнее хвойного аромата. К встрече семейства все было готово.

Сначала приплелась Старость. Охотник услышал медленную конскую поступь, тяжелые вздохи кобылы и кряхтенье отца.

Затем прилетела Молодость: дробные удары копыт, шумное дыханье, сменившееся игривым ржанием и веселый голос сына...

За ужином старый Кидрей, пережевывая козлятину крепкими еще зубами, говорил:

— Месяц хшум подходит к концу. Весна! Весна. Семидесятый раз я встречаю ее, а сердце радуется будто впервые.

— Морозы могут еще вернуться, — заметил Сатрак.

— Ну нет! Вчера ночью я слышал в звездном небе голос Каршипты! Она летела в окружении несметных гогочущих стай на север. А на желтой скале орел-Саена уже свил гнездо. Завтра мы спустимся в Царскую долину... Этот Ноуруз станет особенным для нас... Женить будем внука. Пришло время позаботиться и о будущих правнуках.

Сатрак кивнул согласно. Зато Мавак чуть не подавился. Он умоляюще взглянул на деда и опустил голову.

— Не горюй, внучек, — сказал Кидрей. — Понимаю, жаль расставаться с верным товарищем, благородным скакуном. Да что делать! Иного пути я не вижу добыть тебе

жену. И не забывай, что мы растили быстрого Рахша как выкуп за невесту.

— Не надо жены! Пусть лучше останется конь, — робко сказал Мавак.

Сатрак подал голос в поддержку сына:

— И вправду, отец! Мавак вырос вместе с Рахшем. Стоит ли менять коня на жену?

Дед Кидрей сердито взглянул на охотника.

— После себя на этой земле человек оставляет две вещи: доброе имя и славное потомство. Имя создается делами, а потомство дарит жена. В этом — главное предназначение смертных. Так постановили боги и не нам отменять извечные законы небес.

— Жена — сначала радость, потом — несчастье, — пробормотал Сатрак. — Жены умирают...

— Все, имеющее начало, имеет и конец. Разве не оставила тебе моя невестка такого сына — молодца? И вспомни, как говорит наш народ: «Жена — несчастье, но не лишай, о Небо, никакой очаг этого несчастья...» Пусть же и внук изведает Большую любовь — частицу небесного огня Митры...

— Большая любовь — большое горе. Память сердца горька...

— Но еще горше иметь сердце без памяти...

Дед и отец долго спорили и толковали у тлеющего очага. И даже когда оба улеглись и заснули, юный Мавак все никак не мог сомкнуть глаз. Он думал о Каршипте. Волшебная утка-гусь, живущая в небе, на земле и в воде, она объединяет все три сферы мироздания. Она — вестница богов, она несет на своих крыльях весну. Старики еще говорят, что на Каршипте, словно на крылатом коне, летит сама богиня земли и воды, вечно юная и прекрасная Аргимпаса...

Завтра впервые в жизни он спустится в Царскую долину на великий праздник! И там же должен отыскать свою будущую судьбу. В обмен на коня...

Конь! Мавак приподнялся с ложа, прислушался к дыханию спящих и выскользнул за дверь.

В теплом стойле Рахш встретил его приглушенным ржанием и ласковым прикосновением бархатистых губ.

Обняв за шею верного друга, Мавак зашептал:

— Старики говорят: каждая девушка — немножко Аргимпаса... Но если приходится отдавать тебя, мой верный Рахш, то я заранее ненавижу свою будущую невесту...

Праздник Ноуруз

На следующий день к вечеру дед, сын и внук добрались в Роксанаку — ставку правителя заречных саков. Это было довольно крупное поселение, состоявшее из множества глинобитных домов, домиков, а то и просто землянок. Население в нем было полуоседлым, делило свои труды между земледелием и отгонным скотоводством. В дни торжеств в столицу стекалась масса общинников из ближайших долин и предгорий. Сюда же купцы из Ферганы и Согда привозили изделия городских мастеров и другие товары в обмен на кожи, шерсть, рога маралов, пушнину. В такие дни Роксанака шумела, была похожа на торговый процветающий город. Вот и сейчас, хотя наступили сумерки, путников встретил приглушенный шум, словно от далекого водопада.

На ночлег попросились в ближайшей землянке. И хотя Мавак был крайне взволнован ожиданием завтрашних торжеств, после долгого пути заснул как убитый.

Не успел он, как ему показалось, смежить веки, а уж дед тряс его за плечо:

— Вставай, пора!

Когда они вышли во двор, была еще ночь. Звезды полыхали по всему небосводу. Пронзительный ветерок с гор согнал остатки сна и Мавак заметил движущиеся тени. Отовсюду слышался шум голосов, приглушенные шаги сотен ног. Люди куда-то шли в торжественной звездной мгле. Трое влились в общий поток, а на вопрос Мавака, куда они идут, дед Кидрей только сердито зашипел.

Шли долго. Небо начало постепенно светлеть, мелкие звезды — гаснуть. Поднялись на холм. Далеко по ходу вспыхнул огонь и красноватые блики заиграли на остроко-
нечных шапках стоящих впереди. Потянуло дымком и паленым мясом — там, видимо, приносили первую жертву. Зазвучал торжественный хор — моление жрецов. Далеко вокруг разносились четкие слова:

— О, Свет Рассвета! О, Митра Умиротворяющий! Владеющий обширными пастбищами! Дружественный к людям! Дарующий сыновей! Заставляющий растения произрастать! Тебя мы приветствуем и почитаем!..

И многотысячная толпа рокочущим эхом повторила слова Первой молитвы.

Старый Кидрей, вытирая глаза рукавом, тихо говорил внуку:

— Вот он, праздник саков!.. Когда я в горах поднимаю свой одинокий вопль, разве легко небесам услышать меня среди шума, доносящегося с земли? Но когда звучит глас народа, все мелкое и ничтожное исчезает.

И добрые боги внемлют молению нашему в трепете восторга... Лишь злой Анхра-Майню у себя в преисподней скрежещет зубами да рвет волосы...

На востоке, над темной кромкой гор, проступила алая полоса. Толпа опять пришла в движение, потекла с холма бесконечным потоком. Кидрей объяснил на этот раз внуку, что торжественное шествие закончится на берегу священной сакской реки Апо, где высится скала с изображением

волшебного скакуна Пашкуча, а под ней — главный жертвенник Урмаузду...

(Читателю поясним: действие происходило в долине Кетмень-Тюбе при слиянии трех горных рек — Нарына, Чичкан и Узун-Акмат, воды которых и породили священную реку Апо, известную в сочинениях древних под названием Яксарт (р. Сырдарья). Сама долина считалась священной, так как здесь были родовые усыпальницы кочевых вождей, а следовательно и их ставки, здесь высилась священная гора Кетмень-Тюбе, здесь были почитаемые камни с изображением волшебного скакуна Пашкуча, волшебного горного архара, здесь находился главный жертвенник Урмаузду. Многие из этих памятников были изучены киргизскими археологами. Они многое поведали о жизни, обычаях, верованиях саков прежде, чем их поглотили волны рукотворного Токтогульского моря...).

Рассвет неудержимо хлынул в долину. Тьма отступила в дальние ущелья и острые глаза Мавака отсюда, с холма, увидели всю грандиозную процессию. Далеко впереди белели фигурки жрецов-зотаров во главе с главным жрецом — кави («Запевалой»), Его можно было отличить по особо высокому колпаку — в половину человеческого роста.

За белой шеренгой жрецов двигались стройные ряды людей, одетых в красное. То были самые знатные люди страны и среди них верховный вождь Липохшайя (Владыка горы). Его тоже можно было легко узнать по особенному шлему — остроконечному конусу с золотыми копьейцами вокруг тульи и фигуркой золотого петуха на макушке.

Ну, а за кроваво-красной линией текла несметная синежелтая река: по древнему закону простые скотоводы-пастухи «вайштрья фшуянт» носили одежду, синюю с желтым...

...Когда толпа расположилась полукольцом у подножия скалы, главный жрец-кави поднял руку. Гомон стих. Огромное поле за несколько минут как будто вымерло. Маваку, стоявшему на склоне, все было хорошо видно.

Он с изумлением глядел на Священную скалу, где был изображен гигантский Пашкуч, орлиноголовый коневидный грифон с рогом на голове и золотистыми крыльями. Скакун богов посматривал на скопище верующих темным огромным глазом величиной с колесо...

Мермер-говорун, оказавшийся рядом, толкнул юношу в бок:

— Гляди, гляди, сейчас будет чудо!..

В то же мгновенье из-за дальней седловины показалось красное полукружие. На скале проступили розовые блики. Темный глаз Пашкуча вдруг ожил, засверкал кровавым огнем... Громко заревели трубы — и стихли. И тогда раздался ликующий хор жрецов, приветствовавших появление светила. Им бурно вторила толпа.

И вот ослепительный диск целиком вышел из-за горы и повис над далекой седловиной. Опять заревели трубы, а затем в наступившем безмолвии жрец-запевала возгласил хвалу царю богов и людей, олицетворению Добра и Справедливости:

— О ты, кто создал для нас источник благосостояния — скот мычащий, фыркающий, блеющий, дающий молоко! Тот, что взрастил для скота обширные пастбища! Озаряющий мир, прогоняющий мрак, Праведный, Мудрый! Ты, давший нам обильную пастьбой прекрасную жизнь, разъезжающий на колеснице, великий Урмаузд! Прими молитвы и жертвы от народа саков, как принимаешь ты их от всех, почитающих тебя!

И многотысячная толпа в экстазе повторяла давно знакомые слова, каждый раз с неизменным восторгом. Плакал от умиления старый Кидрей, громко вопил Мермер-говорун, Юный Мавак, оглушенный и потрясенный, самозабвенно пел слова гимна...

Вспыхнул огонь в прямоугольном жертвеннике племени, который со всех четырех сторон охраняли бронзовые фигуры грозных пантер. К нему с благоговением подступили

жрецы с пучками священной соломы «барсом». Затрещали кучи дров под семью котлами. Послышалось жалобное ржание. Начался торжественный обряд «ашвамедхи» — жертвоприношение коней, посвященный солнечному божеству.

И опять раздался голос запевалы:

— Урмаузд-Солнце, Сияющее, Бессмертное, обладающее быстрыми конями! Прими этих скакунов, смелых, как орлы, и быстрых, как твои лучи! Эти великолепные кони — красноватые птицы, да повезут твою колесницу по небосводу!¹..

— Прими! Прими! — эхом отозвалось поле.

Раскаленное марево дрожало над жертвенником и в струях горячего воздуха двигалась, изгибалась фантастическая фигура Пашкуча — он казался живым, готовым взлететь со скалы в поднебесье, на блаженные пастбища царя загробного мира Йимы...

Лишь один человек в этой многотысячной толпе не возносил хвалу богам. Охотник Сатрак давно уже не делал этого — с тех самых пор, как умерла жена. За что словословить богов? Ни Митра, ни Аргимпаса, ни бесчисленные небесные духи-ахуры, ни даже сам Урмаузд — никто не помешал злему Анхра-Майнью сделать свое черное дело. Не придется им больше нюхать жертвенный дым от закланых охотником животных: каковы дела, такова и плата за них!

Жрецы тем временем гадали на проросших зернах и предсказывали будущий урожай. Обряды закончились проведением первой борозды: пахарем выступил сам Липохшайя. Этот земледельческий обычай пришел к сакам от их оседлых соседей.

По всему полю задымили сотни костров. В громадных бронзовых котлах на конических подставках закипела вода и потянуло мясным отваром — лучшим из всех ароматов для голодного. То варилось мясо жертвенных коней, быков,

¹ Переложено (Ригведа. 1.118.45).

молодых барашков и козлят для всенародного праздничного пира. Женщины хлопотали у котлов, снимая вскипавшую пену.

Много было гостей на этом празднике! Но везде повторяли только одно имя: Спитамен. Да, да, сам высокородный правитель Согдианы¹ явился встретить Ноуруз к своим кочевым соседям — в знак особого уважения. Сакские мужи, умудренные жизнью, покачивая остроконечными шапками-башлыками, говорили:

— Неспроста это! Видно, гордый владетель Согда чего-то хочет от нас...

— Говорят, он привез нашему царю богатейшие дары...

— А с ним еще четверо мужей, одетых в драгоценные согдийские и бактрийские одежды. Тоже, надо полагать, знатные вожди...

Многие уже знали в лицо Спитамена и сопровождавших его молодых вельмож.

— Согдиаты и бактрийцы² сидят теперь с нашим царем, — передавали очевидцы, — верно, ищут союзников...

Люди не знали, что вчера вечером, в канун праздника, у царя собрались знатные вожди, Спитамен и сопровождавшие его вельможи. И речь там шла именно об этом.

— Мы все должны подняться на врага! — говорил Спитамен. — Помните о клятве, которую дали ваши предки царям царей!

Липохшайя мягко возразил:

— Но ведь Дараявауш убит, а он был последним в роду сыновей Виштаспы. Кому же мы должны помогать?

— Соседям, с которыми вас связывают вековые узы дружбы! Себе, наконец! Ибо повелитель Запада придет и в ваши земли. Не лучше ли встретить его сообща?

¹ Согдиана (Согд) — страна в бассейне р. Зеравшан.

² Бактрия — страна, занимавшая территорию современных Южного Таджикистана и северо-восточного Афганистана.

— Я слышал, что Дараявауша убили свои же люди, а на трон сел бактрыйский правитель Бесс. Достоверно ли это? — спросил один из вождей.

— Да, да, — поддержали другие вожди. — Мы тоже слышали об этом черном предательстве...

Спитамен опустил голову и не отвечал. Краска залила его лицо и шею. Все ждали. Наконец, он поднял глаза:

— Это правда, братья...

Вожди некоторое время молчали, потом разом заговорили:

— И ты зовешь нас, саков-туров, служить узурпатору-цареубийце?

— Никогда еще сак не запятнал себя дружбой с клятвопреступником!

— Да раньше конь-солнце взойдет на западе!

— Воистину мир покроется тьмой от таких дел!

Царь резко поднял жезл и возмущенные умолкли. Липохшайя дружески, но твердо сказал от имени всех:

— Благородный Спитамен! Мы уважаем в твоём лице храбрых витязей Согдианы и весь твой народ, но подлому нарушителю клятв Бессу мы помогать не будем! Это последнее слово.

Вожди дружно поддержали своего главу.

Спитамен был бледен. Черные глаза его сверкали.

— Братья, позвольте молвить! Когда шум утих, Спитамен сказал:

— Да, это правда, что Бесс и его друзья-шакалы убили законного царя. Это правда, что убийца занял трон. Это правда, что Бесс — негодяй и подлый клятвопреступник! Придет день и он получит свое. Но разве я зову вас служить Бессу? Я призываю к объединению всех наших сил, чтобы дать отпор чужеземцам! Вы еще не знаете царя Искандара: он задался целью покорить весь мир и дойти до последних земных пределов! Если погибнем

мы, вы останетесь со всеми силами Запада один на один. Подумайте об этом!

— Неужто Искандар и его воины-дэвы так сильны, как об этом болтают? — спросил Картазис.

— Кто с ними сражался и остался жив, те утверждают это. Например, я. Остальным уже не до болтовни — они умолкли навеки.

Молодой вождь, сопровождавший Спитамена, попросил слова:

— Я — Мокридат из Парфии¹. И давно знаю людей Запада. Мне было восемнадцать лет, когда на великом поле у Гавгамел мы сразились с армией царя Искандара. У моего отца были обширные угодья. Но железнобокие убили отца, а угодья достались Фратаферну, перешедшему к Искандару на службу. В память о той битве у меня остался шрам на носу. Но я еще посчитаюсь с царем Искандером!

Встал другой — длинноволосый, высокий — на полголовы выше любого из вождей.

— Я — Плоксис из Арианы². Землю мою захватили пришельцы. Я тоже ушел из-под Гавгамел с раной в боку и говорю вам: их надо остановить!

И встал третий, широкоплечий богатырь:

— Я — Хориен, сын владельца горной крепости в Бактрии. Враги еще не проникли в горы, но цветущие долины моей родины осыпал пепел пожариц. Там, где слышался девичий смех, теперь раздаются стоны и вопли избиваемых...

И четвертый — быстроглазый, с шапкой курчавых волос на голове — сказал:

— Я — Ратомен, согдиат, ваш сосед. Наша земля, как и ваша, еще свободна. Так неужели мы станем ждать, пока царь Искандер уничтожит нас поодиночке?

¹ Парфия — область на юге современной Туркмении.

² Ариана — область на территории современного северо-западного Афганистана.

Я – Мокридат из Парфии. И давно знаю
людей Запада

Долго совещались вожди. И, наконец, решили отложить это дело до народного собрания — на седьмой день великого праздника Ноуруза.

...Большинство людей ждали состязаний: скачек и стрельбы из лука. На скачки допускались не все: два десятка старцев осматривали коней и решали, достоин ли скакун выйти на рубеж для самых быстроногих. Огромная толпа зевак, где каждый считал себя знатоком, стояла вокруг и бросала реплики.

Мавак со своим Рахшем занял очередь и поглядывал вокруг с любопытством и некоторым испугом. Отец где-то отстал — встретил воинов-друзей, проделавших с ним вместе поход до Гавгамел и обратно. Зато дед Кидрей, как дух-хранитель, стоял рядом и горделиво щурился: настал его «звездный час».

Действительно, полюбоваться на тонконового красавца — Рахша сбежалась добрая сотня зрителей. Даже бывалые наездники, немало повидавшие на веку, восхищенно цокали языками и переговаривались:

— На таком коне впору ездить самому Митре...

— И уж никак не меньше, чем царю...

Сзади послышался громкий повелительный голос:

— Эй, Доставляющие корм скоту! Пропустите-ка Рожденного в потомстве¹!

Люди стали переговариваться:

— Это Спаргатиф, вождь левобережных саков с Большой равнины²...

— Опять этот толстяк чванится...

— Самый спесивый человек в стране...

Тот, о ком говорили, высокий дородный мужчина, убедившись, что окрики мало действуют, соскочил с чалой

¹ «Доставляющие корм скоту» («вайштръя фшуянт») — простые общинники, Рожденные в потомстве — так называлась знать у саков.

² Большая равнина — Фергана.

лошади и начал рассекать толпу своим могучим животом. Когда он вблизи увидел Рахша, глаза его округлились, рот — тоже. Он обошел вокруг жеребца (тот косил на него взглядом), бесцеремонно оттолкнул Мавака, схватил за повод... Конь внезапно повернулся и вскинул зад... Но тучный князь, спасаясь от копыт, сделал большой прыжок в сторону и резко дернул за крепкий ремень.

Кто-то сказал потрясенно:

— Уй-ии!.. На вид корова, а прыгает как барс... Вождь железной рукой пригнул голову коня к самой земле... Тот заржал от испуга и ярости...

Вмешался старый Кидрей...

— Эй, Рожденный в потомстве! Разве так обращаются с благородным скакуном? Да еще с чужим? Дай-ка сюда чумбур!

Спаргатиф ответил, сопя:

— Теперь он будет мой! Я даю за него два раза по девять жеребцов и столько же кобылиц.

— Не нужны мне твои жеребцы и кобылицы...

— Ну, так получишь золота половину твоей шапки. Конь будет моим!

— Этот конь не продажный, — отвечал старый Кидрей. — Нет такого золота, которым можно было бы оплатить его быстрый бег, гордую стать, верность хозяину. Да это и не удивительно! Ведь он рожден нашей старой хромой кобылой от Небесного жеребца, пасущегося на вершине Высокой Хаары... Коня самого Митры... Мой Рахш потеет кровью...

— Врешь ты, старик! Разве Небесный жеребец польстится на старую, хромую кобылу? И, верно, такую же костистую, как ты?

— Не всегда она была старой, хромой и костистой. Правда, и лишнего жира, как у тебя, на ней отроду не было...

— Эй, потомок пастухов, не спорь со мной, сыном, внуком и правнуком вождей! — злобно сказал князь левобережных саков.

— Эй, надменный лицом и горделивый речами! Вас, внуков и правнуков вождей — целая дюжина дюжин и еще дюжина! А нас, потомков Укротителя Скакунов — только трое. В горах много камней, но бирюза попадается редко — тем дороже она ценится! Разве твоему предку все наши предки обязаны спасением от длани хорзарского царя Дараявауша Старого? Нет! Это сделал Ширак, прадед моего прадеда! Чем же ты гордишься, человек, похожий на корову, но увертывающий от конского копыта, как барс?

Толпа настороженно молчала, но чувствовалось: она целиком на стороне белобородого Кидрея. Спесь и чванство Спаргатифа были известны всем.

Кое-где шепотом спрашивали друг у друга:

— О каком Шираке говорит старик?

— И каким образом этот Ширак спас наших предков?

Состязание

Наконец придирчивые старцы закончили отбор скакунов. Около двухсот всадников выстроились вдоль длинной ровной борозды, начинавшейся от царского трона. Отсюда будут начаты скачки. Царь и окружающие его знатные вожди любовались необыкновенной красотой коней и выправкой наездников. Сидевший рядом с царем мужчина в богатой согдийской одежде, с красивым бледным лицом сказал:

— Такими всадниками гордился бы и сам персидский владыка.

— Ты прав, Спитамен, — отвечал царь важно. — Я тоже горжусь ими.

Хороши были сакские молодцы! У каждого — тугой лук и колчан, полный стрел: ведь скачки совмещались со стрельбой в цель.

Среди участников состязаний оказалось не менее трех десятков девушек, что вызвало изумление у чужеземцев, сопровождавших Спитамена.

— Таков обычай этого народа, — объяснил правитель Согда. — У них мужчины и женщины во всем равны. Самой могущественной властительницей у саков была царица Зарина. Говорят (сам я не видел), на ее могиле в глубине сакских земель насыпана огромная земляная пирамида, увенчанная статуей царицы из чистого золота! И во-он, видите, в центре женской группы на золотистом коне девушку в красной одежде! Она — царская дочь и носит то же самое имя.

В это время верховный вождь поднял жезл. Резко взвизгнула боевая труба. Вся масса всадников сорвалась с места. Восемьсот копыт ударили в землю одновременно.

Скачки начались!

Вокруг всего огромного поля заранее проложили кайму — широкую полосу, ограниченную каменными столбиками и глубокой канавой. По этой кайме и предстояло мчаться соревнующимся.

Семь кругов должны были сделать они — по числу планет, обходивших небосвод. Внутри круга поле было заполнено зрителями, а вне его, по левую руку, повсюду расставлены неподвижные мишени в виде деревянных, грубо сколоченных изображений зверей. Кроме того, время от времени появлялись и движущиеся мишени: встречные всадники, закованные в броню от лошадиных нагрудников до макушки, несли на высоких шестах чучела различных птиц с распластанными крыльями. И еще одна неожиданность подстерегала соревнующихся: с пологих холмов жрецы-служители пускали колеса, несшиеся с бешеной скоростью. Требовалось попасть в ось на всем скаку.

Первый круг бойцы завершили плотной массой — никто не отстал, не вырвался вперед — берегли лошадей. Глухой шум зрителей переходил в рев по мере удаления или приближения всадников.

Позади второй круг. Несколько человек выбыло: у кого лопнула подпруга, у кого споткнулся конь... И так

на каждом круге. Потом десятка полтора самых ловких вырвалось вперед. Среди них — три женщины. Зрители в неистовом азарте вопили и кричали, когда взмыленные лошади пронеслись мимо, как Ураган.

Когда вышли на седьмой круг, далеко впереди остальных мчались уже только двое. Возбуждение толпы нарастало. Переговаривались:

— Царевна впереди всех!

— А кто рядом с ней?

— Какой-то безродный горец...

— Врешь! Это сын Сатрака и внук Кидрея из урочища Цветов.

— А хороши кони! Словно птицы...

— У царевны лучше. Готов прозакладывать свою голову, она придет первой.

— Нет, у горца лучше. Гляди, вырвался вперед на локоть!

— А вот теперь царевна!..

— Не спорьте, они идут вровень...

Многие всадники, начали сходить с дистанции: все равно тех двоих не догнать. Однако большинство продолжали мчаться вперед: ведь неизвестно, кто окажется лучшим стрелком из лука! И тогда богатую награду можно будет поделить между самым быстрым и самым метким.

Между тем азарт зрителей достиг предела. Сам Владыка горы привстал от волнения с трона. Вот она, его дочь, единственная опора старости! И какой-то юноша (досада!) скачет бок обок. Хоть бы чуть-чуть отстал, невежа!..

Брат его Картазис, более пылкий и несдержанный, приплясывал и восклицал громогласно:

— Великий Урмаузд! Вератрагна! Помогите племяннице! Обещаю пожертвовать черного быка с белой отметиной на лбу, если конь этого нахала споткнется!

А в гуще толпы Мермер-говорун, приподнявшись на цыпочки и вытянув шею, тоже молился, но совсем тихо, шепотом:

— Добрый Митра! Пусть мой сосед Мавак одержит победу! Обещаю отдать тебе всю праздничную еду, которой, может быть, угостят меня сегодня!..

Всадники приближались... По-прежнему двое... Остальные далеко позади... С царского места уже видны конские морды и летящая с губ пена... Кажется, слышен даже храп коней и еканье селезенок...

Финишную черту царевна и молодой горец преодолели одновременно. И остановили скакунов в нескольких шагах от судилища старейшин. Кони тяжело водили боками. Толпа восторженно кричала. Царевна в сердцах бросила юноше:

— И откуда ты взялся такой?

— С гор, — Мавак широко улыбался.

— Лучше бы тебя забодали горные козлы! Ты вырвал у меня победу!

— Мы оба победили. Чего ты сердишься?

— Не радуйся! — оборвала царевна. — Лучшим стрелком тебя не признает никто!

— Посмотрим...

Победителей окружила ликующая толпа.

А чуть в стороне князь левобережных саков Спаргатиф во всеуслышание хаял Мавака:

— Хотя бы он и вместе с царевной — что из того? Заслуга принадлежит не ему, а коню. Недомерок, недоросток. Я упрячу его в переметную суму — за три дня не отыщешь! Конечно, скакуну легко нести такого — все равно, есть всадник или нет.

Слушатели, в зависимости от симпатий, соответственно отзывались. Одни поддакивали:

— Это верно. Внука старого Кидрея можно разглядеть, если только хорошо протрешь глаза... Таких маваков сорок сороков в одной твоей тени поместятся...

Другие возражали:

Этo Мавак – сын Сатрака и внук Кидрея
из урочища Цветов

— Мал, да удал! Всадник как раз по коню. Смотреть на них — сердце петь начинает. А Спаргатиф верхом как выглядит? Все равно что могильный курган на спине благородного скакуна... И людям смех, и богам досада...

Скоро привезли мишени. Каждую сопровождали бдительные стражи и толпы добровольцев, следившие, чтобы не было никакого жульничества. Фигуры животных походили на дикобразов — так густо утыкали их стрелы.

Но еще больше стрел вылетело впустую — их тщательно подобрали и тоже принесли.

У каждого соревнующегося стрелы были помечены особым знаком. Поэтому владельцы легко определялись.

— Кому принадлежат стрелы, окрашенные в зеленый цвет?

— Маваку! Маваку! Я — свидетель! — кричал из толпы Мермер.

Из двадцати стрел, положенных каждому участнику, все двадцать зеленых попали в цель. И как! Раны, нанесенные ими, оказались бы смертельными, будь деревянные истуканы живыми. И в осях каждого из семи пущенных колес торчало по зеленой стреле!

Больше ни у одного из состязавшихся не было таких попаданий. Царевна Зарина кусала с досады губы. Ее Дядя Картазис был чернее тучи. Верховный жрец-кави поднялся и сказал:

— По древнему обычаю наших отцов, победитель в двойных состязаниях получает царскую власть и право повелевать народом саков на один день! Эй, люди! Отведите его в царский дом и обрядите в достойные его сана одежды!¹

¹ Отголосок этого обычая сохранялся в Средней Азии вплоть до XIX века. «На новогоднем торжестве по древней традиции устраивались стрелковые игры, и лучший из лучников на один день получал право повелевать согражданами» (Е. Е. Кузьмина. В стране Кавата и Афрасиаба. — М: Наука, 1977. С. 94).

...Когда Мавак появился вновь, толпа ахнула: каков молодец! На нем была куртка из красной материи со множеством нашитых золотых блях; шаровары с кантом из золотой тесьмы. На ногах — мягкие кожаные сапожки, голенища которых опять-таки были обшиты золотыми треугольными бляхами. На голове островерхий колпак более локтя высотой: на нем украшения из золота и самоцветов. Все это сооружение при каждом движении головы вспыхивало, играло светом, искрилось. На поясе, сплошь усыпанным фигурками золотых оленей, висел в золотых ножнах железный акинак. В одной руке была плетка, в другой — золотая стрела, доставшаяся, как гласит легенда, от первоцаря Йимы (Иимы).

Мавака подвели к трону. Липохшайя, сидевший справа в одежде пастуха, благосклонно кивнул ему, а жрец-кави громко сказал:

— Отныне ты повелеваешь народом саков до первой звезды.

Взволнованный юноша увидел море лиц, восторженных глаз... Все это начало рябить, качаться, расплываться... Слишком много потрясений за один день. Кави догадался и возвестил:

— Молодой царь желает немного отдохнуть!

Обычай «царя на один день» особенно удивил Плоксиса и Мокридата.

Плоксис из Арианы сказал:

— Еще совсем ребенком я был с отцом в Вавилоне, на празднике бога Мардука. Тамошние жрецы-халды тоже выбирали «царя на один день», давали ему скипетр и корону. Но кончился праздник — и этого царя (а был он из храмовых рабов) — забили насмерть палками, а труп вывесили на дереве. Я до сих пор помню крики несчастного. Отец мне объяснил тогда, что этот временный «царь» принимает на себя грехи народа и зависть духов тьмы, освобождая настоящего царя от их злобного внимания.

³ Том XIII. В. М. Плоксис

— Жаль, если этого паренька ожидает подобная участь, — посочувствовал Мокридат-парфянин...

— Расправа ему не угрожает, — отвечал Спитамен. — Наши соседи не столь кровожадны, как обитатели Вавилона. Юноша с появлением первой звезды опять станет простым скотоводом. Однако уважение соплеменников сохранит на всю жизнь — именно за то, что, хоть один день, да был царем. Вот почему сакская молодежь так усиленно готовится к новогодним играм. Что же касается причины этого обычая, то жрецы здесь думают так же, как и на Евфрате: пусть-ка демоны преисподней, которые сейчас со скрежетом зубовным наблюдают за торжеством Урмаузда, будут введены в заблуждение и целый год преследуют мнимого, а не настоящего царя,

Между тем торжество продолжалось. По всему огромному полю запестрели скатерти, расстеленные прямо на весенней травке. Согдийцы и саки называли их «суфра». Кроме вареного и жареного на вертеле мяса угощались круглыми лепешками — символом солнца, крашеными яйцами и яичницей, ибо яйцо считалось началом всего. Кислого и свежего молока было вдосталь. Кумыс заменял скотоводам вино, которым любили баловаться персы. Кумыс должен быть пенистым, шипучим. Его постоянно взбалтывали в громадных деревянных чанах слепцы-рабы. Саки ослепляли пленных, чтобы те не могли и думать о побеге. Детвора лакомилась сушеными виноградом и фруктами, привезенными из Согдианы. Повсюду звучали праздничные трубы, бубны и струнные инструменты, напоминавшие чанг. Огромная толпа разбилась на множество живописных групп. В одном месте шли в плавном танце девушки, в другом лихо отплясывали парни, в третьем женщины и мужчины водили хоровод. Перед царским тронном богатыри боролись друг с другом. Наградой победителю служило серебряное блюдо с мясом молочного жеребенка — из Царских рук. К удивлению и восторгу

присутствовавших, на площадку вышел один из сопровождавших Спитамена. Звался он Хориен-бактриец. Зрители делились впечатлениями:

— Смотрите-ка! Такой знатный человек, а не гнушается бороться с простыми скотоводами.

— Говорят, и Спитамен тоже не чванлив.

— А парень, видать, крепкий. Вон какие плечи.

— И шея бычья...

— Такой и коня поднимет.

— Посмотрим, устоит ли он против наших молодцов Рутака и Скунхи...

Бактриец тем временем шутя, одного за другим, валил сакских богатырей.

Теперь зрители начали ворчать:

— Гляди-ка, разошелся...

— Воистину бык...

— Неужто перевелись силачи на древней земле туров и мы уступим награду бактрийцу?

— Эй, пасущие скот! Посторонитесь! Дорогу! — через толпу шел Спаргатиф. Он успел заменить роскошный наряд на обычную одежду борцов — узкие штаны и куртку-безрукавку. Мышцы его вздувались буграми, огромный живот выпирал тыквой. Люди расступались перед ним на этот раз охотно.

— Этот наверняка одолеет бактрийца.

— Куда гостю против такого слона!

— Настоящий человек-гора...

Спаргатиф вошел в круг и сказал:

— Ты уж не сердись, благородный Хориен, если я поставлю тебя целовать нашу землю. Я думаю, от этого наша дружба не разрушится.

— Я тоже так думаю, — отвечал бактриец. — Но зачем разговоры? Становись.

Бойцы охватили друг друга за плечи, уперлись лбами и стали кружить, готовясь к броску.

И Спаргати́ф сделал этот бросок. Он резко дернул всем корпусом влево и рванул бактрийца на себя. По всем законам Хориен должен был перелететь через противника и грохнуться оземь. Но получилось наоборот. Никто даже не понял, как это произошло, об этом было впоследствии много споров. Так или иначе, огромная туша зареченского князя взмыла вверх, сапоги птицами прочертили дугу. Глухой удар, казалось, потряс землю. Спаргати́ф лежал, вытаращив глаза и хватая ртом воздух...

Награду победителю вручил Мавак-царь. Хориен принял блюдо, поклонился и сказал без тени насмешки, так, как и положено обращаться к царю:

— О, глава мужей, сияющий, делающий добро, чистый помыслами, любимый богами! Это блюдо я принимаю как свидетельство дружбы народов Турана и Бактрии!

Спаргати́фа увели под руки приспешники. Еле переставляя ватные ноги, князь заречных саков бубнил:

— Я сам поддался... Из уважения к гостю... Блюдо я бы все равно не принял. Мне ли, потомуку вождей в двенадцатом колене — да кланяться в пояс «царю-однодневке»?

И другие спутники правителя Согда отличились на сегодняшних играх. Мокридат удивительно метко бросал камни пращей. Ратомен показал необычное умение взбираться по отвесной скале Пашкуча. А Плоксис на своем жеребце с невероятно длинными ногами преодолевал препятствия чуть ли не в человеческий рост. Саки только диву давались.

Липохшайя, в простой синей одежде пастуха сидевший неподалеку от собственного трона, заметил согдийскому правителю:

— Лихие молодцы! Это еще раз доказывает ту истину, что у всякого народа есть свои богатыри.

— Это действительно так, — отвечал Спитамен. — Все четверо — бойцы хоть куда. Потому-то они уцелели — немногие из многих, сражавшихся с царем Запада.

— Когда царь Запада сразится с нами, саками, он поймет, что не перевелись еще могучие бойцы на земле нашей! — кичливо воскликнул Картазис.

Спитамен хотел было сказать: «Он уже сталкивался с вами у Гавгамел», однако сказал совсем другое:

— Именно этого и ждут от вас люди Согда и Бактрии...

Гадание

Сатрак в кругу сверстников-ветеранов, закаленных в битвах и умудренных опытом, равнодушно смотрел на победное торжество Хориена. Уж он-то знал, что на силу всегда найдется сила. Но когда бактриец грохнул оземь — последнюю надежду саков — Спаргатифа, охотник стал быстро развязывать пояс и снимать кафтан. Друзья, посмеиваясь, удерживали его от неразумного порыва.

— Эй, Сатрак, стрела уже поразила цель, а ты все еще натягиваешь лук.

— Опоздал, брат. Твой сын уже вручает награду бактрийцу.

В это время кто-то ткнул его в спину посохом. Оглянулся — Кидрей.

— О, высокородный отец царя Мавака, Сатрак, — насмешливо пропел старик. — Всех прославленных борцов ты повергнешь в прах после, а сейчас ступай со мной. Есть дело.

Сатрак поспешно последовал за отцом, направившим свою кобылу к скале Пашкуча.

— А дело такое, — продолжал Кидрей, — что нам не обойтись без совета с богами.

— Зачем нам их совет?

— А затем, что теперь только боги могут назвать будущую жену царя Мавака. Разве ты забыл, сколько дней и ночей трудились гадалышки, пока боги не указали на мать Зарины, жену царя Липохшайя?

— Совсем из ума выжил, — пробормотал Сатрак. — Сравнил утес с кротовой кучей. Какой из Мавака царь?

— Что, что? Говори громче!

— Я говорю, что ты прав, отец, нужно узнать волю богов.

— То-то и оно... Если милостивый Урмаузд послал внуку с Рахшем царственную победу, то не может быть такого, чтобы светлая Аргимпаса, вечно девственная мать всех животных и растений, покровительница плодородия и браков, захотела бы их разлучить. Не станет богиня вредить Урмаузду. Она еще в своем уме.

— И то верно, — приободрился Сатрак, положив руку на холку кобылы и проворнее зашагав рядом.

«Умен старик, — думал он. — И боги знают, что нельзя чрезмерно затягивать подпругу — может лопнуть. Достаточно того, что отняли мою жену. Сейчас самое время Урмаузду загладить вину перед нашим родом и помочь сыну. С другой стороны, связываться с гадалщиками опасно. Очень опасно. Нельзя дергать тигра за усы».

...Сатрак был близок к истине. Немилости гадалщиков опасались все саки, но не все ее избегали. И Дающие корм скоту и Рожденные в потомстве опасались обидеть даже пса гадалщика. Судите сами. Стоило только царю прихворнуть (или, затаив злобу на кого-либо, притвориться, что прихворнул), к нему тотчас призывали трех главных гадалщиков. Те приносили с собой большие связки ивовых прутьев и начинали быстро раскладывать, а затем собирать их в пучки... Так они проникали в неведомое, и тайное быстро становилось явным. Гадалщики называли имя кого-либо из саков, который будто бы ложно поклялся божествами царского очага, что, как известно, сразу отражалось на здоровье царя. Беднягу немедленно хватили и учиняли допрос. Если он упорно отрицал клятвопреступление, то призывали шесть новых «лекарей», которые, как правило, подтверждали диагноз своих

собратьев. Обвиняемому тут же отрубили голову, а прорицатели делили между собой его имущество.

Но бывало и так, что вторые гадалщики оправдывали обвиняемого. И ворон ворона клюет, да не в глаз, а прямо в сердце. Тогда царь приказывал казнить самих обвинителей. Участь лжепрорицателей была ужасна. Саки нагружали воз с упряжкой быков сухим хворостом, связывали виновных по рукам и ногам, укладывали на воз и поджигали хворост. Быки, обезумев, долго носились по полю под вопли горящих заживо и рев пламени, пока не обгорят и не отвалится оглобля...

...У скалы Пашкуча так и свистели перекладываемые с места на место прутья: гадалщики трудились в поте лица. Их было много, но желающих узнать сокровенное было много больше.

— О, счастливые отцы царя Мавака! Не желаете ли чашу доброго кумыса? — окликнул их кто-то.

Кидрей и Сатрак обернулись на голос и увидели главного гадалщика, сидевшего у ручья на одеяле из лисьих шкур. В руке ферганская глиняная чаша, расписанная рядами красных треугольников. На лице приветливая улыбка. Он был один, если не считать раба. Тот сидел на траве и держал между колен бурдюк. Незрячие глаза его на неподвижном лице были подняты к солнцу.

— Подойди ко мне, Кидрей-питар. Мы же с тобой сверстники. Неужели не помнишь, как много-много лет тому назад в день такого же светлого праздника Ноуруза мы подрались с тобой из-за десятка альчиков? Эх, времечко...

— А здорово тебе тогда досталось, — сказал Кидрей, усаживаясь на шкуры. — Но альчиков ты так и не отдал.

— Может, ты за долгом приехал да и сына прихватил, чтобы взыскать его? — балагурил глава провидцев. — Садись и ты, храбрый Сатрак.

Слепец, не пролив ни капли, до краев наполнил две чаши из коричневого хорошо прокопченного бурдюка с резным костяным наконечником на горле. Гости выпили. Помолчали, соблюдая приличия. Сатрак с интересом рассматривал наконечник бурдюка. На нем рука искусного мастера изобразила рысь, терзающую оленя. Олень был уже в агонии, глаза рыси горели мрачным огнем.

— С чем пожаловал, Кидрей? Сколько я помню, а память моя, хвала Урмаузду, крепка, ни ты, ни твои близкие еще ни разу не прибегали к помощи всезнающих и во все проникающих. Хотя... — круглые желтые глаза уставились в переносицу Кидрея, он весь напрягся, подтянулся, замер, — не спеши с ответом... не спеши... не спеши...

Губы гадалщика плотно сомкнулись и не шевелились, но голос звучал! Звучал ровно, успокаивая, усыпляя. Лицо стало бледным. На лбу выступили крупные капли пота. Глаза горели. «Фу, ты, напасть, — испугался Сатрак, — и впрямь рысь».

— Уф!.. — прорицатель утер пот, обмяк, стал ниже ростом, на скулах опять появился старческий румянец. — Уф!.. Ваше дело совсем легкое. Сейчас я видел всех богов, но только ясная Аргимпаса-дева подала мне знак. Хотите женить Мавака? Так кто же не пойдет за такого молодца?

— Да, но...

— Знаю! Все знаю, Кидрей, Хотите, чтобы я назвал вам племя, род, а там и юрту, в дверь которой нужно постучать?

— Назвать нужно, однако... Рахш...

— Ни слова больше! Эй, раб, подай то, от чего нет тайн.

Слепой отогнул лисий мех, достал из-под него кожаный колчан и подал господину. Тот вытащил из него пучок прутьев, похожих на неошкуренные древки стрел, закрыл глаза и плавными движениями руки рассеял их перед собой. Потом, не открывая глаз, поднял семь, затем еще два раза по семь прутьев, собрал их в горсть в опять бросил

перед собой. Гадальщик медленно открыл глаза и мертвенная белизна тотчас залила его лицо. Он поспешно сгреб прутья, затолкал их в чехол. Огляделся. Опустил голову. Задумался.

— Э... Кидрей, — смущенно пробормотал гадальщик, не поднимая головы, — видишь ли... дело твое оказалось очень трудным... Аргимпаса-дева не захотела открыть мне тайное...

— Если не тебе, то, может быть, твоим подручным откроет, — рассердился Кидрей. Поднимайся, Сатрак! Чего расселся?

— Послушай меня, старик, и делай как скажу, — скрипучий голос и ставшие опять рысьими глаза провидца пригвоздили отца с сыном к месту. — Ни один из всезнающих и все постигающих не возьмется за прутья ивы без моего приказа. Ни один... — Глава гадальщиков долго молчал. В наступившей вдруг тишине стало слышно гудение первых пчел,

— А скажу я тебе, уважаемый сверстник, вот что: иди к энареям. Они ближе к светлой Аргимпаса. Энареи служат только этой богине. Они даже болеют по-женски, — неожиданно улыбнулся провидец и опять стал похож на усталого старца... — И еще скажу, что Аргимпаса, закрыв занавесью тумана имя нужной вам девушки, дала знак, что Рахш останется с Маваком.

— Прими, о мудрейший, наш скромный дар, — сказал Сатрак и достал из-за пазухи бронзовый разомкнутый браслет дивной работы. На концах его были отлиты бодающиеся горные козлы. Сходство с натурой было разительным.

— Оставь себе, храбрый Сатрак, эту ценную вещь. Она тебе вскоре самому пригодится. Ты станешь знатным, очень знатным... А плату за гадание и совет я сам взял с твоего отца еще шестьдесят лет назад, хотя и крепко он побил меня тогда...

Когда прерывистый стук копыт хромой кобылы Кидрея затих вдали, слепой раб наполнил чашу кумысом, протянул ее господину и спросил:

— И, великий! Что за трудности в этом деле? За Долголетнюю службу при тебе я впервые слышу, чтобы боги не открыли тебе тайну,

— И на этот раз их милость ко мне была неизменной. Но боги далеко, а царь рядом. Зачем мне говорить слова, которые могут привести к повозке с хворостом? Пусть их лучше скажет мой старый добрый приятель — глава энареев. — Старец недобро улыбнулся и залпом осушил расписную ферганскую чашу.

Могущественные и влиятельные жрецы богини Аргимпасы — энареи, как правило, всегда жили обособленно. Саки тоже сторонились странных, необщительных безусых и безбородых жрецов, одетых в женское платье. Странно было смотреть, как поверх широких юбок они повязывали боевые пояса с нелепо болтающимися кинжалами. Противно слышать, но поговаривали, что энареи пользуются дорогими привозными белилами и румянами. Лучшим и самым желанным подарком для энарея был мускус. Жрецы охотно покупали это ценное благовоние. Каждый охотник, убивший самца кабарги, вырезал на брюхе железу с мускусом, относил ее женоподобным жрецам и получал целое богатство — горсть новеньких бронзовых наконечников стрел.

Старики рассказывали, что не всегда так было. Предки энареев в древности слыли отважными воинами. Была, правда, у них одна причуда — не чтили они чужих богов. Добро бы только не чтили. Всемогущие боги снесли бы это и простили неразумных. Но предки энареев норовили обидеть, оскорбить, унижить чужих богов, оскверняя их алтари, и, что еще хуже, присваивая себе дары, предназначенные чужим богам. Боги долго терпели. Однако, как убедились всемогущие, долготерпение не всегда благо.

Было это очень давно. Тогда саки, разгромив все сильные царства, устремились к берегам Нила. Египетский царь Псамметих, утраченный их мощью, вышел навстречу завоевателям не с ратью, а с богатыми дарами. Кочевники, приняв дары и заверения в вечной дружбе, повернули обратно. На пути их лежал большой и богатый сирийский город Аскалон. Войско кочевников не тронуло город и прошло мимо. Только предки энареев незаметно отстали и совершили неслыханное: они разграбили храм богини Деректы и надругались над жрицами божественной девы. Неразумных обмануло чуждое слуху степняка имя богини. Они не знали, что осквернили самый древний храм сакской богини Аргимпасы, которую греки называли Афродитой, вавилоняне — Иштар, а сирийцы — Деректой.

Аргимпаса не учла неведение святотатцев и тяжко покарала их: во искупление грехов старших сыновей своих осквернители и их потомки должны были собственноручно оскотплять и посвящать служению богине Аргимпасе. Они заменили невинных жриц, с которыми предки энареев обошлись так неучтиво...

Опускались сумерки, когда отец с сыном добрались до места обитания энареев. Бесшумно сновали летучие мыши. В дальнем овраге плакал одинокий шакал. Было как-то зябко и тревожно.

Энареи, видно, рано ложились: свет костра пробивался сквозь дверные щели только в самой большой юрте. Вошли, стараясь не задеть высокого порога, чтобы не нанести оскорбление хозяину. Костер горел в центре помещения. За ним, у войлочной стены, свернув ноги калачиком, на шкуре барса, сидя спал хозяин. Голова его склонилась на грудь, плечи медленно поднимались и опускались в такт глубокому дыханию. Поздние посетители хотели тихо выйти и убраться восвояси. Но вдруг откуда-то сверху, казалось, с самых небес, разразился жуткий, пронизывающий до костей хохот. Кидрей так и сел у порога. Сатрак

схватился за кинжал и обмер с открытым ртом — в дымовое отверстие юрты заглядывала какая-то сатанинская рожа в перьях с круглыми глазами величиной с чашку.

— Замолчи, Ахриман! — сказал хозяин. Голос его был звонкий, приятный. — Не пугай людей, пришедших с чистым сердцем и добрыми намерениями. Не бойтесь, дорогие гости, — обратился хозяин к пришлым, — это мой страж. Он не сделает вам зла.

— А мы и не боимся, — прошамкал старый Кидрей. Голова его все еще мелко дрожала. — Что мы, филина не видели? Мы горцы и живем в лесу.

— Проходите к костру. Садитесь. — Хозяин поднялся, уступая почетное место гостям. Стало видно, что он рослый и сильный. — Я давно жду вас. Поэтому и не ложился.

— Нет, нет. Мы не надолго. Мы присядем здесь, — сказал Кидрей, усаживаясь у костра, и подумал: «Лучшее место в таком доме то, которое поближе к дверям». — А каким образом ты, мудрейший из энареев, Узнал, что мы прибегнем к стопам девы Аргимпасы?

— Она и поведала, — ответил энарей, указав на стену юрты.

Только сейчас Кидрей и Сатрак огляделись. Убранство юрты отличалось богатством и красотой, но не было привычной отгороженной женской части справа от входа. Обычные вещи на обычном месте. Только все как-то изящнее и красивее. У связки лисьих шкур, что висели на решетке юрты слева от входа, и мех был краснее обычного, и хвосты пышнее. Оружие, седла и сбруя висели так, что радовали глаз. А полстены юрты за спиной хозяина занимал прекрасный ковер. На нем была изображена женщина на высоком сидении. Вокруг нее — хитроумные завитки из побегов лозы, цветов и листьев. Перед женщиной в цветах — молодой всадник с красивыми усами и в полном боевом наряде.

Костер задымил, приторный запах горелой конопли и еще чего-то приятного, неизвестного, успокаивающего распространился по юрте

— Это и есть наша мать, светлая и великая Аргимпаса, — сказал энарей, указывая на ковер. — Она поведала мне, что отцы бывшего царя Мавака ищут для него достойную жену. А еще она поведала, что Ахриман затмил разум добрых отцов настолько, что они отправились за неведомым, не к слугам великой богини, а... срам сказать... к презренным гадальщикам на прутьях ивы. Ну что, многое открыли вам эти невежды?

— Как бы не так, — ответил Кидрей. — Ничего не открыли. Сказали только, что туман заслоняет истину и ничего не видно...

— Знаю и это. Великая Аргимпаса и мудрейший Анахарсис не оставляют своих верных слуг в неведении.

— Кто такой этот мудрейший Анахарсис?

— Неужели ты так несведущ в нашем прошлом?

— Почему несведущ? — обиделся Кидрей. — Даже дети знают славные подвиги наших предков! Мы храбрый и сильный народ. Цари хорзаров не раз бежали от наших конников. Вместе с хорзарами саки сражались против греков у Марафона. Один наш воин был сатрапом страны чудес на берегах реки Нил, а еще один воин...

— Это действительно все знают, — перебил энарей излияния старца, — а ведомы ли тебе саки, которые не мечом и кровью, а смирением и разумом прославились среди всех народов?

— Как можно прославиться без меча и лука? — подал голос Сатрак. — Если все саки станут покладистыми да смиренными, вроде Мермера, то кто отразит наших врагов?

— Я не против силы, о храбрый Сатрак, но я за союз силы и разума. Таким был царевич Анахарсис, — сказал энарей своим певучим голосом и указал на всадника, изображенного на ковре. — Вот тот, кто прославил наш народ больше, чем все цари и военачальники вместе взятые.

Послушайте древний сказ, ведь до полуночи — времени гадания — еще далеко.

И энарей с грустными глазами на чистом и красивом лице, которое, о диво! — нисколько не портило отсутствие бороды и усов, поведал гостям легенду о мудром саке Анахарсисе, сыне царя Гнура. Отец отправил его к грекам для постижения всех тайн их науки. Долго жил царевич на чужбине, учился в Афинах, Коринфе, Милете, Спарте. Воспитанный в свободных и естественных условиях варварской жизни, степной «млекоед» (так презрительно звали кочевников горожане) на удивление не поддался изнеживающему влиянию города. Он остался общительным, открытым и честным. Правдивость юного варвара вошла в поговорку. На ристалищах¹ ему не было равных, а в науках царевич оставил позади всех однокашников. Учителя в нем души не чаяли, а строгие родители ставили в пример своим испорченным утонченной роскошью отпрыскам. Вскоре Анахарсис познал всю греческую премудрость и даже больше: он изобрел гончарный круг, якорь и трут для быстрой добычи огня. Этим «дикий скиф» (греки называли саков «скифами») окончательно покорила гордых эллинов.

Пришло время возвращаться в кочевья. В дороге Анахарсис узнал, что отец умер, а царем стал его старший брат Савлий, который ненавидел чужеземные обычаи. Анахарсис опечалился и дал обет устроить празднество в честь богини Аргимпасы. По прибытию на родину царевич выполнил свое слово. Кто-то из родни, подметив это, донес царю, что Анахарсис исполняет чужеземные обряды. Савлий, не разобравшись, стрелой из лука убил родного брата.

Так закончил жизнь один из лучших людей, которых породила кочевая степь. Кочевники были уверены, что он перешел в лучший мир и живет с богами. А греки, чтя

¹ Ристалище — конное состязание.

память об Анахарсисе, причислили его к семи мудрецам мира...

Энарей закончил повествование и обратился к Кидрею:

— Запомни услышанное здесь, о белобородый, и передай внукам. А при встрече с дряхлым почитателем прутьев ивы, скажи, что я не боюсь царского гнева. Я в родстве с Липохшайя. А вот по нем давно плачет повозка с хворостом, и он не избежит ее объятий...

Прокричал петух. Звонкий голос птицы еще не успел затихнуть, как его продолжили новые звуки. Протяжные, нарастающие... Старый Кидрей и Сатрак почувствовали: в юрте произошло что-то, не сразу улавливаемое сознанием. Какая-то значительная перемена. Все вокруг: огонь, ковер, оружие, седла и звезда, заглянувшая в дымовое отверстие юрты, и они сами вошли в новое состояние... Энарей пел гимн Аргимпаса. Чистые и прекрасные звуки улетали в пространство, сопровождаемые бесчисленными созвуками. Это не было песней, это было нечто большее. По щекам Кидрея катили крупные слезы, Сатрак кусал губы...

Появился еще один женоподобный жрец, подошел к огню и бросил в него что-то из мешочка, потом еще... еще... Костер задымил, приторный запах горелой конопли и еще чего-то приятного, неведомого, успокаивающего распространился по юрте. Клубы дыма почти застилали поющего энарея, было видно только, как его руки быстро заплетали и расплетали длинные полосы коры березы...

— Подойди ко мне, о Кидрей-питар, — голос энарея был неожиданно будничным, — Светлая Аргимпаса показала мне невесту Мавака. Нагнись пониже...

Жрец что-то прошептал старику на ухо. Тот радостно вскрикнул и заспешил к выходу...

— Сколь всеведущи и нынешние мудрецы саков, — заговорил Кидрей, когда хромая кобыла отмерила уже значительное расстояние от места обитания энареев. Куда

царевичу Анахарсису с его якорем! И зачем саку якорь? Вот гадалщик на прутьях сразу узнал, зачем мы пожаловали! То же самое и энарей — любимый жрец богини Аргимпасы, все знающий, все слышащий и за всем глядящий...

— Ты прав, отец, — сказал Сатрак и подумал: «А не является ли всезнающий энарей всеподслушивающим и всеподглядывающим?» Скептическое отношение к богам по мере удаления от их служителей опять стало брать верх в сознании охотника.

Легко ли сделать доброе дело

День перевалил на вторую половину. Мавак робко спросил у окружающих:

— Так я вправду царь?

Жрецы и вожди наперебой закивали.

— И все мои распоряжения будут выполняться?

— До первой звезды, — подтвердил кави.

— Я хочу видеть царевну Зарину...

Начальник царской дружины бросился вон.

Между тем к трону стали пробиваться многочисленные просители. Некоторые хитрецы нарочно дожидались Ноуруза, чтобы «царь на один день» решил какое-нибудь кляузное дело, которое много лет не мог или не хотел решить наследственный владыка. Они знали, что царское решение по обычаю не подлежит отмене, и рассчитывали не мытьем, так катаньем поправить свои делишки: авось удастся!

Однако, вожди, сидевшие у трона, не давали юноше и рта раскрыть.

— Царь сегодня занят! — кричал один просителю.

— Праздник есть праздник! — вторил другой.

А если просящий был слишком настырен, жрец-кави говорил проникновенно:

⁴ Том XIII. В. М. Плоских

— Отложим твое дело на завтра. Выпей-ка эту чашу кумыса!..

Зарину нигде не нашли. Может, плохо искали? Принцесса как в воду канула.

...Когда в небе затеплилась первая звездочка, пришли дружинники, осторожно сняли царские одежды с плеч молодого охотника, забрали корону и прочие знаки царского достоинства.

Жрец-кави сказал в напутствие:

— Возвращайся, юноша, в обиталище отца твоего и помни: целый день ты повелевал самым храбрым народом в мире! Будь же всегда добродетельным и справедливым, как подобает человеку, носившему такой высокий титул! Ну, иди, иди, я все сказал.

На широком дворе путь ему преградила девичья фигура. Зарина! Даже в сумраке видны были ее белые зубы в насмешливой улыбке:

— С какой целью искал меня царь? Вот я перед тобою. Что прикажет повелитель?

Мавака уязвил ее тон до самой глубины души.

— Я уже не повелитель. Ты слишком поздно нашлась.

— Это не моя вина. Знать плохо выполнялись твои приказы. Кто захочет, тот сам найдет...

До самой полночи бродил Мавак в степи. Возвратившись домой, у ограды увидел Мермера-говоруну.

— Давно поджидаю твою царскую милость...

— Я больше не царь.

Мермер смутился и начал скороговоркой.

— Слыхал новость? Черный бык с белой отметиной на лбу, тот самый, что принадлежит царскому брату Картазису, весь день мычит от радости! Славит твою победу! Ведь благодаря тебе его не принесли в жертву!

Мавак не понял шутки и зашагал прочь.

Мермер засеменил рядом. Спросил робко:

— А нет ли у тебя какой-нибудь еды?

— Разве тебя не угостили сегодня?

— Угостить-то угостили, да все скушал бог Митра...

...Отец и дед встретили его по-разному: первый — доброжелательным молчанием, второй — вопросом:

— Говорил ли ты с царской дочерью?

Мавак неопределенно качнул головой и побрел в стойло к верному Рахшу.

— Неужто не догадался? — рассердился дед. — Завтра я сам возьмусь за это дело. Эх, молодость — бестолковость!..

Мавак, расчесывая гребнем шелковистую гриву коня, размышлял уныло:

«Вот я и побывал царем. А что толку? Разрешил ли я какой-нибудь вопрос? Сделал ли важное дело? Отдал ли приказ, который выполнили? Видно не царь всему голова, а его советники-вожди, жрецы... Только и всего — поносил царские одежды, посидел на троне, да отведал блюд с царской кухни...»

Сватовство. 2-й день Ноуруза

На праздник Ноуруз все подносят друг другу подарки. Люди стараются превзойти один другого в щедрости и добросердечии, желают здоровья и благоденствия на целый год. Оттого-то в эти дни на лицах расцветают улыбки и глаза светятся любовью к ближнему своему и ко всему миру. Нет ничего лучше Ноуруза, жаль, что он не длится вечно.

Много даров поднесли верховному вождю саков его соплеменники: так велит обычай. Общество саков не знало налогов, как в государстве персов — их заменяли традиционные праздничные подарки. Саки с Восточных склонов пригнали косяки превосходных коней. Из северных долин — небольших коров с горбом и длинными рогами, дающих жирное молоко. Горные саки, живущие на границе вечных снегов — шкуры барса и шерсть яков. В одежде

из такой шерсти не страшны самые лютые морозы. Южные саки заполнили двор царя блеющей овечьей рекой. Хвосты у этих знаменитых овец были жирные, толстые и чуть ли не волочились по земле. Саки, живущие в пустыне, привели верблюдов. У каждого из этих двугорбых великанов было такое надменное выражение на морде, словно он был не просто верблюдом, а верблюжьим князем.

Старый Кидрей проехал на своей хромой кляче по широкому полю, заполненному народом, и спешил к глиняной ограде. За ней высился огромный царский шатер. Толстый круглый человек — «Смотритель гостей», спросил, что ему нужно.

— Скажи Владыке Горы так: Кидрей, потомок Великого Конюха, желает приветствовать своего верховного вождя и поднести дар!

— Великого Конюха? — переспросил «Смотритель гостей» с удивлением в голосе, в то время как его заплывшие глазки восторженно скользили по танцующей фигуре жеребца, которого проситель держал в поводу. — Ладно, пойду и скажу. Но удовлетворится ли таким объяснением Владыка Горы?

— Можешь не сомневаться, — ответил старый Кидрей. В толпе, как и вчера, недоумевали;

— Почему он так странно говорит: потомок Великого Конюха? Разве может конюх называться великим?

Другие, знавшие старика в лицо, отвечали:

— Это же Кидрей из Урочища Цветов! Его предок — действительно Великий Конюх Ширак!

— Тот самый Ширак? — поражались спрашивающие.

— Именно он... А внук этого старика вчера был нашим царем...

— Тот самый?

— Именно он...

«Смотритель гостей» скоро вернулся и торжественно объявил:

— Кидрей-питар! Вождь вождей Липохшайя говорит: войди!

На драгоценном троне, подлокотники которого сделаны в виде фигур коней, восседал Липохшайя — Владыка Горы. В первый день Ноуруза он был в синей одежде пастуха и ел самую простую пищу — так повелось издревле. Этим как бы подчеркивалась неразрывная связь царя с народом. И народ любил своего верховного главу за добрый нрав, справедливость и сострадание к беднякам. Нередко, чтобы обуздать заносчивых и строптивых князей, царь обращался к народному собранию.

Но сегодня он предстал глазам соплеменников во всем блеске царского величия. И вожди, окружавшие его, излучали сияние. Знатные люди саков весьма любили всевозможные изделия из золота и самоцветов. Большинство из них были высокохудожественной работы. Художники чаще всего изображали зверей. Они выработали свой особый стиль, по которому поделку мастера-сака не спутаешь ни с какой другой. Украшения, подчеркивая высокое положение их обладателя, еще и оберегали его от всевозможных пакостей. Среди знати Кидрей заметил и своего вчерашнего обидчика Спаргатифа: тот пробрался к самому трону и сидел рядом с царским братом Картазисом.

Дед выступил вперед и, держа в поводу Рахша, произнес напыщенно:

— Владыку Горы, угодного богам, сияющего как Митра, приветствую и приношу в дар этого солнечного коня, самого быстрого в сакских табунах! Как известно владыке, Рахш победил на состязаниях. На нем был мой внук, царь вчерашнего дня. Пусть же отныне конь-солнце принадлежит царю, царю — по праву рождения!

И Кидрей отдал повод подбежавшему конюху. Липохшайя поблагодарил старика и сказал:

— Есть ли у тебя какая-нибудь нужда ко мне?

— Да, великий царь! Я прошу отдать дочь владыки в жены моему внуку Маваку. Тому, кто вчера весь день, до первой звезды повелевал народом саков.

Толпа ахнула. Просьба была настолько неожиданной, что сам царь смешался. Зато вскочил его брат Картазис и, яростно вращая глазами, закричал:

— Старый, но глупый человек! Как ты осмелился сказать такое владыке, происходящему от богов? Или ты можешь похвастаться высоким родом? Или великими богатствами? Разве ты не знаешь, что конь и баран не идут в одной упряжке, а тигр и коза не едят из одного корыта?

— Ты прав, высокородный, — отозвался Кидрей. — Никто не видел, чтобы лев или коза хлебали из корыта: козы предпочитают лужайки и кустарники, а тигры охотятся на них...

Он с достоинством огладил бороду:

— Богатств у меня нет. Только один конь. Зато он стоит целого табуна! А что касается моего рода, то я поведаю вам об этом, если великий царь позволит.

— Нечего слушать выжившего из ума старика! — кричал Картазис. — По его одежде видно, что он из тех, кто дает корм скоту!

— Пусть говорит, — сказал Липохшайя.

Кидрей-питар взял из чьих-то рук инструмент с двумя жильными струнами и начал еще не вполне крепким голосом. Шум постепенно затих. В дальних рядах люди вытягивали шеи, стараясь уловить слова певца. А пел он сказание-дастан о великом подвиге своего далекого предка, царского конюха Ширака. Дастан был составлен ритмическим белым стихом. Но мы изложим его обыкновенной прозой.

Рассказ о подвиге Ширака

В дальние-дальние времена злой Дараявауш¹, владыка хорзаров, покоривший девяносто девять народов, пришел в землю туров и потребовал от них «земли и воды». Три вождя, правившие племенами вольных скотоводов, собрались держать ответ. Мало войска было у предводителей: многие роды туров кочевали в дальних степях, горах и предгорьях и собрать их требовалось время. Но враг не давал этого времени. И тогда предводитель туров-массагетов Оамирис предложил покинуть свои тучные пастбища, бросить кибитки и угнать стада на север.

— Дараявауш не достанет там нас, — говорил он. — Как ни велико его войско, оно затеряется в бескрайней степи, как теряется капля дождя, упавшая в реку.

Правитель туров-амюргиев сказал:

— Уйдем на восток. Между нами и войском хорзарского владыки встанут горы до небес, а у врага нет крыльев, чтобы перелететь через них.

Саксфар же, вождь туров-саков, сказал:

— Дадим бой! Пусть силы наши малы, пусть все мы погибнем, зато никто не посмеет сказать, что мы испугались.

Тут Кидрей прервал свой дастан и обратился царю:

— Липохшайя! Саксфар был прадедом твоего прадеда. Так ли я говорю?

Толпа как один человек повернула головы в сторону трона. Царь согласно кивнул.

И старый Кидрей продолжал:

— Вожди заспорили. Один говорил, что неразумие губить весь народ ради славы. Другой указывал, что победы все равно не добиться. Третий стоял на своем! А держали совет они на вершине кургана, в котором лежал прародитель всех наших племен великий герой Тура...

¹ Дарий I Гистасп, царь Персии в 522–486 гг. до н. э.

Чтобы найти единственно верный путь, вожди пили священный напиток богов хаому. Но и она не подсказала им правильного решения.

Чтобы найти тот путь, зажгли они священный огонь, принесли жертвы и вопрошали дух самого Тура: «О прародитель, обитающий ныне в цветущих привольях небесных степей Йимы! Великая беда настигла детей твоих: неисчислимый враг угрожает очагам нашим, скоту нашему, женам и детям и всему народу туранцев. Дай же нам знак, научи и просвети!»

И ждали вожди, что ответит им дух героя. Молчало чрево кургана, молчали небеса, только доносился глухой шум из лагеря соплеменников.

И вдруг они услышали шаги. Кто-то поднимался на курган, хотя было строго воспрещено нарушать уединение вождей.

Это был конюх Ширак, смотревший за скакунами Саксфара...

— Так ли я говорю, Липохшайя? Царь со своего трона опять кивнул.

Ширак почтительно склонился перед владыками стад и сказал:

— Дух нашего предка Тура явился мне и велел сказать вам слово. Будет ли на то дозволение?

— Говори!

— Я берусь отвести меч врага от народа нашего, если владыки дадут клятву позаботиться о моих детях и внуках, чтобы они не знали нужды после моей гибели...

Цари ответили:

— Как же ты, один человек, собираешься отвести беду, когда мы со всем войском не знаем пути к одолению неодолимого?

— Этому научил меня дух нашего предка.

И Ширак поведал вождям тайну своего замысла.

Цари же, выслушав, дали торжественную, нерушимую клятву Матерью-Землей, Вечным Огнем и Священной Водой, как того просил конюх...

— Так ли я говорю, великий Липохшайя?

И царь торжественно ответил с трона, и в голосе его слышалось волнение:

— Ты говоришь Правду! Продолжай!

Старый Кидрей ударил по струнам и вновь запел:

— И когда принесли цари на священном алтаре клятву, Ширак вытащил нож, подошел к жертвеннику, отсек себе кончик носа, оба уха и бросил эти части тела в жертвенный огонь. Потом нанес себе множество кровавых ран, сел на коня и ускакал. И никто не знал, куда унес его верный конь...

По толпе пронесся вздох. Большинство не знало этого древнего предания: только старики, может быть, слышали о нем от своих дедов.

— А Ширак приехал прямо в хорзарский лагерь и стал умолять стражу и военачальников, чтобы провели к хорзарскому владыке. Когда же он предстал перед самим Дараяваушем, то сказал:

— Великий повелитель Востока и Запада, Севера и Юга! Ты видишь перед собой несчастного, изувеченного по приказу сакского вождя. Я был у него конюхом: так расправился он со мной за малую провинность. Я призываю к отмщению светлое воинство Ахура-Мазды и обращаюсь к тебе, господин мой: миг возмездия настал! Пусть великий царь царей поможет мне отплатить жестоко оскорбившим меня!

Дараявауш ответил:

— Так или иначе всех туров ждет черная гибель: не почитают Ахура Мазду и поклоняются дэвам. Когда я ворвусь в сердцевину их земель, ты сможешь отомстить.

Конюх Ширак сказал:

— Саки — мужественные воины и сила у них несчетная. В открытом бою ты потеряешь много бойцов. Если же последуешь моему совету, то одолеешь их малой кровью.

— Говори!

— Мне доподлинно известно, что саки намерены в эту ночь выйти из лагеря. Если мы двинемся по другой, кратчайшей дороге, то опередим их и засядем там, где они будут проходить. Ты поймаешь их, как охотник ловит птиц в силки. Будучи конюхом вождя, я изучил эту землю, как собственную кибитку, и могу быть вашим путеводителем. Только надо взять с собой пищи и воды на семь дней пути.

И владыка хорзаров поверил. А кто бы не поверил?

Семь дней шло хорзарское войско и зашло в песчаную, безводную и бесплодную пустыню. Тысяченачальник Раносбат догадался, наконец, обо всем и сказал:

— Горе тебе, несчастный! Что побудило тебя обмануть великого владыку и завести столь многочисленное войско в такую степь, где нет ни одного ключа, не видно ни птицы, ни зверя и откуда невозможно пройти ни вперед, ни возвратиться назад?

Ширак же ответил с громким смехом:

— Я выиграл победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, переморил персов жаждою и голодом...

Тут старый Кидрей поднялся во весь рост, оглядел толпу и dokonчил:

— Шираку отсекли голову, но саки получили необходимую передышку и были спасены!

И опять по царскому двору пронесся единый вздох. Но тут вскочил царский брат Картазис и крикнул:

— Эй, старый болтун! Не ты ли отец воина Сатрака!

— Это так! — с достоинством подтвердил старик.

— Ага! Я узнал тебя! Знаю я твоего сына: он бежал с поля битвы от царя дэвов Искандара и покрыл свое

оружие позором! И сам ты не все рассказал. Ты говоришь: «Саки были спасены». Это неправда! Разве ты не знаешь, что случилось дальше?

И Картазис, возвышаясь над морем голов, начал бросать слова:

— Когда Дараявауш увидел, что войско его обречено на гибель, он взошел на высокий холм, положил на землю отличия верховной власти — порфиру, тиару, скипетр и царскую диадему, и при солнечном восходе умолял Митру о ниспослании с неба воды для избавления хорзаров от гибели. В ответ на молитву царя пошел сильный дождь. Хорзары, наполнив дождевою водою кожаные мешки, дошли до реки Ардви, благословляя судьбу за спасение свое. А потом Дараявауш наложил дань на предков наших! Какая же вышла польза от обмана твоего Ширака?

Лицо старого Кидрея потемнело, но он спокойно огладил бороду дрогнувшими пальцами и ответил:

— Да будет тебе известно, что Дараявауш после случившегося не осмелился проникнуть глубоко в сакские земли! Чтобы избежать кровопролития, предки наши согласились признать его вечным союзником, но дани не платили никакой! Так же, как не платили мы по сию пору! Мы обязались только всякий раз помогать хорзарам воинской силой, если придет враг! И сейчас разве не собираемся мы это сделать? А предок мой Ширак погиб не напрасно: сколько кочевий избежало пожаров, славных мужей и жен — насильственной смерти!

В толпе произошло движение и вперед выступил Сатрак. Он встал рядом с отцом и устремил сверкающий взгляд на царского брата. Лицо его пылало гневом.

— Эй, недостойный потомок великих родителей! Слова твои — ложь! Богиня Арта отвратила свой лик от языка твоего! Разве я бежал с поля битвы?

Он повернулся к толпе и продолжал:

— Когда человек, которого хорзары называли царем Царей Дараяваушем, позвал саков биться с людьми Запада, я оседлал коня и вместе со старшими братьями поехал. Много дней и ночей собиралось войско. И вот на большой равнине очень далеко отсюда собралось людей — видимо-невидимо! Отовсюду были: и мидяне, и арахозы, и гирканы, и бактрийцы, и хорасмии, и даже инды с кольцами в носу, восседавшие на боевых слонах... А потом явился царь Искандар со своим железным войском и напал на нас...

— Много ли у него было войска? — спросил Липохшайя.

— Раз в десять меньше нашего, — четко ответил Сатрак. — Но Дараявауш¹ в начале битвы бежал на своей колеснице прочь... И мидяне бежали... И гирканы... Инды — тоже... Все побежали!..

— А вы? — крикнул Картазис.

— Мы, саки, — единственные отступили в полном порядке, выдерживая удар железных людей... Зато и погибло нас столько!.. Где мои старшие братья? Они лежат на том поле без погребения. А мы, оставшиеся, покрылись коркой из спекшейся пыли и крови, изнемогали от ран, но никто не бросил оружия, не побежал пугливым оленем!..²

Картазис, дергаясь от ярости, хотел что-то выкрикнуть, но Липохшайя предостерегающе поднял жезл...

Когда наступила тишина, царь сказал примирительно:

— Разве позволяет обычай в светлый Ноуруз ссориться и враждовать? Разве не ждет дерзкого святотатца кара богов? Младший брат мой, Картазис! И ты, Сатрак! Подойдите друг к другу и выпейте в знак примирения молока кобылицы из одной чаши! Иначе, клянусь Вечным Огнем, вы узнаете, что такое мой гнев!

¹ Дарий III Кодоман, царь Персии в 336–330 гг. до н. э.

² Сатрак рассказывает о знаменитой битве при Гавгамелах.

Противники, ворча, приблизились друг к другу. Старый жрец подал им чашу с кумысом. Оба вынуждены были подчиниться...

— Велик и мудр Липохшайя! — кричала толпа.

— Теперь о сватовстве, — продолжал Липохшайя. — Ведомо ли тебе, Кидрей-питар, какая молва идет о моей дочери?

— Все превозносят ее красоту, — отвечал дед.

— Но помимо этого она очень своенравна и непокорна. Даже я, отец и вождь вождей, не могу принудить дочь к чему-либо, если она того не желает. Вот какая идет молва и признаюсь: все в ней чистая правда! Поэтому спроси у самой Зарины.

— Великий царь прав, — согласился Кидрей. — Не в обычае саков принуждать своих дочерей к замужеству против их воли.

Стали искать Зарину и долго не могли найти. Наконец, она сама появилась, разгоряченная от долгой скачки и одетая по-походному: куртка-безрукавка, узкие кожаные штаны и мягкие сапожки.

Все присутствующие невольно залюбовались ею. Хороша, ох как хороша дочь Владыки Горы! Ее золотистые волосы вполне оправдывали ее имя¹. А глаза! Огромные, голубые-голубые, в обрамлении смоляных трепещущих ресниц под дугами таких же бровей!..

Липохшайя самодовольно оглядел толпу, затем обратился к дочери:

— Какой же ответ ты нам дашь?

— Но я не вижу жениха, — ответила Зарина.

Из толпы вытолкнули похолодевшего Мавака. Он был бледен, не знал куда девать руки, ноги, на лбу серебрились капельки пота...

¹ Зарина означает «Золотая», или «Златокося».

Зарина оглядела его насмешливо и обратилась к деду Кидрею:

— Есть у нас старый обычай, только его почему-то стали забывать. Если юноша сватается к девушке, она вправе вызвать его на единоборство. Победитель по-своему распоряжается судьбой обоих.

Она вновь повернулась к Маваку:

— В присутствии свидетелей я вызываю тебя на поединок! Пусть Вератрагна¹ решит наше дело завтра, как только взойдет над горами Солнце.

Толпа в изумлении молчала. Действительно, такой обычай существовал... Но о нем редко вспоминали за последние годы...

Первым опомнился Картазис. Он нагнулся к главному жрецу-кави и шепнул, весело потирая руки:

— Хвала богам, они надумили мою племянницу! Ведь я сам обучал ее искусству борьбы и скажу тебе, кави-питар: не так-то легко справиться с ней и сильному мужчине! А уж этого суслика она уложит — мы и чихнуть не успеем!..

Поединок

На следующий день рано утром поле заполнила огромная толпа. Стало известно, что еще семьдесят четыре девушки, вдохновленные примером царской дочери, вызвали на единоборство своих женихов. День обещал быть исключительно интересным: подобного зрелища саки не видели много-много лет...

Из царского дома принесли огромный войлочный ковер, расстелили на вытопанной земле. Места борцам хватит: по обычаю сошедший с ковра считался побежденным.

Старый Кидрей наставлял Мавака:

¹ Бог победы и грома.

— Ты поосторожнее... У женщин ребрышки хрупкие, что у новорожденного ягненка... Однако и слабины не оказывай: пусть мужские руки почувствует... Уважать больше станет...

Отец же грустно покачал головой и промолвил только:

— Раз уж это неизбежно, женись на царской дочери...

А Мермер-говорун восторженно хлопал юношу по плечу:

— Прогремит Урочище Цветов по всем сакским землям! Шутка ли: царская дочь — сноха нашей округи! Я ведь свою жену тоже взял с бою и теперь в ус не дую. Удилами не звякнет и копытом не взбрыкнет без моего приказа...

На другой стороне Картазис пытался дать последние наставления племяннице.

— Не бойся, дядя, — отвечала Зарина, — я ведь знаю, на что иду.

В последний момент подошел тяжелой походкой Спаргатиф. Вид у него был мрачный.

— Скажи мне, о Рожденная в потомстве, неужели я, владетель несметных стад, хуже этого охотника с гор?

— Разве я это говорила? Ты огромен и толст, а Мавак — худой и маленький...

Уязвленный насмешкой, князь левобережных саков сказал:

— Мавак по сравнению со мной — все равно, что воробей по сравнению с орлом.

— Все может быть, если судить по росту.

— Почему же для брачного поединка ты выбрала его, ничтожного?

— Потому и выбрала. Этого ничтожного, как ты говоришь, я могу одолеть. И он станет моим рабом. А тебя, благородный Спаргатиф, осилить невозможно. Все равно; что пытаться свалить Высокую Хару.

— Я бы поддался! — горячо ответил Спаргатиф.

— Зачем рисковать, о повелитель стад? А вдруг мне захотелось бы после победы сделать тебя не мужем, а продать массагетам?

Спаргатиф крикнул. Он не знал, как принять слова девушки: всерьез или в шутку.

Зарина и Мавак вышли одновременно и стали друг против друга. Одеты они были совсем одинаково: рубахи из тонкого полотна, заправленные в узкие штаны, короткие безрукавки с вырезом на груди, мягкие сапожки. Длинные волосы обоих стянуты ремешками, а у Зарины еще и собраны на затылке пышным узлом. Оба — молодые, красивые, почти одинакового роста. Может быть, юноша чуточку повыше...

В толпе переговаривались:

— Хорошая будет пара...

— А может быть и не будет...

— Жених только низкорослый... Разве таким должен быть мужчина?

Парфянин Мокридат, стоявший рядом с дедом Кидреем, воскликнул:

— Как прекрасна Зарина!

— Еще бы, царская дочь... — согласился Кидрей. Мокридат рассердился.

— Я ведь не говорю о ее знатности! Да будь она дочерью конюха, я бы сказал то же самое!

Кидрей хитро прищурился:

— Верно говоришь! И дочь конюха может быть прекрасной, и на болоте цветут лилии! Но у конюхов чаще всего дочери имеют другой вид. И не мудрено: ведь среди их матерей попадаются и сутулые, и кривобокие, и с бельмом на глазу... Зато вожди женятся только на красавицах... Самых лучших себе захватывают, вот и дочери у них — что звездочки в ночи...

Царь поднял жезл. Распорядитель ударил в бубен. Противники пригнулись, напряжились, растопырили

навстречу друг другу руки... Толпа замерла — горящие глаза, раскрытые рты... Кто-то не выдержал и громко сказал (наверное, Мокридат):

— А руки ее — как два лебяжьих крыла...

Зарина сделала неуловимое движение и охватила Мавака за пояс. Но и тот успел сделать то же самое. Лица их сблизились и девушка, хищно оскалившись, прошептала:

— Меня не одолеть тебе, миленький...

Ее прекрасное, возбужденное лицо — у самых глаз... Мавак только облизнул пересохшие губы. Зарина сделала подножку и резко дернула за пояс. Толпа ахнула — Мавак еле устоял на ногах. В тот же миг рассерженный юноша охватил ее за бедра обеими руками поднял на воздух легко, словно охапку сена. Нос его уперся в бурно вздымающуюся упругую грудь. Девушка обвилась вокруг него, пригнулась и он услышал прерывающийся шепот: «Любимый, не надо...»

Словно гром ударил ему в виски, колени сделались ватными... Дальнейшие мгновенья он так и не смог никогда воскресить в памяти — все застлал красный туман...

Очнулся он, лежа на спине, девушка — на нем. В тот же миг он ощутил на своей щеке горячее дыхание и быстрый поцелуй...

...Потом он обнаружил, что все еще лежит на спине, а над ним — чисто промытое голубое небо. И в ушах гремит, словно сам бог победы Вератрагна иступленно бьет в небесные бубны... Нет, то ревела от восторга толпа...

Мавак вскочил на ноги. Он увидел искаженные в смехе лица, кричащие рты, взмахивающие руки... Толпа совсем зашлась от восторга, когда девушка стала с подчеркнутой заботливостью оправлять на нем одежду и стряхивать несуществующую пыль... Он оттолкнул ее и посмотрел туда, где стояли его родные. Дед Кидрей от великого стыда закрыл лицо обеими ладонями. Отец угрюмо уставился в землю.

⁵ Том XIII. В. М. Плоских

Он повернулся в сторону трона. Царь глядел на него и — единственный! — не смеялся. В глазах его светились мудрая грусть и сострадание. Зато царский брат Картазис даже вскочил со своего места и кричал:

— Не заглядывайся на дерево, с которого тебе не сорвать плодов!

Ему вторил боров Спаргатиф:

— Умному — закон, дураку — палка...

Толпа делилась впечатлениями:

— Быстро она его уложила!

— Словно младенца в люльку...

— И рассмотреть как следует не успели...

Под градом насмешек, деревеняя от стыда, юноша побрел с поля. За ним торопился откуда-то взявшийся Мермер. Он отпихивал слишком ретивых насмешников и бормотал:

— Не горюй, сынок... Не горюй, братец... Я и сам... Меня ведь тоже когда-то жена... До сих пор на мне ездит...

На краю поля кто-то положил ему руку на плечо. Парфянин Мокридат из дружины Спитамена.

— Не вешай голову, парень! Ты уступил прекрасной обманнице — я сразу догадался! Я бы и сам не прочь опрокинуться на спину, лишь бы поддержать такую пери в объятых. Разве мало девчонок свернули шеи богатырям? Так уж мир устроен. Хороший наездник знает: не всякую кобылицу можно укротить с первого раза. Она еще будет твоей — попомни мои слова!

Мавак только горько покачал головой:

— Не утешай меня, отважный воин. Что мне осталось на свете? Я опозорил и себя, и дедовы седины, Сатраку, отцу моему, стыдно за такого сына...

— Ты говоришь: что осталось у тебя? А что осталось у меня? Был отец — убили, была земля — отобрали. Только и моего — конь да нос со шрамом. Во всем виноват царь Искандар! Но я не унываю! Я еще доберусь до него

и попомни мои слова: за мое увечье он получит от меня по шее!

Парфянин еще долго уговаривал и успокаивал юношу, затем повел к себе, приговаривая:

— Речами желудка не наполнишь. Блюдо с бараниной — лучший советчик. Подкрепимся — сразу в голове прояснится.

Мавак покорно дал себя увести. Ему страшно было подумать о предстоящей встрече с отцом или с дедом...

В палатке, куда парфянин привел Мавака, уже сидели те самые молодые воины, которых он видел со Спитаменом. Они словно ждали прихода гостя и тотчас принялись настойчиво потчевать его. Но кусок не лез в горло. Согдиец Ратомен хлопнул его по спине:

— Не горюй, братец! У меня уже есть жена, но, хвала богам, далеко отсюда и меня не достанет. Тем и спасаюсь. Подумаешь — баба с ног свалила! Баба да лихоманка — они кого хочешь одолеют, будь человек с Гопатшаха¹ величиной.

Плоксис из Арианы поддакивал:

— А по мне — так всем нам рано еще жениться. Моя жена еще в люльке качается и времени впереди — целая жизнь!

Бактриец Хориен дул в ту же дуду:

— Зарина красива, слов нет. Но не все хорошо внутри, что хорошо снаружи. Иные женщины похожи на горную крепость у нас в Бактрии. Глядишь: добротные стены, башни... Ну, думаешь, не иначе как там упрятаны великие сокровища! А возьми ее штурмом — и что же? За стенами — одни драные бараньи шкуры да несколько горшков с неочищенным просом...

Мокридат-парфянин не удержался и ввернул:

¹ Мифический человекобык.

— Потому-то Хориен и не штурмует до сих пор свою прекрасную Рахшан. Ведь он не употребляет неочищенного проса...

Хориен напыжился и заиграл желваками. Лицо его стало приобретать цвет спелой малины:

— Зато ты стрекочешь, как сорока, о любви к незыблемой Апаме, а сам готов довольствоваться любимым просом, какое под руку подвернется!

Плоксис и Ратомен принялись успокаивать бактрийца. Поостыв, тот проворчал:

— Одно скажу: если бы та, которую я люблю, снизошла до борьбы со мной, я бы почел за счастье ей покориться...

— Внемли! — сказал Ратомен Маваку. — Видишь, что говорит сам Хориен, который играючи уложил вашего Спаргатифа?..

Мавак слушал и сердце его оттаивало. Вот перед ним знатные могучие воины, и у каждого, видимо, тоже сердечная заноза... Он слабо возражал:

— Да разве я о любви? Разве я хочу жениться на ней? Да я ее ненавижу! Но — позор! Позор! Куда от него деться?

Новые друзья-приятели и тут нашлись. Мокридат, грозно сдвинув брови, с наигранной яростью кричал:

— Не смей так говорить о женщине: ненавижу! Разве можно ненавидеть птичку-перепелку? Ее любить надо! Много! Горячо! Целый год без передышки!

Ратомен тянул свое:

— Я ведь согдиат, а значит — ваш сосед. И слышал, что у саков проиграть невесте — не такой уж большой позор. И раньше так случалось, верно?

Мавак уныло кивнул.

— Правда, если я правильно толкую ваши обычаи, когда ты станешь ее мужем, тебе придется во всем подчиняться ей... Только и всего. Подумаешь! Уезжай время от времени куда подальше, вот она и начнет скучать да всячески тебя улеживать...

На площадку вышел один из сопровождавших
Спитамена. Звался он Хориен-бактриец

И Мокридат не отставал:

— Какой тут позор? Слышал, что сказал Хориен? А Плоксис? Чего ты стыдишься? Глупцу не растолкуешь, а умный сам поймет, что одолела царская дочь тебя вовсе не силой или сноровкой, а тем самым оружием, от которого мы, воины, голову теряем... Что и говорить, вооружение у них превосходное...

Мавак от таких разговоров совсем ободрился и повторял про себя: «Какие люди! Какие хорошие люди!» Со всей искренностью молодого сердца он потянулся к неожиданно обретенным друзьям. Но истинный восторг он испытал, когда Плоксис предложил:

— Друзья! Светлые ахуры послали мне одну мысль: почему бы нам не побрататься? Как раз накрыта суфра и в чашах пенится кобылье молоко...

Это предложение было встречено шумным одобрением. Тотчас Хориен достал кинжал и стрелу, что-то прошептал и опустил их в большой кубок с кумысом. Затем он полоснул себя по пальцу. Еще четверо протянутых рук ждали своей очереди...

Кубок со смешавшейся кровью дополнили кумысом и разлили на пять чаш. Каждый взял свою чашу и стал повторять вслед за Плоксисом:

«Волею Правды-Арты! Клянусь Вечным Огнем, Священной Водой и Сияющим Солнцем, что каждый из вас — брат мне отныне и навеки. Ваши радости и печали — мои радости и печали. Ваши враги — мои враги, ваши друзья — мои друзья, ровно как и друзья ваших врагов — все это мои враги. Ахура Мазда, скрепляющий клятвы, свидетель мне в этом!»

— А теперь пейте! — и Плоксис первым запрокинул чашу.

Стали подкрепляться с молодым и здоровым аппетитом. Мавак не отставал — ведь он не ел с самого утра и теперь удивлялся, как это час назад ему совсем не хотелось есть.

Сыпались шутки, и в палатке поднялся такой шум, будто здесь за вином собрались двадцать пять персов.

Братья, мы немного нарушили наш обычай, — робко сказал Мавак. — Дед говорил, что предки никогда не имели больше трех побратимов.

— Почему не больше?

— Дед говорит потому, что имеющий многих друзей подобен блуднице и не может быть надежным побратимом.

— Дед твой человек мудрый и говорит правду, — задумчиво сказал Плоксис. — Но наше братство особое: согдиат, сак, бактриец, парфянин, арий. Пять человек — пять народов одной земли. Предал — опозорил не себя, а свой народ, святую землю. А кто же пойдет на такое?

— Нас пятеро братьев, как пять пальцев, сжатых в единый кулак, — продолжил мысль Плоксиса Мокридат. — Так давайте же пройдем по жизни до самого моста Чинват¹ единым и могучим кулаком, способным отбросить в сторону любого врага!

— Пятеро братьев — пятеро пальцев! — с восторгом повторил Мавак. — Ничего нет крепче побратимства!

— Вот здесь ты прав, — молвил Ратомен. — Даже наши старики ставят вас, саков, всем в пример. Мой отец рассказывал, что сак Дандамис позволил выколоть себе глаза ради спасения из плена побратима Амизона. А что же сделал Амизон? — Ратомен, выдерживая паузу, обвел всех взглядом.

— Что же он сделал? — не утерпел Хориен.

— Амизон, оказавшись на воле, долго плакал, увидев благородного друга, а затем из солидарности сам выколол себе глаза.

Друзья задумались. Помолчали.

Ратомен, как всегда, исподволь выразил самое важное. Только теперь почувствовали они груз обязательств, возложенных совместно выпитой чашей с кровью.

¹ Мост Чинват — «Избранный путь», ведущий людей в рай зороастрийцев.

— Небесные ахуры послали мне еще одну мысль, — начал опять Плоксис. — Ведь пальцы-то все разные. Так давайте сразу и решим, кому быть указательным пальцем, кому средним, кому...

— Эй-ляй! — прервал его Мокридат. — Это не ахуры, а дэвы преисподней наградили тебя такой мыслью! Опять за старое: так и лезешь в вожжи!

— Он хочет быть указательным пальцем, — съязвил Хориен.

— Или большим, — поддакнул Ратомен.

— Если судить по его длинному росту, то он как раз вытягивает на средний палец, — сказал Мокридат. — А средний — это ни то, ни се...

— В таком случае, большим пальцем буду я, — важно заявил Хориен. — Я ведь самый крепкий и приземистый из вас. Отныне слушать меня!

— Нет уж! Я буду указательным — соответственно длине моего тела и стану указывать вам, как жить-поживать, — поспешно вставил Мокридат.

— Э-э, не согласен! — запротестовал Ратомен. — Значит, мне придется стать безымянным?

— Почему? Есть ведь еще и мизинец...

— Ну, мизинцем, верно будет Мавак. Он самый маленький из нас...

Шуточный спор и веселый пир новоявленных побратимов длился уже изрядное время и Мавак почти забыл о своем несчастье, как вдруг послышался мягкий стук копыт и фырканье лошадей. Кто-то спешил к у шатра. Затем прозвучал девичий голос:

— Не здесь ли находится Мавак, сын Сатрака, внук Кидрея-питара?

Мокридат вскочил, опрокидывая чаши и отдернул полог. У входа стояли две девушки. Выглядели они настоящими амазонками: в туго облегающих штанах, коротких куртках, со сверкающими повязками на черных косах.

Лицо Мокридата преобразилось.

— К нам гости... — запел он соловьем.

Девушки стрельнули на него глазками и старшая из них сказала:

— Нам стало известно, что здесь прячут имущество госпожи Зарины.

Увидела Мавака, заулыбалась и звонко произнесла:

— Мавак-жених, побежденный на поле! Наша Зарина требует по праву обычая, чтобы ты сейчас же явился к ней с покорностью и повиновением!

Ратомен подмигнул девушкам и толкнул Мавака в бок:

— А что я говорил! Уже соскучилась...

Плоксис собрался было предложить себя вместо Мавака, но Мокридат не дал больше никому и рта раскрыть, он заплясал вокруг девиц, словно голодный конь возле торбы с ячменем, когда ее слишком медленно развязывает хозяин.

— Птички-перепелочки... — начал он медовым голосом.

— Нам некогда, — важно сказала вторая девица. — Мы получили наказ доставить побежденного добром или силой туда, где ему быть надлежит — среди слуг победительницы.

— Силой? — спросил Мавак, приподнимаясь.

— А ты как думал? — ухмыльнулась первая. — Или ты полагаешь, вдвоем мы не справимся там, где справились одна?

— Не пугайся, малыш, — добавила вторая. — Зарина не кусается и работу даст тебе самую пустяковую: расчесывать конские хвосты.

— Как раз по твоим силам, — ввернула первая насмешница. — Впрочем, если бы мне пришлось схватиться с тобой, я бы, так и быть, уступила: смазливый ты паренек!

Хорошее настроение Мавака от этих насмешек улетучилось, как улетучивается дым от порыва зимнего бурана. Щеки его пылали и черные глаза засверкали, как угли, раздутые тем же бураном.

— Эй-ляй, девушки, — опять завел свою песню Мокридат. — Один-единственный мужчина оказался настолько благородным, что уступил победу красавице, а вы...

Девушки громко расхохотались:

— Прозевали вы прекрасное зрелище!

— Сегодня мужчинам не везет!

— Фари и Вератрагна за нас, женщин!

Друзья только переглянулись, ничего не понимая. И лишь Мавак, местный уроженец, начал догадываться. Сердце дрогнуло от радости: неужели овца его позора затерялась в отаре таких же овец!

— Значит, вы и вправду ничего не видели? — спросила первая хохотушка.

— Сегодня в свадебных поединках девушки одержали тридцать семь побед! — с торжеством возвестила вторая.

Побратимы оторопело мигали глазами. Даже у известного бабника Мокридата отнялся язык. Зато на лице Мавака было написано полное удовлетворение.

Призыв Спитамена (рабство не бывает прекрасным)

Когда девичий конвой привел Мавака в шатер к Зарине, она встретила его, сидя на изящном персидском стульчике. И одета была, как настоящая царская дочь: длинное платье из розовой ткани, золотая диадема с подвесками, тончайшее прозрачное покрывало, ниспадающее на золотистые волосы. На руках — браслеты с изображением змей, на пальцах — перстни из драгоценных камней и золота. И глаза ее, как два сапфира, сверкали холодно и надменно. А слова, какие суровые слова! Они кололи и резали, как бронзовый акинак.

— Почему ты сбежал от меня? Разве не знаешь закон? Ты — мой пленник, моя собственность. Мои подруги вынуждены были целый день искать тебя!

Мавак, глядя в лицо прекрасной обманщицы, дерзко повторил ее собственные слова:

— Это не моя вина. Знать плохо выполнялись твои приказы. Кто захочет, тот сам найдет...

Лицо принцессы вспыхнуло, сапфировые глаза потемнели.

— Если конь отбивается от косяка, пастухи бичами загоняют его обратно. На первый раз я прощаю тебя. Эй, подружки! Накормите его тем, что осталось от слуг, а потом отведите к моим скакунам. Отныне он будет смотреть за ними.

— Благодарю, госпожа. Но я уже пасся на другом лугу и теперь сыт так же, как и твои скакуны...

И началось «сладкое рабство» Мавака — именно так определил его положение Мокридат.

Увы! Рабство не бывает сладким. Ширились слухи, будто принцесса всячески издевается над «царем одного дня», унижает его мужское достоинство. Видели как-то Зарину в окружении щебечущих подружек; они спускались к ручью. А сзади уныло плелся Мавак с большой корзиной грязного белья на голове. Находились свидетели, готовые присягнуть в том, что будто бы царица учит Мавака прясть и ткать, а тот, вытирая слезы стыда, делает уже кой-какие успехи. Более того! Принцесса наряжает юношу в женские одежды и водит вокруг него хороводы с подружками. А ночами Мавак не спит — стоит караульным у шатра, где изволит почивать царская дочь.

Словом, бедный победитель новогодних игр оказался Гераклом в плену у Омфалы¹ — разумеется, Гераклом в сильно уменьшенном виде. Но ведь чувство собственного

¹ Омфала — царица, у которой, отбывая наказания богов, три года служил Геракл. Одетый в женское платье, он выполнял унижительную черную работу.

достоинства не зависит от размеров тела. Известно, что кошка самолюбивее слона. Добрые люди сочувствовали неудачнику и выражали негодование. Недобрые — злорадовались и насмеялись: так ему и надо! Среди молодых находились и такие, что втайне завидовали Маваку: шутка-ли — день и ночь быть рядом с такой красавицей, слушать ее смех, глядеть в ее глаза и самому быть предметом столь высокого внимания! А выдавшие виды старики и бывалые старухи, вспоминая любовные переживания молодости, предсказывали:

— По всему видно: быть свадьбе на осенний Михраган!

Слухи эти, разумеется, достигли обиталища Сатрака и старого Кидрея. Старик сначала горько корил себя за судьбу внука, считая себя причиной всех его бед. Но потом отыскал истинных виновников.

— И как только боги терпят таких лжецов! — сетовал он. — Один болтнет: «Рахш останется с Маваком», другой шепчет: «Судьба Мавака — Зарина». А как дело обернулось? Рахш в табунах Липохшайя, а внук — в рабстве у Зарины! Значит, все их прорицания следует толковать наоборот?! Слава нашим предкам, создавшим очень справедливые законы: и бородатого, и безбородого лжецов ждет огненная повозка...

Пока старик горевал, Сатрак решил повидать сына. Следуя указаниям встречных, он нашел временное жилище семьи Мермера (тоже приехавшей на праздник) у самой реки, за дальней окраиной Роксанаки. Среди камней и редких пучков чия верблюжьим горбом желтел шатер, покрытый старыми облезлыми шкурами. Сопливый мальчишка лет семи пас единственного барана. Баран тоже был облезлый, худой и жалобно блеял, увертываясь от хворостины ретивого пастуха. Невдалеке бродила спутанная хозяйская кляча — такая же старая и костлявая, как и кобыла деда Кидрея.

— Эй, парень! Дома ли отец?

Мальчишка поддернул рваные штаны, шмыгнул носом:

— Отец бегаёт.

— А мать?

— Тоже бегаёт.

Сатрак удивился:

— Почему и зачем они бегают?

Мальчишка опять шмыгнул носом, потер босую красную ногу о ветхую штанину и ответил невразумительно:

— Отец сегодня не принес еды.

Из шатра вылезли еще трое ребятишек — мал мала меньше — и устали на чужого дядю. Одеты они были в невообразимое тряпье из шкур и разноцветных лоскутков, однако, аккуратно сшитых жильными нитками. Видимо, здесь пытались из последних сил содержать в порядке внешний вид.

Сатрак сам имел более чем скромный достаток. Знал и о бедности Мермера. Но не подозревал, до какой черты может простираться эта бедность...

— Где же они бегают?

— Во-он за теми кустами.

Локтей за пятьсот от шатра виднелись густые кусты. Мальчуган доверительно сообщил:

— Они не хотят, чтобы мы видели, как они бегают.

Охотник спутал коня и пешком двинулся в указанном направлении. Еще издали послышался какой-то шум и приглушенные голоса. Подойдя совсем близко, он стал разбирать слова.

— Бездельник! — гневно кричал женский голос. — Нет от тебя пользы!

Затем последовал глухой стук и басовитый вскрик мужчины. Сатрак остановился. Хотя сюда его привело важное дело, однако семейная ссора — не для чужих глаз. Пока он размышлял, уши невольно становились свидетелями.

— Баран косолапый! — опять кричал женский голос. — Нет бы хозяйством заняться, а он дым нюхает: откуда

тянет жареным козленком! Где свадьбы или похороны! А дети голодные, как весенние сурки! Вот я тебя! Вот! Вот!

Глухие удары следовали один за другим, каждый сопровождался басовитым «ой!».

Охотник поворотил было назад, но тут из кустов вылетел Мермер, красный, взлохмаченный, без шапки и кафтана. С прытью молодого оленя он пронесся два десятка шагов и лишь тогда увидел Сатрака. Остановился, как вкопанный, вытаращив глаза.

— Здравствуй, сосед, — сказал охотник.

На лице бедняги стала попеременно отражаться сложная гамма чувств: испуг, удивление, смущение, досада и, наконец, подозрительность.

— Ты давно тут? — спросил он, бегло-испытующим взглядом обшаривая гостя.

— Только иду.

— Хе-хе-хе... Может, какой-никакой шум слышал? Я тут развлекался с... упражнялся в-в-в... — Мермер начал заикаться, спотыкаться...

— Ничего не слышал, — поспешил уверить Сатрак. — Я к тебе по делу...

Мермер сразу успокоился.

— Пойдем в жилище! Одно беда: жена уехала к родственникам, в доме ничего не приготовлено... Ну, да сейчас мы нарежем барана...

— Прости, я очень спешу. Просьба у меня к тебе... — Сатрак даже закричал (никогда в жизни он не унижался до просьб).

Мермер приосанился (никто у него никогда и ничего не просил), даже хлопнул охотника по плечу, сказал напыщенно:

— Все, чем я владею — твое!..

— Мне нужно поговорить с моим сыном... Но увидеть его не так-то просто. Говорят, он все время под присмотром...

Не мог бы ты вызвать его куда-нибудь за пригорок, чтобы потолковать без помехи?

Мермер хлопал глазами, почесывал спину: видимо, такой просьбы он никак не ожидал.

— Говорят, Мавак у царевны заместо раба... — продолжал охотник.

Но Мермер горячо перебил:

— Эй, сосед! Великое счастье привалило твоему сыну! Мне говорил Рутак со слов Бразана, а тому передал Скунха, будто все старики в Роксанаке уверены: быть свадьбе на осенний Михраган!

— Может и так, — ответил охотник. — Я не против женитьбы сына... Но не такую невесту я хотел, В доме нужна хозяйка, работающая, заботливая. А царская дочь? Ведь сказано: кто берет жену из более знатного рода, тот приобретает госпожу...

— Понял! — вскричал Мермер, — Ни слова больше, сосед! Я сейчас же еду к шатру царевны — вот только взнуздаю своего иноходца! И пусть меня утащат дэвы в преисподнюю, если ты не встретишься с сыном!

На седьмой день Ноуруза царские глашатаи объявили, чтобы все шли к Большому жертвеннику у скалы Пашкуча. Будет говорить Спитамен. Народ шел толпами.

Спитамен начал свою речь в обычной манере хорошо воспитанных гостей, желающих сказать приятное хозяевам:

— Укротители быстроногих коней! Властители стад и пастбищ! На этом великом празднике мой живот ощутил славное гостеприимство, уши мои насладились пением девушек, а глаза пришли в восторг от лицезрения могучих воинов народа саков! Пусть и впредь благостным дождем прольется милость богов на вашу прекрасную землю!

Толпа одобрительно загудела. Спитамен продолжал:

— Мы — соседи. Уже много поколений между нами нет войны. Каждый владеет своим и не зарится на чужое. Наш Согд тоже прекрасен: он обилен возделанными полями,

сочными пастбищами и животворящей водой. Быстроконное Солнце, которому все мы поклоняемся, одинаково ярко светит и вам и нам. И разве не все мы почитаем Ахура-Мазду (Урмаузду, как вы говорите) и Справедливость — Арту?..

Опять гул одобрения про шумел над полем.

— Но в мирную жизнь нашу черной змеей вползла беда. Посланец — Анхра-Майнью, коварный и жестокий враг подступает к нашим пределам. Уже пылают города и селения некогда цветущей Бактрии. Алтари богов разрушены и руки насильников влекут за косы бактрийских девушек по пыльным дорогам. Надменный царь Запада хвастливо говорит: то же самое ожидает и прекрасный Согд! А потом наступит ваш черед, доблестные метатели стрел!

На этот раз поле отозвалось нестройным шумом. Слухи о великой войне, опустошающей персидскую державу, давно уже носились в сакских степях и предгорьях. К тому нее ветераны похода на запад, вернувшиеся после Гавгамел, рассказывали всякие ужасы о могуществе и беспощадности железнобоких людей царя Искандара.

Спитамен предлагал объединиться, выступить всей ратью и уничтожить общего врага где-то там, на дальних рубежах, пока он не вторгся и не осквернил священную землю предков.

Мнения разделились. Большинству просто не верилось, что кто-то доберется сюда, на далекую окраину. Ведь даже персидские сборщики налогов не осмеливались переправляться за Яксарт и требовать дани! Со времен первого Дараявауша никто не нападал на саков — одно лишь их славное имя останавливало любого врага!

Другие же, особенно ветераны, поддерживали Спитамена: царь Искандар ни перед чем не остановится! Он хочет завоевать вселенную — уж они-то его знают!

В народе обсуждали: кто же такой этот Искандар? Может, это демон Апаоша, царь пустыни? Или сам властелин мрака Анхра-Майнью?

Но все признавали, что бороться с ним надо — во имя Урмаузда-Света и Арты-Справедливости...

После правителя Согда слово держал сам Владыка Горы.

— Доблестные мужи! Совет вождей принял решение не начинать пока большой войны с царем Искандаром. Посмотрим, куда он повернет. Но соседям помочь мы должны. Поэтому на битву с врагами под водительством славного и могучего, Рожденного в потомстве Спитамена пусть отправляются все желающие! Я думаю, на такое дело лучше всего идти молодежи: потешить душу, попробовать силу свою! Пусть Спитамен поступит по обычаю!

Набор войска

Когда закончилась эта великая сходка, люди долго обсуждали услышанное. Спитамен, после решения вождей ставший угрюмее обычного, был приятно удивлен, когда к нему стала десятками приходить сакская молодежь, готовая хоть сейчас отправиться на край света, Молодым вечно не сидится дома! Эту истину правитель Согдианы постиг сейчас воочию. И у него зародилась мысль: не ошибку ли совершили персидские цари, опираясь только на знатных, ожиревших царедворцев-домоседов? Не полезней ли было обратиться к простому народу? Какое войско устоит против него?!

Однако, со временем, Спитамен стал замечать, что слова саков противоречили их делам. Саки охотно говорили о воинском братстве с соседями, о силе удара их латной конницы, хвастали меткостью стрел своих необычайно тугих и коротких луков, проявляли готовность немедленно схватиться с железнобокими воинами Заката, а самые дальновидные даже подсчитывали количество вьючных лошадей и верблюдов, которое потребуется для перевозки трофеев в Царскую долину после разгрома дэва Искандара. Но стоило кому-либо из сподвижников Спитамена предложить

⁶ Том XIII. В. М. Плоских

говорившим тут же вступить в их войско, как саки с удивлением переглядывались, пожимали плечами, поднимались и молча уходили. Картина эта повторилась несколько раз. Славные воины приходили и уходили, не поставив ни одной палатки рядом с шатром правителя Согда.

Спитамен сначала недоумевал, потом стал раздражаться и, наконец, обиделся. Самые черные мысли отравляли горячую голову. «А не козни ли это сакских вождей? — думал он. — Не мутит ли воду жирный Спаргатиф, который и сам, видать, не прочь прибрать к рукам ближние к его землям согдийские города?.. А Картазис? Липохшайя еще молод и здоров, так что его братцу не скоро достанется желанный жезл царя саков. Не мечтает ли честолюбец воспользоваться всеобщим бедствием и воцариться в Согде? Этот на все способен... А не сам ли царь? Нет... исключено! А почему же исключено? Что ему согдийцы да бактрийцы? Не зря Плоксис говорил... Стоп! Вот оно! Дело в знати, которая прибыла со мной».

Спитамен вспомнил глухую пустыню, простую повозку, а на ней окровавленный труп царя царей Дараявауша среди грязного тряпья, толпу вельможных палачей, прятывших глаза друг от друга. И мрачные думы продолжали терзать душу вождя: «Кому же из моих не дает покоя жуткая слава Бесса? Хориену?.. Как ловко он играл этакого простачка-богатыря, укладывая всех борцов на лопатки под одобрительный рев толпы. А может, Мокридату? Братается с саками, бегаёт за их девками, только что подолы не заголяет. Тоже мне будущий зять... А что же Ратомен? Почему не доложит? Он же, как и я, согдиат!

Правитель Согда стал лихорадочно вспоминать, а не сделал ли он ненароком какого зла своему вельможе, не обошел ли когда-либо его род...

— Да что же это я... Хватит подозрений, — резко оборвал он кощунственные мысли. — Не лежать на боку,

а действовать! Нужно пойти к Липохшайе и прямо спросить, в чем дело?

Спитамен хотел уже крикнуть слуг и приказать седлать коня, как вдруг край полога отодвинулся и вошел улыбающийся Ратомен.

«Легок на помине», — подумал Спитамен и спросил:

— Хорошие вести? Искандар повернул обратно?

— Я ничего не знаю о царе Искандаре, мой господин, но со мною желанный гость.

— Если желанный, то проси.

В шатер вошел какой-то простолюдин в потрепанной одежде, остановился у входа, взглядом отыскал хозяина и, приветствуя, слегка кивнул головой в его сторону.

— Поклонись высокородному владельцу Согда, — прошипел Ратомен. — Не переломишься...

— Свободный воин-сак никому не кланяется, — громко ответил вошедший. — Как-то я встретил самого Липохшайю...

— Кто ты, гордый воин? — перебил его Спитамен. — И зачем пожаловал?

— Я — Мермер. Мой сосед Сатрак — сражался с дэвами у Гавгамел, а его сын, Мавак, был царем саков-гуров целый день. А пришел я к тебе, славный повелитель Согда, не по своей воле. Это все Рутак, который сказал Бразану, а Бразан — Скунхе, а тот Маваку...

— Кого ты привел ко мне? — строго спросил хозяин, обращаясь к Ратомену. — В своем ли он уме?

— И еще в каком, мой повелитель! Он только что раскрыл мне нашу собственную глупость. Дело касается набора войска...

— Говори, говори, мой славный Ратомен, — оживился правитель Согда. — А ты, гордый Мермер, подойди ближе и сядь вот на эти подушки. Негоже такому человеку стоять у входа... Так, что же войско?

— Дело в том, господин, что мы по незнанию пренебрегли древним обычаем саков, обойти который никак нельзя. Что сказал Липохшайя на собрании народа? Он сказал: «Пусть Спитамен поступит по обычаю».

— А обычай таков, — встрял Мермер. — Нужно найти быка большого и жирного. Но не всякий, даже очень большой и очень жирный, бык годится. Нужно, чтобы он был весь черный-пречерный, а на лбу была белая отметина. А еще нужно, чтобы этот бык пасся на сладких травах Высокой Хары. Но и этого мало. Нужно, чтобы этот бык раз в три дня лизал черную соль, которую добывает мой народ в горах поблизости от скалы Пашкуча. А воду такой бык должен пить из реки, которую мы называем Мышь. Тогда мясо быка будет столь сладким и приятным на вкус... — Здесь собственное красноречие и богатое воображение сыграли с Мермером злую шутку: он хотел слотнуть обильную слюну, заполнившую рот и мешавшую говорить, но голодная спазма напрочь сковала горло и ком застрял на полпути. Бедняга замолчал на полуслове и, выпучив глаза, уставился на хозяев...

Ратомен мгновенно уловил причину молчания. «Как правы хорзары, — подумал он, вспомнив притчу, слышанную в войске Дараявауша о бедности и гордости кочевников. Речь там шла об одном князьке, который, сославшись на сытость, высокомерно отказался от застолья у царя царей, а сам, укрывшись в палатке, всю ночь грыз кривыми зубами мясо павшей клячи. — Предложи вот такому кусок хлеба, так тебя же и облает, оскорбит, унизит. Но чем, если не пищей, можно заткнуть ему рот? Рискну...»

— Вели подать ужин, господин. И хорошего человека угостим, и поговорим спокойно.

Расчет согдиата оказался верным. Недолго, соблюдая достоинство, сопротивлялся Мермер, утверждая, что он ну только что вдвоем со Скунхой съел почти целого барана. Он дал себя уговорить. Простим бедняге эту слабость,

ведь ему, хронически голодному пастуху и сыну пастуха, противостояли два искушенных согдийских дипломата. И пока сак уплетал горячие лепешки с душистой кровяной колбасой, Ратомен без помех объяснил правителю причину странного поведения саков.

— Кочевники всегда готовы к разбоям и грабежам. Нам ли, согдиатам, не знать это? Тоже натерпелись... А цари кочевников, кичась своей справедливостью, закрывают глаза на такие несправедные дела. А как не закрывать?. Запрети-ка такому вот Спаргатифу ограбить соседей, так он при случае вцепится и царю в глотку. А мало ли у саков таких Спаргатифов? Как же быть царю? Разреши грабеж — прощай слава о великой справедливости, не разреши — можно распрощаться со скипетром и даже с жизнью. Древние мудрецы саков нашли-таки выход из этого положения: одни войны они объявили праведными, а другие — несправедными.

— Это были истинные мудрецы! Последний год и я часто думаю об этом... Так какие же войны по их разумению праведные?

— А те, которые начаты с разрешения народного собрания и которыми руководит сам царь.

— И только?.. — разочаровался Спитамен. А что же тогда несправедные?

— А несправедные те, которые ведут ради грабежа знатные люди добровольно набранными отрядами без разрешения народного собрания и согласия царя. Тогда царь и народ снимают с себя всякую ответственность за действия таких отрядов и не помогают им, если они попали в беду. Правда, это не мешает царю получать долю с грабежа. Он вправе даже ставить во главе таких отрядов своих людей. Как видишь сам, повелитель, в этом случае и знать довольна, и царь не в убытке.

— А как же знать набирает такие отряды?

— Вот в этом-то и вся суть. Поэтому мой побратим Мавак и прислал этого человека. Сам он не вправе отлучиться. Нам не набрать здесь и одного-единственного всадника потому, что мы не соблюдаем обычая при наборе войска.

— Что же это за обычай?

— Очень простой. Надо убить жертвенного быка в честь бога войны Вератрагны. Без благословения бога ни один сак не возьмется за оружие.

— О, всеильный Вератрагна! Прости меня за черные мысли, недостойные Рожденного в потомстве... А что же они сразу не сказали?

— Саки, как передал Мавак, не понимают, почему мы медлим с жертвой. Они говорят так: либо Спитамен не чтит Вератрагну и тогда глупо связывать с ним свою судьбу, либо (прости, о господин мой!) Спитамен скуп, и тогда идти за ним еще глупее. А подсказать нам они и не собирались. Сказать — значит, вынудить. А жертву по принуждению, как известно, боги не принимают...

Спитамен долго молчал. Думал. Ратомен сидел, не шелохнувшись. Даже Мермер перестал чавкать, замер. Две крупные слезы выкатились из глаз правителя и застряли в усах. Наконец он заговорил. Тихо, без интонаций. Казалось, что он говорит сам с собой:

— Хорошо продумал все Липохшайя. Мне не отказал — бери воинов столько, сколько пойдет за тобой. И перед Искандаром чист — разве может царь саков отвечать за действия шайки грабителей во главе с каким-то Спитаменом? Умен. Хитрец. А самого главного не понял: столь страшной опасности еще никогда не подвергалась наша земля. И спасение сейчас только в единстве. Знает ли царь саков, сколько крови будет стоять моему народу его хитрость? Догадывается, конечно. Что ему согдийская кровь? Своя рубашка ближе к телу. А меня, родственника

Дараявауша, в кого превратил? В предводителя разбойников, ведущего неправедную войну. Неправедную? Да война за свободу своего народа, за свободу родной земли, самая святая, и ради этой свободы я заключу союз даже со всеми силами преисподней, с самим Анхра-Майнью.

* * *

Наутро вся Царская долина узнала, что у храма Вератрагны великий и славный правитель Согда Спитамен будет приносить жертву богу войны.

У храма собралась большая толпа саков, однако мужчин, пригодных для войн и походов, было мало. В стороне отдельной группой стоял Спитамен с друзьями. Правитель Согда был одет в платье сакского пастуха. Только пояс с тяжелой золотой пряжкой и акинак в ножнах, покрытых золотом, указывали на его принадлежность к высшей знати.

Спитамена терзали сомнения. Глядя на толпу, в которой затерялось не больше сотни-полторы воинов, на убогий храм сакскому Вератрагне, вождь корил себя за то, что не обратился к массагетам. Ну что это за храм богу войны? Громадная куча хвороста, в вершину которой воткнут меч. За зиму хворост слежался, куча скособочилась, меч торчал криво. Дараявауш, выступая против Искандара, возносил хвалу Вератрагне в мраморных с позолотой храмах Персеполя. А проку?.. Чем же может помочь бог, который имеет хворостяной храм?

Спитамен вспомнил жуткий рассказ отца, который был очевидцем человеческого жертвоприношения у храма-хвороста. Саки тогда взяли большой полон и из каждой сотни пленных одного обрекли на жертву Вератрагне. Несчастных резали, как баранов, а кровью поливали ржавый меч. Отца тогда потрясла не сама резня, а надругательство над трупами жертв. Опасаясь мести мертвецов, саки отрубали у них правую руку вместе с плечом и забрасывали на кучу

хвороста. «А может быть, оставить затею с набором войска, — думал правитель. — Стоит ли самому вести сакских волков в согдийскую кошару?»

Несколько саков суетились у громадного бронзового котла на трех коленчатых ногах. Котел был работы хороших мастеров, что сразу оценил правитель. Но и это вызывало непонятное раздражение: «Какая варварская фантазия побудила создать столь нелепое украшение — ножки котла в виде тигров? И зачем из пасти благородного хищника торчит бычья нога с широким копытом?..»

Ждали быка... О своем появлении бык возвестил сам могучим и протяжным ревом. Громадные рога его украшал венчик из вечной арчи, на шее — лента красной ткани. Черный великан трусцой бежал между двумя всадниками. Каждый из них держал в руках натянутый волосяной аркан, привязанный к медному кольцу в ноздрях животного. Кони боялись рогатого чудовища, шарахались, норовили рвануть в сторону. Кольцо рвало ноздри, причиняя быку нестерпимую боль. Слюна и кровь, смешавшись, клочьями розовой пены падали на едва пробившуюся траву. Бык ревел...

— Это он возносит молитву Вератрагне, — говорили в толпе.

— Великий Вератрагна не может не принять столь прекрасную жертву. Такие быки водятся только на берегах Теплого озера, что к востоку от нашей долины. Они пьют соленую воду.

— Ну и что, что соленую воду? Может и не принять. Я слышал, что согдиатский Вератрагна — громадный дикий кабан. А зачем такому Вератрагне бык?

— Такому богу надо жертвовать мешок диких яблок, — кощунствовали шутники.

— Зато наш бог войны — тигр, и он давно не пил бычьей крови. У нашего храма жертва может быть только нашему богу.

— Э... Даже Урмаузד не откажется от такой жертвы. Это же бык Картазиса, специально подобранный и осмотренный самим кави-жрецом. Картазис готовил его как благодарность в честь победы Зарины на скачках. Вератрагна давно ждет обещанного...

— А сколько же Картазис взял за такого красавца?

— Уж не меньше, чем шапку наконечников стрел. Она у него вон какая громадная...

Тем временем быку крепким ремнем связали передние ноги, пропустили конец между задними и вручили его Спитамену. Старый кави вознес короткую молитву небесам и подал знак. Спитамен изо всех сил дернул ремень на себя — бык упал. Кави накинул на шею животному петлю, вставил в нее палку и несколько раз повернул ее...

...Быка освеживали быстро. Кави разделил его на четыре части: кровью окропили храм и полили меч, мясо — в котел, шкуру разостлали на земле, а внутренностями занялись жрецы. Они долго рассматривали их, особо придирчиво — печень, совещались, потом опять что-то выискивали, указывая друг другу на одни им известные приметы. Наконец старый кави поднял руку и толпа разом затихла:

— Слушай волю бога, о благословенный народ сакотуров! Вератрагна принял жертву Спитамена. Он сам и его воины будут покрыты вечной ратной славой. Подвиги их будут помнить потомки, пока стоит Великая Хара, пока светит Солнце-Митра, пока течет наша Апо!

При первых словах кави Спитамен сорвал с себя пояс, повесил его на шею и сел на разостланную шкуру быка. Оглядев толпу, внимающую кави, он рванул ворот рубахи и заложил руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Как только умолкли слова-раскаты профессионального оратора-кави, Спитамен, глядя поверх толпы и ритмично раскачиваясь, начал длинный речитатив-жалобу народу сакот от имени персов, арахозов, каспиев, дагов, ариев, бактрийцев, парфян, согдиатов на бесчинства царя Запада...

Мясо сварилось. Его горой наваливали на широкие деревянные столики с короткими ножками и ставили на шкуру быка перед говорившим. Первым из толпы вышел чернобородый воин, огляделся, взял бычью лопатку, откусил. Потом он наступил правой ногой на шкуру и обращаясь к Спитамену громким голосом, чтобы слышали все, заявил:

— Я иду с тобой на Искандара и беру с собой пять всадников на своих харчах.

Пример был подан. Один за другим подходили воины, брали мясо, становились на шкуру и произносили обет-клятву. Кто обещал выставить два, кто три, а кто и десять всадников на полном своем обеспечении, Но больше всего было тех, которые могли предоставить в распоряжение Спитамена только самого себя...

К полудню под началом правителя Согда было три сотни всадников. Три сотни, которые стоили тысячи. Наступив на шкуру жертвенного быка, саки тем самым приносили друг другу клятву держаться крепко против любого врага.

Мавак и Зарина

Ноуруз был самым светлым, радостным и желанным праздником для всех сакских племен. Особенно радовалась молодежь. Еще бы! Из глухих урочищ, из маленьких кочевых и полукочевых общин, где все — родственники, вдруг попадаешь на огромное стечение народа! Сколько нарядных девушек! Сколько добрых молодцев! Здесь можно было найти себе по сердцу спутника на всю жизнь. Здесь русые, черные, рыжие косы вызывали пожар в сердцах. Здесь ярким румянцем вспыхивали щеки. Здесь встречались глаза с глазами, вели немые разговоры... Чтобы потом, осенью, когда соберут урожай и пригонят тучные стада с горных пастбищ, сыграть веселые свадьбы...

Тринадцатый день после весеннего равноденствия принадлежал слабому полу. Южные соседи саков в этот день

отправлялись целыми общинами на луга, покрытые цветами. Юноши дарили любимым тюльпаны — символ весны.

В Царской долине тюльпаны еще не цвели. Но обычай есть обычай. На зазеленевших лужайках девушки собирали первые робкие цветочки — желтые, белые и голубые, плели венки и пели песни-заклинания:

«В тринадцатый день следующего года — дом, муж, младенец на руках»¹.

А женщины, у которых, к несчастью, уже были мужья, входили в ледяную реку с песней:

«О, текучая вода!

Со мной пусть будет ласков муж мой»².

В этот день наиболее смелые и предприимчивые юноши исполняли для любимых песни. И не таясь, в присутствии многих свидетелей! Только сегодня можно было таким образом открыто сказать о своей любви. И даже самые строгие блюстители нравов не находили в том ничего зазорного. Наоборот! В этот день можно было прославиться удачно сложенной песней: ее, быть может, станут повторять влюбленные из поколения в поколение. И, действительно, из поколения в поколение кочевали в песнях вдохновенные сравнения: глаза-звезды, ресницы-стрелы и другие обязательные приметы луноликих красавиц.

Великий любитель женского пола Мокридат чувствовал себя как рыба в воде. Для начала он спел бойкую песенку Томире, подруге царевны (она была одной из двух, приходивших за Маваком, вторую звали Спаретрой),

— Перепелка моя, куропатка! — пел Мокридат, аккомпанируя себе ударами пальцев о дно медного блюда. — Смотришь нежно, целуешь сладко! И ласкать тебя вечно рад верный воин твой Мокридат!..

¹ Подлинные тексты песен-заклинаний.

² То же самое.

Луноликая улыбалась, стрелы-ресницы взлетали, глаза-звезды обещали что-то... Но царевна Зарина вовремя вмешалась и велела парфянину отойти подальше! Мол, слишком много намеков в песне...

Но Мокридат не унывал, не переставал восхищаться:

— Эй-ляй! Какие птички-перепелки! Особенно вон та...

Хориен сделал ему замечание:

— Удивляюсь я тебе! Любить дочь Спитамена — и заглядываться на каких-то птичек-перепелок!..

— Что ж тут удивительного?

— Или мы уже не любим Апаму? — Хориен осуждающе покачал головой.

— Не знаю как вы, а мы... Но Апама далеко, а эти — вот они... Восхищаться красотой разве грех перед богами?

Хориен в ответ передернул плечом. Парфянин начал злиться:

— Эй, человек со слепыми глазами! Вот и люби свою прекрасную Рахшан! Хотя она и не обращает на тебя царственного внимания...

Хориен стал надуваться, краснеть... Ссору друзей предотвратил Ратомен.

Плоксиса же нигде не было видно. Исчезла также и Спаретра, ближайшая подруга Зарины и Томиры.

Толстый князь Спаргатиф, устроившись на переносном стульчике, с певучим инструментом в руках, импровизировал довольно приятным баритоном. Многочисленные слушатели затаили дыхание. Еще бы! Сам князь левобережных саков...

Спаргатиф пел:

— Зара! Зарина! Зариня! Золото твоих волос закрыло для меня весь мир! Когда я вижу тебя — сердце мое полно сладкими мыслями, как царская казна — сокровищами... Но ты отворачиваешься — и злой Анхра-Майню покрывает землю черной пеленой... И в сердце — горечь полыни да едкий дым пепелища... Сердце ограблено...

— Славно поет! — заметил Мокридат. — Какая девушка устоит против таких слов?

Это замечание он адресовал деду Кидрею, неизвестно откуда взявшемуся.

— Если девушка — дура, конечно, не устоит, — сварливо отвечал Кидрей. — У этого толстяка одно на уме золото, казна, богатство! А где сравнение тонкого стана с ивовой веткой? Нежного голоса — с песнью жаворонка? Алых губ — с утренней зарей над горами? Да будь у меня внучка — не отдал бы за него, призываю в свидетели собственные хворобы!

Говоря это, старый Кидрей молодыми глазами всматривался в окружение царевны. Но внука нигде не было видно...

Прошел слух, что Мавак, якобы, просился у царевны в отряд Спитамена, а та не отпустила. Эту же весть охотнику Сатраку принес и Мермер-говорун. Только на этот раз он мало говорил — больше ежился и вздрагивал.

— Расскажи подробнее. — Сатрак просительно дотронулся до его плеча.

Тот подскочил как ужаленный, даже вскрикнул.

— Прости, великий воин, — оправдывался он перед удивленным охотником. — Но если бы тебя долго-долго щекотал целый косяк девиц... Думал, смерть моя пришла... Еле ушел.

Сатрак недовольно фыркнул.

— Я тоже хохотал спервоначала, — обиженно сказал Мермер. — Так нахохотался, что больше до самой смерти уж не захохочу. Уй-и-и... Страшная это участь — попасть в руки женщин...

Вот уже целую неделю Мавак становится на стражу и всю ночь бродит вокруг шатра царевны, не смыкая глаз. Так приказала взбалмошная и капризная повелительница. Всякий раз она сама проверяет службу часового. От всего этого юный горец впал в тоску и даже нагрубил своей

госпоже. А тут еще эти подружки-служанки. Например, вчера, в глухую полночь из их шатра послышалось хихиканье и чей-то голосок позвал:

— Тюльпанчик, иди к нам...

Юноша как будто узнал голос Томиры, ближайшей наперсницы царевны. А, может быть, Спаретры?

А, наутро Зарина, глядя в пространство мимо подруг, сказала:

— Я слышала ночью: моему стражу мешали исполнять свои обязанности. В следующий раз кому-то сильно не поздоровится.

Девушки смущенно помалкивали. В тот же вечер она сказала юноше:

— Мне донесли: ты плохо несешь свою службу, отвлекаешься на посторонние дела. Смотри же, будь внимателен! Я наверняка знаю, сегодня воры попытаются ограбить мой шатер...

Мавак угрюмо подумал: какой еще подвох собирается устроить царевна?

...Звездное небо раскинулось от одной кромки гор до другой. Мириады огней горели над притихшей темной долиной. Пала роса. Мавак, зябко поеживаясь, глядел в бездонные выси и размышлял.

Эти звезды — костры, которые зажигают предки, ушедшие навсегда в блаженные поля Йимы. Вон Тиштрия (Сириус). У этого великого героя-предка самый яркий костер... Пройдет срок и он, Мавак, зажжет свой костер там, наверху... И какой-нибудь потомок вот так же будет стоять, задрав голову, и гадать: где же костер праотца Мавака?

... Слух размечтавшегося юноши уловил приглушенный шум: очнувшись, он увидел на фоне звездного неба чей-то силуэт — шагах в десяти, не более. Кто-то, сопя и отдуваясь, перелезал через земляную насыпь. Мавак весь напрягся и кошачьими шагами заскользил навстречу,

пригибаясь к земле. Кто-то совсем рядом тяжело спрыгнул внутрь ограды. Юноша выставил вперед палку, словно копьё, и, как ему казалось, грозно произнес;

— Стой, вор!

За палку сильно дернули, в тот же миг искры посыпались из глаз, от сильного удара Мавак отлетел в сторону. Кто-то огромный с глухим рычанием бросился на него, пытаясь навалиться всей тушей и достать до горла. Но проворный горец вывернулся ящерицей, вскочил; что есть мочи пнул неведомого врага во что-то мягкое, Наверное, в брюхо. Тот ухнул от неожиданности. Мавак прыгнул ему на спину — и снова отлетел. Незнакомец оказался силен как бык. Юноша с удовольствием оглушил бы его палкой, но палка затерялась во тьме. А силач тем временем поднялся на ноги. Мавак ударил его головой в живот и от этого удара едва не потерял сознание. Противник, тяжело сопя, подмял его и снова начал искать горло. Неужто пришел срок и еще этой ночью придется Маваку зажечь свой костер в небесных степях Йимы? Последним усилием слабеющий страж попытался вытащить акинак... Напрасно... Сознание уплывало... Будто сквозь обморочный сон услышал звонкий голос:

— Бейте вора, девушки!

Шум, визг, громкие дробные удары. Легче стало дышать. Туша сползла в сторону. Оказывается, на шум драки выскочила Зарина, а с ней — дюжина ее амазонок. И хотя было очень темно, они каким-то образом отличили Мавака от другого, пришлого, и теперь утюжили ему бока с неослабевающим пылом. Мавак благоразумно отошел в сторону, почесывая ушибы и прислушиваясь к азартному визгу девушек, оханью и протестующим выкрикам незнакомца.

Наконец, когда поверженному досталось, по мнению царевны, сколько следовало, она воскликнула:

— Постойте, девушки! Кажется, он что-то говорит:

— Я-авв, бр-бр, — рычал тот неразборчиво. Зарина воскликнула как бы в изумлении:

— Спаргатиф! А ну, подружки, помогите подняться Рожденному в потомстве! Прости, владетель стад, но эта тьма ввела нас в заблуждение! Мы приняли тебя за вора — похитителя девичьей чести! Нынче много развелось таких бездельников! Но как ты очутился здесь, да еще глубокой ночью?

Говоря это, девушка заботливо отряхивала толстяка, поднимавшегося медленно, с кряхтением и сопением.

— Не сильно ли ушибли тебя? — тревожно спрашивала, заглядывая князю в лицо, при звездном свете.

Но Спаргатиф не пожелал отвечать. Он негодуяще промычал что-то и захромал прочь, топая как легендарный человекобык Гопатшах...

А царевна, тихонько прыснув в кулак, сказала как бы про себя, но чтобы услышал Мавак:

— Умному — закон, дураку — палка...

Юноша не знал, что еще днем Зарине пришлось вести беседу с заречным князем.

— Земное воплощение Аргимпасы! — говорил князь напыщенно. — Сегодня ночью, когда загорится над миром Тиштрия (Сириус), я приду к твоему шатру рассказать о тайне моего сердца... Ты не вправе отвергнуть мою просьбу: по обычаю каждый влюбленный может сделать это.

— Я не выслушиваю ночами тайны мужских сердец. Спи-ка лучше в своем шатре, — насмешливо отвечала Зарина.

— Приду! — бубнил князь упрямо.

— У меня есть страж. В темноте он может принять тебя за вора...

Спаргатиф расхохотался:

— Ты говоришь об этом ничтожном суслике? Я раздавлю его — и не замечу!

— Я предупредила тебя! — царевна сдвинула брови и повернулась к обескураженному влюбленному спиной.

На следующую ночь Мавак опять стоял на часах. Теперь он был — сама бдительность. Лишь только стусились сумерки, как он заметил силуэт крадущейся фигуры.

— Стой, вор!

И столкнулся лицом к лицу с дедом Кидреем. Тот на-смешливо хихикнул:

— Сторожишь, внучек? Ни дать, ни взять — «Смотритель гостей» при главной кибитке хорзарского царя... А ну, пропусти меня к своей хозяйке.

— Что ты задумал, дед? — Мавак все еще пребывал в изумлении.

— Мое дело! — сварливо ответил старик. — Если ты оказался молодым бараном, должен быть кто-то и старым ослом. А ну, дай пройти!

Мавак отступил и уныло смотрел в удаляющуюся спину.

Потом он долго бродил вокруг шатра, изнывая от нетерпения. «Зачем пожаловал дед? Наверняка станет просить царевну за меня?» Щеки его запылали, кошацье самолюбие громко возопило в душе. Он твердо был уверен, что Зарина его не любит, и жестоко страдал от мысли, что дед сейчас вымаливает для внука милостей у царевны. Ожесточившись, он подошел к самому шатру в твердой решимости прервать дедовы слезные мольбы. Слух его уловил последние фразы разговора:

— Я ухожу. А ты подумай хорошенько, красавица.

— Милый дедушка, любимый богами, — голос принцессы был мягок и в нем даже почудились слезы, — я поступлю по-своему: такой уж мой нрав. И если захотят Урмаузду и Аргимпаса, все будет хорошо.

Мавак еле успел отскочить — из шатра появился старик и с достоинством засеменял прочь. Мавак догнал его,

— О чем ты говорил с царевной?

— Узнаешь, когда ума наберешься, — сердито ответил он и сунул юноше что-то в руку.

— Спрячь-ка и понадежнее. Это дорогое ожерелье, которое так и не успел я подарить твоей матери. Подари царевне при случае. И запомни, недотепа, девушек сторожат внутри шатра, а не снаружи! Э-эх, молодость-глупость!..

Между Владыкой Горы и его строптивой дочерью тоже состоялся серьезный разговор. Царь настаивал, чтобы дочь отпустила Мавака в отряд добровольцев Спитамена.

— Он — мой «пленник по обычаю»! — кричала Зарина. — Только я могу распоряжаться его судьбой!

— Так-то оно так... Однако не забывай, дочь, Мавак — потомок Ширака. И не пристало нам делать из него раба. Ходят слухи...

— Неправда! — оборвала Зарина, краснея. — Но ведь он — моя собственность! Что хочу, то и делаю.

— А что скажут люди? Все нас осудят. Нет уж, дочка! Пусть-ка молодец поборется не с женщиной, а с воинами царя Искандара. Пусть добудет себе славу.

— А если его убьют? — от этой мысли царевна даже побледнела: шутка ли, будет нанесен такой ущерб ее «имуществу»!

— Мужчина рожден женщиной для того, чтобы пасть в бою...

— Не отдам! — визжала Зарина.

— Отдашь, — благодумствовал Липохшайя. — Я возвеличу его.

Принцесса в голос запрочитала. Но отец на этот раз был непоколебим. Вполне возможно, царь лелеял мысль: а вдруг Мавака и вправду убьют на войне? Тогда не придется отдавать царевну за потомка, хотя и знаменитого, а все же конюха... Ибо отцовский глаз сразу приметил: с чувствами к этому охотнику у его дочери далеко не так, как ему бы хотелось...

Спитамен приготовился к походу. Вместе с ним отправлялся отряд молодых саков числом в триста тридцать человек. Возглавлял их юноша, тот самый, который один день был царем. Вечером он доложил согдийцу:

— Дружина «проигравших» готова следовать за тобой, правитель Согда,

— А почему так называется дружина? — поинтересовался тот. — Ведь это плохая примета.

Мавак насупился:

— «Проигравшие» — это те, кто уступил в поединке верх своей избраннице...

— Насколько я помню, таких оказалось на празднике тридцать шесть человек.

— Из них вместе со мной едет тридцать. Остальных не пустили невесты.

— А еще триста — кто они?

— Те еще не проиграли... — растерялся Мавак. Спитамен угрюмо сдвинул брови. Когда он ехал к сакам, не на такую дружину рассчитывал — на всеокрушающий селевой поток конницы, который, устремившись с гор, сметет захватчиков.

— Хороши бойцы! — бросил он в сердцах. — Мавак вспыхнул:

— Сначала испытай нас в битве!

— Ладно, ладно, юноша, — примирительно сказал согдиец. — Хоть бойцы Искандара — далеко не женщины, однако я надеюсь, что вы проявите в схватке с ними больше ратного мастерства и хладнокровия, чем с полногрудым и длиннокосым воинством из собственных кибиток...

* * *

Мавак прощался с родными. Самолюбивый дед, больше всего гордящийся своим родом, теперь выглядел совсем стареньким, сгорбленным. Однако бодрился:

— Осталась последняя надежда вернуть нашему имени Фарн (воинскую славу...) Срази самого Искандара. Чтобы эта вертлявая девчонка поняла, с кем имеет дело. Мы — потомки Ширака!

Отец, с угрюмым состраданием взглянув на сына, сказал:

— Боюсь, эта девчонка не просто уложила тебя на обе лопатки. Как видно, она пронзила тебя насквозь стрелой...

Мавак покраснел и пробормотал что-то неразборчивое.

Сатрак продолжал с грустью:

— Все обстоит так, как обстоит, и ничего тут не поделаешь. Что предопределено богами, того не изменить человеку... Одного желаю тебе, сын, чтобы ты не оказался долговечнее своей любви...

Маленькое войско двинулось в поход. Жители и гости Роксанаки еще долго призывали вслед отбывающим милость Урмаузда, Вератрагны и Фарна — бога воинской славы.

Впереди ехал Спитамен с четверкою друзей-телохранителей. Мавак, словно опытный полководец, стал на обочине и ревниво оглядывал конную рать, следовавшую мимо. Грудь его переполняла великая надежда, которая переполняет всякую молодую грудь: все хорошее сбудется!

Какой-то всадник на худой клячонке догонял колонну и делал отчаянные знаки. Юноша узнал Мермера. Тот подъехал запыхавшись, будто не его везла кобыла, а он ее.

— Подожди, подожди, пусть пройдут все, — сказал Мермер, утирая пот, — сейчас, сейчас...

Из-за кургана вынырнул маленький конный отряд. Мавак узнал Томиру, Спаретру и других всадниц-амазонок, вечно докучавших ему в окружении Зарины. Но то, что вела Томира в поводу... Неужели Рахш?..

— О воитель, подобный Тиштрии, — неожиданно серьезно и торжественно произнесла Томира.

— Прими в дар этого коня, а также меч, кинжал и лук, принадлежащие царю: с ними ходили в бой все его предки.

— Великая и вечная благодарность Владыке Горы! — взволнованно отвечал Мавак, спрыгивая с коня и схватив за уздечку Рахша.

— Смотрю я на тебя и удивляюсь! — привычно насмешливо бросила Томира. — Или ты глуп, как седло? Или недогадлив, как этот придорожный камень? И сердца у тебя нет вовсе! И глаз тоже! Это все дарит тебе Зарина!

— А где же она сама? — несколько растерявшись, спросил Мавак.

— «Она сама» плачет. Горюет по такому дураку, как ты!..

Юноша поспешно обнял верного Рахша за шею, спрятал пылавшее лицо в его гриве. Конь прядал ушами и хватал мягкими губами ладонь друга.

— Тюльпанчик! — вмешалась Томира. — Прими же и остальные дары нашей повелительницы, не задерживай меня. Время уходит и вы уходите, а мне хотелось бы сказать два слова твоему другу парфянину... А Спаретре — Плоксису...

Мавак сунул руку за пазуху.

— Вот, передай царевне...

— Какое прекрасное ожерелье! — воскликнула Томира. — Это твоя первая добыча на войне?

— Оно принадлежало моей матери...

— Непременно передам! И еще скажу, что ты шлешь ей тысячу поцелуев и столько же нежных слов любви... Или не надо, чурбан ты этакий?

— Да, да, да! — горячо отвечал пылавший Мавак.

— А теперь позови нам твоих друзей...

Но Мокридат уже скакал сюда: его соколиный глаз издалека заметил птичку-перепелку... Плоксис тоже торопился...

Прощание было кратким... А потом девушки сквозь слезы долго-долго смотрели с холма, как тают вдали кони и витязи, отправившиеся на битву с царем Запада, неведомым и загадочным Искандаром...

СОГДИАНА В ОГНЕ

Шаги исполина

Величайший завоеватель древности Александр Македонский весной 329 г. до н. э. после тяжелейшего перехода через бактрийскую пустыню достиг широкой и полноводной реки Окс (Амударья). Четыреста стадий (70 км) раскаленных песков остались позади.

Передовые отряды вышли к реке к вечеру. Царь отдал приказ подкрепиться на скорую руку, а затем наполнить мехи и все, какие можно найти, сосуды водой и нести назад отставшим товарищам. Однако солдаты, истерзанные жаждой, бросились к речной кромке и пили, пили, пили... Многие задыхались и умирали тут же. У других началась сильнейшая рвота. А сзади подходили все новые и новые части и тоже бросались к воде.

Царь, даже не сняв панциря и не позволив себе ни капли влаги, метался по берегу, отгоняя одних, уговаривая других. Железная воля и физическая мощь Александра выдержали нечеловеческое напряжение. Губы его потрескались и кровоточили, шершавый язык еле помещался во рту. Свита и телохранители, чуть живые, с трудом поспевали за царем.

На высоком холме Александр приказал зажечь костер, чтобы отставшие знали, куда идти. И лишь после того, как притаился последний отряд, царь позволил раздеть себя и подкрепиться.

Наутро подсчитали потери: их оказалось больше, чем в любом сражении. Битва с силами природы была выиграна, но какой ценой!

Следующий день армия отдыхала. Но царю было не до отдыха. Забравшись на холм, он угрюмо обозревал окрестности.

Эта река хоть и спасла жизнь воинам, однако встала непреодолимым препятствием для движения вперед. Необычайной ширины — не менее шести стадий (такой реки еще не встречалось завоевателям от берегов Евфрата), она несла свои бурные воды с бешеной скоростью. Колья, которые пытались забить в дно, всплывали и уносились как соломинки. Промеры показали, что и глубина была под стать ширине.

А вокруг по берегам, на многие стадии — ни рощицы, ни деревца. Не из чего сделать плоты.

Как быть? Неужели для того проделан путь в несколько тысяч стадий, одержаны блестящие победы, покорены малоазийские земли, Египет, Сирия, Вавилония, Мидия, Персида, Сузиана, Ария, Гиркания, Парфия, Дрангиана и Бактрия — и все для того, чтобы здесь, на краю завоеванной персидской державы остановиться и повернуть назад? А ведь туда, за реку, в Согдиану бежал ненавистный Бесс и с ним — последние враги.

Царь потрянул белокурыми кудрями, упрямо сжал губы: выход должен быть найден!

Друзья и полководцы морщили лбы, переминались с ноги на ногу, избегая смотреть в горевшие неукротимым огнем глаза царя. Что они могли предложить?

Александр спустился к воде. У самого берега, в заводи, беззаботно плескались фалангиты из таксиса Полисперхонта¹. Здоровенный солдат плавал по мелководью, навалившись грудью на козий мех.

¹ Таксис — крупное пехотное подразделение; Полисперхонт — один из сподвижников Александра Македонского.

Царь поманил его. Воин встал на ноги и уставился преданными глазами в царский рот: что прикажут?

— Подай-ка мех, — сказал Александр. — Ты что же, не умеешь плавать?

Солдат смущенно опустил голову и ответил:

— Я Деимах из Тимфеи... У нас в горах речки мелкие и бурные... Камни ворочают... Не очень-то поплаваешь...

Мех оказался набит сухой травой. Александр глянул вверх по склону холма: чего-чего, а высушенной травы там было достаточно!

Он повернулся к свите:

— Вот и решение! Пол дела сделано. Осталось только собрать все мехи, какие есть у солдат и в обозе, да набить их сухой травой. Можно использовать и шкуры, из которых сделаны палатки.

Кое-кто из пожилых военачальников недоверчиво рассматривал злополучный мех, прикидывал расстояние до другого берега: шутка ли, в полном вооружении преодолеть на таком ненадежном средстве бурную и коварную реку! А ведь на той стороне враги!

Но молодые уже кинулись со всех ног выполнять приказание.

В тот же день легковооруженные отряды пелтастов и агриан¹ переправились на согдийский берег и выставили охранение, пока армия готовилась к штурму Окса.

На шестой день последний солдат ступил на берег загадочной Согдианы. Бурный Окс, как и все, что ни встречалось до сих пор, был покорен.

И сразу же началась полоса обычных удач. Счастье всегда и во всем сопутствовало непобедимому македонскому царю. На четвертый день похода за клубилась впереди пыль и вскоре перед советом военачальников предстало четверо согдиатов. Они назвались послами и через царского

¹ Легковооруженные войска в армии Александра.

переводчика Фарнуха объявили, что Бесс схвачен, низложен вождем Спитаменом и ныне содержится в селении неподалеку отсюда: царь может послать воинов и взять его.

Тотчас по приказу царя Птолемей, сын Лага¹, во главе отряда легкой конницы помчался вслед за одним из согдиатов, взявшимся служить проводником. Остальных послов — трех юношей в богатом вооружении — царь задержал и стал задавать вопросы:

— Кто такой Спитамен?

Ответил самый высокий с длинными вьющимися волосами, рассыпанными по плечам, — из уважения к царю он снял остроконечный шлем с золотыми насечками и держал его в руках.

— Спитамен — знатнейший человек Согдианы. Жена его — из царского рода Ахеменидов. И сам он — храбрый воин и мудрый предводитель войск.

— Как же удалось ему обезвредить Бесса? Ведь узурпатор надел корону царя царей и сплотил вокруг себя множество изменников!

Ответил второй юноша, плотный, широкоплечий — настоящий богатырь:

— Справедлив суд небес! Изменника всегда ждет черная кончина. Спитамену помогали знатные люди Бактрии Оксиарт, Датаферн, Катан, а также те, кого ты сейчас видишь перед собой.

Македонский царь с любопытством посмотрел на молодых воинов. Открытые смуглые лица. Все трое закованы в пластинчатые серебряные панцири с золотыми гвоздиками, подпоясаны боевыми наборными поясами. Справа — длинные мечи в черных кожаных ножнах, слева — кинжалы. На втором «стрелковом» поясе — у них луки в узорчатых чехлах и колчаны со стрелами. За спиной

¹ Птолемей — ближайший сподвижник Александра, будущий основатель династии Птолемеев в Египте.

прямоугольные щиты, сплетенные из толстых прутьев и обтянутые толстой бычьей кожей. Медные умбоны на них были начищены до блеска.

Беседа происходила в пути: и согдиаты и царь ехали бок о бок. Позади — на круп лошади — следовали телохранители и свита, не спускавшие с чужаков настороженных глаз.

После некоторого молчания, Александр спросил:

— Почему же Спитамен и его друзья сами не привезли Бесса? Они получили бы достойную награду.

Ответил третий юноша — белокурый, сероглазый, с порывистыми движениями; он был бы красив, если бы не багровый шрам, пересекавший нос поперек.

— Они уже получили награду, обезвредив изменника и цареубийцу. Другой награды им не нужно.

Александр нахмурился. Гнев сверкнул в его глазах. Он спросил дерзкого:

— Откуда у тебя этот шрам?

— Когда ты, великий царь, разгромил на том роковом поле у Гавгамел воинов Дараявауша, я тоже был среди них...

— Как же ты ухитрился получить удар в середину лица и остаться в живых?

— Это не я, это ты ухитрился, великий царь... Александр заинтересовался, и юноша объяснил:

— Когда ты в самый разгар битвы устремился на персидского владыку, многие встали на твоём пути. Ты убил Багапата, Оксафара, Арсама, Тиридата... А ведь они были славные воины... Крепко ты дерешься, нечего сказать. Лучше не попадаться тебе под горячую руку...

Посланец говорил громко, переводчик Фарнух — тоже. Царская свита сзади встретила эти слова одобрительным смехом. Улыбнулся и Александр:

— Но причем твой нос?..

— А я сунулся тебе навстречу в тот миг, когда ты срубил голову Арсаму. У него оказалась слишком тонкая шея... Вот ты и зацепил меня самым кончиком меча... До сих пор благодарю небо, что мне достался лишь кончик, а не середина...

Свита весело хохотала, а философ-скептик Анаксарх громко заметил:

— В словах этого варвара — все уроки битвы при Гавгамелах! Вовремя унести свой нос — вот главная задача врагов нашего обожаемого царя!

Последнее время Александр благосклонно относился к льстецам. Но и лесть нужно уметь преподнести! Грубое угодничество философа претило царю. Чтобы перевести разговор, он спросил у посла:

— Не разберу, что за символ на твоём щите?

— Это наш родовой: тигр терзает быка.

— Что же это значит? Ты — это могучий тигр, а твои враги — беззащитные травоядные перед тобой? Однако твой шрам свидетельствует о том, что и тиграм достается.

— Не думай так, великий царь, ни обо мне, ни о моем роде: в нем нет пустых бахвалов. А символ этот — знак Ноуруза (Нового года). Этот светлый праздник наступает тогда, когда созвездие тигра на небосклоне сменяет созвездие быка.

Александр взглянул на остальных послов и спросил с улыбкой:

— А твои друзья тоже участвовали в боях против меня?

— Да, великий царь, и много раз.

Александр промолчал. Он думал: кто же такой Спитамен? Почему в его окружении оказались люди, подобные этим молодцам? Согдийцы, бактрийцы и азиатские скифы, которых персы называют саками — единственные, кто оказал упорное сопротивление в битве при Гавгамелах. Достойные противники...

Царь резко сказал:

— Передайте Спитамену и его друзьям, что я приглашаю их к себе в лагерь. И еще передайте: если уж идти, так идти до конца. Неразумно останавливаться на полдороге. Пусть они решают поскорее: со мной или против меня?

Помолчав немного, добавил:

— Передайте, когда я отпущу вас... Но если ваш четвертый товарищ приведет Птолемея в засаду, вы ответите головой...

* * *

Лишь на второй день поздно вечером конный отряд македонян достиг намеченного пункта. Маленькое селение, типично согдиатское (в дальнейшем они увидят сотни таких селений): глинобитные, часто двухэтажные, домики с плоскими крышами, игрушечные сады с темной листвой. С холма виднелись дворики, тени-фигурки, суетившиеся у светлячков-огней. Тянуло кизячным дымком — видимо, готовился ужин. Вокруг селения высилась облупленная стена в три человеческих роста с единственными, наглухо закрытыми воротами...

Птолемей Лаг подал команду, и всадники быстро рассредоточились, взяв ничего не подозревавший поселок в кольцо.

Иларх (командир эскадрона — илы) Менедем подъехал к воротам и сильно ударил копьём. Дружно залаяли псы, и только теперь в поселке заметили врагов. Поднялся переполох. Во дворах забегали люди. Несколько всадников стремительно промчались по улочке и спешили у самого большого дома. Другая группа конных и пеших сгрудилась у ворот.

Тогда Птолемей шагом спустился с холма, подъехал к воротам и через переводчика громко объявил варварам, что они останутся целыми и невредимыми, если выдадут Бесса.

Посоветовавшись, варвары открыли ворота. Македонская ила — по четыре в ряд въехала на улочку, заняв

почти всю ее ширину. Ее встретили настороженные лица, расширенные в страхе глаза. Двое стариков взялись показать дорогу к дому, где находился Бесс.

...Его нашли в дальней комнате, связанного по рукам и ногам, в разорванных одеждах, с кровоподтеками на жалко дрожащем лице...

Кто же такой Бесс и что он совершил?

...При царе царей Дарии III Кодомане бактрийский сатрап (правитель области) Бесс, дальний отпрыск царствующей династии, числился среди знатнейших и влиятельнейших людей персидского государства. В битве при Гавгамелах он возглавлял отряды бактрийцев, согдиан и саков — единственные части, сохранившие боеспособность после рокового сражения. Когда последний персидский царь метался по стране, пытаясь то там, то здесь организовать отпор захватчикам и неизменно обращавшийся в бегство, как только надвигалась неумолимая тень македонской армии, Бесс находился рядом с ним. Может быть, и правы античные историки, изображая Дария как человека безвольного, мягкого и доверчивого и потому не отвечавшего по складу характера высокому сану «царя царей». Больше всего на свете Дарий обожал свою семью: мать, жену, дочерей. Эти качества принесли бы ему славу добродетельного человека, как частному лицу. Но для главы огромного государства, занимавшего самый могущественный трон своего времени, они стали недостатками. И в столкновении с молодым Александром, властным, энергичным, волевым — словом, прирожденным завоевателем и к тому же гениальным полководцем, — такой человек, как Дарий, не мог не проиграть.

Но, с другой стороны, те же историки отмечают: все попытки царя сколотить новое войско и дать отпор агрессору рушились из-за ненадежности воинских контингентов и прямой измены командиров и ближайших вельмож. Одна за другой без боя принимали власть македонян целые

области — сатрапии. Персидские наместники явились в македонский лагерь с покорностью. Ближайшие к трону люди составили заговор. В него вошли сатрапы Арии — Сатибарзан, Арахозии и Дрангианы — Барзаент, военачальник Набарзан. Возглавил заговорщиков Бесс. Они арестовали царя, а потом убили. Сеть, которую долгое время плел Бесс вокруг своего повелителя, сработала! Отныне власть, вернее, остатки власти перешли к бактрийскому сатрапу, который надел древнюю корону Ахеменидов и принял тронное имя Артаксеркс III. О последних минутах Дария древнегреческий писатель Плутарх передает такие подробности: когда первые македоняне ворвались в персидский лагерь, покинутый бежавшими заговорщиками, они нашли Дария, лежавшего в простой повозке и находившегося при смерти от множества ран. Он попросил пить, и грек Полистрат принес ему воды. После этого царь персов сказал, что очень сожалеет, что не может отблагодарить Александра за доброту, проявленную к его матери, жене и детям¹. С этими словами он скончался.

Другие авторы добавляют, что будто бы царь персов на смертном одре завещал свою державу Александру, а также месть Бессу и прочим изменникам.

Как бы там ни было, но Александр, теперь уже в качестве «законного» наследника персидских владык, не мог потерпеть существование узурпатора. К тому же Бесс представлял реальную угрозу: он мог собрать в землях воинственных бактрийцев, согдиан и «азиатских скифов» новые войска, вполне способные потягаться с греко-македонской армией.

Вот почему Александр так настойчиво гнался за Бессом.

И узурпатора настигла участь Дария. Жестокий, надменный и властный аристократ показал себя так же

¹ Семья Дария находилась в плену у Александра.

малоспособным противостоять македонянам, как и мягкий, безвольный царь.

Видимо, причины таились не в отдельной личности. Сама персидская держава, несмотря на видимое могущество, на поверку оказалась настолько непрочной, что достаточно было первого же серьезного испытания, чтобы она развалилась на части.

«Семь городов»

После пленения Бесса Александр стремительно двинулся в глубь Согдианы и вскоре подошел к Мараканде — главному городу страны. Темп, заданный царем, не оставил времени для грабежа, и войска не трогали мирных жителей. Лишь в попутных селениях отбирали лошадей взамен павших.

Однако взятие Мараканды, окруженной двойным кольцом стен протяженностью около 70 стадий (14–15 км) и располагавшей сильным гарнизоном, затянулось. Обозные припасы были съедены, а на голодное брюхо долго не навоюешь. Поэтому срочно организовали отряды фуражиров для заготовки продовольствия. Молодежь, стремившаяся к подвигам и во всем подражавшая царю-герою, неохотно шла в эти отряды — там было мало надежды прославиться. Ветераны с большим удовольствием занялись бы интендантской службой вместо осады, но их не отпускали.

Запылали окрестные селения — жители отказывались отдавать свои припасы добровольно, а у македонян теперь было время поговорить с ними «по-свойски». Ходил слух, что царь велел за провизию щедро платить, но кто же из победителей станет платить побежденным? Кончилось тем, что Согдиана восстала, ретивые фуражиры перебиты, а непокорные бежали к высокой скале и укрепились там. Возглавлял их, по слухам, знатный согдиец Рагомен.

| Среди прибывших был и молодой эллин Гесиод |

Тем временем пала Мараканда, и Александр немедленно двинулся на восставших. Несмотря на отчаянное сопротивление, гора была взята. Погибло много македонян, и сам царь получил рану в бедро. Из тридцати тысяч повстанцев в живых осталось не более восьми тысяч. Они спустились по отвесной скале, где не было осаждавших и ушли во главе со своим вождем Ратоменом в степь, избежав таким образом смерти или позорного плена.

Мараканда и защитники горы были первыми, кто оказал завоевателям сопротивление в Согдиане.

После этого Александр победным маршем прошел всю Согдиану до самого Яксарта, нигде не встречая серьезного отпора. Вся страна оказалась захваченной железнобокими пришельцами. В городах и наиболее крупных селениях разместились македонские гарнизоны. Отряды фуражиров бесчинствовали теперь уже безнаказанно. Казалось, Согдиана покорилась раз и навсегда...

В это время с Запада пришло новое пополнение. Полководцы Асандр и Неарх привели солдат из Эллады и Малой Азии, а сирийский сатрап Бесс (тезка узурпатора) и гиппарх Асклепиодор на вербовали в портах Средиземноморья искателей приключений всевозможных национальностей. Пополнение в 16,5 тысяч пехотинцев и 2,5 тысячи всадников заметно усилило Александра. Прибывшие восполнили потери, понесенные как пехотными полками, так и конными гиппархиями в бесконечных сражениях. Большинство наемников были наслышаны о невероятных успехах греко-македонского оружия и баснословных сокровищах, доставшихся победителям, и жаждали скорейшего продолжения похода.

Среди прибывших был и молодой эллин Гесиод, завербовавшийся в одном из эвбейских портов. Вместе с несколькими десятками других новичков он попал в пеший отряд — лох, где служило много ветеранов, проделавших весь поход

⁸ Том XIII. В. М. Плоских

от самого Граника¹. В летний зной и зимний холод, через пустыни и горные перевалы, с жестокими боями и штурмами твердынь вот уже пятый год идут и идут они на край Ойкумены² за своим непобедимым царем. Некоторые из них, поседевшие в боях, покрытые бесчисленными шрамами, ворчали перед непогодой на боли в старых ранах и принимались клясть этот поход, конца-края которого не видно. То один, то другой из них говорил:

— Какая мне польза от покоренных земель, от захваченной добычи, если я мерзну в горных снегах, мучаюсь от жажды в пустыне, набиваю брюхо чем попало и пью воду из мутных рек? А в следующей стычке меня убьют. Скажу царю: хватит! Пусть хоть старые мои кости отдохнут в родной земле...

Гесиод уже знал, что вот таких уставших, сытых по горло войной солдат царь Александр время от времени отпускал домой с богатыми наградами или же поселял во вновь основанных городах — Александриях, где многие из них становились мирными, зажиточными...

Новобранцы голодными глазами смотрели на добычу ветеранов, которую тащили вслед за армией бесчисленные обозы. Молодых не пугали смерть и увечья. Что ж! От смерти никому не уйти. И увечья не страшны: вот сколько добра в обмен на раны получили бородачи! С этим-то богатством и старость — в радость.

Пыл новоприбывших подогревала и другая часть ветеранов. Из тех, кто помоложе, кого еще не одолели хворобы и тоска по спокойной жизни в кругу семьи. Можно было с ума сойти от их вечерних повествований о молодецких подвигах («сам царь отличил!»), о драгоценностях,

¹ Граник — река в Малой Азии. На ее берегах произошло первое сражение греко-македонян с персами, закончившееся победой Александра (334 г. до н. э.).

² Ойкумена — вся обитаемая суша.

найденных в сундуках, подвалах, в кувшинах, закопанных в землю глупыми хозяевами. О любви волооких красоток, взятых в бою. Особенно расписывал собственные подвиги некий Деимах из Тимфеи¹, здоровенный детина, самоуверенный и хвастливый. К новичкам он относился с оскорбительной снисходительностью.

— А знаете ли вы, селезни, что благодаря лишь мне наше войско переправилось через Окс? Это я надоумил царя воспользоваться кожаными мешками, набитыми соломой!

Весь лох давным-давно знал об этой истории. Она уже навязла в зубах — лишь сам Деимах не чувствовал скуки от многократного повторения повествования о своей собственной значимости.

В последнее время он почему-то начал внимательно приглядываться к Гесиоду. Однажды спросил:

— Где я мог раньше встречать тебя, приятель?.. Гесиод пожал плечами.

В другой раз:

— Ты бывал в Пелле²?

— Нет. Я ведь не македонянин, а эвбеец...

— Где-то уже попадалась мне твоя рожа...

Деимах чесал затылок, а Гесиод поворачивался спиной. Этот наглый и самоуверенный солдафон начинал действовать ему на нервы.

Армия тем временем достигла Танаиса. Так греки называли реку Яксарт (Сырдарья). Античные географы ошибочно полагали, что европейский Танаис (Дон) и азиатский Яксарт — одна и та же река, Азовское море они путали с Аральским.

Здесь, на берегу полноводной реки, отделявшей Согдиану от земли саков, царь надумал основать город —

¹ Тимфея — горная область в северо-западной Греции.

² Пелла — столица Македонии.

крайний форпост греческой цивилизации на востоке. Александрия — Эсхата (т. е. «Дальняя») должна была служить заслоном против кочевников, если они вздумают вторгнуться в подвластные македонянам земли. В новом городе Александр намеревался поселить старых ворчунов-ветеранов и вообще всех тех, кто высказывал недовольство дальнейшим походом. Уже разместили кольцо будущих стен, как прискакали на взмысленных конях гонцы с известием, что вся восточная Согдиана восстала. Семь городов перебили маленькие гарнизоны македонян, уничтожили отряды фуражиров, рыскавшие по деревням, и встали под знамя Спитамена. На помощь им якобы пришли 7000 бактрийских всадников. Передавали, что искрой, зажегшей пожар восстания, был приказ Александра, предписывающий всем командирам согдийских и бактрийских всадников явиться на совещание в Зариаспу¹. Те заподозрили недоброе. Этим воспользовались Датаферн, Аветан, Катан, Оксиарт, Хориен и другие знатные люди страны (на поддержку которых царь рассчитывал больше всего) и присоединились к Спитамену.

— Спитамен? — переспросил Александр. — Это, кажется, тот, кто выдал нам Бесса?

От гнева царь даже побледнел.

— На этот раз будем беспощадны! — сказал он полководцам. — Недовольство надо уничтожать в зародыше, мы срубим одновременно все семь голов согдийской гидре!

Александр разделил свое войско на семь отрядов и двинул их сразу во все очаги восстания.

Сам он подошел к ближайшему городу Газе². Низкие глинобитные стены не составили большого препятствия

¹ Зариаспа — главный город Бактрии.

² Газа — точное местонахождение города не установлено. Располагался предположительно на территории современной Согдийской области Таджикистана.

для опытных солдат. В то время, как пращники, дроти-кометатели и стрелки из лука сбивали со стен защитников, пехотинцы приставили лестницы и густыми рядами полезли на приступ. В полдень город был взят. Александр отдал приказ уничтожить всех мужчин поголовно (в наказание и для устрашения), а женщин и детей раздать солдатам. Кварталы еще горели, солдаты еще бесчинствовали, добивали последних защитников, когда македонский царь с отборными частями двинулся к соседнему городу, посадив для скорости пехотинцев позади конников.

К ночи был взят и второй город.

Так за два дня Александр с непостижимым проворством разрушил пять восставших городов.

На третий день, не дав армии ни часа отдыха, он двинулся на помощь Кратеру, осаждавшему Кирополь¹. По преданиям, этот большой и богатый город построил знаменитый царь Кир. Поэтому Александр, из уважения к памяти основателя персидской державы, не хотел разрушать город и предложил жителям сдаться. В ответ полетели камни и стрелы.

Тогда македонский царь приказал таранить стены машинами, а войскам идти на приступ. Но Кирополь — не маленькая Газа. У него были мощные укрепления, а горожане, принадлежавшие сакскому племени мамакенов, оказались храбрыми и умелыми воинами. К тому же в городе собралось много беглецов из погибших городов и окрестных селений. Они были полны ненависти к врагу и решимости защищаться до конца.

Штурм был отбит с большими потерями для македонян.

Упорство и многочисленность защитников заставили македонского царя оттянуть под Кирополь большую часть своей армии под командованием Пердикки и Мелеагра. Город

¹ Кирополь — располагался на месте современного Ура-Тюбе (Таджикская ССР).

окружили валом. Теперь даже мышь не могла ни попасть к осажденным, ни покинуть их. Солдаты злорадствовали:

— Посмотрим, долго ли они продержатся!

Но горожане держались и пять дней, и десять... Терпение царя истощалось. От зари до зари объезжал он городские стены, пытаясь найти слабое звено в обороне. И нашел! С юго-запада в город уходило высохшее русло небольшой реки, стена здесь, подмываемая во время паводков, значительно осела.

Царь велел сделать ночью подкоп. На рассвете следующего дня он сам возглавил небольшой отряд из лучников, щитосцев, агриан¹ и собственных телохранителей. В то время, как тараны били в стены, а остальная часть войска шумом и демонстрациями отвлекала внимание защитников, Александр проник в город и разбил ближайшие ворота.

Фалангиты и конница, стоявшие наготове, кинулись в узкие улочки...

Но даже теперь, когда противник оказался внутри городских стен, защитники Кирополя не дрогнули. Они сами атаковали врага. Резня длилась всю первую половину дня. И, лишь потеряв 8000 убитыми, оставшиеся в живых 7000 человек отступили в цитадель. Несколько отдельных башен охраняли подступ к цитадели: они запирали узкие улочки и вместе с прилегающими домами образовали как бы еще одну линию труднодоступных стен.

Царь Александр, как всегда в таких случаях, находился в самом опасном месте сражения — у высокой башни, контролировавшей центральную улицу. Ее крепкие ворота тщетно пытались разбить щитосцы, агриане и наемники из отряда Андромаха. Увлеченный боем, Гесиод не заметил вражеского воина, появившегося между зубцами.

¹ Фракийское племя, служившее в армии Александра в качестве легковооруженных. Славилось большой мобильностью.

Кто-то сильно толкнул его в сторону; в тот же миг рядом просвистел камень и врезался в каменистую почву с такой силой, что брызнули осколки. Оторопелый наемник встретился с бешеным взглядом царя Александра.

— За выступ! — бросил тот и махнул рукой в сторону развалин.

Когда они отбежали за угол и стали недосыгаемы для камней и стрел, царь сердито сказал:

— Ты чего ворон ловишь?

— У меня нет глаз на макушке, — дерзко ответил Гесиод.

— У воина в бою должно быть сто глаз, сто ушей, сто рук! В следующий раз может не оказаться рядом товарища и ты погибнешь, как баран, которого режут мясники!

В этот момент согдийский воин на стене поднял целую балку и обрушил ее вместе с глиняными зубцами на агриан.

Послышались крики ушибленных. А согдиец, укрывшись щитом, снова принялся метко бросать камни пращей в противника.

— Славно бьется этот воин, — сказал Александр.

— Это одни из тех послов Спитамена, которые отдали нам Бесса, — сказал командир щитносцев Селевк¹. — Я узнал его по рисунку на щите.

Царь высунулся из укрытия. Действительно, на щите, сквозь густо торчавшие, как из шкуры дикобраза, иглы-стрелы, вырисовывалась фигура тигра, терзавшего поверженного быка. В голове Александра промелькнула логическая цепочка: бык Апис — один из спутников египетского бога Аммона, сыном которого объявил себя царь. Ну, а тигр был всегда символом Азии. Плохая примета...

Александр вышел из укрытия и позвал лучников.

¹ Селевк Никатор — полководец Александра, основатель династии Селевкидов.

– Снимите-ка этого молодца.

В этот момент Селевк издал громкий возглас и бросился вперед, пытаясь заслонить царя, но опоздал: камень, брошенный воином сверху, попал Александру в шею. Раздался глухой, шлепающий звук, удар оказался настолько сильным, что царь зашатался и упал. Телохранители бросились к нему – царь был без памяти.

Воин сверху видел это и радостно запел:

– Эй-ляй! Эй-ляй!

Взбешенные лучники и агриане закидали его стрелами и дротиками; воин исчез. Селевк, отчаянно ругаясь, кричал, чтобы ему доставили живым или мертвым негодяя, осмелившегося ранить царя. Ярость придала силы: щитоносцы разнесли ворота вдребезги и ворвались внутрь башни, сметая защитников.

Все время затянувшегося сражения за Кирополь Гесиода сверлила, не давала покоя одна мысль: «Он спас мне жизнь... Ненавистный тиран, рискуя головой, спас мне жизнь...»

Во второй половине дня наступила передышка. Город был взят, а цитадель штурмовать пока не собирались. И так было ясно: осажденным без пищи и воды долго не продержаться. Усталый, измученный Гесиод выбрался за городские стены, он не хотел видеть, как его товарищи приканчивают оставшихся жителей.

По глиняной трубе из-под стены бежал небольшой ручеек. Гесиод хотел освежить потное лицо, но на решил: вода была мутная, с явным красноватым оттенком. Может, от крови?

Тихий шорох привлек его внимание. Шагах в тридцати из пролома вылез человек, покрытый с ног до головы пылью, грязью и кровью: этакое пегое страшилище. Сразу не определишь, свой или чужой. Гесиод поднялся, ком глины покатился из-под его ног и человек обернулся...

Это был тот самый воин, который так бесстрашно сражался на зубцах стены и ранил самого Александра...

Гесиод на несколько мгновений растерялся. Воин угрозил ему коротким мечом, спрыгнул вниз и исчез в лабиринте изъеденного паводками оврага...

Деимах разоблачает Гесиода

Эту ночь и весь следующий день утомленным войскам был предоставлен заслуженный отдых. Но солдаты бродили по лагерю как потерянные, собирались кучками и тревожно поглядывали в сторону царской палатки: тот, кто вел их неизменно от победы к победе, лежал теперь с тяжелой раной. И бесстрашные сердца сжимались от страха: а вдруг умрет? Что тогда будет с ними? В такой невообразимой дали от родины, среди враждебных племен?

Воины осаждали командиров: как самочувствие царя? Что говорят асклеиады-врачи?

Всю ночь лагерь не спал в тревожном ожидании. Лишь на другой день командиры, вернувшись из царской палатки, объявили: царю стало легче. Врачи надеются на полное выздоровление. Прорицатель Аристандр, пообщавшись с небесами при помощи бобов и крови жертвенного ягненка, выяснил: обожаемому царю-герою ныне смерть не суждена.

Солдаты воспрянули духом. Лагерь тотчас наполнился смехом, руганью и перебранками. Все стало на свои места.

В полдень через расположение армии проскакали запыленные гонцы на усталых конях. Вскоре распространился слух: предводитель мятежников Спитамен взял Мараканду и осадил македонский отряд в цитадели.

В палатке царя собрались высшие командиры. Александр лежал на походной «краббатос» — кровати. Шея и голова перебинтованы: царь походил на ожившую мумию египетского фараона. Голос у него пропал и поэтому

он спросил, морщась от боли, у стоявшего напротив Менедема сердитым шепотом:

— Что, этот Спитамен — вездесущий?

— Думаю, нет, — с готовностью отвечал командир или «друзей»¹.

Александр приказал вызвать предводителя наемников-пехотинцев Андромаха и начальника кавалерийского отряда (тоже из наемников) Карана. Велели явиться также Фарнуху — переводчику, пронырливому ликийцу, хорошо знавшему местные наречия и обычаи.

— Отправляйтесь сегодня же, как только спадет жара, — сипел царь. — Освободите Мараканду и уничтожьте Спитамена. Чтобы я имени этого больше не слышал...

Стратеги Менедем, Андромах, Каран, а также переводчик Фарнух гаркнули мужественными голосами:

— Будет исполнено!

Александр поморщился и закрыл глаза, по его лицу разлилась бледность. Врач яростно замахал руками и перетрусившие стратеги выскочили вон.

Верзила Деимах зашел в палатку к Гесиоду и сказал:

— Поговорить надо.

— Коли надо, говори, — неприветливо буркнул тот.

— Разговор не для посторонних ушей... Пойдем прогуляемся.

— Разве ты не знаешь, что нас срочно отправляют под Мараканду? У меня нет времени на разговоры.

Деимах ослабил:

— Еще неизвестно, пойдешь ли ты с отрядом под эту самую Мараканду ... Стоит мне только словечко шепнуть нашему стратегу Андромаху ... Или даже лохагу Никомеду...

Гесиод встревожился, но не подал виду.

¹ «Друзья» — отборная тяжеловооруженная конница, набиравшаяся из молодежи знатных македонских семейств.

— Что еще за словечко?

— Вот об этом мы и поговорим...

Они вышли из лагеря и присели на берегу реки.

— Не буду ходить вокруг да около, — сказал Деимах. — Сразу выбрасываю все кости из игрального стаканчика. Я узнал тебя, фиванец!

Гесиод побледнел, он молча ждал, что скажет дальше этот верзила.

— Когда мы взяли ваши паршивые Фивы, тебя вместе с другими пленными продали коринфянам. Уж не ведаю, каким образом ты освободился и попал в наше войско. Не иначе, тут обман. Ты хорошо знаешь, как относится царь Александр к вашему брату. Стоит мне шепнуть словечко, кто ты есть на самом деле, — а ты ведь выдаешь себя за эвбейца, как тебе тут же отделият голову от всего остального. Дошло, или нет?

— Чего же ты хочешь? — Гесиод не узнал собственного голоса: хриплый, дрожащий...

— Наконец-то дошло! — обрадовался Деимах. — Ты знаешь персидскую поговорку: слово — серебро, молчание — золото? За свое молчание я возьму с тебя золотом... Ну, скажем, триста дариков...¹

— У меня нет таких денег...

— Ничего, я подожду, пока награбишь... Согдиана — богатая страна, только не зевай... А у нас с тобой впереди еще ой какой далекий путь! Так что ты уж зайди ко мне в палатку да почисть заодно и мое оружие... А то мне лень...

— А когда я отдам тебе триста дариков, ты опять заставишь меня чистить свое оружие, словно раба?

Деимах ухмыльнулся:

— Зря афиняне считают вас, беотийцев, дураками. Ты далеко не дурак... Что будет потом? Поглядим...

¹ Дарик — золотая монета Ахеменидов, весом 8,4 г.

Но пока у тебя нет выбора. Убить меня ты не сможешь, я вдвое сильней... Говоришь: «словно раба». А кто ты есть? Фиванец — раб, прикинувшийся свободным эвбейцем. Вот и маракуй, где тебе польза: слушать меня или головы лишиться...

— Послушай, Деимах, ты ведь умный и понимаешь, что если довести человека до последней крайности, он решится на все. Что ты мне оставляешь? Какую надежду? Ведь если даже я когда-нибудь наскребу тебе триста дариков, кто поручится, что ты не потребуешь еще триста?

— Ты прав! — Деимах откровенно наслаждался. — Все верно понял. Ты у меня на крючке, и с этого крючка тебе не соскочить никогда! Единственная твоя надежда — это мое доброжелательное настроение. Угождай мне во всем! Выполняй мои желания! Прикажу — будешь чесать мне пятки... Зато останешься жив. А глядишь, я даже позволю тебе разбогатеть. Ты мой раб. Дошло?

Гесиод смерил тимфейца таким взглядом, что тот приподнялся и схватился за меч.

— Но, но!... Не забывай, я могу вот этими руками придушить, тебя, как цыпленка... Нет у тебя выхода, фиванец! Слушайся папу Деимаха — и все будет хорошо. Я ведь не жестокий. И не жадный. Другой бы потребовал с тебя целый талант¹, а я? Что такое триста дариков, когда золото льется рекой? Царь Александр отправляет в Македонию ветеранов-инвалидов, почту и тому подобное. Вот и я хочу послать своей старой маме немного деньжат. А, как назло, у меня все вышли. Так что раскошеливайся, хотя бы на сто дариков на первый случай. Что? Нету? А чем же ты занимался в Кирополе и Газе, глупый селезень, свинячья твоя голова?! Так и быть, я сам за тебя вложу эти сто дариков, а ты мне должен будешь общим счетом четыреста.

¹ Талант — счетная единица для особо крупных денежных сумм в античном мире. Со времени Александра Македонского разнялся 25,9 кг.

До конца жизни не забудет Гесиод тех страшных дней, о которых напомнил Деимах. А с чего все началось? После роковой битвы при Херонее¹ македонский, царь Филипп стал диктовать свою волю греческим городам-государствам. Вся Эллада притихла. Лишь один-единственный город не смирился — Фивы беотийские. И когда Филипп умер, они восстали. Фиванские демократы изгнали олигархов и осадили македонский гарнизон в городской цитадели Кадмее. Эллада встрепелась. В Афинах снова выступал со страстными речами великий Демосфен.

Однако восстание не успело набрать силу. С невероятной быстротой, которая так поражала современников, наследник Филиппа молодой Александр привел под стены Фив тридцатитрехтысячную армию. Здесь к нему присоединились греческие союзники, ненавидевшие фиванцев.

...Когда ополченцы отбросили врага от храма Геракла и уже торжествовали победу, неожиданно ударила македонская фаланга и стала теснить защитников к городским стенам. В спешке боя и отступления ворота не сумели закрыть и враг ворвался на улицы. Македонский гарнизон, запертый дотопе в Кадмее, теперь ударил осажденным в тыл. Часть защитников, покинув стены, пыталась вытеснить врага с центральной площади — агоры, другая часть обороняла храм героя Амфиона. Тем временем через никем не охраняемые стены македоняне со всех сторон проникли в город. С ними было много греков. Рассеянные по всему городу фивакцы уже не могли выдержать натиск впятеро превосходящего сильнейшего противника. Одни были убиты в узких улочках и переулках, другие бежали через открытые ворота в поле.

И наступил страшный час гибели Священных Семи-вратных Фив. Разгоряченные боем победители не знали

¹ Хероней — город в Греции, при котором в 338 г. до н. э. произошла решающая битва между греками и македонянами.

пощады. Убивали всех — женщин, стариков, детей, добивали раненых. За несколько часов резни погибло более шести тысяч человек...

А потом высшее собрание представителей всех греческих городов-государств под председательством царя Александра решило судьбу Фив: «Город скрыть до основания, а землю... разделить между союзниками, детей, женщин и мужчин, оставшихся в живых... продать в рабство».

Тридцать тысяч жителей было распродано за несколько дней. Царь Александр, нуждавшийся в деньгах для Восточного похода, выручил за них 440 талантов серебра — огромную по тем временам сумму! Это сейчас, после захвата сокровищ персидских царей, она кажется пустяком...

Итак, славные Фивы, основанные героем Кадмом, родина великого полководца Эпаминонда, стоявшие чуть ли не тысячу лет, перестали существовать. Стены и дома были скрыты и плуг провел борозду на месте городской площади — агоры...

Крайняя жестокость расправы с фиванцами так потрясла всю Элладу, что о каком бы то ни было сопротивлении царю уже никто не помышлял. Отныне свободолюбивая страна лежала у ног 23-летнего Александра. Он мог спокойно начинать Восточный поход. Этот самый...

...Много пришлось хлебнуть горя юному Гесиоду, пока его не выкупили старые друзья-проксены отца с острова Эвбеи и не переправили в Малую Азию. Здесь он, после нескольких лет мытарств, вступил в наемный отряд Андромаха, шедший на восток к царю. А что оставалось делать тому, кто потерял родину и всех близких? В античном мире человек ощущал себя человеком и гражданином только в пределах территории, принадлежащей родному городу-полису. Здесь он мог иметь дом, семью, участвовать в народном собрании, занимать должности и пользоваться уважением сограждан, если того заслуживал. Но в любом другом городке Эллады он становился

чужаком, иностранцем, то есть человеком, не имеющим никаких прав. Он больше не был гражданином, ибо у него больше не было родины...

Вот так и случилось, что фиванец Гесиод стал наемником в ненавистной армии палача своей родины...

Что он хотел найти там, на таинственном и далеком Востоке, в глубинах Азии? Гесиод и сам не знал. Может быть, землю, где царит справедливость? Землю, которая приютит его? Еще в доме своего отца он читал книги, превозносившие кочевников как справедливейших из людей. Но ведь и справедливейшие люди — тоже всего-навсего люди, а потому наверняка не примут, как равного, какого-то пришельца...

Что ж, у кого все потеряно, терять больше нечего. Молодость редко утрачивает надежду на счастье и удачу...

На Спитамена!

Войско Андромаха, Менедема и Карана выступило в тот же вечер, как только спала жара. Кровавый закат охватил полнеба: казалось, он предвещает великие беды. Кому?

Всадники ехали, покачиваясь, пели и смеялись. Даже пехотинцы, отдохнувшие за последние два дня, бодро поднимали густую дорожную пыль в предвкушении новой добычи и славы.

Всю ночь отряды двигались по Большой дороге в неярком звездном свете. Вокруг простиралась пустынная страна. Население бежало. Только вдалеке плакали-жаловались шакалы.

Утро застало их уже далеко от лагеря Александра. И лишь когда лучи солнца сделались жгучими, как раскаленные гвозди, стратеги объявили остановку до вечера.

Так войско шло девять ночей. На десятую желтовато-серым миражом поднялись глиняные башни и стены Мараканды.

Спитамена там уже не было. Начальник гарнизона — фруарх указал стратегам на пыль, оседавшую далеко на горизонте. Короткое совещание закончилось единогласно: преследовать Спитамена до конца и уничтожить!

Словно собаки при виде бегущего оленя, греко-македоняне с азартом бросились в погоню. Даже новички перестали жаловаться на жару и усталость. Шли ночью и днем, делая лишь краткие привалы — хотелось скорее расправиться с упрямым согдийцем и заслужить похвалу царя.

Но догнать повстанцев оказалось делом нелегким. Как ни торопились македоняне, впереди лишь маячила пыль, а сами варвары успевали уйти из-под удара. Спитамен все время кружил, петлял, изматывая преследователей. То он шел долиной реки Политимет¹, то сворачивал к предгорьям.

— Ничего, — успокаивали себя стратеги. — Никуда он не денется. За рекой Политимет начинаются земли скифов², а ведь они заключили мир с царем и не осмелятся впустить к себе проклятого Спитамена.

В конечном итоге македонский отряд неуклонно теснил повстанцев к границам «скифской пустыни».

Первый азарт погони прошел. Фураж и продовольствие кончились. А вокруг лежала богатая страна. Здесь по вечерам курились мирными дымками еще не тронутые войной селения.

Теперь они осветились мрачным заревом пожарищ. Начался планомерный грабеж. Наемники шли через страну как некое инородное тело, как нож, вонзающийся в живую плоть. Стоны и вопли, кровь и слезы отмечали их путь. Правда, у поселян особенных богатств не водилось и надежду разжиться золотом и серебром пришлось оставить. Зато всяких харчей теперь было вдоволь. И скорой походной любви волооких красоток — тоже.

¹ Политимет — река Зеравшан.

² Так греки именовали саков.

Гесиода тошнило от подобных подвигов — теперь все они превратились в разбойничью банду. И сам фиванец, после того, как поголодал пару дней, добывал пропитание обыкновенным грабежом. А как иначе сказать? Войско захватчиков везде и всегда кормилось за счет покоренных. Война есть война. Она была и будет грязным, противозаконным делом. Те самые поступки, которые в мирной жизни считались бы преступлением, за которые осудили бы на смерть (грабеж, убийство, насилия), на войне являются буднями...

Гесиод понимал это. И все-таки не мог примириться с неоправданной, ненужной, по его мнению, жестокостью в обращении с мирными жителями. Он сказал об этом Деимаху. Тот разозлился.

— Глупый селезень, что ты знаешь о войне? А я прошел с базилевсом Александром от самого Геллеспонта! Стану я щадить персов! Разве они щадили эллинов? Вот сейчас я расскажу тебе такую историю, что ты закрикаешь. Тогда мы находились еще неподалеку от Персеполя¹, повстречалась нам ужасная процессия: четыре тысячи наших земляков — калек. Персы когда-то угнали их из Ионии² как искусных ремесленников. А чтобы не опасаться побегов, изувечили: оставили только часть тела, необходимую для работы. Остальное все отрубили. Четыре тысячи, — Деимах поднял кверху кулак, — старых, изуродованных, стенающих эллинов — а?

— Ужасно! — пробормотал Гесиод.

— А ты говоришь: щадить. Как же! Пусть дожидаются. Теперь пришел в Азию я, Деимах — победитель. И да вострепещут варвары!

¹ Столица персидской державы.

² Малоазиатская область на берегу Эгейского моря, населенная греками-ионийцами.

⁹ Том XIII. В. М. Плоских

Гесиод подумал, что и сам тимфеец похож на тех калек: все, что нужно для война, — осталось. Все прочее — отмерло... Слух о зверствах македонян бежал далеко впереди. Поэтому селения, в которые вступали захватчики, теперь оказывались брошенными. Ни человека, ни курицы, ни собаки...

Напрасно солдаты шарили по домам, рылись в погребках — все, что было можно, жители уносили с собой. А то, что нельзя было унести — например, овощи с грядок, — варвары перемешивали с землей.

Однажды сделали привал в таком заброшенном селении. Кавалеристы расседлали коней, повели их на водопой. Пехотинцы, сбросив доспехи, отдыхали.

Селение было все в тенистых садах. Повсюду журчали арыки с мутно-желтой водой. И хотя она была теплой, как парное молоко, солдаты с наслаждением плескались в ней, гонялись друг за другом, брызгались, как дети. Презрение к врагу было таково, что никто не боялся внезапного нападения.

Освежившись, Гесиод устроился под раскидистым тутовым деревом. Солнце палило нещадно. Над песчаными барханами за околицей дрожало марево, словно над костром. А здесь, у арыка, дышалось сравнительно легко. Ворковали горлинки. Стрекотали кузнечики в пыли у дороги. Яркие солнечные зайчики и прохладные пятна тени от листвы тутовника создавали пеструю, меняющуюся мозаику. Сонная истома охватила Гесиода... И уже в дреме он подумал, что этот день — один из прекраснейших даров в короткой жизни человека,..

Однако он ошибался. Предаваться грезам ему пришлось всего несколько минут. Рядом устроилась громогласная компания. Солдаты подкреплялись. Деимах с набитым ртом балагурил во всеуслышание:

— Скажу вам на ушко! Мы с таксиархом Полис-перхонтом были когда-то на короткой ноге. Теперь-то он пошел в гору...

— Говорят, он в юности был разбойником, — вставил кто-то.

— Верно говорят! Мы с ним вместе шалили на больших дорогах. Только он вовремя взялся за ум, когда Царь Александр объявил восточный поход... Я тоже не будь дураком — записался к Андромаху и не прогадал.

— А все-таки разбойники — люди свободные. Нет над ними командиров. И что добыл — все твое...

— Глупый ты селезень! У разбойников один конец — топор палача. Ну, а как мы грабим сейчас, никаким разбойникам и не снилось. И нас же за это увенчивают венками, называют героями... А закончим поход, вернусь я в свою Тимфею, и станут земляки мне бить поклоны... Нет, я буду держаться за царя Александра до последнего шага моих башмаков... И вам советую. Вон бывший разбойничек Полисперхонт сделался каким знатным! А добра у него — семерым вавилонским мудрецам за семь лет не сосчитать...

Тем временем лохаг Никомед убеждал стратега Андромаха:

— Я узнал, что в полусотне стадий от нашего пути, вон у тех гор лежит богатое селение. Дозволь мне с моими молодцами прогуляться туда.

Андромах отвечал сурово:

— Безумна твоя речь! Или ты не знаешь, куда мы спешим? Я не могу дожидаться, покуда вы будете набивать сумки в том селении.

— А ты поговори с Караном. Пусть даст сотню всадников. Мы сядем на крупы и, пока вы будете отдыхать, обделаем дельце... В крайнем случае нагоним вас в пути...

— Еще чего! И не подумаю.

— Пятая часть добычи — твоя, — вкрадчиво сказал Никомед.

— Есть ли еще там добыча, — проворчал Андромах, смягчаясь.

— Уж будь уверен! Я поговорю со своими молодцами: пожалуй, согласятся выделить тебе и четверть...

Андромах задумался, прикидывая что-то.

Никомед опять:

— Считай, это разведка... Сам видишь, тут ничего не выловишь. Эдак мы и до Спитамена не дотянем — подохнем с голоду.

Стратег усмехнулся:

— Ах ты, искуситель! Но смотри: не опаздывать!

Через самый малый срок сотня всадников и лох пехотинцев Никомеда отделились от основного отряда и двинулись в сторону гор. Пехотинцы сидели сзади на крупах коней. Среди них были Гесиод и Деимах.

Охваченные жаждой наживы, солдаты торопились. Даже лошадям как будто передалась лихорадка нетерпения...

Вот впереди затемнела густая роща тополей и еле заметные белые кубики-дома под ними. Далеко в стороне высилась одинокая башня. Над ней кружило несколько птиц.

— Видно, там крепость, — переговаривались новички, поглядывая на башню с некоторой тревогой. — Сходу не возьмешь.

— Эх вы, селезни! — стал насмехаться над ними Деимах. Потом объяснил:

— Башня эта — кладбище зороастрийцев. В нее они стаскивают трупы умерших родичей и оставляют на съедение птицам. Видите, стервятники кружатся? Потому такие башни и называются «башнями молчания».

Новички дивились обычаям варваров, брезгливо крутили головами...

Они ворвались в селение, тихое и сонное от полуденной жары, и рассыпались по тенистым улочкам. И сразу

затрещали выламываемые двери, ожесточенный лай собак сменился их предсмертным визгом.

А потом страшно, отчаянно закричали женщины, дети...

На окраине поселка, у самой подошвы горы за фруктовыми деревьями виднелась плоская кровля большого двухэтажного дома. Его окружала высокая глинобитная стена. Возможно, это была усадьба местного владельца.

При первых тревожных звуках широкие ворота открылись. Оттуда выскочило десятка полтора мужчин, заспанных, всклокоченных. Потрясая оружием, они бросились за околицу, где на лугу паслись стреноженные кони. Но уже скакали им наперерез кавалеристы Карана. И хотя было ясно, что до коней не успеть, варвары продолжали бежать по прямой.

— Апама! Апама! — кричали они.

Ошиблись. Пехотинец, если он смел и ловок, вполне может потягаться с конным. А согдиаты были смелы и ловки, вооружены мечами и копьями, боевыми секирами — сагарисами. Сразу же у македонян пало несколько коней, всадники покатались в пыль.

Но слишком неравны оказались силы. Несколько мгновений продолжалась дикая свалка. Затем всадники съехались в кучу. На зеленой траве, забрызганной кровью, остались лежать порубленные варвары.

Разгоряченные боем македоняне еще не совсем пришли в себя, когда раздались крики:

— Держи! Лови! Уходит!

От селения по направлению к «башне молчания» удалялась всадница в развевающемся покрывале. С гиканьем устремилась за ней погоня. Но всадница была уже далеко. Один из умирающих приподнял голову и прошептал запекшимися губами:

— Ахура-Мазда с тобой. Апама...

Деимах заметил Гесиоду:

— Этим селезням никогда не догнать согдийскую утку: конь под ней солнечной породы... Ну, а мы пошарим, что там осталось в усадьбе...

Вместе с другими наемниками он побежал к воротам. Скоро оттуда послышались отчаянные женские крики и грубый смех солдатни. Гесиод уныло побрел вдоль глиняной стены сада: не слышать бы ничего и не видеть... Он ушел далеко и наткнулся на озеро, за которым начинались густые и высокие тростники. Что делать дальше? Куда бежать из войска мародеров? Вот и получается: надел волчью шкуру — вой по-волчьи...

Опять послышались отчаянные женские крики за глиняной стеной. С треском распахнулась калитка, из нее выскочила девушка с безумным лицом, ее рот широко раскрылся в крике.

За ней гнался с проклятиями верзила Деимах. Гесиод, скрытый кустами, окаменел. Вот тимфеец, делавший гигантские прыжки, догнал девушку, поймал за одежду. Раздался треск рвущейся ткани. Отчаяние придало беглянке силы: половина платья осталась в руках насильника, а девушка, почти нагая, пронеслась мимо Гесиода и с разбега бросилась в озеро, подняв тучу брызг.

Может, Деимах и догнал бы ее на мелководе. Но тут выступил Гесиод. Тимфеец с размаху налетел на него. Оба упали. Скверно ругаясь, Деимах вlepил фиванцу за трещину, от которой тот покотился вторично.

— Чтоб тебя сожрал Цербер! Стой! Стой! Проклятая! — это уже вдогонку девушке.

Гесиод схватил его за ногу — с разбегу верзила растянулся на земле.

Когда Деимах вскочил, лицо его исказилось.

— В Аид, в Тартар пойдешь, сын блудницы!

Гесиод выхватил меч. Деимах ловко отпрыгнул, выхватил свой. Двумя ударами выбил оружие из рук Гесиода,

потом стукнул его плашмя по голове — железный шлем глухо зазвенел, фиванец пошатнулся.

— Жаль, мне некогда сейчас. — Деимах скрипнул зубами. — Теперь ты мне будешь должен шестьсот дариков.

Тем временем девушка достигла тростников и скрылась в их густых джунглях.

Деимах поглядел и с досады плюнул.

— И вынесло же тебя не вовремя! Ну, погоди! А эту дуреху теперь не найдешь, вон куда тростники тянутся. Да и плавать я не умею.

— Я услышал крики, вот и выглянул...

— Выглянул! Жаль, я не убил тебя сразу! А теперь злость прошла... Штотьсот-то дариков за тобой.

...И опять началась погоня за неуловимым Спитаменом. Вот и река Политимет. Согдийцы называли ее «Намич». Здесь кончается Согдиана. На том берегу начинается «скифская пустыня», без городов и селений, без возделанных полей и садов. Туда скрылся мятежный согдийский вождь.

Стратеги решили перейти реку. Напрасно осторожный лохаг Никомед предупредал:

— Местные кочевники наши союзники. Стоит ли начинать с ними войну?

Но его голос потонул в общем возмущении:

— Почему они приняли Спитамена?

— Все эти варвары — наши враги и законная добыча!

Первое же кочевье саков, встретившееся на другой стороне реки, было начисто разграблено, а люди перебиты. Лишь несколько всадников сумели вырваться в степь. Они разнесли весть о коварном нападении людей Запада, истреблении беззащитных.

Тотчас ближайшие кочевья свернули свои пожитки. Женщины, старики и дети ушли на север, в глубь безбрежного степного моря. Все боеспособные мужчины присоединились к Спитамену, В тот же день стали прибывать

редкие беженцы из разграбленных селений и среди них — Апама, дочь Спитамена. Весь лагерь принес торжественные жертвы Ахура-Мазде и богу победы Вератрагне за чудесное спасение отважной согдианки. Особенно радовался парфянин Мокридат, добравшийся в кочевья из-под Кирополя.

Командиры и рядовые воины давно уже заседали на своего предводителя:

— Доколе мы будем бежать, поджимая хвост, словно волки при виде тигра?

— Отступление окончилось, — отвечал Спитамен. — Здесь мы подождем новых союзников и ударим по демонам Искандара.

Расчет его оказался верным. Один за другим стали прибывать конные отряды саков. Беглецы из уничтоженного кочевья рассказывали вновь прибывшей родне такие ужасы, что у кочевников ходили желваки на скулах.

Разведчики донесли о приближении врага. Спитамен собрал командиров.

— Первую половину замысла мы осуществили, заманили врагов за реку, рассорили их с кочевьями, чем и приобрели союзников. Пора исполнять вторую половину: начинать разгром.

Он объяснил каждому его задачу и добавил:

— Воины Искандара ушли далеко от своих главных сил: теперь им никто и ничто не поможет.

Первыми начали атаку заречные саки Мавака и местные сакские лучники. Греко-македонские отряды, быстро продвигавшиеся вперед, внезапно были остановлены тучей стрел. Стрелы летели со всех сторон так густо, что иные даже сталкивались в воздухе.

Кавалеристы Карана и Менедема пытались атаковать лучников, но те не приняли ближнего боя и унеслись в степь. Меж тем согды и бактрийцы ударили с обоих флангов на пехотинцев. Андромах построил их в каре, но это мало помогло от осинового роя стрел. Недаром древ-

негреческие авторы называли саков «не мечущими стрелы впустую!». Теперь завоеватели убедились в этом на собственной шкуре. Потери среди солдат были ужасающими. Раненые громко стонали. Каран, вторично бросивший конницу в атаку, ничего не добился: лошади, не имевшие в пути достаточного фуража, были изнурены, в то время как саки заменили уставших коней свежими.

Тогда стратеги приняли решение отходить к реке Политимет, берега которой были покрыты густыми зарослями. Там губительное действие вражеских стрел будет ослаблено, да и от пехоты будет больше пользы.

Встал вопрос о единоначалии... Стратеги пытались взвалить командование на Фарнуха — переводчика: его-де поставил главным над ними сам царь. Но Фарнух, резонно уловив истинную подоплеку такого «доверия», заявил, что он «в военном деле человек несведущий и послан Александром больше для воздействия на варваров, чем для ведения войны, они же македонцы и «друзья» царя».

Историк походов Александра Арриан засвидетельствовал, что опасения Фарнуха не были напрасны:

«Андромах, Каран и Менедем не приняли, однако, командования, боясь, как бы не показалось, что они нарушают приказы Александра и своевольничают, а кроме того, в эту страшную минуту они хотели в случае поражения отвечать каждый только за себя, а не нести в качестве плохих военачальников ответственность за все».

Итак, греко-македонские части, теснимые со всех сторон противником и неся тяжелые потери от сакских стрел, начали отступление, не имея даже единого командования. Это привело к тяжелейшим последствиям. Гиппарх Каран видел, как падают один за другим его всадники. И он отдал приказ переходить реку, чтобы оторваться от врага хотя бы на полет стрелы. Пехотинцы же, видя, что их покидают на произвол судьбы, бросились за конницей вброд. Андромах метался по берегу, пытаясь удержать

солдат. Тщетно. Армия превратилась в объятую страхом неуправляемую толпу.

Спитамен, наблюдавший с холма за ходом сражения, сказал окружающим:

— Боги отняли у вражеского начальника разум. Он сам обрекает своих воинов на гибель.

И отдал приказ Маваку переправиться на тот берег.

— Спеш! Ты встретишь разбойников, когда они преодолеют реку и попытаются выбраться на берег. Столкни их обратно!

Мавак и его дружина тотчас начали переправу. С другого фланга шестьсот местных удальцов предприняли точно такой же маневр.

Началось поголовное истребление македонян, Арриан так описывал печальный финал этого сражения:

«Одни преследовали тех, кто уже переправился через реку и отошел от нее, другие же, выстроившись фронтом против переправляющихся, сбрасывали их обратно в воду, или пускали в них стрелы с флангов, или кидались сзади на входящих в реку. Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их — и всех перестреляли...».

Третий из стратегов, Менедем (как пишет древнеримский историк Квинт Курций Руф), «оказался запертым со всех сторон... однако он долго сопротивлялся, убеждая своих, что попавшим в незнакомом месте в засаду, ничего другого не остается, как искать почетной смерти, избивая врагов. У него был сильный конь, он много раз врывался на нем в ряды варваров, нанося им страшный урон. Но так как на него нацеливались все враги, он обессилел от множества ран...»

Погиб и Фарнух-переводчик.

«Оставшиеся в живых, увидя это, — пишет далее Курций Руф, — заняли холм, возвышающийся над полем

сражения, Спитамен их осадил, чтобы голодом принудить к сдаче». И они сдались.

Какая-то часть македонян успела отойти от реки, но тоже не спаслась: большинство было перебито.

Пленным согдийский вождь решил сохранить жизнь. Но беженцы, все прибывавшие и прибывавшие из разграбленных и сожженных македонянами селений, при виде своих обидчиков пришли в неистовую ярость и растерзали их.

Лишь ничтожная часть греко-македонского отряда сумела оторваться от преследования. Разрозненными группами эти беглецы устремились на восток — к Мараканде и еще дальше — к лагерю царя Александра.

Бегство

Среди тех, кто переправлялся первым и успел отойти в холмистую степь, был лох Никомеда. Пока саки расправлялись с кавалеристами Карана, пехотинцы по ложбинкам и оврагам удирали от места побоища со скоростью, которой позавидовал бы сам Филиппид, знаменитый марафонский гонец. Несколько человек умерли от перенапряжения — не выдержало сердце.

Когда отошли достаточно далеко и затерялись среди холмов, лохаг разрешил сделать привал: все равно идти дальше большинство оказалось не в состоянии.

Сделали переключку. Из полутораста человек в живых осталось не более пятидесяти.

И что это были за бойцы! Измотанные до последней крайности, с потрескавшимися губами, глубоко запавшими глазами. Их лица были серыми от пыли, одежда почернела от пота и крови. Но лохаг дал отдохнуть самую малость.

— Вставайте, ребята! — говорил он, пытаюсь поднять то одного, то другого. — Не забывайте: скифы близко! Утром мы сражались за победу, теперь — за жизнь. Пока мы живы, не будем дожидаться смерти сложа руки.

С оханьем, стонами и кряхтеньем поднимались непобедимые покорители вселенной. Мучила жажда. И как на зло — нигде ни родничка, ни лужицы.

Дальше шли толпой, еле переставляя ноги. Жажда сводила с ума. Языки распухли и еле помещались во рту. Жгучие лучи солнца усугубляли муки. В довершение всего откуда-то появились тучи оводов: наемники не успевали отмахиваться. Кажется, сама природа ополчилась против них.

Лохаг Никомед, шагая последним, с тревогой думал; появившись сейчас десяток сакских лучников, даже пяток, — и всем придет конец. Многие во время бегства потеряли щиты и тяжелые шестиметровые копья-сариссы. Была надежда: дотянуть бы до сумерек. Если до ночи не налетят кочевники, они почти спасены. «Отдохнем ночью, оправимся, а там видно будет, — думал лохаг. Жаль, солнце стояло еще высоко. Лохаг отдал приказ двигаться в сторону гор. — Скифы наверняка поджидают нас на большой дороге. А в горах больше надежды проскочить незаметно. К тому же там легче защищаться от конницы. Да и вода есть наверняка».

Уже в сумерках подошли к предгорьям. На этот раз удача сопутствовала беглецам. Сразу же натолкнулись на родник, журчавший среди огромных лопухов, одичавшего винограда и ежевики. Ох, и пили же покорители мира! Никогда еще даже самое лучшее вино не казалось им таким вкусным.

Но после жажды пришел голод. И опять случай выручил наемников. Отошедший в сторону солдат обнаружил лошадь, пасущуюся на лужайке. Ее окружили, забросали копьями и зажарили на костре. Лохаг Никомед ругался, грозил расправой, но ничего не мог поделать: на его приказ не зажигать костра голодные солдаты отвечали дерзкой руганью. Вот как низко пала хваленая македонская дисциплина!

Так шли три дня и две ночи, не встречая ни саков, ни согдийцев. Некоторые даже начали шутить:

— А кого тут можно встретить! Когда шли сюда, основательно очистили все поселки от живых душ...

Солдаты рассуждали:

— Мараканда осталась, надо полагать, в стороне. Не затеряться бы среди этих гор.

— Не затеряемся! — бодрился лохаг Никомед. — Мараканда еще впереди, но мы туда не пойдем — скифы уже наверняка под ее стенами. Надо держать солнце в полдень справа от себя — и притопаем напрямик в лагерь царя Александра.

При воспоминании о царе все сразу приуныли.

— Не трусь! — подбадривал лохаг. — Не наша вина, что мы побиты. Пусть царь спрашивает с наших стратегов.

— Нас тоже не погладит по головке...

— Погладить — не погладит, но и головы не снимет... Главное — уберечься от кочевников. Спитамен за нами не погонится — ему по горло хватит дел с гарнизоном в Мараканде. Опасны для нас бродячие отряды врага. Теперь надо ожидать восстания по всей Согдиане. Значит, если хотите спасти свои шкуры, надо поторапливаться! И не ворчите, что я вас подгоняю...

На третий день ввечеру между безлесыми холмами стали попадаться островки зарослей фисташки и других плодовых деревьев. У подошвы горы замаячили тополя.

Деимах толкнул Гесиода:

— Узнаешь вон ту башню? Славно мы пошалили в этом поселке. Одна только согдиатка и сумела ускакать.

И Гесиод вспомнил девушку, спрятавшуюся в тростниках. Жива ли она и где сейчас?..

Как бы отгадывая его мысли, тимфеец продолжал:

— А та дуреха, которой ты подыграл, наверняка утонула в болоте. Или комары съели...

Здесь солдаты, несмотря на грозные протесты лохага, решили сделать дневку и лишь на следующий вечер тронуться в путь. Все были измучены и голодны.

Ночевать расположились в той самой усадьбе, на краю поселка.

Вместе с темнотой опустилась на всю эту землю тишина — так казалось солдатскому уху, привыкшему к лагерному шуму, переключке часовых, ржанию коней, шагам дозорных, зычным начальственным окрикам. Далеко за садом звучал неумолкаемый хор лягушек, плакали шакалы в холмах. Тонко звенели комары. Все это были успокаивающие звуки. Время от времени где-то неподалеку в звездной тиши раздавался чей-то унылый, берущий за душу голос... То ли зверь, то ли птица...

Один из новичков боязливо прошептал Гесиоду:

— Может, это стонет душа, загубленная нами...

Солдаты придвигались друг к другу ближе...

В общем-то ночь прошла спокойно. К утру фалангиты сильно продрогли. В этой варварской Азии и климат варварский: днем — невероятная жара, зато ночью приходится лязгать зубами.

Наутро солдаты разбрелись по селению в поисках съестного. Внезапного нападения не опасались: на высоком дереве в густой листве прятался часовой. Он должен был свистом предупредить об опасности.

Солдат удивляло отсутствие трупов. А ведь они много оставили их после себя. Ясно, здесь побывали согдиаты и захоронили убитых. Деимах сказал:

— Я даже знаю, где захоронили. Видите вон ту башню? Птицы над ней кружатся даром — это мы их снабдили прошлый раз.

Наемники добросовестно обшарили все селение, но съестного не оказалось. Только недозревшие плоды в садах и овощи на огородах. Но разве этим утолишь голод? Новички впали в уныние:

— Чего тут искать? Разве не мы восемь дней назад съели здесь последнюю курицу?

Но ветераны уверенно продолжали поиски, для чего-то ковыряли в садах землю. Лохаг Никомед объяснил:

— Азиаты имеют привычку хранить пшеницу в сирах — огромных ямах, обожженных изнутри. Зерно в них может сохраняться до пятидесяти лет, а если просо — то целый век. Так говорят знающие люди. Усадьба была богатая, значит сирсы должны быть.

После этого и новички принялись рьяно тыкать в землю мечами. Первым зернохранилище обнаружил вездесущий Деимах. Пшеницы оказалось много, хватило бы целому лоху дней на десять. Солдаты набили походные сумки, начали разводить костер.

— Эй, парни! — кричал лохаг. — Ищите топливо посуше, чтобы меньше давало дыма. Лучше всего сухой тростник.

Несколько солдат отправилось к озеру за тростником, в том числе и Гесиод. Но он вскоре отстал и пошел вдоль озера в сторону дальнего конца тростников. Фиванец пользовался любой возможностью побыть одному. Товарищи по лоху вызывали в нем тягостное чувство. Общение с ними раздражало. Те, конечно, догадывались об этом и в свою очередь недолюбливали молчаливого и замкнутого «эвбейца».

Гесиод отошел довольно далеко и почувствовал облегчение, когда голоса фалангитов затихли. Узкое озеро все тянулось и тянулось вдоль высокой стены тростника. Эти места напомнили ему родную Беотию. Лягушки при звуках шагов прыгали в воду. Водяные курочки на перепончатых лапках выскакивали из зарослей, бежали несколько мгновений по водному зеркалу, помогая себе крылышками, и неожиданно ныряли в переплетение стеблей.

Все здесь дышало умиротворением и покоем... Гесиод размышлял и все шел да шел, забыв о цели, пока

не наткнулся на маленькую, сплетенную из тростника хижину. Старая подгнившая крыша, на которой зеленел изумрудный мох, покоилась на четырех столбах, вкопанных по углам. Дверь, тоже из тростника, висевшая на ременных петлях, была плотно закрыта.

Если эту хижину разобрать (пустяковое дело), получится много топлива — как раз сварить обед целому лоху...

Он потянул дверь, затем сильно дернул. Затрещало, посыпалась труха за шиворот и дверь распахнулась...

Первое, что он увидел, — девушку у противоположной стены. Свет из оконца падал на ее лицо, и он узнал — та самая...

Она прижалась к стене, словно хотела раствориться в ней. В ее огромных черных глазах стоял такой ужас, что Гесиод не посмел приблизиться. Почему-то вспомнилась сестренка в день гибели Фив...

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. — Он сделал успокаивающий жест. — Я такой же несчастный, как и ты, бедняжка...

Девушка начала сильно икать. Гесиод сделал шаг назад — чтобы показать свои мирные намерения. Рассуждал вслух:

— Одно непонятно: если здесь побывали согдиаты, почему ты не ушла вместе с ними?.. А теперь как убережешь тебя от наших разбойников? Вдруг они придут сюда?

Девушка стала сползать на глиняный пол — видно, не держали ноги. Икота перешла в рыдания со стонами и всхлипываниями. Вся ее маленькая фигурка содрогнулась — она стискивала зубы, зажимала рот ладонью, но никак не могла справиться.

Гесиод был потрясен страданиями этого хрупкого беззащитного существа, истерзанного страхом. Защемило в груди. Он быстро подошел и опустился на колени — девушка с криком отшатнулась, выставив руки перед собой.

— Не пугайся, сестра... сестренка. — Он не знал, что делать дальше. — Во имя Зевса-громовержца, во имя Геракла-защитника...

Девушка, давясь слезами, вдруг произнесла по-гречески, со странным ионийско-азиатским акцентом:

— Пощади меня... пожалей меня, воин! Ты ведь эллин и я эллинка...

Гесиод вытаращил глаза:

— Ты эллинка?! — Энергичные кивки.

— Но как ты попала сюда?

— Я родилась в этих краях...

— Ага, понимаю... Ты — дочь эллинского наемника, служившего у царя Дария...

— Нет, я из рода бранхидов...

Гесиод присвистнул: — Вот оно что...

Все эллины знали историю бранхидов. Полтора века тому назад персидский царь Ксеркс пошел войной на Элладу. Когда персы взяли Милет, представители рода бранхидов выдали ему сокровища храма Аполлона Дидимского, расположенного вблизи этого великого ионийского города. За такое святотатство они стали ненавистны всем грекам. Ксеркс, учитывая это, переселил бранхидов на далекую окраину своего государства, в Согдиану. А когда Александр пришел сюда, он велел уничтожить в городах бранхидов, перебить всех мужчин, а женщин и детей роздал солдатам.

Многие в армии осуждали царя Александра. Кому он мстил? Разве потомки, которые даже не видели Милета, в ответе за дела предков? Разве они повинны в предательстве?

— Послушай меня, дитя несчастного племени, и поверь: я не причиню тебе никакой обиды. Я — из Фив. Слышала ли ты о таком городе?

— Отец рассказывал мне о Фивах, Афинах, Милете, Спарте...

¹⁰ Том XIII. В. М. Плоских

— Теперь Фив больше нет. Царь Александр уничтожил мой город, как и твой. Видишь, наши судьбы схожи — хотя бы поэтому ты не должна меня бояться.

— Я уже не очень боюсь...

Ее все еще била нервная дрожь. Он погладил ее по плечу успокаивающе. Она подняла заплаканные огромные глаза, попыталась улыбнуться.

— Мне кажется, я тебя уже видела... Может быть, ты являлся мне во сне?.

— Нет, не во сне. Мы виделись совсем недавно. Восемь дней тому назад на это селение напал отряд из войска царя Александра и устроил здесь резню.

Лицо девушки сразу омрачилось.

— Ты выскочила из маленькой дверцы в стене и побежала к озеру. За тобой гнался здоровенный фалангит...

Губы ее задрожали, она готова была вновь расплакаться. Однако Гесиод решил завоевать ее доверие раз и навсегда.

— Разве ты не помнишь, что было дальше?

Она смотрела на него во все глаза:

— Кто-то выскочил из кустов...

— А потом?

— Я убежала...

— Ты убежала потому, что «кто-то» выскочил из кустов и помешал преследователю, а ты прыгнула в озеро и спряталась в тростниках... Ты совсем не помнишь этого человека?

Глаза ее сделались совсем огромными.

— Это был ты?..

— Да, это был я. Негоже похвально добрыми делами, но мне приходится, чтобы ты перестала опасаться меня.

Она вдруг обвила его шею руками и приникла щекой к щеке...

У Гесиода защипало глаза. Он тоже обнял девушку. На мгновение ему показалось — это его сестренка, спасенная им среди пылающих Фив...

— Это Зевс, отвратитель несчастий, послал тебя мне, — шептала она. — Кто ты? Добрый бог, воплотившийся в смертного?

— Я Гесиод — фиванец...

Она посмотрела ему в глаза:

— Ты не оставишь меня одну?

— Не оставлю. — Он поцеловал ее в лоб.

— Я буду твоей рабыней...

— Ты будешь моей сестрой... Но что же произошло с тобой после?..

— Я сидела в тростниках до вечера. Там было очень много комаров, лягушек, ужей. Когда я уверилась, что в селении тихо, выбралась и прокралась садом к дому. Все наши служанки лежали мертвые. Над ними надругались... Но моей госпожи Апама нигде не было. Я думала, ее увезли для выкупа. За знатных и богатых можно получить выкуп. А ведь Апама — дочь Спитамена...

«Вот это новость! — мысленно воскликнул Гесиод. — Дочь Спитамена! Если бы в тот раз догнали беглянку, то, возможно, согдийский владетель давно бы покорился и не было бы этого ужаса на Политимете...»

— Я видел, — сказал он вслух, — как одна девушка на солнечном коне, в белом покрывале умчалась от наших кавалеристов.

— Это она, Апама! Только у нее был солнечный конь и белое покрывало — цвет девственности. Я так рада за нее!..

— Что же было дальше?

— Я бродила по селению... Всюду убитые — дети, старики, женщины. Ведь мужчины ушли со Спитаменом. С Апамой была только маленькая охрана. Селение мертвых... Мне стало очень страшно. Шакалы подвывали у самой околицы... И — мертвые, мертвые... Ох, как мне было страшно!

Она судорожно прижалась к Гесиоду.

— И с тех пор так и жила тут?
— Так и жила...
— Что же ты думала делать дальше?
— Не знаю... Мне некуда идти... Везде — одни враги или чужие люди. Для всех я — добыча. На второй день приехал отряд согдийцев. Они снесли всех убитых в ту башню... Я — спряталась... Не знаю, почему... Может быть, я не хотела опять становиться рабыней?..

Она посмотрела на Гесиода.

— Скажи, мой избавитель, как же ты оказался в войске македонян?

Гесиод коротко поведал ей свою историю. Он хотел, чтобы у девушки — ее звали Лаодикой — больше не было и тени сомнений.

Выслушав, она сказала после некоторого раздумья:

— Что ж... Значит, так судили боги... А теперь я расскажу, как погиб наш город...

Слезы опять потекли по ее щекам.

— Наш город с радостью встретил царя и его армию: ведь мы никогда не видели своих земляков, людей Эллады! Но даров наших не приняли и с послами обошлись сурово. Бранхидам велели дожидаться решения милетцев, которые служили в войске. Милетцы ничего не решили: ведь мы не причинили им никаких обид! А разве отвечают потомки за своих прапрадедов? Три дня и три ночи в страшной тревоге мы ждали, что скажет царь...

Девушка запнулась, стараясь проглотить комок в горле. Фиванец ласково гладил ее по спине.

— И царь сказал... Он приказал фалангитам окружить наш город, разрушить все дома, а жителей уничтожить... Моего отца убили во дворе нашей усадьбы, мать пронзили копьем на пороге... Маленький брат сгорел в огне, а меня... и... — тут девушка разразилась судорожными рыданиями.

Гесиод слушал — желваки ходили на скулах. Вот также и его сестренка Электра выбежала из отчего дома, тщетно

пытаясь спастись от насильников. Фивы, Фивы! Вечная боль сердца. А что они творят здесь, солдаты Александра? И он, Гесиод, в том числе? Что они потеряли на этой земле?

— Не надо больше... Не рассказывай....

— Меня не убили — ведь я молодая... Сразу три воина тащили меня... Подрались между собою... Потом один связал, посадил на коня и повез... Я видела, как языки пламени и клубы дыма поднялись над городом...

Гесиод крепко прижал ее к себе, она уткнулась ему куда-то под мышку и затихла. Немного успокоившись, подняла заплаканные глаза:

— Почему же ты не спрашиваешь, как я очутилась здесь, в этом согдийском селении?

— Не все ли равно, если теперь ты со мною...

— Меня отбили воины Спитамена. Так я попала в его семью. Рабыней. Правда, меня не обижали... Особенно доброй со мной была его младшая дочь Апама, моя ровесница...

Гесиод поцеловал ее маленькую холодную руку.

— Не бойся... Отныне я буду тебе защитой перед всем миром...

А сам подумал: как уберечь такую красавицу от жадных рук насильников? Разнузданных, наглых? И первый из них — Деимах... Но он уже знал, что скорее даст убить себя, чем позволит солдатне надругаться над той, которая сейчас доверчиво приникла к его плечу...

Гесиод борется

Гесиод тщетно ломал голову: что делать с Лаодикой? Он знал буйный нрав наемников. Но не оставлять же ее здесь на верную гибель.

В конце концов он не сумел придумать ничего лучшего и привел ее, дрожащую, к костру. Солдаты варили кашу из пшеничных зерен. Все с удивлением и интересом смотрели на парочку.

— Где ты раздобыл эту малютку? — сказал Деимах. — Я вижу, ты не промах, хотя и прикидываешься этаким тихоней. Надеюсь, не будешь припрятывать девчонку для себя одного? Мы тут все твои товарищи и делились с тобой последней лепешкой.

— Это моя сестра, — сказал Гесиод. Наемники, словно гуси, дружно загоготали.

— Тоже с Эвбей? — ядовито осведомился Деимах.

— Ее украли пираты и продали в Азию... — Гесиод плел что-то, но его никто не слушал.

Деимах сказал, ухмыляясь:

— Мы ведь не мальчуганы, а ты не старая кормилица, чтобы пичкать нас сказками. Не жадничай, «эвбеец», поделись с товарищами.

Он встал от костра и — вперевалку — подошел. Лаодика, вся дрожа, прижалась к Гесиоду.

— Не трус, малютка. Мы тебя не съедим — побалуемся немножко, всего и делов. Ишь, как ухватилась за дружка... Видать, угодил ты ей, Гесиод.

— Это — моя пленница! Я намерен жениться на ней. Царь Александр одобряет браки с азиатками.

Солдаты опять встретили его слова хохотом.

— Кто тебе мешает, — сказал Деимах, — По-моему, ты успел жениться. Теперь наша очередь. А хороша! У этого «эвбейца» отменный вкус, что называется, губа не дура. А мы-то прошлый раз вынуждены были довольствоваться здесь компанией старух... И где ты ее откопал?

Он стоял раскачиваясь, посмеиваясь. Вдруг улыбка сошла с его лица.

— Постой, постой, селезень... Да уж не та ли это уточка, что нырнула в болото? Кажись, именно та...

— Какая «та-не-та?» — спрашивали солдаты, довольные представлением.

— Когда мы были здесь в прошлый раз, я заметил девчонку, прятавшуюся в саду... Ну, она задала стрекача,

кинулась как... вон в ту дверцу. Я — за ней... Уж было и схватил. Откуда ни возьмись — этот селезень, прямо под ноги. Я его огрел как следует, пока разбирались, девчонка и ускользнула. Думал — утонула в болоте...

Он повернулся к товарищам:

— Ничего, ребятки, я не жадный. Только все остальные — после меня.

И протянул было руку, но Гесиод с перекошенным лицом резко толкнул его в грудь.

Деимах сразу ощерился, растопырил пятерни.

— Я сверну тебе шею, сопляк, если будешь перечить папе Деимаху!

Солдаты повскакивали от костра, предвкушая потасовку.

— Что происходит?! — в круг вступил лохаг Никомед.

— Деимах и Гесиод хотят разделить девчонку пополам, — сказал кто-то из солдат со смешком. — А она никак не делится.

Лохаг оглядел возбужденные лица и все понял.

— Соратники! Или вам не ясно наше положение? Потасовок — вот чего нам только и не хватало! Не забывайте: кругом кочевые! Кроме того, когда мы вернемся в лагерь, каждому придется держать ответ перед царем.

Со стороны дозорного дерева раздался пронзительный свист.

— Вот вам, пожалуйста! — сказал лохаг. — Скифы! По местам! А ты, эвбеец, уברי девчонку! В нашем положении только баб и не хватало. Чтоб я больше ее не видел!

Воины уже занимали свои места за глиняной стеной, окружавшей господский дом. Гесиод шепнул девушке:

— Беги, спрячься там же... Я приду за тобой...

— Да хранят тебя Диоскуры-спасители...

— Беги же, беги!..

Лаодика убежала.

Наблюдатели сообщили: с запада движется небольшой отряд конницы — три-четыре десятка. Сады, рощицы

и холмы не давали хорошего обзора, поэтому Никомед сказал:

— Готовьтесь к худшему. Их может быть и тысяча...

Ждали долго. Солдаты нервничали. Наконец, у околицы показались всадники. По одежде и вооружению — саки. Впрочем, один был в парфянском костюме.

Они въехали на улочку, настороженно озираясь, держа оружие наготове.

— Приготовиться! — шепнул Никомед. По цепочке передали.

Отряд втянулся в улочку. Передовые всадники поравнялись с воротами. Передний наклонился с коня и попытался открыть их.

Лохаг подал сигнал. Над стеной выросли гривастые шлемы, во всадников полетели копья. Саки громко закричали, поднимали на дыбы коней, поворачивали назад. Несколько человек свалилось на сухую глинистую землю. Ржали раненые кони. В это время из ворот выскочила половина лоха и железной щетиной копий пошла во всю ширину улицы. Но большинство варваров уже мчалось назад из поселка, нахлестывая коней.

— Лучников бы! — стонал Никомед.

Четверо спешенных саков, яростно визжа, перепрыгнули через глиняный дувал на противоположной стороне улицы, засели в садике и принялись оттуда сыпать стрелами. Появились раненые. Лохаг приказал выбить стрелков. Саки, прячась за деревьями, отступали. Двоих из них все-таки убили, а двое успели выскочить через дувал на другую улочку, там их подхватили на крупы коней вертевшиеся всадники.

Саки ушли. Трубач дал отбой.

Опасность сразу восстановила привычную дисциплину. Лохаг Никомед быстро собрал всех.

— Уходим! И как можно скорее! Кочевые поскакали за подмогой.

Это и без него было ясно всем.

Раненых оказалось восемь человек, из них двое — тяжело. Быстро сделали носилки, остатки лоха построились и под сигнал трубы двинулись в путь, навстречу судьбе. Тяжелораненые задерживали движение, хотя носильщики все время менялись. Солдатский долг обязывал не бросать товарища — это свято соблюдалось наемной братией, во всем остальном мало придерживавшейся этических норм. Ведь каждый мог оказаться на месте умирающего и тоже не хотел бы оказаться брошенным. Кроме того, пристальные глаза богов следят за делами смертных. Есть еще и царь Александр, который спросит...

Когда выбрались за поселок, Гесиод сказал Никомеду, обходившему колонну:

— Лохаг! Позволь мне задержаться в селении в качестве арьергарда. Варвары наткнутся на меня первого — хоть чуть-чуть, но я их задержу.

— Что ты можешь сделать один?

— Почему один? Двое, — отозвался Деимах, шедший рядом. — Разреши, мы останемся вдвоем, а догоним вас ночью. Рискнем головами ради товарищей. Если варвары нас застигнут, разве они подумают, что нас только двое? А вам каждое мгновенье — выигрыш.

Никомед сказал недоуменно:

— Это, конечно, неплохо... Но я не понимаю: вы что, из-за девчонки?..

— Решай, лохаг. Двое погибнут, зато для сорока восьми будет отсрочка.

Никомед махнул рукой и побежал в голову колонны, Деимах и Гесиод пошли обратно к поселку.

— Зачем ты остался? — сказал Гесиод.

— Не бросать же тебя одного... А вдруг тебя укокошат. Пропали тогда мои шестьсот дариков...

— Я не отдам тебе пленницу, пока жив.

— Ладно, ладно, посмотрим... Придется накинуть еще сотню дариков. Не такой уж я бабник, как ты думаешь.

Гесиод взглянул на него искоса.

— Для чего ты живешь, Деимах?

— А для чего живет царь Александр?

— Не будем трогать этого имени...

— Почему же? Как раз будем. Царь наш хочет быть величайшим, храбрейшим, славнейшим. Словом — «самым-самым». И он достиг этого! И я, его верный фалангит, тоже хочу одного: ощущать себя всегда могучим, непобедимым, сильнее тебя и таких, как ты! Шестой год я борюсь с демоном смерти Танатом и — побеждаю! Разве нет? Ведь я жив! И вас, мягкотелых, я буду всегда давить! В этом — жизнь. Все остальное — мох, что растет на камнях в ущелье.

Он приблизил свое лицо к глазам Гесиода: тому показалось, что он видит искаженный человеческий образ в плохом бронзовом зеркале.

— Разве ты поймешь это, фиванец? Полисперхонт, наш таксиарх, был разбойником. А ведь он потомок царей. Мои предки лутили ячмень и пасли овец в тимфейских горах. Но я не таков. Я понял: меч в твердой руке — вот кто хозяин жизни! Разве не так поступают и боги? Кто из них сильней, тот и прав. Ладно, иди... Тащи свою азиатку, а я пригляжу за дорогой... Я буду во-он на том дереве. Свистнешь... Иди, иди, время не ждет, скифы — тоже.

И Деимах отправился в поселок.

Гесиод не успел еще дойти до озера, как услышал пронзительный свист Деимаха. И тотчас увидел саков, выезжавших из дальнего переулка. Человек десять...

Мысль сработала мгновенно. До озера уже не успеть — путь отрезан. Одному против десятка всадников не выстоять...

Он повернулся и тяжело побежал в сторону «башни молчания». Там за ней тянулись кустарники, уходящие в балку. Если успеет, есть надежда...

Он бежал, не оборачиваясь. Но чувствовал — всадники нагоняют. Топот копыт все ближе, ближе...

Когда он поравнялся с башней и обежал ее, увидел деревянные ступеньки, ведущие к площадке на уровне второго этажа. Там виднелась в стене дверь. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он единым духом взлетел, рванул дверь и захлопнул ее за собой.

Невыразимо тошнотворная вонь ударила в нос. Мелкие стервятники и вороны тучей поднялись в воздух, наполнив башню хлопаньем крыльев. Большой черный гриф посмотрел на человека, распахнул крылья и неуклюже запрыгал по каменному полу, стуча когтями. Он не мог взлететь — отяжелел от обильной еды.

Гесиод прислонился к стене — тошнота непобедимо подступала к горлу. Круглая огромная башня была опоясана широким каменным кольцом — карнизом. В середине — провал. Гесиод краем глаза увидел там, внизу, груды костей, черепов... Ближе, на каменном карнизе, тремя concentрическими кругами — выдолбленные ниши. В них останки тех погибших недавно, сильно истерзанные птицами...

Черный гриф напрягся, открыл клюв, изрыгнул какое-то месиво и, наконец, взлетел. Гесиод согнулся пополам, словно от удара. Его стошнило. Шатаясь, он нащупал дверь и выскочил наружу, на площадку, заметил несколько всадников у лестницы. Они задрали головы и смотрели на него — видимо, поджидали...

Глухой удар, острая пронзительная боль, отозвавшаяся во всем теле...

Маленький сак на приплясывавшем от нетерпения коне удовлетворенно хмыкнул:

— Еще один! И мастер же ты швырять камни, Мокридат.

Человек в парфянских доспехах ответил самодовольно:

— Это у меня с детства, Мавак. Лук не всегда под рукой, да и стрелы могут кончиться. Зато руки всегда при

мне, камень можно подобрать где угодно, а любая веревочка или ремешек могут стать отличной пращой.

— Пойти поглядеть...

— Чтобы оскверниться? Глядеть нечего — я бью наверняка. Поставь шлем на пятьдесят шагов — не промахнусь. Вот только с царем Искандаром сплоховал: дал ему по шее, а он, говорят, жив. Ну, да ведь царь все-таки, к тому же великий воин... А с этой падалью и без нас управятся птицы...

И как бы в подтверждение этих слов огромный черный гриф, хлопая крыльями, уселся на край стены и заглянул вниз, будто примериваясь. Саки засмеялись и поехали прочь.

* * *

Гесиод со стоном перевернулся на спину. Сизое небо заглянуло ему в глаза. Вечер? Или раннее утро?

Он с трудом приподнялся и сел. Голову раскалывало. Медленно вползали в сознание пляшущие зрительные образы: каменная стена грубой кладки, деревянный помост, на котором он сидит, ступеньки лестницы...

Он опять застонал, держась за голову. Сильно тошнило. Скрипя зубами, он остановил мир, вертевшийся перед глазами, сосредоточился на одной точке — кудрявом деревце с уютной кроной...

Да, это вечер... сизые сумерки. Прошумели чьи-то крылья...

И тут Гесиод вспомнил все.

Боясь потерять сознание и свалиться вниз, он спустился по лестнице на четвереньках. Вокруг было тихо. Пели сверчки. Гесиод обессилел и прилег на еще не остывшую землю...

Тут его и нашла Лаодика.

Эту ночь они провели в хижине на берегу озера. К утру Гесиоду стало лучше, и он крепко уснул. А она

лежала, согревая его своим телом, отгоняя комаров веткой, и думала о том, что их ждет. Две неприкаянные юные души, среди чуждого, сошедшего с ума мира...

Они задержались еще на день, пока фиванец не почувствовал себя лучше. Что делать дальше? Будь он один — догнал бы свой лох, так как знал направление, по которому пойдут его соратники. Но Лаодика! Куда ее спрятать от алчущих глаз и наглых рук?..

В конце концов он принял решение пробираться в сторону Яксарта, к лагерю Александра по следам лоха, но не подходить близко к товарищам по оружию. А в лагере видно будет.

А что еще оставалось? Он и она — отверженные и варварским, и эллинским миром. И хоть велика, необъятна земля, им, чужим для всех, нет безопасного места на ней.

Все было смутным, неясным. Оставалось надеяться на бога случая, удачи, везения Тихона. Быть может, он поможет?..

И еще одна задумка была у Гесиода — с помощью бога Тихона и царя Александра она могла и осуществиться, тем более Деимаха наверняка нет в живых...

В заброшенных домах Лаодика раздобыла согдийскую одежду и заставила Гесиода переодеться. Но с доспехами наемника фиванец ни за что не хотел расстаться. Увязав в узел, он взвалил его себе на спину.

В первую ночь они прошли совсем немного. Зато к утру Гесиод поймал лошадь со сбитой седлом холкой, пасущуюся посреди абрикосовой рощи. В такое смутное время нередко можно было увидеть бродившего без призора покалеченного коня, брошенного за ненадобностью.

Теперь они двигались чуть-чуть быстрее. Путь занимал большее время суток, только в самую жару делали привал. Поскольку Лаодика хорошо говорила по-согдийски, было решено — если встретится летучий отряд — сказаться беженцами: жена везет раненого мужа к родственникам...

Лаодика же как будто перестала беспокоиться.
Прижимаясь на отдыхе к фиванцу, она шептала
счастливо

На третий день они наткнулись на остатки кострища, в сторонке — могильный холмик с воткнутым деревянным чурбаном. На деревяшке — она заменила каменную стелу, какую обычно ставят на могилах, — грубо нацарапано: «Хайре»¹. Вот и все, что осталось еще от одного завоевателя вселенной...

Гесиод начал узнавать местность. Где-то неподалеку должна быть Главная Согдийская дорога — торговый путь, по которому с незапамятных времен ходили караваны.

Теперь они двигались с большой осторожностью. Иногда с холма были видны отряды согдиатов. Они проезжали не скрываясь — следовательно, страна захвачена восставшими. По ночам на вершинах холмов и могильных курганов загорались бесчисленные огни. Светящиеся цепочки их уходили за горизонт...

Гесиод размышлял о том, что предпримет царь Александр, когда все узнает. Лаодика же как будто перестала беспокоиться. Прижимаясь на отдыхе к фиванцу, она шептала счастливо:

— Мой возлюбленный муж...

Так они и шли, петляя и делая зигзаги, вслед за лохом. На пятое утро увидели солдат Никомеда, пробиравшихся далеко внизу глухой балкой. Гесиод, присев за деревцем, наблюдал, как бывшие его товарищи по оружию один за другим перебежали безлесое место и исчезали в зарослях.

Вот тут-то и пришла неожиданная опасность. Когда они, полчаса спустя, пытались разжечь костер, Лаодика вдруг схватила Гесиода за руку и прошептала:

— Смотри, смотри, возлюбленный!

У фиванца были острые глаза: в седловинке между холмиками он сразу увидел рослую фигуру в согдийском кафтане и колпаке, стоявшую у дерева. Варвар, без сомнения, наблюдал за ними. Гесиод вскочил; так они стояли

¹ Хайре — прощай (греч.).

некоторое время. Но расстояние было слишком велико, чтобы поразить стрелой, — отсюда невозможно было разобрать даже черты лица варвара. Лаодика шептала:

— Он не тронет нас, ведь мы в согдийских одеждах...

— Однако я не хочу попасть им в руки и подвергнуться допросу. Надо бежать.

Варвар, поняв, что его заметили, исчез.

А через несколько мгновений исчезли и Гесиод с Лаодикой, на полянке осталась только куча хвороста для несостоявшегося костра.

Когда отъехали достаточно далеко, Гесиод стал размышлять вслух:

— Почему этот согдиец, или согдийцы — ведь их там, без сомнения, целый отряд, — не подошли к нам? Не пытаются ли нагнать сейчас? Нехорошее у них на уме...

— Среди согдийцев есть тоже разбойники, которые грабят и своих, и чужих, — сказала Лаодика, начиная бояться. — Давай не будем больше зажигать костер.

Теперь они были еще осторожнее, пристально глядя по сторонам, оглядываясь назад. И ввечеру опять увидели фигуру согдиата: он следил за ними с небольшой скалы. Голова его в согдийской шапке отчетливо вырисовывалась на фоне еще светлого неба.

Тот ли это был согдиат? Или другой? Какая разница! Ясно одно — их преследуют и не с добрыми намерениями.

К бедной Лаодике сразу вернулись все ее прежние страхи. Гесиод успокаивал ее. Однако чувствовал: паника закрадывается в сердце.

Сколько их, врагов? И почему ведут себя так странно? Они словно боятся подойти, но боятся и напасть, и, как волки, неотступно преследуют свою добычу.

Сомнения опять разрешила девушка:

— Эти разбойники не знают, что нас только двое...

«Верно! — подумал Гесиод. — Негодяи хотят выяснить силы своей жертвы, прежде чем наброситься».

И он решил как можно скорее нагнать лох. «Теперь лагерь царя уже близко, а там фалангитам будет не до Лаодики».

Всю ночь они шли без остановки. На рассвете забылись тревожным сном и тут же были разбужены глухим неясным шумом.

Воздух и даже земля как будто чуть заметно сотрясались.

Гесиод и Лаодика тщательно осмотрелись, но ничего необычного не увидели. Легкий туман уже рассеялся. Пичуга с коричневой грудкой перелетела с ветки на ветку, подергивала хвостиком, рассказывала что-то свое. Кусты, покрытые росой, ждали солнца, чтобы засверкать прекраснейшими алмазами.

Тогда они вскарабкались на холм и глянули вниз...

В пяти-шести стадиях отсюда, по Главной Согдийской дороге стремительно неслась река из конских тел и всадников. На каждой лошади виднелось два гривастых шлема: будто полчище трехголовых кентавров — чудовищный симбиоз людей и коней — спешило на страшную, небывалую битву... Тускло отсвечивали посеребренные щиты, нескончаемым потоком проносился лес поднятых копий...

Лаодика, дрожа, прижалась к возлюбленному. А Гесиод смотрел, потрясенный: македонская армия форсированным маршем шла туда, откуда они возвращались. И во главе — сам Александр. В этом фиванец не сомневался: серебряные щиты носили только аргираспиды — царские телохранители, состоящие всегда при особе царя...

Яксарт

А теперь вернемся на несколько дней назад.

Страшные слухи о том, что происходит в Согдиане, докатились и в Царскую долину. Многочисленные беженцы, плача и посыпая головы прахом из-под ног, рассказывали

¹¹ Том XIII. В. М. Плоских

были и небылицы о сожженных селениях, о насилиях, творимых завоевателями над мирными земледельцами. Воины в блестящих шлемах врываются в дома, хватают беззащитных хозяев и обращают их в рабов. Красивейших девушек отправляют к царю Заката; из них он составил гарем не только для себя, но даже для своего коня по имени Букефал.

Саки только головами покачивали: слыханное ли дело!

— Мы тоже почитаем коней, но чтобы приносить им девушек в жертву...

Согдийские купцы жаловались:

— Разве бедна страна согдийцев? Еще со времен Дарявауша, сына Виштаспы наши предки доставляли к трону хорзарских царей коней, меха из полуночных земель, золото, самоцветы, ляпис-лазурь, сердолик и нефрит... А также лалы из наших гор... А плохо ли было вам, нашим соседям? Каждый второй из саков носил одежду из тканей, доставленных нашими караванами. А хорзарские ковры в юртах вождей, прекрасные сосуды и украшения, вино, кишмиш, курага — кто привозил их в кочевья?.. Теперь все отбирают ненасытные воины Заката...

В царском шатре собрались на совет вожди и сыновья вождей.

Как и во времена пращура Ширака, единое мнение никак не складывалось. Что делать? Идти на царя? Бежать? Просто сидеть на месте? Или предложить ему «Землю и воду»? Но ведь Искандар пока ничего не просил. И вообще делает вид, что ни сакских земель, ни сакской ратной славы, ни самих «укротителей быстрых коней» на свете даже не существует.

Стало известно, что завоеватели начали строить город на левом берегу Яксарта. На границе сакских владений. Крепость под боком? Это уже выглядело угрозой независимости свободолюбивых кочевников. А прияксартские саки, и прежде всего владения Спаргатифа, прямо попадали

под контроль пришлого царя. Вожди спорили да спорили, а для озарения пили хаому — опьяняющий напиток, изготавливаемый жрецами.

В конце концов решили созвать ополчение и выступить к Яксарту. А там видно будет. От кочевья к кочевью полетели гонцы с пучком стрел, перевязанных красным жгутом — призыв на войну.

Ополчение собралось удивительно быстро. Но когда стали выбирать предводителя, возникло неожиданное затруднение. Липохшайя болел и войско должен был возглавить Картазис. Однако простые саки выбрали своим начальником Сатрака. И хотя общее руководство осуществлял царский брат, Рожденные в потомстве возмутились.

— Кто такой Сатрак? — кричал Спаргатиф. — Разве он из рода вождей? Почему я должен его слушаться? Этот человек после вчерашнего дождя вырос.

Другие поддержали:

— Не хотим Сатрака! Он из рода конюха.

— Великого конюха. — поправил Липохшайя.

— Все равно! Если его далекий предок и совершил подвиг, причем здесь Сатрак?

Липохшайя хотел было сказать: «Ну, а вы-то чем кичитесь? Ваши деды были князьями, потому и вы считаетесь знатными. Но ведь были времена первого царя Йимы, когда у саков не было вельмож и, значит, все блистательные роды ведут свое начало от простых людей».

Но он не сказал этого; вовремя вспомнил, что и сам носит жезл владыки не за какие-то личные заслуги, а потому, что и дед, и отец его были царями...

В конечном итоге приняли решение: знатные со своими дружинами поступали под начало Картазиса, а простой люд пускай возглавит Сатрак. Раз уж «дающие корм скоту» его так уважают...

Сакское войско подошло к Яксарту в начале месяца гармопада или Шахривара (июль). На той стороне

виднелись палатки македонского лагеря, огражденные земляной насыпью. Кочевники с изумлением наблюдали, как многочисленные землекопы, словно муравьи, трудились над какими-то постройками.

Знать и дружинники Картазиса принялись насмехаться над противником, делали оскорбительные жесты. Пускали стрелы. На замечание Сатрака не раздражать македонян понапрасну брат царя высокомерно ответил:

— Сразу видно, что ты низкого рода. Лишь Рожденным в потомстве присуца изначальная храбрость.

Пренебрежительно относившийся к врагу Картазис не предпринимал никаких предохранительных мер. Сатрак же, напротив, был полон осторожности. На расстоянии двух фарсангов от сакского лагеря — в ту и другую сторону — он расставил часовых. Сатрак опасался, что коварный македонский царь, пока они стоят друг против друга, переправит где-нибудь часть своего войска и ударит сакам в тыл.

Действительно, Александр, выведенный из себя нахальством саков, решил перейти реку. Он принес, как того требовал обычай, жертву богам. Знамена оказались неблагоприятными.

— Надо подождать, — сказал Аристандр-прорицатель, которого македонский царь повсюду возил с собой.

Пришлось согласиться. Но саки не оставляли в покое греко-македонян. С того берега летели стрелы (река была неширокой), но больше стрел досаждали насмешки варваров.

— Эй, храбрецы! — доносилось оттуда. — Где вы потеряли свои штаны? (Греки штанов не носили).

— Оголились, чтобы легче было задавать стрекача!..

— Заранее приготовились, чтобы мы их высекли!..

— Суньтесь на этот берег! Сразу поймете разницу между хорзарскими рабами, которые сами вам поддались, и нами, свободными саками!

Македоняне в бессильной ярости грозились в ответ:

— Погодите! Доберемся — с вас штаны спустим! Царь вторично принес жертву — и опять боги не приняли ее.

Александр потерял терпение:

— С благословения богов или без них, но реку я перейду и накажу варваров!

— Тебе грозит беда! — ответил прорицатель.

— Одному мне или всему войску?

— Лично тебе. Ты можешь погибнуть.

Царь ответил, что лучше ему пойти на смерть, чем, покорив почти всю Азию, стать посмешищем для кочевников, как стал им когда-то Дарий, отец Ксеркса.

Прорицатель на это возразил, что знамения, посылаемые богами, он не может толковать по-другому только потому, что Александру хочется услышать другое.

— Пусть будет так! — ответил царь.

И он отдал приказ готовиться к переправе. За три дня воины изготовили несколько десятков плотов и двенадцать тысяч бурдюков. Несмотря на лихорадочное состояние (рана давала себя знать), царь лично все перепроверил и назначил переправу на следующий день.

* * *

В предчувствии назревавшего столкновения Картазис собрал военный совет. Наиболее осторожные предлагали отправить посольство и попытаться договориться с царем. Картазис, несколько уstraшенный приготовлениями македонян и малость поостывший, тоже так думал.

— Кто же поедет послом? Тут нужен человек знатный и уважаемый, славящийся большим умом и владеющий языком своим не хуже, чем конем... Я думаю, на такую почетную должность лучше всего подходит Спаргатиф.

Зареченский князь живо вскочил:

— Прости, владыка! Но место мое — на поле битвы. В логово демона Апаоши я не поеду!

— Как же быть? — Картазис оглядывал вождей, словно прицеливаясь, но все отводили глаза, опускали головы...

— Чего проще! — вмешался Спаргатиф. — Тут больше всего подойдет Сатрак. Он умен — недаром же «пасущие скот» выбрали его своим предводителем. Он и знатен — разве не это доказывал его велеречивый отец на празднике Ноуруз?

И Спаргатиф насмешливо посмотрел на охотника. Тот покраснел от гнева, но сдержался и ответил:

— Я готов. Но требуется еще кто-нибудь, ибо говорить речи я не мастер.

— А твой отец на что? Вы, потомки великого конюха, с какой стороны ни взглянешь — кругом молодцы! Все умеете...

Спаргатиф явно насмехался, однако здесь была доля правды: старый Кидрей любил поговорить. Вот и сейчас, когда проходил военный совет, он рассказывал всякие предания молодым воинам, готовившим ужин у костра.

Один из них спросил:

— Скажи отец, почему мы называемся саками?

Старик ответил не сразу. Он бросил в костер несколько веток и, когда пламя, треща и брызгая искрами, разгорелось, сказал:

— Разные люди объясняют это по-разному. Хорзары и мидяне говорят, будто имя народа нашего происходит от слова «спака», что на их языке означает «собака». Мы, мол, как сторожевые собаки около своих стад.

— Сами они сторожевые собаки! — вспылил другой воин. — Мало мы их кусали!

Старик продолжал:

— Наши соседи дахи зовут нас «саками» потому, что предком нашим был олень — «сак». Что верно, то верно, слышал я от них такое. Да и вы все знаете, что знаком нашего племени служит изображение оленя...

— Значит, мы — «олени»? Или, вернее, «потомки оленей»? Нечего сказать, завидное прозвище! Правда, олень — зверь благородный, но он — всего лишь добыча охотника или даже тех самых собак...

— Есть еще и третье объяснение, — продолжал Кидрей. — Когда я жил среди хорзарских жрецов, они показывали мне священные книги, где непонятными знаками были записаны все законы и повеления богов. И там, как объяснили мне жрецы, будто бы говорится, что слово «сак» означает «идти», «бежать», «течь»... И мы потому саки, что постоянно переходим со своими стадами с места на место.

— Ага! — сказал один. — Получается, «саки» — значит «странствующие», «кочевые»? Ну, это еще куда ни шло...

— А разве массагеты или те же дахи — не кочевники? — возразил другой. — Почему же только мы — «саки»?

Молодежь заспорила. Одни считали, что лучше быть «оленом», чем «собакой», другие — наоборот. Третьи говорили, что ничего нет зазорного в слове «кочевник».

Старый Кидрей слушал, усмехаясь, поглядывая из-под кустистых бровей, подбрасывая сухие ветки в огонь... Наконец сказал:

— Успокойтесь, храбрецы! Все, что я рассказал, я рассказал со слов чужих людей. А теперь послушайте, что слышал я от наших седобородых прадедов, когда сам еще был таким же молодым, как вы...

«...Все племена, живущие в этой части обитаемого мира, произошли от общего прародителя — Траэаоны. У него было три сына. Один, Сайрима, ушел на север и от него ведут свой род сарматы. Другой сын, Арья, стал родоначальником согдиатов, бактрийцев, и других людей, хозяев вспаханных равнин.

Третий же — Тура — занял все степи и горы от восточных каменистых пустынь до западных песчаников. Страна его стала называться Туран, а потомки — туранцами; и массагеты, и дахи, и мы, саки, — все происходим от Туры...»

— Но почему же только мы — «саки»?

— Наши прапрапрадеды жили в этой стране издревле, со времен первоцаря Йимы. Много раз враги приходили, чтобы отобрать эту землю и уходили ни с чем. Потому что защищали ее «саки», что значит — «могучие мужи»...

Молодежь пришла в восторг от последних слов старого Кидрея. А тот, подождав, пока утихли страсти, добавил:

— Новые пришельцы, как я слышал, зовут нас по новому: «скифами», точнее — «скютхами» и «варварами». Не знаю, что это означает на их языке, но — наверняка ничего хорошего. От вас зависит доказать им, что мы не «скифы-варвары», а саки — «могучие мужи»...

— Докажем! — кричала молодежь, воодушевляясь. Кто-то из пожилых воинов заметил:

— Говорят, царь Искандар — это демон Апаоша, а его воины — дэвы...

Дед Кидрей хитро прищурился:

— Кто говорит? Боязливому и мышь ночью кажется львом...

Он ткнул пальцем в бархатно-искристую черноту июльского небосвода:

— Видите вон ту, ярко сияющую звезду? Это Тиштрия, величайший воин и благодетель людей. Когда-то всю землю охватила удушливая засуха: деревья пожелтели, травы посохли, звери, высунув языки, метались в поисках глотка воды. Даже камни трескались от жары. И когда увидел это Тиштрия, он отправился к морю всех морей Воурукаша, чтобы взять воды. Но демон засухи Апаоша преградил ему путь.

Тиштрия превратился в прекрасного белого коня с золотыми ушами и золотым чепраком. Апаоша принял облик черной тощей лошади с облезлым хвостом и шеей.

Началось сражение. Пыль за клубилась выше гор и ахуры расчихались в своих небесных покоях. Белому коню приходилось туго: черные демоны неурожая хватали его

из-под земли за копыта, ранили острыми камнями. Апаоша теснил богатыря. И запричитал Тиштрия: «Ох, горе для меня, гибель для растительности!»

Услышали его слова небесные ахуры, слетели вниз и схватились с демонами неурожая. Тут уж белый конь стал теснить черного. Долго продолжалась битва. Не выдержал богатырских копыт демон Апаоша и бежал в самые отдаленные пустыни — оттуда раз в несколько лет прилетает он к нам в образе горячего сильного ветра или среди несметных стай саранчи...

А Тиштрия доскакал до истока всех людей, вздыбил осежающие волны и послал на землю долгожданный дождь. Сразу начали прорастать семена, заплескались рыбы, на только что рожденных лугах звери устроили веселые игры...

И Тиштрия запел священный гимн: «Благо, воды и растения! Благо, все страны! Руслу вод вам да текут без помехи к посевам с крупным зерном, к травам с мелкими семенами!»

Старый Кидрей пропел этот священный гимн древнеиранского эпоса с воодушевлением, и молодежь хором подхватила.

Потом кто-то заметил:

— Если завтра будет сражение, многие из нас, кто сейчас поет, умолкнут навеки!

— Не надо страшиться умереть, — возразил старый Кидрей. — Ведь, что такое жизнь и смерть?

На земле нас донимают жара и холод, кусают блохи и комары. Злой сосед зарится на выпасы наши, и неизбежная старость колет нас пиками немочей, пронзает стрелами болезней. Но почетная смерть в битве или на алтаре освобождает нас от всего этого. Огненный конь с оленьими рогами вознесет нас в мир благоухающих небесных пастбищ, где нет морозов и засухи и где светлые девы-ахуры танцуют среди цветов. Первый смертный человек Йима правил на земле девять раз по сто лет, а когда умер, проложил

всем нам дорогу на небеса... Теперь он правит небесными лугами... И тот, кто падет в битве, сядет на жертвенную солому барсом — о ней позаботятся наши близкие — вместе с Йимой и Ангирасами-праотцами...

— Смотрите! Смотрите! — вдруг раздались голоса.

Все повернули головы. Небо на востоке засветилось отблеском далекого пожара.

— Это «следящие за ночью» подают сигнал, — заговорили воины.

— Значит, враг перешел реку!

«А ведь в той стороне охраняет землю саков Мермер-воитель, мой сосед, — пробормотал старый Кидрей. — Великий Урмаузד! Укрепи его руку, укрой от стрел вражьих! Ибо своих сил ему всегда не хватало...»

В лагере поднялся шум. Вожди прервали совещание. Большой отряд конницы был послан для выяснения причины тревоги. Вожди разошлись по своим местам. Саки приготовились к отражению ночной атаки.

Но тихо было на греко-македонской стороне...

* * *

А случилось вот что.

Когда Сатрак расставлял часовых вдоль берега Яксарта, самым последним в цепи он поставил Мермера-говоруна — подальше от предполагаемого места битвы. Какой из говоруна воин? Только понапрасну сложит голову. Или сразу же побежит. Сатрак сказал:

— Набери побольше сухой травы. Как только заметишь, что враг решится перейти Яксарт, — поджигай! Мы увидим ночью огонь, а днем — дым и подготовимся. На тебя возложена охрана сакского войска — помни это, Мермер!

— Будет исполнено, Сатрак-питар! — важно отвечал Мермер-говоруна.

Он тотчас принялся собирать сухую траву, ломал побелевшие на солнце ветки сухого ракитника, сгребал на берегу

плавник. Настроение у него было отличное: в бурдюке полно кумыса, в заплечной сумке — добрый кусок баранины и целых три лепешки. Кто говорит, что война — плохое дело? Это ли не жизнь!

Плотно пообедав, Мермер опять стал собирать траву. Он работал, как муравей. И сколько бы ни таскал, все ему казалось мало: а вдруг не увидят в лагере его костер? И опять с вдохновением принимался за работу: наконец-то, впервые в жизни, ему доверили столь важное дело...

На исходе третьего дня куча была такой большой, что равнялась царскому дому в Роксанаке. Мермер, проявив предусмотрительность, придавил ее кое-где плавником и сучьями, чтобы ветер не разорил плоды его редкостного трудолюбия. И сам похвалил себя за это. Вечером он расположился рядом с драгоценной кучей, на мягкой сухой подстилке, плотно поужинал из запасов, привезенных в обед вестником. Говоруны были очень довольны собой. Он чувствовал себя важным, значительным человеком, которому даже привозят еду!

Лишь на минуту радужное настроение омрачилось воспоминанием о жене. Когда Мермер пришел к ней, готовый отправиться на битву с врагом, она закричала:

— Куда тебе такому на войну? А пятеро детей? Дурень!

— Дурень? — Мермер попытался грозно вперить взгляд в супругу. — А это ты видела?

Он повернулся в анфас и в профиль: рваный кожух, на сыромятном ремне — лук в потрепанном чехле, три-четыре стрелы в колчане из бересты, ржавый акинак, выпрошенный у соседа...

Жена даже плакать перестала. Сказала убежденно:

— Дурень. И с того, и с этого боку...

Ну погодите! Он еще всем покажет, на что способен Мермер-сорвиголова!..

В звездном свете хорошо просматривалась светлая лента реки между темными берегами. Мермер протер глаза

и увидел, как ее пересекают черные шары с силуэтами человеческих голов.

Он привстал, разинув рот. Совсем рядом у берега послышался сильный всплеск. Кто-то, сопя, пытался выбраться: затрещали кусты лозняка.

— Урмаузд! — прошептал Мермер.

Над берегом поднялась одна голова, вторая, третья. Потом выросли человеческие фигуры с длинными шестью в руках — копьями.

У Мермера ноги сделались ватными, ослабли колени... Уши резанула приглушенная отрывистая команда на незнакомом языке.

...Трясущимися руками Мермер вынул огниво. Зубы выбивали дробь: «Урмаузд, ясноликий, помоги!..» Едва вставил палочку в отверстие. Лучок никак не накручивался. Наконец быстро вращавшаяся палочка затлела. Мермер наклонился и стал раздувать непослушными губами едва родившуюся искру. Огонек, наверное, заметили, потому что голоса на берегу сначала смолкли, потом разом загалдели. Топот ног. Со свистом ударил дротик рядом в землю. Другой вонзился чуть ли не в огонек... Мермер дрожащими руками поднес вспыхнувшую палочку к сухой траве, Пламя сразу пошло-пошло, со стебелька на стебелек и вот вспыхнуло, осветив судорожно искаженное лицо. А топот уже рядом. Еще несколько дротиков вонзилось в землю. Мермер почувствовал толчок и острую боль в левом предплечье. Он тонко, как заяц, заверещал, прыгнул в сторону от костра и полетел с крутого обрыва холма вниз, в глубокий овраг...

Он уже не мог видеть, как подбежавшие македонские разведчики пытались затоптать, разбросать огонь — тщетно! Громадная куча, собранная руками Мермера, запылала нестерпимо жарким пламенем и заставила врагов отступить. И тотчас вдали по направлению к лагерю загорелся еще огонь...

Воин выполнил свой долг...

Битва

Наступило утро, назначенное Александром для переправы.

В самый разгар приготовлений пронесся слух, что с того берега прибыли сакские послы. Сбежавшиеся отовсюду воины глазели, как через лагерь в сопровождении воинов Птолемея проехало два десятка варваров в простых одеждах. Без оружия. Лица хмурые. Спешились у царского шатра. Через самое малое время Птолемей пригласил на прием старших посольства.

Александр, только что поднявшийся с ложа, уселся на трон и с любопытством уставился на вошедших. Главный посол, высокий старик с белой бородой, молча устремил на царя оценивающий взгляд из-под кустистых бровей. Второй, жилистый, поджарый воин — тоже не сводил глаз с македонянина.

Царь нетерпеливо приказал переводчику спросить, с чем явились послы. Он был еще слаб после ушиба, его мучили боли в затылке. Лицо покрывала бледность и бисеринки пота усеяли высокий лоб.

Старик заговорил. Речь его сохранили древние летописцы. Вот что он сказал:

«Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле. Одной рукой ты касался бы востока, другой — запада, а макушкой уперся бы в источник божественного света. Ты проглотил уже столько земель, что не сможешь их переварить. И если тебе удастся покорить весь род людской, ты наверняка поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. Такова, как видно, твоя природа! Но разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц. И железо поедает

ржавчина. Ничего нет столь крепкого, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа...»

Присутствующие в палатке военачальники и друзья молча слушали речь скифа. Царь, откинувшись к спинке трона, вцепился в подлокотники так, что костяшки пальцев побелели.

Скиф продолжал:

«Откуда у нас с тобою вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Нам хватает собственной земли. Мы никому не служили и не желаем повелевать. Свобода и мир с соседями — вот, чего мы добиваемся...»

Птолемей наклонился к уху царя:

— Прикажешь схватить этих наглецов?..

Александр упрямо мотнул головой и вновь уставился на скифа.

«...Знай, нам, сакам, даны от неба такие дары: упряжка быков, плуг, копье, стрела и чаша. Этим мы пользуемся в общении с друзьями и против врагов. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем напитки богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем — вблизи. Многие цари приходили к нам с войной, но не все унесли ноги. Ты хвалишься, что явился сюда преследовать грабителей, а сам грабишь все племена, до которых дошел. Зачем тебе богатство? Оно вызывает только больший голод. Ты первый испытаешь его от пресыщения: чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет. Разве не тебе достались бесчисленные сокровища персидских царей? А теперь ты протягиваешь ненасытные руки и к нашим стадам...»

— Вы первые оскорбили меня! — прервал Александр. — Разве не ваши воины скачут на том берегу, кричат и кривляются, словно обезьяны?

— Но ведь не мы, а ты пришел к нашим границам! Не мы, а ты приготовил для переправы в наши земли

лодки и плоты! Но перейди только Яксарт и ты узнаешь ширину наших просторов. Саков же ты никогда не достигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов...

— Другими словами, вы собираетесь бежать, как зайцы! — презрительно бросил Александр. — А я-то слышал, что скифы — храбрейшие из людей!

Старый посол на секунду смешался, но тут же возразил:

— В другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере... Одинаково стремительно мы преследуем и бежим. Потому крепче держись за свою судьбу. Наложим узду на свое счастье: легче будешь им управлять. У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья: протягивая руки, оно не позволяет схватить себя также и за крылья. И если, как говорит молва, ты — бог, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них их добро. Но если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься...

Наступило молчание. Александр поднялся с трона и спросил:

— Ты все сказал, скифский мудрец?

Старик слегка наклонил седую голову, немного поколебался и произнес:

— Еще скажу последнее: с кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожал друг другу силой...

Александр ответил:

— Я выслушал твою речь и благодарю за советы. Я воспользуюсь и своим счастьем и твоей мудростью и не стану поступать безрассудно и дерзко. Я поступлю так, как велит мне моя судьба. Птолемей! Проводи послов до берега Танаиса, и пусть они благополучно возвратятся к себе.

Когда послы ушли, хилларх Кратер спросил:

— Что же ты решил, базилевс?

— Как? Разве ты не знал о моем решении еще три дня назад?

— Значит...

— Сейчас же начинать переправу!¹

Как только послы уехали, македонский лагерь пришел в движение. Согласно приказу, на плоты погрузились фалангиты, они заняли носовые части.

— Стать на колени! Сомкнуть щиты!

Получилась сплошная стена щитов, над которой торчали хвостатые шлемы и копья-сариссы. За такой защитой установили метательные машины. С боков их также прикрыли фалангиты. Остальные — прикрывали гребцов. Такой же порядок соблюдался и на плотях с конниками. Лошади должны были плыть за кормой сами. Легкая пехота выстроилась у кромки воды, держа в руках уже испытанные на Оксе меха с соломой.

Скифы, заметив приготовления врага, подняли неистовый шум. Тучи стрел взвились в небо, но большая их часть падала в воду.

Появился Александр. Он был в полном вооружении, и воины разразились ликующими криками: сам царь поведет их в бой, значит — победа!

Александр на гнедом коне (Букефал служил только для парадных выездов) объехал берег, проверил, все ли сделано как надо, подбадривал солдат чуть слышным хриплым голосом:

— Хоть скифы и слывут храбрейшими воинами, однако два столетия тому назад их победил Дарий Гистасп, отец того самого Ксеркса², Нам ли их бояться?

— Веди! — кричали воины с энтузиазмом.

¹ Войска Александра переправились через Яксарт (Сырдарью) в 329 г. до н. э. в районе современного города Худжанда (Таджикистан).

² Ксеркс — персидский царь, возглавлявший нашествие на Элладу.

**Какой-то широкоплечий молодой воин-богатырь
в гривастом шлеме и блестящем панцире
упорно мчался за Спаргатифом**

Глядя на беснующихся всадников на той стороне, Александр обратился к солдатам, обслуживавшим метательные машины:

— А ну-ка, пугните их как следует!

Стрелы величиной с копьё с тугим пением взвились над рекой. Огромного роста всадник, гарцевавший на могучем коне у самой кромки противоположного берега, взмахнул руками и повалился в воду.

Было видно, как саки на миг оцепенели. А потом начался переполох. С гиком и воплями конники отхлынули от берега реки. Несомненно, их поразила дальность полета чудовищной стрелы и ее убойная сила: ведь она пробила щит, панцирь, тело богатыря и вышла между лопаток!

Воспользовавшись замешательством врагов, царь взмахнул рукой. Тотчас запели боевые трубы, Александр первым отвязал плот, вскочил на него и, преклонив колено, стал в ряды фалангитов.

Переправа началась...

Началась, но еще не кончилась. Яксарт — стремительная река, и плоты заколыхались на ее волнах, как яичные скорлупки. Их стало сносить, несмотря на отчаянные усилия гребцов. К тому же воины привыкшие ощущать под ногами твердую почву, теперь вместе с плотами взлетали и опускались, замирая, хватались друг за друга, боясь свалиться в стремнину, — в тяжелом вооружении это означало бы немедленную и бесславную гибель. Цеплялись даже за гребцов, тем самым замедляя движение. Александр видел все это, но поделать ничего не мог. Даже словом ободрить — больное горло лишило его голоса.

А саки, оправившись от замешательства, снова сгрудились у самой кромки воды. Сплошная стена конских голов, шлемов, кричащих ртов, тускло отсвечивающих акинаков...

Положение македонян спасли метательные машины. Раз за разом пускали они дротики в густые ряды варваров и почти каждый попадал в цель. И чем ближе подходили

плоты, тем страшнее становился урон, производимый машинами. Саки вторично вынуждены были отступить.

Согласно приказу, первыми на берегу закрепились легковооруженные: парфянские лучники, агриане, пелтасты, дротометатели. Они быстро заняли позиции и обрушили на врага тучу стрел, камней и дротиков. Под их прикрытием начала выгружаться тяжелая пехота. За ней — конница. Видя это, саки попытались смять передние ряды противника и опрокинуть в реку. Александр бросил им навстречу гиппархию азиатов и четыре илы пехотинцев. Кочевники окружили их со всех сторон, осыпали стрелами и тут же ускакали, чтобы снова вернуться. Так повторялось несколько раз: варвары поражали греков и македонян издали, не вступая в рукопашную схватку. Видимо, угроза сакского посла претворялась в жизнь.

Тогда Александр приказал Балакру, командиру легковооруженной пехоты, ввести между рядами всадников своих пелтастов, лучников и агриан. И когда лава кочевников приблизилась в очередной раз, их встретили уже не беззащитные перед вражескими стрелами гоплиты и кавалеристы. Одновременно ударили три гиппархии этеров («друзей») и все конные дротометатели. Сам же Александр построил тяжелую кавалерию глубокими колоннами, повел ее на правый фланг, где находились главные силы саков — их латная конница.

Римский историк Курций Руф писал:

«Царь восполнял твердостью духа недостаток сил своего слабого еще тела. Голоса его, ободряющего воинов, не было слышно, так как его рана на шее еще не вполне закрылась, однако все видели, как он участвовал в сражении... Ободряя друг друга и не заботясь о своей жизни, они стали наседать на врага...»

Центр войска саков, где стояли простые общинники, пятился медленно шаг за шагом. Против них действовали дротометатели и лучники Балакра, а также легкая конница

македонян. Силы примерно были равны. Сатрак бился в передних рядах. Щит его утыкали вражеские стрелы, он бросил его и заменил щитом убитого македонянина.

— Смелее, братья! — кричал он яростно, стараясь перекричать шум битвы. — Еще немного — и мы сбросим их в реку!

Вокруг падали его друзья и соседи. Однако и воины Искандара падали тоже. Многие из них отходили в тыл, получив тяжелую рану: саки недаром считались замечательнейшими в мире лучниками.

Но правый фланг — царские и княжеские дружины, составлявшие главное ядро сакского войска, — не выдержал стремительной атаки тяжелой македонской конницы во главе с самим царем и начал отступать все поспешнее и поспешнее. Несколько знатных вождей было убито. Самого предводителя знати Картазиса дважды ранили копьем. Под Спаргатифом пал конь, и князь пересел на запасного...

Напор македонян все возрастал. Вырвавшиеся вперед отряды латных конников начали обходить сакское войство с флангов...

И тогда отступление дружин превратилось в повальное бегство. Картазис, которого ранили в третий раз, вынужден был пустить коня в галоп — иначе ему грозил позорный плен...

...Какой-то широкоплечий молодой воин-богатырь в гривастом шлеме и блестящем панцире упорно мчался за Спаргатифом, держа наготове копье. Зареченский князь хотел было выбить его из седла стрелой, обернувшись назад вполоборота. Но из попытки ничего не вышло: обернуться назад помешало толстое брюхо и стрелы пролетели мимо. Лошадь под тяжелым князем начала храпеть, бег ее замедлился. А гривастый явана¹ приближался.

¹ Так называли греков на Востоке.

Его глаза сверкали голубым пламенем, казалось, из них тоже били стрелы. Вот еще ближе... еще... Явана поднял руку с копьём и оттянул назад, готовясь поразить беглеца в спину. Спаргатиф давно потерял щит и теперь со спины был беззащитным.

— Йяй, яй! — закричал он в отчаянии. Но тут лошадь внезапно споткнулась и ткнулась мордой в землю. Толстый князь, словно пущенный катапультой, вылетел из седла и грохнулся на каменистую землю.

От удара он потерял сознание и уже не видел, как страшный явана с поднятым копьём пролетел мимо...

* * *

— Сатрак-питар! — кричал молодой ополченец. — Нас обходят! Что делать?

— Сражаться! — отвечал Сатрак, он и сам уже видел, что битва проиграна. Он пытался вывести из-под удара свои отряды. Поздно! Окруженные с трех сторон ополченцы дрогнули и стали беспорядочно отступать. А затем побежали так же, как и дружины князей.

Сатрака увлек общий поток. Он несколько раз пытался повернуть назад. Наконец, это ему удалось. Сильным ударом длинного меча он свалил налетевшего македонянина, но и сам получил тяжелую рану в бок. Несколько минут еще было видно, как сын Кидрея отбивается от наседавших на него македонян...

Греческий историк Арриан писал:

«Их (саков) пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак. В плен взято было человек полтора-два. Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары. Все войско терпело жажду, и сам Александр на скаку пил воду, какая там была. А вода эта была плохой, и у него началось сильное расстройство... Он в чрезвычайно тяжелом состоянии был отнесен обратно в лагерь».

Арриан, человек суеверный, добавил: «Так исполнилось предсказание Аристандра».

Другой античный автор отметил: «Саки умчались в солончаковые степи и македоняне гнались за ними целых 80—100 стадий (15—18 км). И лишь наступившая ночь заставила их прекратить погоню».

Согдиана в огне

Итак, Александр одержал очередную, трудную победу. Об этом говорят потери македонян: убитыми — шестьдесят всадников и сто пехотинцев, ранеными — тысячу человек. А ведь в самом большом сражении — при Гавгамелах, решившем судьбу персидской державы, эти потери составили всего сто человек.

На следующий день всех пленных саков, приведенных к царской палатке, отпустили по приказанию самого Александра. Он сам вышел к ним и сказал краткую речь:

— Я состязался с вами в храбрости, а не в ярости. Возвращайтесь в свою землю и передайте своим вождям: со скифами мне нечего делить. Но Танаис переходить вам я запрещаю!

Саки выслушали, как водится, поблагодарили царя и отправились восвояси. Князь Спаргати́ф долго оглядывался на царскую палатку. В царе Искандере он узнал того неистового явану, который чуть не убил его в сражении.

Битве на Яксарте (Сырдарье) Александр придавал большое значение. Слава о непобедимости саков прочно утвердилась в тогдашнем мире. Особенно верило в это население Азии. А теперешнее сражение докажет, что никакой народ, даже с самым громким ратным авторитетом, не может противостоять македонскому оружию.

Отныне Александр был уверен, что Согдиана покорена, руки развязаны, и он может осуществить давно вынашиваемую мечту, до сих пор тщательно скрываемую от собственного войска, — двинуться в Индию.

Плокис на своем жеребце с невероятно длинными ногами преодолевал препятствия чуть ли не в человеческий рост

И вот в момент наивысшего торжества явился Птолемей и доложил: вернулись остатки отряда, посланного к Мараканде.

Трагедия на Политимете как громом поразила Александра.

Но это была минутная слабость. Он тотчас приказал отвести прибывших подальше от главного лагеря и окружить конногвардейцами. Усталым, измученным до предела и покрытым ранами солдатам был выдан усиленный ужин. Но ни одному не разрешили покинуть лагерь, чтобы повидаться с товарищами. Более того, солдатам объявили царский приказ: за распространение слухов о поражении — смертная казнь.

Сам царь прибыл к вечеру. Пересчитали уцелевших. Из двух тысяч трехсот шестидесяти человек, выступивших к Политимету, возвратилось триста пехотинцев и сорок наемных кавалеристов. Царь дотошно выспрашивал солдат и командиров о подробностях сражения. Лицо его покрывала смертельная бледность, зато глаза полыхали пронзительным огнем. Незадачливые бойцы ежились, мямлили — взгляд царя казался им теперь страшнее стрел кочевников.

Вскоре картина трагедии стала совершенно ясна проницательному уму Александра.

— Каран! Менедем! Андромах! — повторял он. — Такие опытные стратеги — и так бездарно вести себя! Фарнух не в ответе — он не военный. Но эти!..

За весь восточный поход армия греко-македонян не терпела такого урона. Даже самые грандиозные битвы стоили Александру смехотворно малых потерь. Так, первая победа над персами — при Гранике — обошлась македонянам в 34 человека убитых (по другим данным — 100), а персы потеряли 22 000 человек. При Иссе соответственно: 32 пеших и 150 конных воина, а персы — 11 000. При Гавгамелах — 100—300 человек, а Дарий — свыше — 30 000.

По сравнению с этими цифрами потеря двухтысячного отряда на Политимете выглядела настоящей катастрофой.

Но это — еще не самое главное. Под ударом оказался престиж. Азиаты должны были свыкнуться с мыслью, что македонян нельзя победить. Спитамен доказал обратное, и в этом царь справедливо усмотрел главнейшую опасность. Бактрия еще не была окончательно завоевана. В тылу у македонян простирались огромные пространства, населенные бесчисленными племенами, чуждыми завоевателям и по языку, и по обычаям, и по вере. Они могли восстать. Что произошло бы тогда с горсткой греко-македонян, уведенных царем на край света, в океан чужих племен и наречий? Нужны были немедленные и решительные меры. И Александр их предпринял.

На этот раз он превзошел самого себя. Стремительностью военных операций македонского завоевателя вот уже два с лишним тысячелетия восхищаются специалисты. Но его бросок от Яксарта к Мараканде до сих пор кое-кем берется под сомнение: осуществимо ли это физически при тогдашних возможностях передвижения? Или все это — выдумки досужих историков?

В самом деле, если верить античным авторам, царь Александр, получив известие о катастрофе, тотчас выступил в поход, взяв с собой «половину конницы этеров («друзей»), всех щитоносцев, лучников, агриан и самых быстрходных пехотинцев». Он пошел к Мараканде, куда, по его сведениям, вернулся Спитамен. За трое суток царь прошел 1500 стадий (около 300 км!) и на рассвете четвертого подошел к городу. Значит, он двигался со скоростью 100 км в сутки! Цифра неслыханная в военной истории.

Арриан писал:

«Спитамен со своим войском при известии о приближении Александра не стал его ждать, а бежал из города. Александр преследовал его по пятам. Придя на то место, где происходила битва, он похоронил павших солдат так,

как позволяли обстоятельства, и гнался за убежавшими вплоть до самой пустыни».

В «пустыню» царь благоразумно не пошел: слишком свеж был пример его собственных стратегов. А возможно, он вспомнил судьбу Дария Гистаспа, загубившего громадное войско в безбрежных степях причерноморских скифов¹. Да и как победить кочевников? Ведь это не земледельцы, привязанные к своим полям, своим арыкам, своим оазисам... Настигнешь кочевника — он откочует дальше. А где предел этим степям?.. Этим горам?... Да и что там найдешь?..

И Александр повернул обратно. Держись Согдиана! Теперь он обрушит на мятежных согдийцев всю ярость и мощь своего войска. Царь отдал приказ жечь села и убивать все взрослое население. Начались невиданные по своей жестокости карательные операции. По сравнению с тем, что происходило сейчас, зверства отряда Андромаха и Карана показались бы злыми детскими проказами — не более. Цветущая Согдиана превращалась в безлюдную пустыню.

Царь сказал стратегам:

— Забудьте о жалости и человеколюбии. Чтобы эти понятия вновь обрели силу, надо прежде уничтожить врагов, то есть тех, кто вынуждает нас забыть об этом.

Стратеги и войско постарались вовсю: преследуя восставших согдийцев, Александр уничтожил более 120 тысяч человек. Это в те-то времена, когда вся коренная Македония, доставшаяся в наследство Филиппу II, отцу Александра, насчитывала 300 000 жителей!

Лишь один раз за всю летнюю кампанию 329 г. до н. э. человеколюбие опять проснулось в сердце Александра. Грек Диодор и римлянин Квинт Курций Руф поведали

¹ Дарий Гистасп — потерпел сокрушительное поражение от скифов — в северном Причерноморье (512 г. до н. э.).

нам, как после усмирения Согдианы на царский суд были приведены вожаки восстания — 30 знатных согдийских юношей. Александр внимательно оглядел пленных, выстроенных шеренгой. Все как на подбор: широкоплечие, рослые, с мужественными лицами. Ни один не опустил голову, не отвел глаза под взглядом царя. В самом высоком царь узнал одного из послов Спитамена еще времен Окса и захвата Бесса. Александр нахмурился и отдал какой-то приказ. Тотчас конвоиры окружили пленников и, подталкивая копьями, повели прочь. Переводчик сказал:

— Владыка обрек вас на казнь.

Один из обреченных — а это был Плоксис — сказал соратникам:

— Братя, крепитесь! Осталось совсем немного, и мы вступим на мост Чинват. Покажем воинам Заката, как умирают настоящие мужчины! И помните: все небесные ахуры смотрят на нас. Давайте веселиться!

И Плоксис, перевирая мелодию, громко запел гимн Митре. Остальные подхватили.

Александр, отъехавший довольно далеко, остановился и спросил, прислушиваясь:

— Что это?

Посланный за разъяснениями телохранитель доложил:

— Варвары маршируют на казнь с песнями и пляской.

Удивленный царь приказал их вернуть. Он спросил:

— В чем причина вашего ликования? Разве вы не знаете, что идете на смерть?

Хитроумный Плоксис уже смекнул, что, видимо, вмешался Митра и казнь откладывается. Теперь нужно сделать так, чтобы она вообще не состоялась. Он ухватился за эту мысль, как утопающий за пресловутую соломинку, и ответил:

— Ты прав, повелитель! В смерти мало хорошего, особенно в таком цветущем возрасте, как наш. И если бы нас казнил кто-нибудь другой, мы умирали бы в слезах

и печали. Но, отправляемые к своим предкам столь великим царем, победителем всех народов, мы распеваем свои родные песни и веселимся, ибо такая смерть — почетна. Она — предмет желаний всех храбрецов.

Царь, удивленный поведением и ответом пленных, помолчал немного, о чем-то размышляя. Потом спросил:

— А не хотите ли вы продолжать жизнь, если я ее вам подарю, но уже не моими врагами?

Когда переводчик повторил этот вопрос по-согдийски, молчащая шеренга как бы взорвалась. Одни кричали, что никогда не были ему врагами. Другие добавляли, что их втянули в эту войну. А третьи старались перекрыть прочих: если-де царь окажет им милость, они «никому не дадут превзойти себя в преданности».

— А что будет залогом вашей верности? — спросил Александр.

— Наша жизнь! — кричали те, кто только что собирався мужественно умереть.

— Которую мы получили из твоих рук!

— И которую мы вернем, когда бы ты ее ни потребовал!

Тогда Александр велел принести ему клятву верности именем Правды-Арты, а также огнем царского очага. Он знал, что эти клятвы нерушимы у скифов и согдийцев. Клятву принесли все: одни — сразу же, другие — чуть поколебавшись. Лишь Плоксис неожиданно отказался. Он объяснил это так:

— Умирая, мой отец взял с меня клятву никогда и нигде не давать больше клятв. Таким образом, если я дам клятву сейчас, то нарушу слово отцу и стану клятвопреступником. А такому человеку разве можно верить?

— Но это значит, что ты выбрал смерть, — ответил Александр, — Я не могу отпустить тебя как врага.

Плоксис возразил:

— Разве великий царь, покоривший полмира, побоятся воина-одиночки, к тому же чужака в этих местах?

Что могу сделать я, ничтожный, если все персидские армии, все бесчисленные племена не смогли устоять против твоего оружия?

— Варвар довольно красноречив. Его речь убедительна, — заметил Александр. — Дайте ему коня и пусть он убирается из лагеря!

Плоксис не заставил себя просить дважды.

Что же касается остальных пленных, они сдержали клятву. Курций Руф писал: «Те из них, кто вернулся домой, удерживали в повиновении народ. Четверо, зачисленные в телохранители царя, не уступали в верности царю никому из македонцев».

Александр, как всегда, заигрывал со знатью покоренных стран, и знать эта изменяла, как он и хотел, собственному народу.

Основание Александрии-Дальней

Вот уже несколько дней Гесиод и Лаодика живут в охраняемом лагере для солдат — участников драмы на Политимете. Остальная армия — тяжелая конница, фалангиты, союзники-персы, громадный обоз — занимает главный лагерь. Между лагерями запрещены всякие сношения — таков приказ царя, ушедшего к стенам далекой Мараканды.

Но фиванцу и Лаодике живется неплохо. У них есть даже собственная палатка. Никто не задает им вопросов. У большинства солдат тоже завелись временные подруги. Такова армейская жизнь на отдыхе, таков обычай.

Из обильного пайка, так не похожего на скудный походный рацион, Лаодика готовит вкусные согдийские блюда с острыми приправами. Солдат не угнетают муштрой — Кратер, оставшийся за главного, дает им время прийти в себя, отдохнуть как следует. От прежних подразделений остались жалкие остатки, и от лоха Никомеда — в том числе. Сам лохаг погиб в пути. Это его могилу видел фиванец

у брошенного кострища. Поговаривают, что всех объединят в два новых лоха и вольты в фалангу Мелеагра.

А пока — жить можно! Даже когда примчались гонцы с приказом царя двигаться на усмирение восставшей Согдианы, «политиметцев» не тронули. Они остались вместе с флейтистами, акробатами, философами, мимами и прочим невоенным людом, составлявшим царский двор. Остались также около тысячи ветеранов, на которых и живото места не было от ран. Царь намеревался отпустить их со службы из-за полной непригодности. С некоторыми стариками Гесиод завел приятельские отношения. В разговорах с ними у фиванца окончательно укрепилась одна мысль, зародившаяся во время бегства с Политимета...

Но такой спокойной жизни скоро пришел конец. Както, проходя по лагерю, Гесиод услышал знакомый голос:

— О! О! Эвбеец! Ты жив, селезень!

Он вздрогнул и обернулся. Деимах собственной персоной, живой и невредимый, подходил к нему с радостно-изумленной улыбкой.

— А я уже думал, тебя скифы давно съели, как жертвенного быка, — Он весело хлопнул Гесиода по плечу. — Вот это встреча! Как же ты выкрутился, парень?

— Долго рассказывать... — Гесиод еле приходил в себя.

— Эге-ге! Да ты, видно, не рад папе Деимаху? Брось, парень! Нельзя быть таким злопамятным. Вот я не таков: от удовольствия видеть тебя готов скостить твой долг на целую сотню дариков!.. Клянусь Диоскурами, покровителями дружбы! Да что там! Даже на две сотни! Теперь должен будешь только пятьсот. Ну, рассказывай! А где та уточка? Добрался до нее?

— Нет...

— Не горюй, парень! Пусть ее вороны утащат! На наш век хватит уток всех мастей! Отчего же ты не спрашиваешь, как выкрутился я? Ты мой свист тогда услышал?

— Услышал, — уныло отвечал Гесиод, сокрушенный таким словесным напором.

— Как бы там ни было, ты выбрался и я выбрался. Слава богам! О-го-го! Демону смерти Танату не так-то просто одолеть папу Деимаха! Со мной было так: я прошел уже полдеревни, как вдруг увидел этих кентавров, выезжающих из переулка. Они тоже увидели меня. Я тебе свистнул, а сам — через глиняную стену, в сад и — угадай, где спрятался?

— Откуда мне знать...

— В той самой зерновой яме, которую до этого нашел! Зерно-то мы выгребли, ну я нырнул в нее и даже крышкой закрылся... Скифы рассыпались по саду, обыскали дом, а потом поехали дальше — видно, решили, что я превратился в нетопыря и улетел. Ха-ха-ха!..

— А потом?

— Потом дело проще. Начал пробираться на восток, вслед за Никомедом и его шайкой... Одно беда: за нашими ребятами все время шли согдийские разведчики. Перерезали мне дорогу. Каких только проклятий я им ни слал! Как только ни пытался проскочить незаметно — ничего не получалось! Только, думаю, обошел, глядь — опять парочка их часовых тут как тут и за мной наблюдают... И черепа проломить им не было никакой возможности: все мое оружие — дубина, а те — всегда двое...

— А как ты был одет? — спросил Гесиод уже заинтересованно.

— Одет? Напялил поверх согдийское тряпье... Знаешь поговорку: когда прижмет — и в навоз спрячешься... И свинью отцом назовешь... Думаю, царь Александр не поставит мне это в вину: он и сам любитель таскать мидийские одежды. А почему ты спрашиваешь?

Тут Деимаха окликнули приятели. Он заторопился:

— Ладно. Завтра встретимся. Мы тут решили тоже выступить в Согдиану. Набралось добровольцев сотни

три. Эх, и порезвимся же! Уж теперь я с лихвой отплачу варварам за Политимет!

Деимах не мог упустить возможность пограбить. Ведь приказ царя полностью развязывал руки всем грабителям, насильникам и садистам по натуре.

— Знаешь, что? Присоединяйся к нам. Вот тебе случай поправить свои делишки.

— Нет, я не пойду.

— А чем ты собираешься рассчитывать? Не забывай про должок. Ладно, завтра поговорим...

И тимфеец, которого нетерпеливо звали приятели, оставил, наконец, Гесиода.

Фиванец пришел в палатку расстроенный. Лаодика встревожилась. Он успокоил ее, как мог. О встрече с Деимахом — ни слова: зачем волновать раньше времени? Сказал только:

— Я не хочу больше проливать ни свою, ни чужую кровь. И награбленных богатств мне не нужно. Я чувствую, что становлюсь подобным Деимаху. Нет, нет! Только не это! Разве забуду когда-нибудь гибель Фив, сестру, родителей? Мне ненавистен Арес и его вечные спутники Страх и Ужас. Мир! — вот для чего родится человек! Будешь ли ты любить меня, если я останусь маленьким и неимущим?

В ответ Лаодика прижалась к его плечу...

На следующее утро тимфеец явился в палатку Гесиода. Увидев Лаодику, он прищурился, покачал головой:

— Ах, селезень... Негоже дурить папу Деимаха.

— Я ничего не соврал.

— Разве не ты сказал, что не нашел ее?

— Я сказал правду. Это она нашла меня, раненого, без памяти.

— Ладно, не будем заводить свару из-за миски похлебки, когда ее целый котел...

Он критически оглядел палатку, легкий очаг перед ней (два плоских камня, на них — горшок).

— Да, ты устроился, как почтенный домовладелец. Словно где-нибудь в Беотии... Что ж, вели своей хозяйке расстараться с угощением. Сам Зевс требует привечать гостей.

Лаодика, вся дрожа, принялась за миски и горшки. Деимах наблюдал за ней и отпускал такие скабрёзно-плотоядные замечания, что Гесиод не выдержал:

— Попридержи-ка язык. Так сквернословишь — даже богам противно.

— Эх, селезень... Боги, когда припечет, небось тоже не говорят «хайре»...

— Что же тебя так припекло?

— Твое счастье... Вишь как ты устроился... И хозяйка у тебя есть... Я бы тоже непрочь этак пожить в горячо любимых Тимфейских горах... Но нет у меня там ни дома, ни хозяйки.. Одна старенькая мама, а при ней — коза... Не знаю — живы ли... Так что же ты решил с походом?

— Без приказа я не тронусь с места.

— Считай, я тебе его отдал.

— Ты пока еще не мой лохаг..

— Я для тебя и лохаг, и царь, и бог.

В это время Лаодика, по азиатскому обычаю, ловко расстелила прямо на земле скатерть — «суфу» и подала дымящееся мясо. Назревавшая ссора прекратилась сама собой: Деимах был, как и все наемники, большой чревоугодник.

— А где же вино? — спросил он.

— Прости, вина нам не выдают.

— Эх, селезень... Никогда тебе не стать бывалым мужем...

Тимфеец вынул из-за пазухи фляжку и разлил в два глиняных фиала.

— Во славу Ареса и Ники!

Выпили. Деимах жадно насыщался, чавкал, сопел так ожесточенно, будто воевал с пищей.

Когда с мясом было покончено, вытер жирные пальцы о скатерть:

— К полудню будь готов. На закате выступаем.

— Я действительно никуда не тронусь. Клянусь Афиной.

— Не серди меня, парень! Я ведь могу потребовать должок сейчас.

— Я рассчитаюсь с тобой, когда вернешься.

Деимах насмешливо растянул губы:

— Займешь у своей покойной тетушки по материнской линии? Или девицупустишь по кругу? Так нынче этот товар не ходок. А-а, понимаю. Надеешься, что меня укокошат. Об этом забудь. Такие, как я, живучи.

— Что верно, то верно...

— Жаль, мне сейчас некогда позабавиться с твоей подружкой, ну да это дело не уйдет. — Деимах поднялся. — К полудню будь в моей палатке, почистишь оружие. И — чтобы с полной выкладкой. А заодно и рабыню прихвати — у меня как раз будет для нее время.

Гесиод ничего не ответил.

Когда широкая спина тимфейца скрылась за соседними палатками, девушка спросила дрожащим голосом:

— Неужели ты пойдешь к этому ужасному человеку?

— Нет, конечно. — Гесиод словно очнулся. — Собирайся, милая! Мы пересидим до вечера где-нибудь. Хотя бы в прибрежном лозняке.

— А потом?

— Ты слышала: они уйдут вечером.

— Ну, а когда он вернется?

— Об этом не будем загадывать.

— Вот уж он будет злиться, когда не застанет нас здесь! — радовалась девушка.

— Да уж, думаю. — Гесиод ухмыльнулся.

Все получилось так, как предполагали влюбленные. Не будем описывать гнев Деимаха. Но фиванец добился, чего хотел — отсрочки на целый месяц. Ибо ровно столько

понадобилось царю Александру, чтобы «замирить» (то есть уничтожить) мятежников, а заодно всех попавшихся на пути согдийцев...

В конце последнего летнего месяца армия возвратилась в лагерь на Яксарте. Теперь, после победы, никто уже не мешал Александру достроить город. Он велел обвести высокими и крепкими стенами все пространство, занятое лагерем, — целых 60 стадий по окружности (11–12 км). Разбили кварталы, обозначили улицы и приступили к постройке домов. Царь намеревался поселить здесь уцелевших азиатов из сожженных городов, ветеранов, отслуживших свой срок, раненых и увечных, а также тех из греков-наемников, кто не желал дальнейшего похода...

Все жители — и греко-македоняне, и азиаты — получили равные права...

Солдаты превратились в строителей. Трудилась вся армия, включая таксиархов. Каждому отвели определенный участок и, как писал Квинт Курций Руф, «воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу... Постройка совершилась с такой быстротой, что уже на 17-й день после возведения стен были отстроены городские дома».

...Гесиод вытер пот, устало присел на кучу ломаного кирпича и удовлетворенно огляделся: вот оно, мирное детище его рук — человеческое жилье. Усадьба получилась на славу: дом из сырцового кирпича с очагом и дымоходом по местному обычаю. Первый этаж отводился под кухню, кладовые и хлев для скота, второй — с открытой верандой — для жилья. Во дворе за высоким дувалом — зерновая яма — сир, винодельня. Есть даже маленький бассейн, куда бежит вода из арыка. Здесь будет тенистый сад и грядки с зеленью. Что сказал бы его отец, считавший сына бездельником и неженкой? Гесиод наклонился к Лаодике, прильнувшей к его плечу!

— Хотела бы ты жить в этом доме?

Девушка только вздохнула и сильнее прижалась к возлюбленному.

Подошел Деимах, вытирая перепачканные в глине руки. Сказал с усмешкой:

— Славно! Славно! Из тебя селезень, куда лучше получился бы зодчий, нежели воин... Эй, рабыня! Принеси-ка нам чего-нибудь перекусить.

Лаодика, смертельно боявшаяся тимфейца, поспешила в палатку.

Гесиод хмуро посматривал на своего врага. Первая встреча после возвращения Деимаха из карательной экспедиции была очень неприятной. Но тогда Гесиод как раз получил жалованье наемника за три месяца, признал у ветеранов и сумел заткнуть рот шантажисту, двумя сотнями дариков. Надолго ли? Что он сейчас скажет?

— Ты мне пришли ее сегодня на ночку, — сказал Деимах присаживаясь. — Да поторапливайся насчет дариков. Терпение мое не вечно.

У Гесиода заходили желваки. Помолчав немного, он сказал:

— Ничего ты не получишь, марикант: ни девушки, ни дариков.

Марикант — негреческое слово, однако все солдаты знали его. На армейском жаргоне оно значило «грязный развратник, растлитель» и считалось тяжким оскорблением.

Деимах нехорошо усмехнулся, поднял злые глаза на Гесиода. Однако в тот же миг рожа его преобразилась, он торопливо вскочил на ноги. Гесиод обернулся. Через неубранный кирпич перешагивал царь Александр, весь измазанный глиной. За ним — целая свита.

Лаодика, прибежавшая с корзиной в руках, застыла. Ее взгляд, словно загипнотизированный, неотрывно следовал за царем. Будто сама Горгона Медуза явила ей свой жуткий лик, гибельный для смертных.

— Как идут дела, созидатели? — сказал Александр веселым голосом. И тут же сам себе ответил: — Отлично, я вижу! Пусть весь мир знает: мои воины умеют не только разрушать, но и строить. Не забудь об этом упомянуть в своем труде, — обернулся он к толстому человеку, с пыхтеньем спешившему за царем.

— Будет исполнено, Величайший! — ответил придворный летописец Онесикрит, вытирая вспотевший лоб.

— Готовьтесь, мои славные воины! — Александр доброжелательно смотрел на Гесиода и Деимаха. — Строительство окончено. Трубы зовут нас в поход. Предстоит опять разрушать.

Неожиданно для самого себя Гесиод решил:

— Великий базилевс! Позволь мне остаться здесь, в основанном тобой городе. Ты ведь оказываешь эту милость старым и увечным.

— Но ты не стар и не увечен, — возразил Александр.

— Я не хочу больше воевать.

Царь нахмурился и окинул солдата на этот раз совсем другим взглядом.

— Я за собой никого не веду силой. Скажи своему таксиарху, пусть вычеркнет тебя из списков.

Деимах, сообразив, что дарики его уплывают навсегда (что возьмешь с домоседа!), не выдержал и горячо заговорил:

— Не верь ему, великий базилевс! Он лжет! Он — твой враг! Это же фиванец!

Собравшийся было уходить Александр остановился.

— Фиванец? Каким образом ты оказался в моей войске?

Деимах опять ввернул:

— Обманом! Он выдает себя за эвбейца!

— Помолчи, воин! — сурово оборвал царь и вновь обратился к Гесиоду. — Я жду.

Гесиод помедлил немного, собираясь с мыслями.

— После гибели семивратных Фив нас, оставшихся в живых, продали, как тебе известно, кого куда...

— Это мне известно!

— Меня разыскали и выкупили друзья — проксены моего отца с острова Эвбеи. В Эфесе я записался в отряд Андромаха — не было средств к существованию. А так как ты ненавидишь фиванцев, вот я и назвался эвбейцем.

— Кто тебе сказал, что я ненавижу фиванцев теперь? Гесиод растерянно заморгал:

— Но ведь... Вот даже этот воин Деимах требует от меня триста дариков откупного за свое молчание... Он-то знает, кто я...

— Да будет тебе известно, фиванец: я давно уж простил твоих земляков. И даже велел позаботиться о благополучии тех, кого смог разыскать. Живи отныне смело под собственным именем.

Он обратил грозное лицо к Деимаху.

— А ты, злонравный хвастун и козней, тоже получишь награду за то, что торговал неведением своего царя! Я узнал тебя! Я долго терпел твои рассказы, что будто бы только твоей хитрой голове обязан Александр переправой войска через Окс! И терпел бы еще дольше! Но всякому терпению бывает конец.

По знаку царя двое из свиты — Полисперхонт и Селевк, оба богатыри — схватили Деимаха за руки и повели прочь.

— Я и тебя узнал, стоглавый Аргус, — продолжал Александр смягчаясь. — Ты хорошо сражался в Кирополе. Оставайся со своей подругой и проси чего хочешь.

— Проси целый талант! — высунулся Онесикрит.

— Великий базилевс! — ответил Гесиод. — Подари жизнь негодяю.

— Как?! Он тебя не щадил, а ты его жалеешь?

— Мы вместе погибали на Политимете и Деимах пытался спасти мне там жизнь — из корысти, конечно. Теперь, когда ты знаешь все, он мне не страшен.

— Да будет так! — сказал царь. — Но помни: ты делаешь ошибку. Золото в хозяйстве пригодится куда больше,

чем жизнь мерзавца — человечеству. Ты, видно, из тех, кто не рожден повелевать и властвовать. Прощай!

Гесиод поклонился.

...Когда все ушли, Лаодика, еще не пришедшая в себя, трепещущая, прижалась к своему защитнику. Фиванец обнимал подругу, гладил, как маленькую, по плечам, рукам, голове...

— Успокойся, успокойся... Наши беды кончились... Теперь все будет хорошо... А ведь знаешь, только сейчас понял, именно на царя Александра я и надеялся... Что он защитит... Этим и жил... Невероятно было так думать? А на кого же еще? Что мы можем — два мотылька? В этой буре? Боги — на небе, Александр — на земле...

В царской долине

Когда разбитые дружины и ополченцы прибыли в Царскую долину, сакский народ оделся в траур. Привезли трупы убитых. Женщины — матери, жены, сестры и дочери — наполнили Роксанаку плачем и стенаниями. Их скорбные вопли, казалось, достигали слуха небожителей. Солнце — Урмаузд в день похорон встало из-за гор мрачным, кровавым и вскоре закрылось белесыми, знойными облаками.

А потом пришли тяжелые черные тучи и полил дождь — с громом и молнией. Боги тоже оплакивали гибель стольких храбрецов. Даже они, бессмертные, не смогли доставить сакам победу и противостоять страшному царю Искандару.

Плакал-убивался старый Кидрей над трупом сына:

— Горе мне! Увы мне! Сразил Анхра-Майню своими черными стрелами опору моей старости! Почему не мои седины, а русая голова воина склонилась долу! И нет сил в моих старых руках отомстить за смерть твою, сынок!

Капали жгучие слезы на бороду старика:

— Где ты, внучек мой, Мавак, надежда моей старости? Примчись ветром, прилети птицей! Взгляни хоть глазком

и отомсти проклятым, лишившим дыхания твоего отца! Или и ты сгинул в горячих песках в неравной битве со сквернавцами? Неужто угаснет наш род, как угасает искра, вылетевшая из костра на зимнем ветру?

И снова плакал Кидрей-питар:

— Великий Урмауз! Почему не послушался Зарины и уговорил отпустить его! Но если погиб и внук, отошли и меня к праотцам-ангирасам! Путь мой на земле пройден до конца! Горе черным туманом залило мне сердце!..

А потом отчаянно-горестный вопль Зарины прозвучал на царском подворье: великий Липохшайя, избранник богов, посредник между землей и небом, носитель процветания своего народа, скончался!..

Не перенес он гибели стольких воинов, не пережил позора и бедствия, небывалых на памяти саков. Старое сердце разорвалось от горя.

Горько плакала принцесса Зарина, яростно тер — до красноты — глаза Картазис, в голос рыдали придворные князья и уцелевшие дружинники. А старые сакские колдуньи развели костер, поставили пахучее варево из волшебных трав и принялись творить заклинания. Они призывали на головы Искандара и его воинов гнев богов и духов, защитников сакской земли. Сколько горя принесли с собой пришельцы! Потому что принесли войну...

Липохшайю обрядили в красные одеяния, усыпанные золотыми бляхами, надели на заледеневшую голову высокий пикообразный головной убор с украшениями из золота и самоцветов. Любимого царского коня, прекрасного как лебедь, принесли в жертву. Для траурного пира зарезали двести пятьдесят необъезженных лошадей, пятьсот баранов, охотники принесли пятьдесят горных козлов...

Весь народ участвовал в тризне по царю и всем павшим. Липохшайю хоронили близ его почивших предков. Большие курганы над их могилами вытянулись в один ряд с полночи на полдень. От крайнего из них кави

отмерял сто шагов. В этом месте выкопали большую яму. Дно ее устлали белым войлоком. Мертвого царя в роскошных одеждах и в полном вооружении положили на спину головой на заход солнца. Множество сосудов с пищей жрецы аккуратно разместили у стены ямы в ногах покойного. Потом яму перекрыли накатом из толстых бревен вечной арчи, устлали связками камыша и залили жидкой глиной. Крыша последнего дома Липохшайи получилась на славу. Старый жрец отмерил от нее по пятьдесят шагов на все четыре стороны света. Там, где останавливался старик, молодые воины клали большой камень.

Теперь к строительству кургана приступил весь народ. Одни везли валуны из реки Мышь, другие выкладывали из них громадный круг, центром которого была могила. На повозках, верблюдах, вьючных лошадях со всех сторон везли чистую глину, из которой возводили насыпь. И когда холм достиг в высоту три роста человека, всю поверхность его, как панцирем, устлали речными валунами. Получилось прочное архитектурное сооружение — памятник правлению Липохшайи. Были поминальные игры, скачки, состязания — все, как положено обычаем...

Сатрака хоронили в полном воинском облачении: в шлеме и панцире из металлических и роговых пластин. С одной стороны положили кинжал, меч и топор-клевец, с другой — копьё, лук со стрелами и боевую секиру-сагарису. Над его могилой друзья насыпали небольшой курган.

Много воинов упокоилось на большом поле неподалеку от Роксанаки. Их скромные могилы составили как бы почетную свиту вокруг величественного погребального кургана Липохшайи...¹

¹ Царские и родовые курганы саков в долине Кетмень-Тюбе (Токугульский район Кыргызстана) изучены киргизскими археологами. Здесь описаны подлинные конструкции погребальных сооружений.

Три ночи на всех могилах жгли костры, чтобы помочь душам согреться и вместе с пламенем вознестись в обиталище богов. А во многих домах Роксанаки, там, где оплакивали убитых, горели свечи в ручках котлов — чтобы в загробном мире покойнику было светлее.

Похоронили и Мермера-говоруна. Только и здесь не получилось по-человечески. Тело отважного бойца не нашли, только груды золы от сторожевого костра да немного крови на земле остались на месте его последней битвы с исчадиями Апаоши. Два друга-приятеля Мермера, когда-то ездившие вместе с ним по долине в поисках свадеб и похорон, предположили, что труп нечестивцы Искандера или сожгли, или бросили в реку, или утащили с собой. И, чтобы неприкаянный дух не бродил по свету, не стонал с укоризной темными ночами около человеческих жилищ, эти самые приятели, уговорив вдову, вырыли совсем маленькую могилку-кенотаф¹ (все равно хоронить-то некого!), выложили даже кольцо-оградку из камней — магический круг, охраняющий умершего от злых сил, он же символизирует замкнутую вселенную. Вдова положила в могилу старый мужнин кожух, миску с обломанными краями да конскую уздечку — все это покойнику пригодится на первых порах в раю. А там он уже найдет способ выклянчить и еду, и одежду у отцов-ангирасов.

Приятели намекнули вдове, что неплохо бы принести в жертву кобылу — единственное достояние, оставшееся после хозяина. Ведь надо же Мермеру-говоруна на чем-то добраться до неба.

Но вдова, сердито вытирая слезы, решительно отвергла это предложение:

¹ Кенотаф — условная могила, имевшая чисто символическое значение, которую по обычаю сооружали, если человек умирал далеко от дома и труп его не было возможности доставить для похорон на родине.

— Не дам резать последнего коня... На чем будем возить хворост зимой, пахать землю весной? А мужу достаточно и уздечки, если на небесах всегда пируют, так он и без коня, по запаху найдет туда дорогу.

Скудным оказалось угощение вдовы! Да и где взять его? В былые времена съехались бы родственники и у каждого приторочен к седлу полный мешок с поминальной «едой печали». Теперь же все родственники, по вине проклятого Искандара, хоронили собственных покойников.

Друзья-приятели повздыхали, съели половину просяной лепешки из скудных запасов вдовы, прочли молитву, поднимая к небу глиняные кружки с кислым молоком:

— Агни, огненный бог, отправь его к праотцам... Не опрокинь, Агни, этот кубок... Этот кубок служит для питья богов... Агни, увозящий трупы, привези отцов, чтобы вкушать жертвенную пищу¹.

Потом, соблюдая приличия, благочестиво поговорили о покойнике, вспоминали только хорошее:

- Веселый был человек.
- Никогда не падал духом.
- Любил покушать.
- И выпить тоже.

Говорили они искренне и прочувствованно — сами были точно такими же. И так как поминальная трапеза даже не заморила червячка, вскоре простились с вдовой и отправились бродить между прочих поминальных групп. А их было много. Царь Искандар-Апаоша постарался не хуже какого-либо мора.

Приятели присаживались там и тут, со скорбными лицами глотали жирные куски и шли дальше, переговариваясь:

— Зачем хоронить всех в один день? Разве мы в силах успеть на поминание каждого? Сколько еды!

¹ Ригведа. X 16. 4—1.2.

— Знал бы про это Мермер... Уж он не пропустил бы такого богатого поминального пира.

В одной большой группе они увидели какого-то человека с перевязанной рукой, он уплетал за обе щеки.

Приятели выпучили глаза, окаменели... Один сказал, лязгнув зубами:

— М-мермер...

Второй, от испуга и неожиданности закричал:

— Ты что тут делаешь?

Действительно, это был «покойник» Мермер, живой, только раненый. Он торопливо двигал челюстями, и жир стекал по его лоснящемуся подбородку.

Наконец он проглотил кусок и ответил важно:

— Поминаю наших богатырей-храбрецов. Садитесь, братья.

«Братья» глядели на едока во все глаза:

— Разве ты не умер?

Мермер перестал жевать, поглядел на них с недоумением:

— А почему я должен умереть?

— Тебя ведь убили слуги Искандара-Апаоши, а труп утащили с собой.

Говорун оглянулся с испугом, потом оглядел себя.

— Что вы такое рассказываете? Разве они могли утащить меня, если я здесь?

Один из приятелей, посмелее, подошел ближе, пощупал:

— Нет, он не мертвец — теплый... Второй сказал со знанием дела:

— Еще бы! Где ты видел мертвеца, пирующего вместе с живыми? — и тоже пощупал...

Мермер со все возрастающим изумлением следил за их действиями.

— Во имя Правды-Арты, что стряслось?

Друзья-приятель переглянулись.

— Подвинься. Дай и нам помянуть...

Один запустил пальцы в блюдо с бараниной слева от Мермера, другой – справа. Говорун пытался еще что-то выспросить, но друзья умело направили разговор:

– Поведай нам, доблестный, как ты бился с врагом!

– Как одержал, могучий, победу и остался жив!

Мермер сразу приосанился, напустил на себя мужественный вид. И пошло-поехало. Чего-чего, а рассказывать о собственных подвигах он умел.

– Двадцать, тридцать... нет, пятьдесят врагов я убил. Мне нанесли пять, десять, сорок ран, из которых одна, две, нет, четыре были смертельными... Но я все-таки зажег Костер Предупреждения и спас войско от удара ночных врагов! Долго будут помнить меня слуги Апаоши! Те, которые унесли ноги...

Друзья помалкивали да налегали на баранину. Они могли бы уличить Говоруна во лжи, но не сделали этого, памятуя о его вдове, выкопанной могиле и мнимых похоронах.

А со скалы взирал на это траурное скопище народа скорбный глаз Пашкуча...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Азиатский владыка

Зиму 329—328 гг. до н. э. Александр провел в Зариаспе — главном городе Бактрии. В Согдиане он оставил Певколая с 3000 пехотинцев — для наблюдения за страной. Царь считал, что этих сил вполне достаточно в усмиренном краю. Дальнейшие события показали, что и гении могут ошибаться.

Теперь, после успешного завершения летней кампании, можно было заняться делами огромной покоренной державы: мало завоевать страну, надо еще и удержать завоеванное. Когда-то Александр сказал недовольным солдатам, желавшим вернуться на родину: «Кто боится нас в нашем присутствии, станет врагом в наше отсутствие. Нужно время, чтобы завоеванные народы привыкли к новой власти». Любая власть должна опираться на кого-то. Почти везде и всегда македонский царь опирался на правящую элиту. После одного из сражений он приказал своему другу Гефестиону собрать всех пленников, выявить знатных и отделить от черни. Таких оказалась тысяча. Всех их царь освободил и назначил на посты в местную администрацию.

Подобным образом он поступал в каждой области. Правящая верхушка очень скоро поняла тактику царя и с готовностью пошла ей навстречу. Вот почему многие области почти не оказали сопротивления. Александр иной раз оставлял прежний чиновничий аппарат, вплоть до правителя области — сатрапа.

Но местнические, сепаратистские настроения была весьма сильны в разноплеменной монархии, поэтому царь пристально следил за деятельностью правителей, часто менял их, а некоторых даже наказывал.

Зимой состоялся суд над самим Бессом. Александр собрал совет из греко-македонских военачальников и знатных персов — среди них были родственники погибшего Дария. Бесса ввели в судилище в цепях, голого, обросшего диким волосом. Александр предъявил ему главное обвинение — измену Дарию.

— Какой зверь обуял своим бешенством твою душу, когда ты столь дерзко связал, затем убил своего царя и благодетеля? Этим злодейством ты приобрел только ложный царский титул!

Бесс, не смея поднять головы, отвечал, что «царский титул он захватил, чтобы передать свой народ Александру, что если бы не он, то царскую власть захватил бы другой». Персы на эти слова ответили яростным ревом. Суд был скор. Александр приказал обрубить Бессу кончики ушей и нос, после этого передал его Оксафру, родному брату Дария и повелел отвезти его в Экбатаны и там казнить перед толпой персов и мидян. Казнь Бесса по своей жестокости была чудовищной. Вместе с ним казнили и его сообщников.

* * *

Пришла весна и Александр узнал, что в Согдиане опять беспокойно. С легкоконным отрядом Спитамен метался по стране, ведя партизанскую войну с завоевателями. С теми силами, которыми он располагал, нельзя было и помыслить решиться на открытое сражение с македонской фалангой. А вот уничтожить отдельные отряды, перерезать коммуникации, ловить грабителей-фуражиров и портить кровь македонскому царю — это оказалось возможным.

Главное, чего хотел добиться Спитамен — поднять и укрепить в народе дух сопротивления. Расчет оказался

верным. Согдиана опять восстала. Македонские гарнизоны по городкам и крепостцам были перебиты. Македонский сатрап в страхе бежал в Зариаспу.

Александр принял решительные меры. Стратегов Полисперхонта, Аттала, Горгия и Мемагра он оставил в Бактрии, приказав «следить за страной, чтобы и тут варвары не возмутились, начавшиеся уже восстания — беспощадно подавлять». Отряды Гефестиона, Птолемея, Пердикки, Артабаза и Кена, а также части под личным командованием царя обрушились на Согдиану.

И опять повстанцы допустили ошибку. Разобщенные, стихийно возникшие отряды необученных ополченцев не в состоянии были мгновенно превратиться в хорошо слаженный армейский механизм. Вместо того, чтобы собраться в единый мобильный кулак и бить разрозненные вражеские отряды поодиночке, они заперлись в крепостцах, предоставив македонскому царю расправляться с каждым по очереди. Царь не преминул воспользоваться преимуществом. Вновь запылали города и селения многострадальной согдийской земли. Вновь полилась рекой кровь ее обитателей. В развалинах городов и селений поселились совы и одичавшие собаки. После вторичного усмирения Согдианы Александр, возвратившись в Мараканду, отдал приказ Гефестиону принять меры для оживления мертвых городов.

Неуловимый Спитамен опять выскользнул из рук македонян и бежал, по слухам, к массагетам. Царь отправил к ним Кена и Артабаза с требованием выдать беглеца.

Распространился слух, что на землях Согдианы действует конный отряд легендарных амазонок. Они налетают, как вихрь на македонские обозы, засыпают тучей стрел застигнутых врасплох, а когда кавалерия пытается вступить с ними в ближний бой, так же быстро уносятся прочь, стреляя с полуоборота. По описанию очевидцев, одежда на сказочных девах была типично сакская. Не склонный верить бивуачным рассказам, Александр предположил,

что македоняне имели дело с наездницами из местных кочевых племен. Ведь еще со времен Кира известно, что женщины саков и массагетов принимали участие в битвах наравне с мужчинами. Поэтому царь запретил болтать об амазонках под страхом сурового наказания, дабы не вызывать паники среди слабонервных и новичков.

Тем временем поднялись на борьбу бактрийские саки, кочевавшие на границе Бактрии и Согдианы. Царь усмирил их в упорном сражении. Среди убитых варваров оказалось много молодых женщин, одетых в мужскую одежду. Это подтверждало правоту царя о пустых слухах в отношении амазонок. На одной из погибших обнаружили ожерелье редкостной красоты и большой ценности: оно было сделано из бадахшанского лазурита, искусно оправленного в золото... Его преподнесли Александру. (Быть может, именно эта история послужила придворному летописцу Онесикриту основой для его красивой легенды о приезде к македонскому полководцу правительницы амазонок Фалестриды...).

Здесь, на востоке Азии завершилось начатое еще в Парфии превращение полупатриархального царька пастушеской Македонии в ослепительного азиатского владыку. Да и сами македоняне после пятилетнего грабительского похода были уже не те. Вчерашние полунищие горцы в бараньих овчинах стали обладателями несметных богатств. Такое любому вскружит голову.

Вот что пишет по этому поводу античный писатель Клавдий Элиан: «Александр портил своих друзей, мирволя их жажде роскоши... Агнон носил обувь на золотых гвоздях, Клит принимал посетителей, расхаживая по пурпурным коврам. За Пердиккой и Кратером, большими любителями гимнастических упражнений, возили шатры из звериных шкур обхватом ¹: в них, не стесненных

¹ Стадия (стадий) = 184,98 м.

недостатком места, они занимались гимнастикой; кроме того, в угоду им вьючных животных нагружали большими запасами необходимого для этой цели песка. В обозе страстных охотников Леонната и Менелая хранились тенета в сто стадий длиной».

Громадные обозы с награбленным все разрастались и разрастались — армия могла затеряться в них. Далее Элиан пишет: «Палатка самого Александра вмещала сто лож, пятьдесят позолоченных столбов разделяли ее и поддерживали потолок, который тоже был вызолочен и украшен дорогими узорными тканями. Внутри в первом ряду было размещено пятьсот персов-мелофоров¹ в пурпурных и оранжевых стулах, подальше тысяча лучников, одетых в цвет пламени и крови, а впереди них — пятьсот вооруженных серебряными щитами македонян. В середине палатки стояло золотое кресло, сидя на котором царь, со всех сторон окруженный стражами, принимал посетителей. Снаружи, вдоль стен, кольцом располагались тысяча македонян и десять тысяч персов. Никто не осмеливался приблизиться к Александру — так велик был страх перед ним с тех пор, как высокомерие и удача сделали из него тирана».

Ранее простой в обращении, доступный каждому нуждающемуся солдату, царь теперь стал недостижим для простых смертных, как олимпийский бог. Плутарх пишет, что даже для близких людей он «сделался противен своим самомнением, в нем появилось слишком много солдатского, он стал хвастлив, льстецы вертели им как хотели — это бесспорно. Они изводили самых приятных людей из его окружения...».

Александр словно чувствовал, что его век короток (да и Аристандр-прорицатель это предсказал), и торопился

¹ Мелофоры — «носящие яблоко», так назывались воины, вооруженные копьем, древко которого было украшено золотым яблоком.

захватить все мыслимые вершины, стать самым великим, самым исключительным в веках! Человеку, каких бы высот он ни достигал своей доблестью, определен обязательный порог — смерть. Но ведь путь до этого порога он может пройти по собственному усмотрению. Невероятное честолюбие Александра требовало только двух вещей: небывалой славы и небывалой власти.

Многие македоняне возмущались переменой в царе. Большинству война надоела. Ведь покорение персидской державы закончилось, первоначальная цель достигнута. Теперь бы, казалось, только и пожить в свое удовольствие, пользуясь плодами побед. Награблено столько, что хватит внукам и правнукам. Так нет же! Царь не желает заканчивать поход. Пополз слух, что армии предстоит идти в Индию.

И еще не нравилось соратникам Александра то, что он окружил себя персами, выдвигал их на руководящие посты, всячески заигрывал с местной знатью. В армии шли пересуды:

— Раньше все македоняне были друзьями царя Александра. С песнями шли на смерть за него. А теперь?.

— А теперь царь не терпит возражений. Мы для него хуже мидян.

— Надел индийские одежды...

— Завел гарем по примеру персидских владык.

— Окружил себя варварами...

— А нас, кто доставил ему все победы, отодвинул в тень...

Но больше всего возмутила проскинеза, то есть земной поклон, который Александр попытался ввести. Проскинеза являлась частью ритуала при дворе Ахеменидов. Она была привычна и естественна для азиатов, но ненавистна для свободолюбивых греков и македонян, которые и перед богами-то били земные поклоны разве что при большом несчастье, прося их о помощи.

**Распространился слух, что на землях Согдианы
действует конный отряд легендарных амазонок**

— Он рушит дедовские обычаи! Никому не превратить свободных македонян и эллинов в азиатских рабов!

С восхищением передавали слух, как на царском пиру грек из города Олинф Каллисфен решительно отказался земно поклониться Александру и произнес речь, осуждающую введение подобных обычаев. После этого сам царь с досадой запретил даже упоминать о проскинезе, но твердо решил уничтожить Каллисфена при первом же удобном случае.

Спрашивали друг у друга:

— Кто таков, этот храбрый муж?

Знающие объясняли: Каллисфен — придворный летописец похода, племянник самого Аристотеля. Ну, а уж Аристотеля знали все: он был когда-то воспитателем Александра и целых три года обучал юного царя всему, что должен знать свободно рожденный эллин.

Старые солдаты одобряли Каллисфена:

— Мы не персы и не станем ползать ничком перед сыном Филиппа!

— Что ты, друг! Александр теперь утверждает, что он не сын Филиппа и Олимпиады: он сын египетского бога Амона и, следовательно, сам бог.

— Вот и пусть воюет с отцом Амоном, а мы отправимся в Македонию.

— Что ж... Кто не утихомирится, тех он убьет...

Но царь не стал убивать болтунов — их было слишком много. Он и здесь поступил неожиданно: собрал их в один отряд («беспорядочные» — так стали их называть) и отправил подальше от главного лагеря. Таким образом, все недовольные были изолированы от основных сил, которые еще верили в царя.

Гораздо опаснее солдатских пересудов были заговоры из ближайшего окружения. Александр не мог забыть прощальный тускнеющий взгляд отца, убитого офицером собственной гвардии. Поэтому молодой царь, никогда

не избегающий открытой борьбы, панически боялся заговоров. Для предотвращения их, казалось бы, сделано все: перебиты все потомки отца по мужской линии (кроме слабоумного Арридея — брата Александра), позже Олимпиада извела часть женщин, принадлежавших к династии Аргеадов¹, подавлен бунт царьков Верхней Македонии, убит личный враг царя — полководец Аттал, завязавший сношения с афинянами. Крови не жалели. А длинной цепочке заговоров, казалось, не будет конца. Уже в Малой Азии полководец Парменион раскрыл заговор Александра Линкестийца, командира фессалийских конников. Прошло немного времени, и другой полководец, Кратер, раскрыл новый заговор — на этот раз самого Пармениона и его сына Филоты. За их плечами стояла родовая знать, не желавшая продолжения похода.

Затем стали изменять друзья. Ближайший сподвижник, друг юности Гарпал, которому Александр доверил несметные богатства персидских царей, оказался вором: он бежал с частью сокровищ в Элладу, прося защиты у афинян, злейших врагов Александра.

Второй, самый близкий друг, Клит, спасший царю жизнь при Гранике, на пиру в Мараканде в глаза высказал Александру все то, о чем думали и шептались македоняне и греки. Взбешенный и хмельной царь выхватил копьё у телохранителя и пронзил Клита. Биографы отмечают, правда, что опомнившийся Александр этим же копьём хотел пронзить и себя, но присутствующие не допустили. Трое суток он не принимал пищи, бурно переживал гибель Клита, пока не явился скептик-философ Анаксарх. Этот льстец в искусно составленной речи убедил царя, что в убийстве виноват вовсе не он, великий царь, а бог Дионис, покровитель пьянства. Кроме того должно понимать:

¹ Аргеады — царский род в Македонии, к которому принадлежали древние македонские цари, включая Александра.

всегда справедливо то, что сделано царем. Не зря же рядом с Зевсом всегда помещают Правосудие. Поэтому не стоит винить себя в смерти Клита и переживать так горько: царь всегда непогрешим.

* * *

В Мараканду потянулись посольства соседних народов, напуганных зверствами македонян.

Первыми явились послы от саков. На этот раз возглавлял их не красноречивый старик с насупленными бровями, а толстый, с жирным загривком степной аристократ — об этом свидетельствовал золотой пояс, перетягивавший пополам его огромное брюхо. И брови, и щеки посла расплывались в доброжелательной улыбке. Он оказался тоже красноречивым и в цветистых выражениях принес извинения за «недоразумение на Яксарте». По его словам, с македонянами сражался не народ саков в целом, а шайка разбойников и грабителей, за действия которых народ не в ответе. Посол сообщил и другие новости: прежний царь саков умер и теперь царствует его брат. От имени нового верховного вождя были поднесены македонянину дары, самые драгоценные по понятиям саков: золотая чаша для вина, железная секира с рукоятью, инкрустированной дорогими камнями и пластинками черепахового панциря, составной лук и стрелы в колчане, а также «солнечный конь» — жеребец чистых кровей. По словам саков, он способен был преодолевать расстояния до 600 стадий (120 км) в день.

Александр благосклонно принял подарки и заметил:

— Слышал я про одного царского брата по имени Картазис...

Саки стыдливо опустили глаза. Потом главарь-толстяк, назвавшийся Спаргатифом, ответил:

— Ты прав, повелитель! Нашего верховного вождя действительно зовут этим именем. Введенный в заблуждение

твоими врагами, он пытался противостоять тебе. Он тогда еще не знал и не ведал, что ты находишься под покровительством самого Урмаузды и сражаться с тобой — значит сражаться с богами! Теперь же он готов сделать все, что ни повелишь. Он предлагает выдать за тебя свою племянницу ради укрепления дружественного союза. Если же ты не удостоишь царевну своей руки, то мы, самые родовитые вожди саков, готовы отдать своих дочерей за твоих военачальников, которых ты выберешь сам. Наш царь готов явиться к тебе, если на это будет твоя воля.

Речь понравилась Александру и придворным (Анаксарх-скептик даже принялся рукоплескать, как в театре). Царь ласково заверил послов в своей дружбе, но от невест отказался под предлогом, что сейчас не время свадеб — на очереди много трудных дел. Он велел оформить от своего имени дружественный союз с саками и добавил при этом, что верные ему союзники всегда могут рассчитывать на помощь македонского войска против общих врагов.

На другой день в лагерь македонян неизвестно откуда прибыл конный отряд варваров — полторы тысячи человек. Назвались они хорасмиями. Привел их царь Фарасман, чтобы служить великому завоевателю.

Анаксарх-скептик не преминул заметить:

— Сколь велика слава Александра! Неведомые племена шлют войска своих царей из таких отдаленных земель, куда еще никогда не ступала нога эллина, даже самого Геракла!

Хорасмии, как рассказывали, жили на берегу огромного озера. В это озеро впадали Окс и Танаис-Яксарт. А Танаис, как было известно грекам, отделял Европу от Азии и впадал в Меотиду¹.

¹ Древние путали Яксарт (Сырдарью) с Танаисом (Доном), за Меотиду (Азовское море) они принимали здесь Аральское море.

Прибывшими заинтересовался сам Александр. Он дотошно расспрашивал царя хорасмиев о его землях и соседях. Фарасман оказался чрезвычайно покладистым и любезным человеком. Он непременно соглашался со всем, что говорил македонский царь. Лицо его излучало доброжелательство и готовность услужить, но летописец похода Каллисфен, присутствовавший на пиру, заметил в глубине глаз его напряженность и страх.

— Древние говорят, — спрашивал Александр, — за Метидой и Танаисом живут амазонки. Что может рассказать о них гость?

Фарасман с величайшим вниманием прослушал заданный вопрос. От напряжения у него даже уши зашевелились — так хотелось понять, о чем спрашивает великий царь. На помощь пришел переводчик. Он долго объяснял пришельцу, кто такие амазонки. Поняв, Фарасман весь засветился, радостно всплеснул руками и быстро залопотал что-то.

Переводчик повторил слово в слово:

— Как же! Всенепременно! Соседки! Воинственные женщины! Чуть зазеваешься, — сразу с коня ссадят стрелой! У него самого жена — бывшая амазонка. Кое-как выбил из нее эту дурь. Если великий царь пожелает, то я, Фарасман, готов со всем своим войском, народом, припасами и фуражом для конницы помочь одолеть этих нахалок.

Александр, довольно посмеиваясь, милостиво кивал головой. Сказал переводчику:

— Спроси, знает ли он колхов? Далеко ли от его земель Колхида?

У Фарасмана опять зашевелились уши. Опять переводчик долго излагал ему все предания о колхах, со времен Медеи, Ясона и пресловутого золотого руна. И опять Фарасман расцвел, как тюльпан под утренними лучами:

— Колхи? Еще бы не знать! Совсем рядом живут! Бородатые такие, суровые и каждый таскает на плечах

золотое руно. Если великий царь пожелает заодно покорить и колхов, то я, Фарасман, готов служить проводником хоть сейчас! Прямо с пира!

Александр поблагодарил столь расторопного и услужливого союзника, но сказал, что «идти к Понту для него сейчас не своевременно».

Анаксарх-скептик и тут вмешался:

— Вот тебе, царь, случай превзойти в подвигах Геракла и Язона.

— Это не тот случай, — возразил Александр, — хорасмиец все врет, но врет не со злым умыслом, а от великого усердия. Я уверен, ему и амазонки, и колхи и во сне не снились. Почтенный Артабас, — обратился он к седобородому персу. — Возьми на себя заботу о болтуне, а потом с приличествующим почетом отправь его на родину.

Явились также послы от массагетов и дахов. Они заверяли Александра, что Спитамена в их степях нет.

Они не солгали. Спитамен к тому времени действительно был совсем в другом месте...

Сам царь после окончательного замирения Согдианы с двором и главными силами двинулся к бактрийскому городу Кариаты. Его окрестности славились чудесными охотничьими угодьями. Когда-то древние бактрийские правители еще до времен Зороастра объявили те места заповедными. Они обнесли луга с непересыхающими источниками и обширные леса оградой и построили башни для пристанища охотников. Александр с детства был не только удачливым, но и честолюбивым охотником.

Предоставим слово Курцию Руфу:

«Было известно, что в одном из загонов на протяжении четырех поколений никто не охотился. Александр вошел в него со всем своим войском и приказал повсюду тревожить зверей. Когда редкой величины лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах (ставший впоследствии царем) хотел рогатиной встретить

зверя. Царь оттолкнул его и, приказав не вмешиваться, сказал, что он один, как и Лисимах, может убить льва. Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирии, один убил зверя исключительной величины. Но зверь успел разодрать ему левое плечо до костей и тот оказался на краю гибели. С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только подпустил к себе льва, но и убил его одним ударом».

В другой раз на царя бросился матерый секач и телохранитель Гермолай метнул в зверя копьё раньше, чем это сделал царь. Александр рассердился на Гермолая и приказал высечь его. Этот несправедливый поступок вскоре повлек за собой грозные последствия...

Заговор Гермолая

В маленькой крепости на границе Согдианы и Бактрии служить было скучно. С невысоких глиняных стен, стоявших на вершине холма, просматривалась песчаная степь, ограниченная со всех сторон горными увалами. Селения здесь были редкие, в них — одни старики да старухи. Молодежь подевалась неизвестно куда.

Воины из отряда «беспорядочных», составлявшие гарнизон, тяготились такой службой и осуждали Александра, благо никто не затыкал рот — комендант крепости фруарх Ламприск был таким же ссыльным, как и его солдаты.

Деимах торчал здесь с тех самых пор, как разгневанный царь чуть не казнил его. Спасло заступничество Гесиода. Однако тимфеец не испытывал благодарности к великодушному фиванцу.

Скучными гарнизонными буднями проползли осень и зима. Редкие курьеры приносили вести из большого мира о царских пирах в Зариаспе, о разгульной жизни солдат в столице Бактрии. Ссыльные с завистью слушали и опять принимались ругать Александра. Завел их на край света

и бросил здесь как ненужный хлам. Кого они охраняют? Эти глиняные стены? Два — три десятка солдатских мазанок? Ни враги, ни друзья — никто здесь не появляется. Только долгими зимними ночами воют в степи волки. Солдаты дурели от безделья. Резались в кости, проигрывая друг другу награбленное барахло, а иногда — и своих надоевших подружек из местных пленниц. Изредка затевались драки. Хорошо, что не было вина — редкие провиантские обозы дионисову влагу не привозили — иначе бы не обошлось без смертоубийства.

Наступила весна. Курьеры примчали весть о восстании в Согдиане. Гарнизон ожил, принялся чистить оружие, править мечи. Однако даже повстанцы гнушались забытой всеми богами дырой. Весна прошла, подходило к концу и лето. Солдаты вконец измаялись. И как же все были рады, когда часовой сообщил: к стенам крепости приближается долгожданный провиантский обоз.

Солдаты высыпали на вал и глазели, переговаривались: авось привезут на этот раз вина!

— И не надейтесь, селезни! — говорил Деимах насмешливо. — Наш царь после Клитова убийства и сам не пьет и другим не позволяет.

Обоз оказался порядочной длины. Три десятка азиатских повозок, запряженных сытыми лошадьми, растянулись на полторы стадии. К задку каждой повозки были привязаны теленок или корова — видно на убой. Сопровождали обоз конные — тоже десятка три — согдийцы в кожаных шапках. Из тех согдийцев, кто признал власть македонян.

Союзники...

Деимах взгляделся и сказал:

— Эй, парни, а ведь азиаты и баб везут...

Тут и остальные разглядели: на задних повозках большими нахохлившимися птицами сидели женщины в согдийских длинных покрывалах.

Солдаты весело потирали руки.

— Может, царь о нас вспомнил...

— Как же! Это согдийцы везут своих рабынь на продажу!..

— Если и так, тоже неплохо. Уж мы с ними столкнемся.

— Клянусь Гермесом-путеводителем, а согдианки-то, отсюда вижу, молодые и красивые...

Часовые распахнули ворота, и головные повозки въехали на площадь, мощенную речной галькой.

Навстречу быстрым шагом спешил фруарх Ламприск, поправляя на ходу пояс с мечом.

— Почему открыли ворота без пароля! — грозно кричал он часовым.

— Эй, кто там! Закрыть немедленно ворота! Остальных пока не пропускать! Дежурный отряд, ко мне!

Начальник обоза, высокий чернобородый мужчина с бледным красивым лицом, выступил вперед и сказал несколько слов. Стоявший рядом с ним толстогубый улыбочивый согдиец обнажил курчавую голову и весело перевел на ломаный греческий:

— Большой начальник Полиперхон посылал вам хорошо кушать. Коровка посылал, девичка тоже хорошо посылал...

— Разве он не сказал важное слово, которое ты должен передать мне? — резко спросил фруарх.

Чернобородый предводитель кивнул и приказал что-то маленькому всаднику-саку, гарцевавшему на необыкновенно красивом жеребце. Тот засуетился, с готовностью полез в большую дорожную сумку, притороченную на боку.

— Есть важное слово! — курчавый переводчик весело ткнул пальцем. — Он держит слово этот сумка!

Маленький всадник вынул наконец тяжелую боевую македонскую трубу и затрубил...

Тем временем часовой на привратной башне, глядевший вниз, округлил глаза и раскрыл рот: из-под рогож, которыми были укрыты оставшиеся наружи повозки, посыпались воины в согдийских доспехах и бегом устремились

к воротам. Часовой отпрянул, он успел еще увидеть большой конный отряд, выезжавший из-за ближнего кургана...

— Фруарх! Измена! — дико закричал часовой и упал с пронзенным горлом.

...Бой шел на всей территории крепости. Хотя гарнизон по собственной неосторожности был захвачен врасплох, многолетняя выучка дала себя знать — нападавшие не смогли одолеть врага одним ударом. Наемники отчаянно бились в тесных переулках, баррикадировались в башнях, домах и конюшнях. Фруарх, с самого начала захваченный в плен, кричал высоким голосом:

— Эллины! Держитесь! Царь придет на помощь! — и пытался разорвать веревки.

Нет, не пришел царь на помощь погибающему гарнизону далекой крепости! Не услышал! Он в это время совершал охотничьи подвиги.

Бой шел до самого вечера, когда последняя дверь была выломана и последний сопротивляющийся убит. Победители собрались на площади, уставленной повозками. В теплых сумерках звенели возбужденные голоса. Фыркали, хрустели ячменем кони.

К чернобородому предводителю подошел маленький сак.

— Поздравляю с победой, благородный Спитамен!

— Тебя тоже, — отвечал предводитель. — Хорошо поработала «дружина проигравших»! А теперь, доблестный Мавак, позаботься, чтобы никто не устроил в крепости пожара. Не следует заранее оповещать врагов о нашем успехе.

— Пожара не будет, — ответил за Мавака переводчик Ратомен. — Но мне кажется, не только это тебя беспокоит, благороднейший!

Спитамен в это время следил печальным взглядом, как воины во главе с Мокридатом провели через толпу маленькую группу женщин в дом фруарха.

— Вы правы, юноши. Я все думаю: куда девать мне свое семейство? Разве созданы женщины для походной жизни и превратностей войны? Проклятый Искандар! На собственной земле я не смогу найти безопасного уголка для жены и детей.

Подошедший Плоксис предложил:

— Может быть, отослать их за Яксарт, в Царскую долину?

— Нет! — ответил правитель Согда. — Земляки Мавака понесли большой урон от воинов Искандара, и я не знаю, чем кончится дело. Говорят, они послали к врагу посольство.

При этих словах маленький сак вспыхнул и опустил голову.

— Не горюй, отважный юноша, — правитель дружески коснулся его плеча. — Царь Искандар — великий воин, это надо признать. Но мы все равно должны победить, потому что на нашей стороне Правда-Арта...

* * *

Глубокой ночью, когда крепость заснула, из маленькой калитки в воротах выскользнула темная фигура и беззвучно растворилась во мраке.

* * *

На рассвете восьмого дня после вышеизложенных событий часовые, охранявшие царский лагерь под Кариатами, задержали оборванного и грязного солдата. Он был ранен, самодельные повязки ссохлись от крови. Солдат твердил, что ему нужно срочно к царю с важным сообщением.

Вызвали начальника караула, царского телохранителя Димна. Тот пришел, щуря покрасневшие глаза — видно не спал всю ночь. Солдат и ему повторил то же самое. Молодой телохранитель окинул пришельца подозрительным взглядом и сурово сказал:

— Неужто ты думаешь, мне позволят будить царя в такую рань, чтобы выслушать твою болтовню? Или, ты не знаешь, что наш царь пирует ночи напролет, а потом отсыпается до полудня?

— Но у меня чрезвычайно важные сведения! — солдат потянулся к уху Димна. — Я знаю, где находится Спитамен.

— Пойдем! — тоже шепнул царский телохранитель. Он привел задержанного в свою палатку.

— А теперь рассказывай.

— Не забудь, доблестный, я первый сообщаю тебе о Спитамене. Я Деимах из крепости фруарха Ламприска.

— Ладно, ладно, я доложу о твоём рвении.

Деимах коротко и толково рассказал о трагедии гарнизона крепости.

— А не ошибся ли ты? — спросил Димн. — Чернобордых бунтовщиков много. Но Спитамен ли он?

— Это был он! Я хорошо запомнил его еще на Политимете!

— Как же ты, один-единственный, вырвался из лап варваров? — в голосе Димна все еще слышалось недоверие.

— Я дрался отчаянно, пока не сломался меч... Погляди, сколько на мне ран и засохшей крови... Когда же всех наших побили, я спрятался в сир — так местные варвары называют потайные ямы для хранения зерна. А ночью ушел...

Телохранитель кликнул рабыню, велел накормить вестника. Сказал:

— Я пойду к Селевку, а ты пока отдохни. И не вздумай шляться по лагерю до моего возвращения!

Деимах плотно поел, как умеют есть только солдаты, когда перепадает случай. Тем более яства были совсем не те, которые потребляют в гарнизонах. Рабыня собрала остатки трапезы и ушла. Хотя она была молодой и красивой, Деимах не осмелился заигрывать: с телохранителями шутки плохи.

Он прислушивался к разноголосому шуму просыпающегося лагеря. В голове зародились сомнения: «Теперь награду получит Димн. А я?.. Не вспомнит ли царь прежние обиды? И не обвинит ли в трусливом бегстве из крепости? Вот и получу, глядишь, награду — саван покойника». Теперь он засомневался, стоит ли вообще показываться на глаза царю. «Пусть докладывает телохранитель... У него и служба такая».

Тяжелая усталость ломила мышцы. После сытной еды и вина голова сама клонилась на грудь. Деимах выбрал местечко потемнее, в дальнем углу палатки, за какими-то сундуками и через минуту уже спал крепким сном.

Проснулся он от того, что в палатке зазвучали голоса. Загорелся светильник и Деимах увидел двух юношей. В одном узнал Димна, второй был незнаком. «Великий Зевсохранитель! Уже вечер! Неужто я проспал весь день? Что же теперь делать?»

Юноши в парадных одеждах телохранителей, продолжали разговор. Незнакомый Деимаху говорил:

— Чем ты встревожен? У тебя недовольный вид.

Димн отвечал:

— Со мной произошла глупейшая история. Утром явился какой-то фалангит, наплел целую корзину самых свежих новостей о Спитамене, а когда я доложил об этом Селевку и вернулся за вестником, тот исчез. Ты понимаешь? В глазах Селевка я оказался болтуном. Он долго и подозрительно расспрашивал меня, а в конце посоветовал меньше пить.

— Фалангит шатается где-нибудь по лагерю.

— Мы перевернули весь лагерь, но не нашли.

Деимах собрался уже было вылезти из своего убежища с покаянной миной, но последующие слова остановили его.

— Странно! — незнакомец сидел, облокотившись на руку. — А не подослан ли он Птолемеем или еще кем-нибудь?

Димн встревожился:

— Что ты имеешь в виду? Если бы я нашел сейчас того негодяя, он умер бы у меня под пыткой.

— Я имею в виду то самое...

В голосе Димна послышалась досада...

— Послушай, дружище! Я не участник ваших затей и не впутывайте в них меня. У вас все равно ничего не выйдет: вы не решитесь.

— Прошлой ночью мы решились...

— Решились? Однако Он жив и здоров и сегодня пьянствует у Кратера.

— Кто же предполагал, что Он всю прошлую ночь пропьянствует у Леонната? Ты же знаешь, как раз было наше дежурство. Все было обговорено: Гермолай должен был ударить первым, когда Он заснет пьяный. Но он не пришел ночевать. А утром нас сменил другой караул — ты это тоже знаешь.

Деимах лежал в своем укрытии затаив дыхание. «Кто это «Он»? — размышлял тимфеец. Одно было ясно: юнцы задумали кого-то убить и, как видно, лицо высокопоставленное. При этой мысли холодок пробежал по спине наемника.

Кто-то вошел в палатку.

— Гермолай! — воскликнул Димн.

Вошедший — высокий стройный юноша и тоже в парадном одеянии телохранителя.

Второй собеседник сказал, обращаясь к вошедшему:

— Димн все знает.

— Тем лучше, — отвечал Гермолай. — Нам теперь отступать некуда, так же, как и тебе, Димн. Или мы убьем тирана, и, если умрем, то умрем со славой. Или тиран рано или поздно, убьет нас, и в этом случае мы погибнем позорной смертью.

В сознании Деимаха сверкнула догадка: он уже понял, кого собираются убить юнцы. Его начал бить озноб.

Димн ответил:

— Что же, я готов... Теперь я вижу — вы люди действия. Но когда?

— Вот этого я не знаю. Когда-нибудь. Скоро. Придет ведь опять наш черед идти в ночной караул у Его постели...

Гермолай помолчал немного, потом заговорил глухим голосом, с необыкновенной страстью:

— Ненавижу!.. Ненавижу этого самовлюбленного выродка и весь его род! Ненавижу и мать его, божью шлюху Олимпиаду, которая при живом муже прижила своего ублюдка то ли с Зевсом, то ли с Амоном. А может, и с кем другим...

— Предположим, с царским постельничим... Это лучше, чем видеть в Нем сына Амона. Иначе надо признать, что Он сын бога и сам бог, а, следовательно, бессмертен.

— Вот и докажем обратное. Все, кому дорога свобода, будут рады избавлению от тирана и тирании.

Заговорщики еще поговорили некоторое время, затем ушли.

Деимах вылез из своего убежища весь в поту. Никогда, за всю свою многогрешную жизнь наемника он не испытывал такого ужаса. «К Птолемею... Или к Селевку?» Мысли лихорадочно прыгали и мешались. Ему казалось, наступает конец света, второй потоп. Эти юнцы-телохранители — страшно подумать! — вознамерились убить самого царя!..

* * *

По делу о заговоре против Александра было схвачено десять «пажей» (так историки называют молодых царских телохранителей из самых знатных македонских семейств). Они собирались убить Александра ночью в постели и только чистая случайность спасла его от гибели.

И хотя мотивы покушения были как-будто личные — организатора заговора Гермолая высекли по приказу

царя, — здесь также явно прослеживается недовольство македонян «персидской» политикой Александра.

В своей речи на суде Гермолай говорил все то же: царь захотел их, свободнорожденных, сравнять с рабами. Он незаконно убил многих военачальников, проливает кровь македонян как ненужную и грязную. Он забыл о соотечественниках и на всех надел ярмо новых обычаев. Поэтому-то заговорщики намеревались убить «персидского царя», а не вождя македонян, ставшего перебежчиком в стан врагов.

Квинт Курций передает ответную речь Александра перед войсковым собранием. Содержание ее сводилось к следующему:

Александр поступает разумно, так как жалует победителей, но и не обижает побежденных. Придя в Азию, не уничтожает народы, а приучает их к совместной жизни с македонянами, управляет подданными как добрый царь, а не как кровавый тиран. Но этого не хотят понять некоторые, подбивающие на заговоры людей непорядочных и корыстных.

Александр метил в Каллисфена. Он не забыл, как тот первым отверг проскинезу.

В свое время племянник Аристотеля стал создателем общественного мнения в Элладе в пользу Александра. Это было очень немало, если учесть стойкие антимакедонские настроения в большинстве полисов. Подобно всем ограниченным людям, Каллисфен сам оценивал свои деяния и, как правило, переоценивал их. Отказ от проскинезы чрезвычайно возвысил ратора. Самые отчаянные рубаки стали считать Каллисфена образцом отваги и храбрости. А тот гордо расхаживал по лагерю, даже не думая о том, что следовало попрिдержаться языка. Из-за длинного языка простодушный учитель риторики попал в ловко расставленные тенета.

Однажды на пиру Александр предложил Каллисфену произнести речь в похвалу его деяний. Речь была

безупречной по форме, доброжелательной по содержанию и направленности. Грубая македонская знать, не разбираясь в тонкостях формы, оценила содержание и устроила риторку овацию. Александр не разделял всеобщего ликования гуляк:

— Легко хвалить то, что и так достойно похвал, — сказал он. — Если ты хочешь показать нам подлинное красноречие, выступи теперь как обвинитель, чтобы македоняне поняли свои ошибки и исправили их.

Это была лучшая речь Каллисфена. Он, выражая мнение свободолюбивых греков, с яростью набросился на все деяния македонян с древних времен до царя Филиппа и самого Александра. Ритор не оставил камня на камне от храма божественного происхождения македонского царя, возведенного славословием льстецов. Он объяснял возвышение македонян раздорами среди греков, а при всеобщей вражде, как известно, почет достается худшему. Речь окончена. Воцарилась глубокая тишина. Оваций не было. Александр, скривив губы в презрительной усмешке, молвил:

— Оратор выдал свою затаенную недоброжелательность.

Теперь царь прямо обвинил Каллисфена в том, что именно он «внушил дерзкий замысел» молодым заговорщикам, которые «по неопытности сами бы на такое не решились». И хотя «пажи» даже под пытками отрицали участие грека-олинфянина в подготовке убийства, Александр добился его осуждения. Этот случай еще раз показал: правдолюбам нет больше места при царском дворе. Настала эпоха таких людей, как Анаксарх. Философия собственной непогрешимости устраивала Александра. Выбор сделан. Царь, как первый среди равных, отныне навсегда оставался в прошлом. Теперь Александр — сын Амона-Зевса, единственный из смертных, кто вознамерился объединить всю Ойкумену под одним скипетром, как это сделал верховный царь богов на небесах. И горе тому, кто встанет на пути!

По приговору македонского войска заговорщики были перебиты дротиками. Смерть же Каллисфена осталась одной из неразгаданных тайн истории. По свидетельству Аристубула, историограф похода был закован в цепи и в таком виде следовал за войском, пока не заболел и не скончался. Птолемей Лаг в своих записках утверждал, что Каллисфен прошел через пытки и был повешен. Плутарх же, ссылаясь на Харета, писал, что Каллисфен пробыл в заключении семь месяцев и умер во время индийского похода «от ожирения и вшей».

Получил свою награду и Деимах. Александр подарил ему целый талант серебра, назначил на должность лохага и сказал:

— Разрешаю хвалиться тем, что ты спас жизнь царя от подлых заговорщиков. Но про Окс напоминать не смей!

Спитамен

Пока греко-македоняне искали Спитамена у безымянной пограничной крепости, он успел заключить новый союз с одним из массагетских племен, получил от них 600 конных воинов и проник в Бактрию. Вскоре неутомимый согдийский вождь неожиданно появился под стенами самой Зариаспы. Напасть на город без осадных приспособлений он не решился и, захватив большую добычу, ушел.

В столице Бактрии в то время находилось несколько «друзей» (воинов из самой привилегированной гвардейской части — агемы). Были тут и Пейфон, управляющий царским двором, и Кифаред Аристоник — близкие к царю люди. Они быстро собрали отряд из 80 наемных конников, захватили еще кое-каких солдат из оставленных для охраны Зариаспы и бросились в погоню.

Массагеты, нагруженные добычей, беспечно двигались на север, в свои кочевья. Македоняне напали на них,

перебили многих степняков и отняли все захваченное добро. Торжествующие и гордые победой возвращались они назад.

Однако неподалеку от Зариаспы победители в свою очередь попали в засаду, устроенную Спитаменом. Македоняне потеряли семь «друзей» — из самых знатных македонских родов, 60 наемников и всю добычу. Остальные укрылись за стенами.

Кратер, второе лицо в греко-македонской армии после царя, узнав о сражении под Зариаспой, бросился туда со всеми подчиненными ему воинами. Он долго преследовал повстанцев и настиг их «неподалеку от пустыни». Завязалась жаркая схватка. Македоняне, имевшие большой численный перевес, одержали верх. Варвары, потеряв полтораста всадников, скрылись, как всегда, в безбрежных скифских просторах.

* * *

После разгрома царем Александром второго согдийского восстания лишь небольшие разрозненные группы повстанцев еще бродили по стране. Иногда прорывались легкоконные отряды кочевников. Они не представляли серьезной опасности для завоевателей — только досаждали. Начальники пограничных районов легко справлялись с ними.

Одному такому начальнику по имени Аттин донесли о шайке массагетов, бесчинствовавшей в его округе. Он тотчас выступил для наведения порядка с тремя сотнями всадников.

После нескольких дней бесплодных поисков дозорные, наконец, увидели грабителей: те гнали скот. Стадо было огромное, а скифов совсем немного — десятка два-три.

Увидев погоню, погонщики заторопились, защелкали бичами, беспрестанно оглядываясь. Один из них, маленький всадник на «солнечном» коне, взлетел на курган, посмотрел оттуда на преследователей, сделав руку козырьком, что-то прокричал и поскакал догонять своих.

Македоняне взывали к своему предводителю Аттину:

- Разрешите нам уничтожить разбойников!
- Нельзя позволить им увести такое стадо!
- А какой красавец-скакун под варваром!

Аттин махнул рукой. Весь отряд с гиканьем и свистом, нестройной толпой устремился к добыче.

Скифы уже почти миновали лесок, окаймлявший поле. Они спешили изо всех сил. Но куда там! Убедившись, что погоня совсем рядом, варвары бросили награбленный скот и помчались прочь, ударяя коней пятками и пуская стрелы с полуоборота. Преследователи, распаленные жаждой добычи, уже настигли их...

О том, что произошло дальше, Курций Руф пишет кратко:

«Враг же спрятал вооруженных воинов в находящихся рядом с полем лесах. Как только преследователи миновали лес, засевшие там люди неожиданно напали на них и всех перебили», В этом бою полегло триста македонских всадников — ощутимый урон для завоевателей!

Маленький сак на «солнечном коне» опять поздравлял с победой чернобородого предводителя с бледным лицом.

Когда весть об этом несчастье дошла до Кратера, он схватился за голову:

— Снова этот проклятый богами Спитамен! Что скажет царь!

Но когда он двинул войска в «район бедствия», Спитамена, разумеется, там уже не оказалось. Озлобленные македоняне встретили и перебили тысячу даев, случайно забредших в эти места.

Непокорный согдийский предводитель стал кошмаром греко-македонян. К нему стекались самые упорные противники завоевателей, такие как парфянин Мокридат, согдиец Ратомен, Плоксис из Арианы, бывший сатрап Бактрии Датаферн и другие. Удачная тактика партизанской борьбы, которую впервые в известной нам истории применил

Спитамен, давала свои результаты. Он всегда появлялся там, где его меньше всего ожидали, наносил удар и тотчас уходил в пустыню. Искать же его в безбрежных песках и солончаковых степях — все равно что искать пресловутую иголку в стоге сена.

После уничтожения отряда Аттина Спитамен встретился с племенными вождями саков, кочевавших в бактрийских предгорьях — Катаном и Австаном, своими давними соратниками. Он предложил объединиться для борьбы с ненавистными пришельцами.

— Нам нужен единый предводитель, как у наших врагов, — убеждал Спитамен. — Чтобы добиться победы, необходимо действовать согласованно.

Оба вождя отказались.

— Ты предлагаешь нам идти с тобой на север, в Согдиану, — сказал Катан. — Зачем она нам? Земля наша здесь и ее мы будем защищать у себя дома. Да и воины не согласятся покинуть родные места.

— Тогда царь уничтожит нас поодиночке!

На это Австан возразил:

— Хватит с меня начальников! Не учи есть зубастого! Третий год мы воюем и пока живы.

— Вот именно: пока! — горько усмехнулся Спитамен.

— Пусть каждый действует по собственному разумению, — сказал Катан. — Втроем нельзя командовать одним войском. И глаза не ужились бы друг с другом, если бы не было между ними носа. Согдиана — твоя страна и ты ее потерял, как теряют сумку на дороге. Иди и отбери ее у воинов Заката. А мы останемся здесь, где мои воины знают каждое ущелье, каждый склон, каждый камень, за которым можно устроить засаду.

* * *

Так и не дождавшись от своих полководцев поимки или уничтожения упрямого согдийца в течение весны,

лета и осени 328 года до н. э., Александр ушел зимовать в Наутаку¹.

Покидая Согдиану, теперь уже навсегда, царь оставил в стране таксиарха Кена с большими воинскими силами: таксисом самого Кена, таксисом Мелеагра, четырьмя сотнями всадников — «друзей», со всеми конными дротометателями и теми перешедшими на службу к македонянам бактрийцами и согдийцами, которыми командовал стратег Аминта.

Александр повелел:

— Следите за страной и охраняйте ее. Если же окажется, что где-то бродит Спитамен, устройте ему засаду и захватите его.

— Будет исполнено, сын Амона, — отвечал Кен. — С этим «Тигром Согдианы», как называют его местные жители, пора кончать.

Александр презрительно фыркнул:

— Тигр? Просто волк, таскающий овец из стада нерадивых пастухов. Мне надоело слышать это имя.

— К весне ты перестанешь о нем слышать, — твердо сказал Кен.

* * *

Настала зима. Греки и македоняне, как и новые их союзники из местной знати, безвылазно сидели по городам и крепостцам. Они зорко сторожили окрестности и всегда были наготове. Маленький отряд Спитамена в пургу и метель, в жестокие для Средней Азии морозы, пробирался от одного заброшенного имения к другому. Одичавшие голодные псы, собравшись в большие стаи, выли в степи. Иногда путникам приходилось вступать с ними в настоящие сражения. Лишь в местах, удаленных от больших

¹ Наутака — город в Согдиане близ современного г. Карши (Узбекистан).

дорог, еще теплилась жизнь. В одном из таких крошечных селений Спитамен принимал от нескольких крестьянских юношей, изъявивших желание вступить в отряд, клятву совершеннолетия: «Я выбираю для себя святую, добрую Арамати... Отрекаюсь от хищения и захвата, от причинения ущерба и разорения маздаянистским селениям... Славословить Ахура-Мазду и давать корм скоту — это мы считаем самым лучшим. Корень веры почитания Мазды — хлебопашество: кто возделывает хлеб, тот возделывает правду...»

Взрослые мужчины, а их было около десятка, тоже попросили взять их с собой. Староста деревни сказал:

— Воины Искандара отобрали у нас все. Поможем тебе изгнать их. Глядишь, настанут прежние времена. Хоть и тогда было несладко, но заплатил подать, — и себе оставалось на пропитание. Вот только лошадей у нас нет, а пеший — какой воин?

— Лошадей я вам дам. Однако не боитесь, братья, сразиться с железнобокими?

Староста высказал общую мысль:

— Когда человек намок под дождем, ему не страшно выкупаться в реке...

Спитамен был рад каждому дружиннику. Добровольцев становилось все меньше и меньше. Греко-македоняне за две кампании выкосили самых непокорных. Страна почти обезлюдела. Оставшиеся устали от борьбы, а после измены большинства знати потеряли веру в победу. Положение в отряде Спитамена складывалось тяжелое. Кончались припасы. Фуража для коней негде было достать. Люди мерзли у костров из травы: на холодном зимнем ветру она моментально сгорала, давая лишь мимолетное тепло. Среди повстанцев появились недовольные. Сидя у костра в степи или ночуя в обгоревшем заброшенном селении, знатные согдиаты и бактрийцы раздумывали все о том же... Для чего они рискуют жизнью? Голодают и холодают?

Вон как поживают их собратья, признавшие власть царя Искандара! Спят в теплых постелях, подле своих теплых жен. Едят, что пожелают. И ведать не ведают, что значит пробираться по степи, насквозь продутой ледяным зимним ветром...

Конечно, Искандар натворил много бед в Согдиане и Бактрии. Уничтожил десятки тысяч людей. Но кого? Тех, кто восстал с оружием в руках. Получается, что убитые сами и виноваты.

Воины Искандара грабят поселян, это конечно... Но ведь и по-другому рассудить: воинам-то есть надо! К тому же поселяне, люди низкого происхождения, всякие там бедняки, обрабатывающие землю и пасущие скот, — все они для того и существуют, чтобы кормить знатных и могущественных, «Рожденных в потомстве»...

Эти настроения зрели в ближайшем окружении Спитамена. Скоро начались тайные разговоры. Оставалось совсем мало, чтобы перейти от разговоров к действиям. Предательское кольцо вокруг мятежного согдийского предводителя и его верных друзей сжималось...

Спитамен не мог не знать об этих настроениях. Как-то, услышав разговоры о благородстве царя, он пришел в неистовую ярость:

— Всякий, кто хочет покорить другой народ, не делавший ему зла, — враг Правды Арты! А Искандар — враг вдвойне, потому что удачливый! Разве мы пришли в страну его предков? Разве мы требуем от него «земли и воды»? Нет, это он явился к нам с полчищами железнобоких, не знающих пощады убийц! Это его воины пронзают копьями наши внутренности, рассекают наши мышцы, перерезают жилы, продают наших жен и дочерей как скот на базарах! Разве Правда-Арта может быть на стороне таких людей?

Согдийцы и бактрийцы угрюмо молчали, прятали глаза. Кто-то из бактрийских саков сказал:

— Стада наши угнаны, дома сожжены... Что же делать?
Спитамен ответил:

— Дальше — борьба! Ничего, что дом сгорел, зато блохи подошли. А стада мы новые заведем, когда прогоним врага с нашей земли.

— Для усталого коня и уздечка тяжела. Есть предел и человеческим силам. Два года сражаемся с этими железнобокими людьми, а толку? Они еще сильнее стали, чем раньше. К ним идут подкрепления.

— И самый длинный путь когда-нибудь кончится! — откликнулся Спитамен. — Но будет плохо, если он кончится так, как хочет Искандар. Поверьте мне, он уйдет! Все страны, захваченные им, требуют внимания. Не может он всю жизнь оставаться в Согдиане! Нам только выстоять, продержаться! Ведь если есть медленно и терпеливо, можно съест даже колючки. Так говорит народная мудрость.

— Но есть и другая мудрость: лист упадет на колючку, или колючка на лист — все равно вред листу...

— Хлеб жевать — и то нелегко. А вам хочется без хлопот и лишений победить царя, сокрушившего великую персидскую державу! Ободритесь, воины! Не обжегши рук, уголька из костра не достанешь. Или мы станем рабами пришельцев, или добьемся желанной свободы и будем жить, как отцы и деды наши!

— Или погибнем!

— Может, и погибнем, — подтвердил Спитамен, — Зато и умрем свободными! Может быть, жизнь по обычаю явана и хороша. Разве я спорю? Но только для явана и тех, кто готов стать яваной. А я — согдиец и хочу жить и умереть по обычаю моих предков. Не забывайте, что Искандар и его люди не чтят Правду-Арту. Справедливость — богиня «богов и людей!» Кровь погибших взывает к мести!

Однако вождь чувствовал: он не убедил колеблющихся. Горькие мысли овладели им. Да, да, Искандар выбивает землю из-под ног своих противников. Где это видано,

чтобы завоеватель уравнил в правах победителей и побежденных? Разве во вновь заселенных городах имеют явана какие-нибудь преимущества перед местными жителями? Разве не возвращает он богатства, земли и титулы всем перешедшим на его сторону? И в то же время тех, кто сопротивляется, уничтожает без пощады. Их не спасают ни быстрые кони, ни крепостные стены, ни отчаянная храбрость...

Знатным, конечно, выгодно перейти на службу к новому владыке и тем самым сохранить свои богатства и привилегии. А может быть, даже и приумножить. У правителя Согда тоже была такая возможность... Ведь царь приглашал его...

А простые люди? Что принес им царь Искандар, кроме горя и бедствий? «Тот, кто возделывает хлеб, возделывает правду...» Тысячи и тысячи вас, безымянных, умолкнувших навеки, остались без погребения, защищая свою землю с оружием в руках... Где же правда?

Спитамен закрыл глаза. Милая Родина, некогда цветущая, любимая богами Согдиана! Где твои шумные города, звон верблюжьих колокольчиков на караванных дорогах? Где твои тучные нивы, богатые селения, веселые праздники с торжественными шествиями и народными играми? Что сделали с тобой незваные пришельцы? Ты лежишь в пепле, крови, слезах и лишь горькие крики сов раздаются по ночам в твоих руинах... Разве можно все это забыть, простить? Со всем этим примириться? Нет! Нет! Нет!

Предательство

Зимними ранними сумерками Спитамен подошел к крепости Габа¹, неожиданно, как всегда, напал на нее и занял, уничтожив гарнизон. Повстанцам досталась большая добыча.

¹ Габа — селение в Согдиане близ современной Бухары.

Согдийскому вождю удалось заключить договор с вождями массагетов, кочевавших в окрестностях. Они пополнили его маленький отряд сразу тремя тысячами воинов.

Узнав об этом, Кен двинулся навстречу. Разведчики донесли «Тигру Согдианы», что самого царя нет — с основными силами он зимует в Наутаке. И Спитамен решил дать сражение. Этого требовали новые союзники-массагеты, горевшие желанием обогатиться за счет греко-македонян. К тому же нужно было укрепить веру в свои силы у заколебавшихся приверженцев. Сражение произошло неподалеку от городских стен. У македонского стратега оказалось почти вдвое больше войск. Поэтому атака бактрийских и согдийских всадников захлебнулась в самом начале. На левом фланге сакская дружина «проигравших» не добилась успеха в борьбе с конными дротометателями и полками Аминты. На правом — начали отступать массагеты. Они не выдержали удара тяжелой македонской кавалерии. Некоторое время повстанцы еще отбивались. Спитамен прилагал героические усилия, чтобы удержать позиции, громовым голосом подбадривал соратников, рвался в гущу сражения, умело выходил из него, чтобы помочь в другом месте.

Однако сказались численный перевес и выучка македонян: вскоре отступление превратилось в беспорядочное бегство. Повстанцы потеряли около 800 человек убитыми. Лишь ночь спасла их от окончательного истребления.

Но эта же ночь принесла Спитамену великое горе. На рассвете почти все бактрийские и согдийские всадники, предводительствуемые своими командирами, покинули лагерь и ушли громко крича, что лучше добровольно сдаться врагам, чем продолжать безнадежную борьбу.

— Измена! — кричали массагеты. — Нас предали те, кого мы пришли защищать! Что же молчишь, правитель Согды? Не ты ли звал нас на помощь?

Что мог ответить им Спитамен?

— Простите, братья... У этих людей оказались черные души... Принял я коршунов за соколов...

— Как быть дальше? — спросил подъехавший вождь массагетов.

— Уходить...

— А как же обоз и лагерь с добром твоих земляков и сподвижников?

— Все это ваше теперь...

Массагеты тотчас с гиканьем и криками бросились к покинутым палаткам и арбам.

— Значит, конец, — сказал Плоксис.

Спитамен поглядел вокруг себя. Вот они, его верные соратники... Мокридат-парфянин, курчавый язвительный Ратомен, Мавак с его «дружиной проигравших», несколько десятков согдийских воинов — из простых земледельцев, хмурый Датаферн, давнишний друг... Немного, а все-таки...

— Какой же это конец, если мы живы... Поистине, упрство «Тигра Согдианы» было неизмеримым...

* * *

Боясь преследования победителей, массагеты ушли от Габы подальше на север, к своим единоплеменникам. С ними ушел и бывший согдийский правитель со своей семьей и немногими соратниками.

В бедных кочевьях на чужой земле потянулись тяжкие зимние дни. Спитамен пытался сколотить союз массагетских вождей. Но те крутили головами и отнекивались:

— Не время раздражать царя Искандара... Как бы он не вздумал явиться сюда со всеми воинами Заката...

Начались ссоры с женой. Атосса, одна из самых знатных женщин не только Согдианы, но и всей персидской державы, приходилась дочерью царю царей Артаксерксу II. В свои сорок лет, подарив мужу трех сыновей и дочь Апаму, она была все еще очень красива. Кочевники относились к ней с великим почтением, именовали Царской дочерью.

Знатность жены поднимала еще выше авторитет согдийского правителя, Спитамен нежно любил ее и в самых тяжелых походных условиях пытался создать для семьи подобие уюта. Но многое ли он был в состоянии сделать? Атосса давно уже выражала недовольство той жизнью, которую вела, и не раз пыталась толкнуть мужа на примирение с македонским царем. Ставила в пример знатных сатрапов, оставшихся при Александре на прежних должностях. Но она терпела, пока оставалась какая-то надежда на счастливую перемену. Теперь эта надежда погасла и жена взбунтовалась.

— Вечно скитаться, бежать... Ночевать в шатрах кочевников... Укрываться овчиной... Не могу больше так жить! Не забывай: я из царского рода! — кричала Атосса.

— Все это временно...

— Этому нет конца!

— Как только мы победим...

— Мы никогда не победим!

— Замолчи! — закричал Спитамен.

Атосса смолкла, пораженная. Муж никогда не повышал на нее голоса. Глаза его пылали, бледную щеку подергивал тик. В таком гневе она видела его впервые.

— Никогда, никогда больше не повторяй этих слов, — сказал он, сдерживаясь. — Верно, ты из царского рода. Из дома бывших властителей Азии. Так и не забывай же об этом! Искандар поверг Ахеменидов в прах! В пыль! В ничтожество! Тебе ли призывать меня к миру с ним и требовать от меня измены? Не я ли давал клятву верности царю царей Дарию?

— Дария уже нет...

— А кто виноват?

— Бесс...

— Цареубийца Бесс только воспользовался бедственным положением нашего государства. Разве Дарий первый обнажил оружие? Кто звал этого явану в наши земли?

Какую обиду мы ему причинили?.. Нет! — продолжал Спитамен, вскочив и меряя шагами палатку. — Я понял этого человека: жадность его не знает никаких границ! Жадность к славе и власти. Ему не нужно искать правых или виноватых — ему нужна вся вселенная!

Спитамен остановился и, глядя жене в глаза, медленно проговорил:

— Пока я жив...

Он выхватил меч из ножен, поцеловал его, затем поднял вверх и обратился к нему:

— Обещаю тебе, великий Ахура-Мазда и тебе, светоносный Митра! Пока я жив, пока рука эта сжимает оружие, пока голова на плечах моих, я не склонюсь перед насильником и буду сражаться с ним до последнего вдоха!

* * *

В зимнем месяце ассиядии (бахмане)¹ Спитамен отправился с дружиной Мавака и ближайшими друзьями в дальние степи на охоту за сайгаками. К этому принуждали обстоятельства: полунищие массагеты были не в состоянии долго кормить столь многочисленных гостей.

Неожиданно в кочевье прибыл Спаргатиф и с ним — несколько знатных саков.

Зареченский князь сказал вождям массагетов:

— Я пришел к вам от имени двух царей: нашего верховного владыки Картазиса и непобедимого Искандара.

— Как же ты можешь служить сразу обоим правителям? — спросили вожди. — Даже лучший наездник не в силах усидеть на двух конях одновременно.

— Так знай же, теперь они идут в одной упряжке. Наш владыка — да пребудет над ним вечное сияние Урмаузда! — заключил договор дружбы с великим воителем Искандаром.

¹ Декабре.

— Что же хотят от нас цари?

— Мира и доброжелательства! Они говорят: хватит войны! Пасите стада свои на раздольях ваших земель и не помышляйте о набегах! Гоните прочь смутьянов, призывающих к новым кровопролитиям!

Спаргатиф говорил долго и убедительно. Он цветисто расписал бесчисленные победы завоевателя, тактично напомнил массагетам об их собственных неудачах.

— Искандар — сын бога солнца и вселенной Урмазда. Об этом говорят все племена! Недаром он не знает поражений! Недаром он ездит на белом коне! А ведь вам известно, что в белого коня воплощается сам великий Митра, «Свет Рассвета». Потому сопротивляться Искандару, значит сопротивляться богам.

Вожди почесывались и наперебой подкладывали гостю самые жирные куски.

— Лишь один человек во Вселенной противится божественной воле, — продолжал Спаргатиф. — Вы заблуждались ранее потому, что слушали его советы. Но разве может слепой указать дорогу одноглазому? Баран, сколько бы ни бодался, горы не разрушит. Прозрейте же, владельцы стад! Выдайте нашего общего врага Искандару! Иначе гнев небес и самого Искандара испепелит ваши кочевья. Не теряйте времени! Мне доподлинно известно: сам Непобедимый готовится идти на вас!

Вожди рассуждали между собой. Спаргатиф пошел к Царской дочери и сказал ей:

— Благородная госпожа! Уговори своего доблестного мужа покориться тому, перед кем склонилась Вселенная! Разве пристойно дочери Ахеменида жить в бедном шатре, наполненном блохами и вонью овчин? Непобедимый обещает оказать тебе такой же почет, как и семье покойного Дараявауша. Смотри: знатные женщины и ныне продолжают жить так же, как жили раньше. И лишь твой безумный муж принуждает тебя страдать как черную простолюдинку...

Зареченский князь навестил и Датаферна, ближайшего сподвижника Спитамена:

— Разве ты не видишь, бывший правитель Бактрии, твой друг одержим дэвами? А ведь ты можешь опять сделаться тем, кем ты был. Мне доподлинно известно, что перс Артабаз попросил царя царей Искандара освободить его от управления Бактрией. Эту должность неподобимый предложил бы тебе...

Всемогущи лживые речи. Всеразрушающи.

* * *

Когда охотники за сайгаками возвратились с богатой добычей в кочевья, они сразу же заметили перемену в настроении своих хозяев. Спаргатиф ходил таким соколом. Он заявил дружинникам Мавака:

— Верховный владыка саков Картазис, заключивший мир с Искандаром, повелевает вам возвратиться домой!

— Слава Урмаузду! — вскричала дружина «проигравших».

Все тотчас бросились собирать пожитки. Они заранее радовались встрече с милыми сердцу горами, с родственниками, с женами...

Один только Мавак не захотел возвращаться. Он сказал: — Я еще не выполнил завет моего деда Кидрея...

Пришел зареченский царь и к «Тигру Согдианы». Он обещал ему прощение и милость Македонянина. Спитамен, покинутый союзниками, оставшийся лишь с горсткой телохранителей и ближайших друзей, все-таки решительно отказался. О Спаргатифе же он с грустью сказал друзьям:

— Бог утреннего света и животворящего солнца Великий Митра заронил в душу каждого человека искру божественного огня... Только в душе этого толстяка она давно истухла. Жир задавил, наверное...

В тот же день он отправил Плоксиса, Мокридата, Ратомена и Мавака к племени саков-амюргиев. С ними он

посылал свои последние монеты, а также драгоценности, взятые у жены. Напутствуя послов, Спитамен сказал:

— Попробуйте склонить их к союзу. Я жду вас обратно на четвертый день. Мне же необходимо остаться здесь, чтобы наблюдать за жирной лисой Спаргатифом и колеблющимися массагетами.

Заметив, как печален вид побратимов, он воскликнул:

— Не падайте духом, вестники мои! Еще не все потеряно. Пусть Искандар победил нас сегодня. Но ведь придет и завтрашний день! Борьба только начинается! Мы поднимем против насильников независимые кочевые племена астаков, румников, гомодотов, пестиков, эдонов, гистов, камаков, эвхатов, камов, псаков, котнеров, энтузианцев, антракатов, хроазов, этаев!¹ Видите, сколько народов еще не покорил Искандар. И это лишь малая часть. Я верю, придет время и против завоевателей поднимется вселенная!

* * *

Вконец отчаявшаяся Атосса решила на разговор с Датаферном:

— Как самый близкий друг, подействуй на него.

Датаферн ответил:

— Спитамена я знаю так же давно, как и ты. Он не смирится. Его остановит только смерть.

— Что же делать?

— Если хочешь примириться с Искандаром, Спитамен должен умереть.

Атосса испытующе посмотрела на бывшего сатрапа Бактрии:

— И это ты говоришь мне, его жене?

— Но ты же спрашиваешь об этом у меня, его друга...

¹ «Скифские» племена, упоминаемые римским писателем Плинием Старшим.

Тем временем Спитамен пытался уговорить массагетских вождей поодиночке. Они отвечали уклончиво. А вечерами, телохранители донесли, тайно собирались в шатре у Спаргатифа. Это был дурной знак.

На третий день бывший правитель Согда пригласил на пир всех вождей, в том числе и зареченского князя. Однако хорошего разговора не получилось. Спитамен понял, что он проиграл. Надо искать другое пристанище, других союзников. Завтра возвратятся вестники от амюргиев и тогда можно будет решать. Гости вскоре разошлись.

Проходя мимо большого шатра Атоссы, Спаргатиф встретил закутанную в покрывало служанку, видимо, давно поджидавшую его.

Оглянувшись по сторонам, он быстро и тихо спросил:

— Что сказала Царская дочь?

— Она сказала: «Когда над кочевьем поднимется Голубая звезда...»

* * *

Настала ночь. Тихо было в спящем лагере массагетов. Только лаяли собаки на околицах.

...Во мраке вожди еле различили смутный силуэт женщины, закутанной в покрывало. Это была Царская дочь. Вожди почтительно склонились перед ней.

— Идите смело, — тихо сказала Атосса. — Я опоила стражу сонным зельем. Все спят. Он — тоже. Не трогайте никого, кроме виновника моих бед...

Молча, один за другим, вожди проскользнули через кольцо повозок и направились к большому шатру. Ни где ни души. Звездное безмолвие нарушал только еле слышимый шорох шагов по мерзлой земле. Они крались, как тени, вздрагивая и замирая от случайного фырканья лошади, — никогда еще, от сотворения мира, человек не шел на подлое дело честно и открыто...

...Атосса ждала их на прежнем месте, кутаясь в покрывало. Ночь стояла безветренная, морозная. Ее била дрожь: что-то задержались вожди...

Прошла вечность — так ей показалось...

Но вот сквозь мрак проступили неясные силуэты и осторожные шаги — все ближе, ближе... У первого — Спаргати́фа — в руках был какой-то темный сверток...

— Дело сделано, госпожа. Мы уходим...

Она долго смотрела им вслед, затем обошла, стороной большой шатер — никакая сила не заставила бы ее пройти рядом! — и проскользнула в юрту, где спали служанки...

Девушки не проснулись, только сонно зачмокали, заворочались и опять тихо засопели... Атоссу колотило, зубы стучали... Она укрылась теплым меховым одеялом и все никак не могла унять дрожь... Широко раскрытыми глазами смотрела в светлеющий кружок ночного неба в куполе юрты — там укоризненно горела Голубая звезда...

— Он сказал: «Пока я жив...» — шептали губы Атоссы...

* * *

Наутро еле пришедшие в себя телохранители обнаружили в большом шатре труп своего вождя на залитом кровавом ложе. Труп без головы...

Горестные вопли и крики властно прекратила Атосса:

— Мы на чужой земле, в чужом кочевье, — сурово сказала она. — Массагетам надоело воевать и они рассудили по-своему. Мертвого не вернешь: поэтому не следует раздражать хозяев излишним шумом. Похороните где-нибудь тихо и неприметно тело вашего вождя... А вот вам и плата за похороны — от меня...

Она протянула им мешочек, в котором звякнули монеты. Старший телохранитель Аримасп («Одноглазый») отшатнулся. Брови его сдвинулись.

— Вы ничего нам не должны, — сказал он глухо. — А господина мы похороним, как велит наша совесть...

Они завернули вождя в дорогое маракандское покрывало и привязали на спину его любимого скакуна. Конь храпел, пятился и прядал ушами. Маленький кортеж из трех десятков телохранителей медленно поехал через массагетский лагерь. Уже дымились утренние костры, степные воины резали баранов.

За чертой лагеря Аримасп сказал одному из телохранителей:

— Мы поедem в степь к Холму Дэвов. А ты дождиcь вестников и проводи их к нам.

...Вестники прибыли, когда солнце уже показывало середину дня. Лица всех четырех были угрюмы и сосредоточены — они уже знали, что произошло. Более того, по их словам, вместо скорби, в массагетском лагере шло бурное ликование. Кочевые вожди готовили посольство к Искандару и это посольство должно было передать царю Заката голову его самого непримиримого врага...

Телохранители-согдийцы разразились проклятиями, Аримасп скрипнул зубами:

— А что же делает «Царская дочь»?

Мокридат ответил:

— Эта подлая баба вместе с детьми и служанками удалилась с посольством.

Аримасп так заскрипел зубами, будто перетирал во рту камни. Он посмотрел на останки своего вождя, покрытые плащом.

— Что же, будем хоронить.

— Пока не будем, — сказал Плоксис. Аримасп удивленно посмотрел на него.

— Хоронить доблестного воина без головы — не по обычаю, — пояснил Мавак.

Аримасп горько усмехнулся:

— Голова отправится к Искандару... Их три тысячи, а нас три десятка. Что можем сделать?

— Положим с ним в могилу голову его убийцы! — ответил Ратомен. — А мы знаем тех, кто убил. Вожди массагетов хвалились сегодня на весь лагерь. И первый из них — Спаргатиф.

— Нас только три десятка...

— Мы сделаем это сами, вчетвером. Ждите нас к завтрашнему рассвету.

Аримасп недоверчиво посмотрел на вестников. Вот они, последние друзья Спитамена... Высокий, стройный Плоксис из великой страны Арианы, веселый и находчивый парфянин Мокридат, суровый и язвительный Ратомен-согдиец, маленький и проворный Мавак из славного племени горных саков...

— Великий Урмауз, светonosный Митра да помогут вам!..

...Весь оставшийся день и следующую ночь отряд верных телохранителей провел около холма в небольшой ложбине. Тело вождя негнущееся, окоченевшее, лежало, покрытое маракандским покрывалом.

А на рассвете стук копыт разбудил задремавших было часовых. То вернулись ночные вестники.

Обстоятельства не позволили выполнить весь сложный согдийский ритуал погребения. Поэтому Спитамена хоронили по обычаю степняков.

Прямоугольная могила давно уже была готова. Ее выкопали так, что каждая сторона соответствовала определенной части света — точно так же строят жилой дом. Ибо могила — это вечное жилище человека, пусть с каждой стороны ее охраняет свой бог-покровитель: с северной — Сома, с южной — Йима, с западной — Варуна, с восточной — Вератрагна. Внутри могилы поставили столб-символ «древа жизни», объединяющий три сферы мироздания и служащий гарантией возрождения к вечности. Тело Спитамена, завернутое в покрывало, опустили на дно, усталое пышным ковром сухой травы.

Обычай требовал положить покойника головой на запад, чтобы он даже в могиле мог встречать восход божественного Митры, Но не было головы...

Мрачный согдиец Ратомен, земляк усопшего, спустился в могильную яму, вынул из седельной сумки длинноволосую толстощекую голову. Все сразу узнали эти надменно выпученные, с кровавыми прожилками глаза и оскал усмешки-гримасы. Телохранители радостно и шумно вздохнули: вот это подарок духу павшего! Аримасп сказал удовлетворенно:

— Спаргатиф-крикун... Чванься теперь, если можешь...

Ратомен приладил голову в ногах так, будто мертвый согдийский вождь попирал своего врага подошвами...

После свершения обряда похорон держали совет, Аримасп сказал:

— С гибелью «Тигра Согдианы», я не вижу смысла бороться с иноземцами. Жители равнины смирились. У нас больше нет союзников и защищать стало некого. Нужно возвращаться в родные горы.

— Так! так! — дружно поддержали остальные телохранители.

— Наши горы называются Памир¹, Когда нас позвал Великий Согдиец, мы пришли. Теперь он умер и мы уходим. Пойдемте с нами, друзья! В наши орлиные выси никогда не доберутся грабители Искандара.

Плоксис ответил за всех четверых:

— Благодарим за добрые слова. Но мы еще не закончили борьбу. Однако до поры до времени дорога у нас одна: мы отправляемся в ту же сторону. В отрогах ваших гор стоит крепость нашего друга Хориена: он не сдался Искандару!

¹ «Памир» означает «крайняя граница», т. е. граница земель, где обитают ираноязычные народы. Аримасп и другие телохранители были памирскими саками.

| **Мрачный согдиец Ратомен, земляк Спитамена** |

* * *

«Царская дочь» Атосса в сопровождении массагетских вождей прибыла в лагерь македонян и потребовала свидания с Александром. Она заявила, что принесла известие, которое может сообщить только ему лично. Командир щитоносцев-телохранителей Селевк отказался беспокоить царя по неизвестному поводу.

— Я не уверен, так ли уж важно твое сообщение.

Тогда Атосса велела сопровождающему ее рабу показать то, что он прятал под полою. Раб вынул человеческую голову.

— Я жена Спитамена, — сказала женщина. — И принесла вашему царю этот страшный подарок для того, чтобы отныне и навсегда утвердился мир в Согдиане,

Когда об этом доложили Александру, он тотчас вышел. Несколько мгновений он глядел в искаженные смертной мукой бескровные черты своего заклятого врага.

— Позовите кого-нибудь из тех, кто был на Политимете. Я не уверен, действительно ли это Спитамен.

Щитоносцы мигом разыскали лохага Деимаха. Тот сначала оцепенел при виде столь неожиданного зрелища. Потом страшно обрадовался.

— Это он! Он! Клянусь эриниями, уж его-то я запомнил навсегда! Ага! — продолжал тимфеец злорадно, словно забыв о присутствии царя. — Попался, шакал! Теперь ты уже никого не укусишь!

Царь прервал эти изъявления восторга:

— Если голова так тебе понравилась, возьми ее себе.

— Всегда готов умереть за тебя, Сын Бога! — воскликнул Деимах. — Побегу, покажу моим старым товарищам, то-то они обрадуются!

Царь тоже покинул комнату, сделав знак Селевку следовать за собой. Он сказал:

— Эта женщина оказала нам большую услугу. Однако ее вид мне ненавистен. Предательство — худшее из

человеческих пороков. Но предательство жены по отношению к мужу, отцу ее детей и, как мне говорили, очень любившему свою жену, вдвойне омерзительно. Я не желаю, чтобы столь отталкивающий пример заразил умы эллинов и македонян. Позаботься как-нибудь сам об этой варварке, но прикажи ей убраться из лагеря.

— Будет исполнено, сын Амона! — с готовностью отвечал командир щитоносцев.

Селевк выполнил приказ царя. Он сказал Атоссе:

— Царь Вселенной возвращает тебе все земли, которые составляли имущество твоего мужа. Возвращайся и живи спокойно. Наместнику Согдианы дано указание относиться к твоим нуждам с почтением и заботой.

Он проводил Царскую дочь с ее семейством, равно как и массагетских вождей, за лагерную черту. Желая поскорее закончить неприятную миссию, Селевк учтиво пожелал всем благополучия и воды в изобилии. Сделав общий прощальный жест, он повернул обратно. Но тут случайно полог одной из повозок откинулся... И Селевк увидел Апаму...

В горном краю Рахшан

Весной 327 г. до н. э. Александр выступил в поход для покорения горной Бактрии. Армия греко-македонян поднималась в заоблачную страну. Повсюду клочками лежал снег. На дальних уступах прыгали горные козлы. Над бездонными ущельями с клекотом парили орлы. Воины дивились грозному и неприветливому виду каменных громад, перед которыми самые прославленные вершины Эллады выглядели бы карликами.

Первые два дня прошли спокойно. На третий день разразилась буря. По всему небу засверкали молнии. Свет, то вспыхивающий, то погасавший, слепил глаза идущему войску и приводил его в ужас. Гром гремел почти

беспорядочно. Потом хлынул потоком ливень с градом. Сначала войны пытались укрыться от него под щитами. Но ледяной холод сковал члены и уже немногие могли держать оружие. Нарушив строй, армия разбрелась по всему перевалу. Одни пытались укрыться под деревьями, другие, обессиленные, ложились прямо на землю. Низкие черные тучи закрыли небо от горизонта до горизонта, дневной свет померк. Многим казалось, что наступает последний час на земле: азиатские боги разгневались на многогрешное войско и решили его уничтожить.

«Один лишь царь бодро переносил такое бедствие, — писал Квинт Курций Руф, — Он обходил солдат, собирал разбежавшихся, поднимал упавших, убеждал спешить в ближайшие укрытия. Ничто так не ободряло солдат и не служило их спасению, как боязнь отстать от царя, который ценой напряжения всех сил выдерживал непосильные для них несчастья».

Наконец ливень понемногу утих, но от пронизывающего холода не было спасения. Царь приказал рубить лес и повсюду разводить костры. Окоченевшие, промокшие солдаты сразу ожили.

Далее тот же историк описал сценку, которая как нельзя лучше передает характер Александра:

«Один македонский солдат, еле держась на ногах, все же добрал, неся оружие, до лагеря. Увидев его, царь, гревшийся у костра, встал со своего места и, сняв оружие с окоченевшего и терявшего сознание воина, усадил на свое место. Тот долго не соображал, где он отдыхает и кто его посадил; когда жизненное тепло, наконец, возвратилось к нему и он увидел царское место и самого царя, то в испуге вскочил. Глядя на него, Александр сказал:

— Сознаешь ли ты, воин, насколько лучше жить под моей властью, нежели под властью персидского царя? Ведь там казнили бы севшего на царский трон, а для тебя это оказалось спасением».

Эта буря на перевале обошлась македонянам в две тысячи погибших.

* * *

Одолев перевал, Александр вступил в земли непокорных владетелей, засевших в своих горных твердынях. Они возводились на горных кручах и казались неприступными. Греки называли их «скалами».

Крепость вельможи Аримаза подверглась удару первой. Несмотря на отчаянное сопротивление, она пала. Взбешенный потерями царь жестоко обошелся с пленными: Аримаз и его приближенные были распяты на крестах у подножия стен. Всех прочих отослали жителям вновь отстроенных городов в качестве рабов.

Другой владетель, Сисимифр, сдал «скалу» сам, устрашенный одними только приготовлениями к штурму. Верный своему правилу щадить покорных и уничтожать сопротивляющихся, Александр вернул бактрийцу его владения.

После этого греко-македонские войска подошли к так называемой «Согдийской скале». Сюда бежали из Согдианы те, кто спасся от последней резни. Здесь же, по слухам, скрывались жена и дочери знатнейшего бактрийца Оксиарта. Самого Оксиарта в крепости не было. Руководил обороной согдиец Ратомен. Александр послал глашатая с предложением: если осажденные сдадут крепость, то вернуться домой здоровыми и невредимыми. Варвары со стен отвечали хохотом. Они посоветовали македонянину поискать крылатых воинов. Обыкновенным людям на такую крутую и отвесную гору не взобраться.

Честолюбие Александра было уязвлено. Он приказал стратегам отобрать в своих частях воинов-горцев, привыкших на родине лазать по скалам за козами. Таких нашлось около трехсот. Царь сказал им:

— Нет таких высот в природе, куда не могла бы взобраться доблесть. Доберитесь до вершины. Овладев ею,

вы дадите мне знак белыми лоскутами. Никто не останется без награды: первый получит 12 серебряных талантов, следующий десяток — по одиннадцать талантов каждый. И так до самого последнего, которому выдадут 300 дариков. Однако я уверен, что вы будете думать не столько о вознаграждении, сколько об исполнении моей воли.

Солдаты тотчас принялись за дело: начали заготавливать прочные веревки и железные костыли, которыми обычно крепят палатки. Царь, сам осмотрев скалу, велел им взобраться ночью в том месте, где подступ казался более всего трудным и крутым, и пожелал успеха,

Воины полезли, хватаясь руками за выступы скал. Затем стали вбивать костыли в скальные трещины или прямо в снег, в те места, где снег слежался и превратился в лед. Некоторые из храбрецов делали неверный шаг и срывались в бездну. Падали молча, без прощального крика. Нельзя было выдать замысел царя.

«За ночь подобралась к самой отвесной и потому вовсе не охраняемой скале, — писал Арриан. — Вбивая костыли или в землю, где она была видна, или в совершенно отвердевший снег, они подтянулись на скалу, кто в одном месте, кто в другом. Во время этого восхождения погибло около 30 человек, и даже тел их не нашли для погребения: они утонули в снегу. Остальные уже на рассвете заняли верхушку горы, взобравшись туда, они стали размахивать платками в сторону македонского лагеря, так им было приказано Александром.

Царь, не спавший всю ночь, первый заметил платки еще до полного рассвета. Когда взошло солнце, он послал Кофа, сына Артабаза к варварам сказать: крылатые воины нашлись! И потребовать безоговорочной сдачи».

Перепуганные вельможи собрались на совет.

— Надо сделать так, как велит царь, — говорили одни.

— Лишь бы он пощадил нас, — поддакивали другие.

Один Ратомен выступил против:

— У нас много запасов! — горячо убеждал он. — Воины царя не взберутся к нам по скале среди бела дня. Если же попробуют, мы их уничтожим. А сейчас надо сбросить этих «крылатых» обратно! Их не может быть много! Просто кучка храбрецов!

Но остальные, потеряв голову от страха, не пожелали его слушать.

— Там могут быть тысячи! Разве мы знаем это? Зато всем хорошо известно другое: сдавшихся добровольно царь щадит и осыпает милостями. Нужно сложить оружие. Мы не хотим разделить судьбу Аримаза и умереть на кресте.

Ратомен, яростно сверкая глазами, обзывал их трусами, призывал вспомнить о бедствиях народа, умолял продолжить борьбу... но его повалили, связали и избили.

— Хороший будет подарок царю царей, — злорадно говорили предатели. — Отдадим ему зачинщика, наши головы будут целее!

Пышная процессия спустилась в лагерь Александра. Изменники принесли много ценных подарков и привели связанного Ратомена.

— Вот кто толкал нас не слушать тебя, Непобедимый! — подобострастно кричали они царю. — Этот курчавый был правой рукой Спитамена!

Царь оглядел согдийца, грязного, помятого, с огромным фиолетовым синяком под глазом.

— Рука тоже должна понести наказание, если она выполняла волю преступной головы. Отведите его к подножию и да примет он судьбу Аримаза.

Ратомена присоединили к другим пленникам, которых должны были казнить на следующее утро.

В сопровождении военачальников и пятисот щитоносцев Александр поднялся на скалу. Хозяева из кожи лезли, чтобы услужить новому господину. С его милостивого согласия они устроили небывалый пир, наперебой старались услужить, на лету угадать его желания.

В самый разгар попойки в роскошно убранную пиршественную залу ввели тридцать девушек — дочерей местных вельмож. Восхитительное зрелище явилось пьяному взору бражников: прекрасные согдиатки и бактрийки в самом цветущем возрасте, одна другой краше, и нельзя даже сразу сказать, какая прекраснее всех. Нежные лица, волны кудрей, дорогие одежды ярких цветов, блеск золотых украшений и самоцветов...

Победители, разомлевшие от вина, пряных азиатских блюд и аромата светильников, пожирали глазами прекрасных нимф Востока...

Но девушки, заранее наученные, смотрели только на Александра, улыбались только ему. Лишь одна, одетая скромнее других, старалась держаться за спинами подруг. Лицо ее пылало, глаза потуплены, слезы дрожали на длинных ресницах. Все говорило о том, что девушка испытывает жгучий стыд. Александр отставил недопитый фиал, сказал громко:

— Пусть подойдут поближе.

В мгновение ока места возле царя освободились и девушки толпой устремились туда. Только одна, в самом скромном наряде, не сдвинулась с места. Старый Артабаз силой потащил ее вслед за остальными. Девушка сопротивлялась и тихонько стонала:

— Ахура-Мазда! Помоги! О, Митра! Ардвисура Анахита, спасите! О, Хориен, где ты!

Царь за общим шумом не слышал этих причитаний. Он оказался в прекраснейшем окружении. Стоит только протянуть руку... Может быть, у него опять мелькнула та мысль, которую он высказал шесть лет назад, попав в роскошный шатер, брошенный бежавшим Дарием: «Вот что значит быть царем!»

И царь протянул руку. Девушки смущенно хихикали, наигранно скромничали, многообещающе улыбались, когда он, давно пресыщенный женским вниманием, трогал их,

поворачивал из стороны в сторону, разглядывал глаза, щеки, пальцы. Когда рука его потянулась к подбородку той, в скромной одежде, она резко отбросила руку, начала кричать и грозиться, что наглец раскается в своем поступке. От гнева и стыда щеки ее запылали как розы, глаза сверкали негодованием. Александру это показалось забавным. Такого он давно уже не помнил.

— От нее исходят молнии, как от моего отца Зевса, — сказал царь с пьяным смешком.

Поглядел на нее, уже заинтересованный:

— Клянусь Афродитой, она прекраснее всех!

И коснулся ее груди. Девушка зарыдала, вскочила и пыталась убежать. Куда? Ее вернули. Царь сел на ложе. Взгляд его протрезвел. Это с ним бывало: он умел как никто после крепкой попойки вернуть себе разум.

— Эта девушка мне нравится, — сказал он, на этот раз вполне серьезно.

Набросаем портрет прославленной в веках бактрийки словами античного автора Клавдия Элиана, хотя они, эти слова, и грешат общими местами:

«Губы были алые, зубы белее снега, ноги стройные, как у красавиц Гомера, которых он обычно называет прекраснородными. Голос был нежный и сладкий: когда она говорила, казалось, что слушаешь Сирену. Она не знала обычных женских хлопот и страсти к уборам и украшениям... и потому никакими ухищрениями не старалась приукрасить свою красоту...»

Дальше события развивались с головокружительной быстротой. Царь действовал как в бою: неожиданно и стремительно. Для начала он вежливо попросил девушку сесть и успокоиться: больше он не оскорбит ее ни словом, ни делом.

— Как зовут тебя, прекраснокудрая?

Когда Артабаз объяснил девушке смысл вопроса, она чуть слышно ответила:

— Рахшан...

— Роксана! — повторил царь на греческий манер, так как букву «ш» греки и македоняне не выговаривали. — Роксана! Какое звучное, прекрасное имя. А что оно означает?

Артабаз объяснил: на языке согдиан, бактрийцев и саков имя «Рахшан» значит «лучезарная», «светлая». Александр пришел в восторг.

— Имя соответствует наружности! Действительно лучезарная! Сами боги послали мне эту девушку!

Он повернулся к собутыльникам:

— Я не собираюсь позорить Роксану, поступив с ней как с пленницей. Она рождена для самой высокой судьбы. Я даже не спрашиваю о ее происхождении.

И он посмотрел на Артабазу. Перс торопливо ответил:

— Она дочь Оксиарта, самого знатного человека в Бактрии.

— Тем лучше! Оксиарт — выдающийся муж. И теперь он будет мне не врагом, а родственником. Птоломей! Поддай хлеб и меч.

Когда это было исполнено, Александр разрезал хлеб мечом и протянул половину девушке:

— Лучезарная! По дедовскому обычаю хлеб, съеденный мужчиной и женщиной, является священнейшим залогом брака. Ответь мне: согласна ли ты стать моей женой и царицей Македонии и всей Азии? Переведи, Артабаз.

Рахшан вспыхнула до корней волос и подняла изумленные глаза на царя. Огромные, с поволокой, они были наполнены влагой и сверкали, как драгоценные камни... Нет, неверно: никакой алмаз не сравнится с теплым сиянием живых девичьих глаз...

— Я, кажется, теряю голову, — пробормотал Александр. — Что же ты молчишь? Если я не угоден — скажи. Тебя тот час отправят к твоему отцу и не нанесут никакой обиды.

Рука его, державшая хлеб, немного дрожала. Сквозь туман слез девушка глядела на царя.

— Соглашайся, дочка! Слышишь? Такое счастье дважды не выпадает смертным! — торопливо шептал Артабаз по-бактрийски. — Взгляни: царь Искандар прекрасен, как Митра, сошедший на землю.

Действительно, у Александра все было прекрасно: и лицо, и фигура. Телосложением он мог бы поспорить с Дорифором, лицом — с Нарциссом. Однако в его чертах сквозило что-то устрашающее... Но это, быть может, досужая выдумка очевидцев — ведь они-то знали, какая необъятная власть скрывается за маской красавца, любимца женщин, какой полководческий гений таится за этим высоким лбом...

Рахшан медленно протянула руку и робко взяла половину хлеба, коснулась трепещущими пальчиками царской руки. Персы, участники пира, громкими криками восторга встретили этот жест. Зато лица македонян были угрюмыми и настороженными. Они все еще не могли прийти в себя от изумления. Селевк прошептал Птолемею:

— Царь всегда поражал нас своими решениями. Но сейчас я не просто поражен, я сбит с ног.

— Все это слишком неожиданно...

Именно так думали и остальные военачальники. В свое время Александр с отцовским чувством любовался женой Дария и его двумя дочерьми, по красоте ни с кем, кроме Роксаны, не сравнимыми. Ни одну из них он не сделал ни женой, ни наложницей. Теперь же он распалился любовью к девушке, совсем не знатной, если сравнить ее происхождение с царским.

Александр и Роксана отведали хлеб. Брак был заключен.

— Вот мы и приобрели госпожу, — сказал таксиарх Кен хилиарху¹ Кратеру.

¹ Хилиарх — ближайший помощник даря, «тысяцкий».

— Когда-нибудь она все равно бы появилась.

— Будь это одна из дочерей Дария, тогда имело бы смысл... В глазах варваров получилась бы полная преемственность власти от персидских царей...

— Друг ты мой! — возразил Кратер. — Если мне не изменяет память, после битвы при Иссе и взятии Галикарнаса, еще в самом начале Восточного исхода, ты вместе с Мелагром и несколькими сотнями фалангитов отпросился домой на зиму; все вы тогда были молодоженами. Вот и ответь мне, какой смысл ты искал в брачном союзе с теперешней своей женой?

— Я всего лишь простой полководец...

— У царя Александра тоже есть сердце, а не только разум. Сегодня мы увидели редчайший случай внезапной, как удар молнии, любви с первого взгляда...

— Ты прав, — поспешил согласиться Кен. — Нам, простым смертным, не всегда дано понять поступки царя Александра...

Как будто услышав эти слова, царь Александр начал говорить. Все тотчас замолчали.

— Вы недовольны? — спросил он. — Я вижу это по вашим лицам. А ведь мы должны, если хотим удержать завоеванное, слиться с азиатами. Не завоевателей — законных господ должны видеть в нас покоренные народы. И браки — важное дело в этом случае, если не важнейшее. Только таким путем можно преодолеть чувство стыда у побежденных и надменность победителей. Ведь мы вместо врагов приобретаем родню и опору. Или вы против Роксаны? Или кому-нибудь она по душе больше чем мне? Селевк! Может быть, ты хотел жениться на Роксане?

Селевк вздрогнул, смешался, потом ответил:

— Базилевс! Роксана — прекраснейшая из женщин. И должна она принадлежать достойнейшему из мужчин. Как говорит Артабаз, всякому существу — свое дыхание...

А для себя я уже присмотрел невесту, которую горячо люблю... Дочь Спитамена, если не возражаешь.

— Дочь Спитамена? — глаза Александра расширились. — Спитамена? — повторил он. — Не возражаю. Так не возражайте же и вы!

И он тяжелым, грозным взглядом обвел присутствующих. И под этим взглядом угрюмая настороженность волшебным образом преобразилась в радостные гримасы. Отовсюду слышались возгласы:

— Какая пара! Величайший и Прекраснейшая!

— Брачный союз Нового Ахилла и богини Азии! Курций Руф, одержимый сословным чванством, написал впоследствии:

«Таким образом, царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем, чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями...» И с горечью добавил: «Но после убийства Клита свобода была утрачена и на привыкших к раболепию лицах выражалось одобрение. Брачные торжества длились пять дней кряду. Пиршество шло под звуки военной трубы: когда гостям надлежало явиться, трубили сбор, в конце праздника — отступление...»

* * *

В первую же ночь Ратомен, воспользовавшись пьянством сторожей, тоже праздновавших женитьбу царя, сумел распутать веревки и уйти. Он покинул крепость не через единственные ворота, которые охранялись. Это было невозможно. Он спустился по отвесной скале, воспользовавшись костылями и веревками, оставленными «крылатой» ратью.

* * *

Оксиарт, услышав о неожиданном и блистательном повороте в судьбе его дочери, тотчас явился к македонскому царю и был принят с соответствующим почетом, осыпан

милостями. Беглый вельможа, ставший тестем царя, вошел в круг наиболее приближенных к Александру людей. Его сына, Итана, брата Роксаны, включили в «агему» — самую привилегированную гвардейскую часть.

Конец борьбы

«Александр, овладев Согдийской скалой, пошел на паретаков¹. Говорили, что множество варваров держит в своей власти одно неприступное место, другую скалу, которая называется скалой Хориена. Туда укрылся сам Хориен и немало других князей», — писал Арриан. Какой сочный язык. Как кратко и в то же время достаточно полно изложены дальнейшие события. Ни одного лишнего слова. Обратимся же вновь к труду древнего историка. Вслушаемся в мелодию его сочинения:

«Скала эта... была со всех сторон отвесная, и вела на нее только одна дорога, причем узкая и неудобная, устроенная наперекор природе этого места. Взойти по ней было трудно даже при отсутствии всякого сопротивления и двигаясь поодиночке. Скалу опоясывала глубокая пропасть, и тому, кто задумал бы подвести войско к этой скале, нужно было задолго до этого засыпать эту пропасть, чтобы повести штурм с ровного места.

Александр все равно взялся за дело: так велико было его дерзновение, на такую высоту счастья он поднялся, что казалось ему — нет для него мест непроходимых и недоступных. Он велел нарубить елей (вокруг горы росло множество очень высоких елей) и наделать лестниц, чтобы войско могло спуститься по ним в пропасть: иначе сойти туда было невозможно. Днем Александр сам руководил

¹ Паретакена — предгорная и горная полоса Байсунтау, Кугитанга и части Таджикистана с Кобадинским оазисом. Область входила в Бактрийскую сатрапию.

работами, назначая на них половину своих солдат, ночью его по очереди заменяли телохранители — Пердикка и Птолемей, сын Лига, так как другую половину войска он разбил на три отряда, которые работали поочередно, каждый в назначенную ему ночь. За день успевали продвинуться не больше, чем на 20 локтей, а за ночь немного меньше, хотя и все войско работало: так недоступно было это место и так трудно было там работать. Спустившись в пропасть, солдаты забивали костыли в ее склоны в том месте, где она больше всего суживалась. Расстояние между костылями определяли с таким расчетом, чтобы они выдержали будущий настил. Настил этот делали из ивовых плетенок, наподобие моста, скрепляли плетенки между собой и сверху на них насыпали земли, чтобы войско смогло подойти к скале по ровному месту.

Варвары сначала с пренебрежением отнеслись к этим работам, как к совершенно пустой затее...»

Но вот стрелы начали попадать уже на скалу и варвары, сидя наверху, оказались бессильны помешать македонцам — у тех был сделан навес, под которым они смогли работать, не боясь стрел сверху.

Теперь оставалось построить осадные башни, приставить лестницы и начинать штурм. Александр чрезвычайно досадовал на задержку: это отдаляло поход в Индию. Что он мог найти в этой крепости? Богатств? Их у него предостаточно. Славы? Его славой полна вселенная. Однако именно эта слава не позволяла македонянину уйти отсюда несолоно хлебавши. Крепость должна быть покорена, как все, что ни встречалось до сих пор!

Он призвал к себе Оксиарта и сказал через переводчика Артабаза:

— Скажи моему уважаемому тестю: не возьмется ли он переговорить с этим упрямым Хориеном? Я не хочу напрасно проливать кровь. Ведь скала все равно падет

и тогда защитникам несдобровать. Добровольно сдавшимся я обещаю свою дружбу.

Оксиарт тотчас оделся в свои самые роскошные одежды, взял в руки еловую ветвь — знак мира и дружбы — и в сопровождении глашатая отправился под стены. После кратких переговоров его впустили. Оксиарт и Хориен, знатнейшие люди Бактрии и Паретакены, были давними соратниками по борьбе. Кроме того, их связывали узы близкой дружбы; ни для кого не была секретом любовь мужественного владетеля Паретакены к прекрасной Рахшан. Со своей стороны Оксиарт раньше и не мечтал найти более желанного зятя.

И вот они встретились. После обычных приветствий Хориен сразу задал вопрос в лоб:

— Где Лучезарная?

— Здесь в лагере, — отвечал Оксиарт, покашливая.

— Здорова ли? Не совершено ли над ней насилия? Как себя чувствует?

— Здорова. Не совершено. Чувствует себя прекрасно. — Оксиарт вновь закашлял.

— Хвала Ахура-Мазде! — воскликнул Хориен с облегчением.

Оксиарт приступил к делу.

— Я обращаюсь к тебе от имени Царя Вселенной.

Хориен с усмешкой ответил:

— А я полагал, это царь народа «македон».

— Опомнись, вельможный! Разве не он бросил под копыта своего коня великую державу сыновей Виштаспы? Нет такого места, которого не взял бы силой Искандар со своим войском. Я тому свидетель. Разве не захватили его «крылатые» воины мою твердыню, которую защищал достолавный Ратомен? Разве не погиб Аримаз на кресте у подножия своей крепости? Разве не устранился Сисимифр? На что ты рассчитываешь? Что можно противопоставить силе Искандара, если за него сами небеса?

— У меня есть союзники Катан и Австан...

— Пустое! Блохи могут укусить льва, но убить — никогда... Искандер — верный друг и покровитель тех, кто добровольно признает его власть. А как он расправляется с врагами — вспомни судьбу Аримаза!

— Я не один решаю, — отвечал Хориен. — Все эти слова ты повторишь на военном совете.

Военный совет был созван в тот же час. На нем присутствовали все вельможи, нашедшие здесь приют, а также начальники отрядов, собравшихся на защиту последней твердыни. Оксиарт стал превозносить справедливость царя и верность слову. Приводил в подтверждение разные случаи и прежде всего свой собственный. Однако о замужестве Рахшан не сказал ни слова.

— Искандар уважает наши обычаи, не заставляет поклоняться чужим богам... Он — истинный наследник «Царя царей»... Недаром говорит молва, что Дараявауш, умирая, завещал ему свое царство и месть предателям. И победитель отомстил. Смотрите: все негодяи, погубившие последнего Ахеменида, нашли свой конец. Сатибарзана убил в поединке Эригий, царский полководец. Набарзана тоже постигла черная смерть, Барзаента выдали инды и царь его казнил. Полной мерой получил и Бесс — главный виновник. Страшен был его конец, но ведь и преступление было чудовищным...

Военачальники внимали, затаив дыхание. Оксиарт, еще более воодушевившись, продолжал:

— Все люди знают, что Искандар воздал погибшему Дараяваушу великие почести и повелел торжественно похоронить его в усыпальнице предков, персидских царей. Всех родственников царя он возвеличил. Даже волос не упал с головы царской матери, жены и дочерей. Разве так поступают негодяи? Нет, у царя Искандара великая душа и Ахура-Мазда простер на него свое покровительство!

Раздумывали недолго. Общую мысль выразил Плоксис, славившийся дальновидностью и осмотрительностью:

— Сейчас нет силы, способной противостоять Искандару. Мы и держались то лишь потому, что надеялись на его поход в Индию. Думали — пройдет и не заметит. Нам неоткуда ждать помощи. Сами же мы все равно падем. Нелепо думать, будто бы горстка воинов устоит против того, в чьих руках — вся остальная вселенная.

Оксиарт горячо поддержал:

— Царь Искандар говорит: «Нет таких высот в природе, куда не могла бы взобраться доблесть». А в доблести царя и его воинов сомневаться не приходится! Упрямых не спасают ни отвесные скалы, ни крепость стен.

* * *

Мокридат, Ратомен и Мавак встретили решение военного совета молчаливым согласием.

Хориен в сопровождении Оксиарта, своих друзей, а также многих вельмож-беглецов прибыл в лагерь македонян. Александр встретил горного владельца ласково.

Хориен сказал;

— У меня в крепости десять тысяч человек. Воинов. Женщин. Стариков. И все они хотят жить. Я думал, эту жизнь они могут сохранить, защищаясь. Хотя бы некоторые из них! Но судьба Аримаза, Сисимифра, «Согдийской скалы» показала: нет таких вершин, куда бы не могла взобраться доблесть! Это твои слова, Царь Вселенной! И вот я здесь, и шеи наши в руках твоих палачей. Не делай кровопролития. Казни лишь меня одного.

Александр ответил:

— За что же казнить тебя? Ведь именно ты предотвратил кровопролитие, и, значит, тебе обязаны жизнью, все, кто находится в крепости. А также и мои воины, которых демон смерти уже отметил своим ледяным перстом. Будь не пленником, а гостем, благородный Хориен. Эй, Селевк!

Возьми своих щитоносцев и займи крепость, чтобы никто не смог совершить насилия над ее обитателями. Иоллай! Кубок вина благородному бактрийцу!

Хориен принял чашу с вином (бактрийским!) и сказал:
— Я пью за милосердие Владыки Мира.

Александр осмотрел крепость и остался доволен: твердыня была готова и к отражению штурма, и к длительной осаде. В погребах и складах лежало множество метательных камней, дротиков, стрел и прочего оружия. Не было недостатка и в съестных припасах. По свидетельству Арриана, македонский царь «после этого стал особенно уважать Хориена, так как он сдал крепость не по необходимости, а по собственному решению». Александр тут же вновь назначил его править крепостью и всей Паретакеной, но уже от своего имени.

В честь милостивого и благородного жеста царя хозяева закатали богатейший пир.

* * *

Перед началом праздника в палатке друзей разыгралась не очень веселая сцена. Во-первых, явился Мавак, мрачный, как осенняя туча, и почему-то пеший. Во-вторых, подойдя к палатке, он услышал изнутри стенания и проклятия.

— Что стряслось? — спросил маленький сак у стоявшего в дверях Ратомена.

— Тсс! — Ратомен прижал палец к губам. — Мокридат узнал, что Апама стала женой Селевка... Я боюсь за его разум.

И действительно, всегда веселый и неунывающий парфянин впал в ужасную хандру.

— Ну чего ты скис, будто кобылье молоко на солнце-пекет? — с грубоватым сочувствием говорил Ратомен. — Или Апама первая и последняя девушка, которую ты встретил? Да этих птичек-перепелок на твоём ухабистом пути

было больше, чем волос в хвосте у моего коня. И каждая пыталась съесть твое сердце. А оно, слава богам, все еще целехонько и по-прежнему там, где ему и полагается — у тебя в груди. Ишь, как стучит, словно бубен в руках у колдуна...

— Как я не догадался сразу, что Селевк станет главным моим врагом! — горестно восклицал Мокридат. — А я-то, дурачина, все старался отомстить царю Искандеру за какую-то жалкую царапину! Не на собачью шкуру надо злиться, а на собаку, которая в ней спряталась! Горе мне, я понял это слишком поздно! Ведь я мог убить его еще в Кирополе и не сделал этого!

— Я только что был у Хориена, — подал голос Мавак. — Наш друг уже знает, что его прекрасная Рахшан стала женой самого Искандара. Он страдает не меньше тебя. Однако сохранил спокойствие и говорил с царем, не подавая виду, как и положено мужчине.

Мокридат сразу перестал стенать, приподнялся на постели, потом сел. Он поглядел на друзей немного растерянно.

— А ведь и правда, — Хориен... Как это я забыл?.. Лицо его несколько просветлело, глаза ожили и заблестели,

— Несчастный Хориен! — воскликнул парфянин пылко. — Как я его понимаю! Но ничего: нас теперь двое. И где уж вам нас понять! Однако нельзя терять времени, друзья! Пойдем скорее: надо утешить нашего дорогого Хориена!

* * *

Пир удался на славу. Довольный Александр много шутил и смеялся. Правда, лицо его омрачилось, когда стратеги заговорили о тяжелом положении армии, оставшейся без провианта в голодное весеннее время.

Хориен, слушая, подал реплику:

— Пусть об этом не думают военачальники...

Все выжидательно посмотрели на паретака.

— Об этом позабочусь я, — пояснил он.

— На тридцать тысяч человек... — сказал Кратер с сомнением.

— У меня было десять тысяч едоков... И запасов сделано на два года... Животы ваших воинов будут полны.

После этих слов царское чело прояснилось. В знак особого расположения, он отпил немного из своего кубка и велел передать его Хориену. И с вельможами, сопровождавшими владетеля Паретакены на пиру, он вел себя весьма приветливо.

Маваку сказал:

— Благодарю тебя за прекрасный подарок — солнечного коня.

Мавак поклонился.

— Пойдешь ли ты дальше со мной, в Индию?

Мавак несколько помедлил.

— Что же ты молчишь?

— Мы — твои союзники, — ответил маленький сак. — И, если потребуешь, приведем тебе подмогу. Но за Яксартом меня ждет невеста...

— Понимаю! — сказал царь. — И принимаю оправдание. Это уважительная причина. Что ж! Возвращайся в свои горы и передай вождям: пусть не забывают клятву, данную мне!

Ратомена Александр тоже узнал. Внимательно посмотрел, слегка нахмурился, но не сказал ничего. Затем обратился к Плоксису:

— Я бы с удовольствием причислил тебя к своим друзьям. Но я вынужден отказаться от этого, поскольку ты не можешь принести клятву верности.

Плоксис думал одну секунду.

— Могу государь.

— А как же клятва, данная отцу?

— Отец запретил мне клясться людям, в том числе и царям. Но он, конечно, не имел в виду богов. А ты — сын бога и сам бог.

Ревниво прислушивавшийся к разговору Кен сказал Кратеру:

— Клянусь амфорой с хиосским вином, этот хитрый варвар далеко пойдет.

— Да, — согласился Кратер. — Насколько я помню, он одинаково ловко орудует и мечом, и языком...

Однако самый длинный разговор состоялся у царя с Мокридатом.

Но еще до этого Ратомен шепнул другу:

— На тебя все время пялится вон тот здоровяк.

Действительно, командир щитоносцев Селевк не сводил глаз с парфянина. В его упорном взгляде словно звучал вопрос: «Где я видел этого человека?» Что-то очень неприятное было связано с этим варваром. Но что именно, Селевк никак не мог вспомнить.

Царь тем временем говорил Мокридату с приветливой улыбкой:

— Вот куда забросила тебя судьба, старый знакомец! Надеюсь, ты больше не сердись на меня за свой нос?

— О нет, повелитель! — живо откликнулся Мокридат. — Мы теперь с тобой квиты.

— Как это понять?

Парфянин раскрыл было рот... Побледневший Плоксис с одного, Хориен — с другого бока принялись толкать друга. Тот и сам уже сообразил: заехал не туда. Нашелся:

— А как же? В тот раз ты мог бы лишиться меня носа, но я остался с ним. На этот раз — головы, но и она при мне. И даже вместе с тобой пирую. Словом, я — эй-ляй! — в выигрыше, с какой стороны ни взглянуть.

В этот момент Селевк, напряженно прислушивавшийся к голосу парфянина, вдруг приоткрыл рот, словно чем-то пораженный. Он наклонился к царю и стал шептать,

не сводя злобного взгляда с Мокридата. От друзей это не укрылось. Мокридат проговорил, не меняя положения:

— Кажется, меня опознали. Прощайте, друзья. Эх, жаль, нет при мне доброго акинака...

— Не поступай опрометчиво, — тихо ответил Плок-сис. — Мы что-нибудь придумаем.

— Не казнит же тебя он тотчас, на пиру, — подхватил Мавак.

— Я буду ходатайствовать перед царем, — поддержал Хориен. — Ты видишь? Он не нахмурился! Он улыбается!

— Базилевс! Наконец-то я узнал этого человека: он нанес тебе тот самый подлый удар под стенами Кирополя.

Александр самодовольно отвечал:

— А я узнал его сразу.

— Прикажешь схватить негодяя?

— Разве он в чем-то виноват?

— Но... — Селевк недоуменно посмотрел на царя.

— Пора бы тебе уже знать меня, Селевк. Этот воин нанес мне удар не подло, как ты выразился, а в честном бою. За что же его хватать, наказывать? На моем теле нет живого места от ран. Это судьба каждого бойца, не уклоняющегося от опасности. Не хватало только, чтобы я, вместо великих свершений, занялся кляузными розысками тех отважных, кто нанес мне эти раны!

Селевк посмотрел на царя с обожанием:

— Прости, владыка, мою глупость. Ты прав: мне давно пора бы понять твою великую душу...

Александр велел Иоллаю — виночерпию поднести Мокридату кубок от царского имени.

Парфянин принял и поклонился. Но честное и открытое лицо его выразило такое недоумение, что Александр расхохотался.

— Это тебе награда за твердость руки и отвагу. Помнишь тот удар камнем под стенами башни в Кирополе?

Мокридат округлил глаза:

- О, государь!..
- Ничего, я не в обиде. Хоть шея по временам ноет, как и другие раны...
- О, государь!..
- Сражайся отныне так же отважно против моих врагов.
- О, великий государь!..
- Пейте же все! — царь поднял фиал.
- Вечная милость Ахура-Мазды над тобой, наш бог-царь! — кричали персы, согдийцы, бактрийцы, саки, парфяне, арианы...

В Индию!

В самый разгар южной весны последнее сопротивление в Бактрии было подавлено. В жестоком бою Кратер наголову разбил племенных вождей Катана и Австана. Катан пал, Австана взяли в плен. Затем Полисперхонт внезапным налетом занял страну Бубакене¹.

На этом завоевание Востока Азии закончилось. Непокоренными остались только горные саки Тянь-Шаня и Памира, Александр махнул на них рукой. По преданию он завещал: «Оставьте кочевников в покое, пока они не трогают вас, ибо добыча от них мала, а ярость — неизмерима».

Можно было отправляться в индийский поход. Перед его началом Александру с большим трудом удалось преодолеть сопротивление собственного войска. Солдаты не хотели идти в неведомую страну, о которой рассказывали столько небылиц. Они устали мерить шагами бесконечные земные пространства, устали от битв и капризов природы. У каждого в армейском обозе накопилось столько награбленного, что любой из них, вернувшись на родину, мог бы

¹ Бубакене, Бубацена — предположительно, западное Припамирье; некоторые ученые Бубаценой считают современный Бадахшан.

быть состоятельным человеком. Большинство командиров разделяло это мнение. Захвачены огромные территории. Мириады племен покорно ждут своих победителей. Теперь бы самое время пожить всласть, вознаграждая себя за невзгоды военной страды. Чего же еще? Куда стремится царь? Зачем новые походы? Тут надо подумать, как удержать уже приобретенное.

Александр неистовствовал. Он кричал стратегам;

— Неужели вы превратились в ожиревших старых баб? Или вас не привлекает слава? Вы хотите похоронить величайшие начинания под жареными бараными окороками и грудями персидских одеял?

Но лишь Гефестион, Пердикка, Кратер, Птолемей и Селевк поддержали царя, Остальные — Кен, Балакр, Мелеагр, Лисимах, Аминта, Аттал и другие — угрюмо помалкивали. Молчал и Кассандр, прибывший из Македонии с подкреплениями от отца своего, царского наместника Антипатра. Но присмотревшись, можно было обнаружить в глубине его глаз затаенное злорадство.

Действуя где уговорами, где прямыми угрозами, царь добился лояльности командиров. Тогда он велел построить армию для смотра. Перед войском он произнес страстную речь, призывая дойти до края Ойкумены. Пределы державы, созданной греками и македонянами, должны быть те, которые определили тверди земной сами боги!

— Мы выступаем в поход, — говорил Александр. — А чтобы громоздкий обоз не задерживал движение войска, я приказал свалить в одну кучу все добро, мое и ваше, и сжечь. Сейчас вы можете, повернув головы, полюбоваться последними дымками, поднимающимися к небесам. Пусть знает вселенная: жалкие богатства не станут уздой для моих воинов, стремящихся к величайшей цели. И слава ваша пребудет в веках!

Армия была построена. Курций Руф писал: «Сожжены были сокровища, ради которых люди часто гасили

костры, чтобы вынести их невредимыми из вражеских городов. И никто не посмел оплакивать цену своей крови, раз тот же огонь пожрал и богатства царя».

А царь все говорил и говорил. Он сулил каждому после окончания похода власть над миром, неисчислимые успехи и милость богов. И славу, славу, славу избранных, несравнимую со славой всех прочих смертных! Он говорил долго, горячо, ярко. В конце концов он почти убедил войско (добро-то все равно сожжено!). И когда стал объезжать строй фаланги, ликующие громовые крики волнами отмечали царский путь.

Кассандр с ненавистью глядел ему вслед. Торжествуй, громошествоуй, белобрысый отпрыск бабника Филиппа и потаскухи Олимпиады! Но погоди! Пробьет и твой смертный час! И тогда разом кончатся для тебя все прелести солнечных дней, все упоение воинской славой! Когда ты станешь трупом, куда денется хвоя царская и божественная мощь!..

О боги! О, эринии! Нет сил незаурядному человеку видеть явное превосходство другого человека! Ведь сущность у всех одна: та же плоть — мясо, кости, жилы... Каждый смертен, подвержен чувству боли, голода... Почему же мойры выткали ему такую щедро-обильную, ярко-цветистую нить жизни? Почему Он всегда и во всем на целую голову превосходит окружающих? Почему любое, даже самое безнадежное дело, удается этому человеку? Другим, умным, талантливым приходится многие годы трудиться, испытывать тяготы и лишения, терзаться сомнениями и отчаянием и все для того, чтобы наконец-то достичь заветного рубежа! Александру же все достается играючи... Да, да, Александр великолепен и бесподобен во всем, именно поэтому он не должен жить! Он выпадает из общечеловеческих законов, он нарушает гармонию!..

Легко представить себе, что случилось бы с Кассандрой, знай о его мыслях царь. А если бы он еще знал, как поведет себя Кассандр в не столь уж отдаленном будущем!..

Ведь ни один из диадохов (полководцев-наследников Александра) не запятнал себя столь гнусными преступлениями, как сын Антипатра. После смерти великого завоевателя он долго боролся за власть с другими претендентами, используя при этом самые подлые и жестокие приемы. По его же приказу были уничтожены мать Александра Олимпиада, его жена Роксана и ее двенадцатилетний сын, единственный законный наследник — Александр Четвертый.

Но увы! Ни одному смертному не дано заглянуть в будущее.

...Кассандр вздрогнул, очнулся от забытья, услышав рядом тонкий, как у евнуха, голос подошедшего Лисимаха:

— Как ликуют войска!

— Еще бы!. — угрюмо отвечал Кассандр. — Ведь они видят своего живого бога...

* * *

К этому времени в Зариаспу начали прибывать значительные подкрепления из Эллады, Малой Азии в Сирии. Кроме того, как свидетельствует Курций Руф, царь пополнил свою армию большим контингентом азиатских варваров:

«Чтобы в тылу у него не произошло ничего, что могло бы помешать его замыслам, он приказал набрать со всех провинций 30 тысяч юношей, вооружить их и привести к нему. Он хотел, чтобы они были и заложниками, и воинами».

Арриан дополняет:

«Конные бактрийцы, согды, арахоты, заранчи, арии, парфяне, персы были зачислены по лохам в конницу «друзей» (выбирали тех, кто выдавался знатностью, красотой или другими достоинствами). Из них образовали пятую гиппархию... Всем дали вместо варварских метательных копий македонские копья. Все это огорчало македонцев, так как свидетельствовало о том, что Александр склоняется

в душе к варварам, а македонские обычаи и сами македонцы у него в пренебрежении». Огромная по тому времени армия в сто двадцать тысяч человек собралась в лагере у Зариаспы, чтобы двинуться в последний поход. Здесь же находился огромный царский двор и сотни вельмож, съехавшихся со всех сторон державы на проводы. Среди них — и пятерка друзей, бывших соратников Спитамена. Отныне их дороги должны были навсегда разъединиться. Хориен оставался управлять Паретакенной. Ратомен и Мавак решили вернуться в свои родные края. А Мокридат с Плоксисом, которым некуда было возвращаться, вступили в армию царя: знатным людям, у которых нет ни владений, ни подданных, ни богатств, какому-нибудь царю да надо служить...

Здесь же впервые Роксана показала народу и войску в роли царицы. Македоняне и эллины говорили потом, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивей. В драгоценных одеждах, со сверкающей диадемой на пышных кудрях, она потрясла сердца. Парфяне, арии, согды, персы, бактрийцы и прочие азиаты в изумлении шептали благоговейно:

— Хваре Хшаэтем... Сияющее солнце в женском облике...

— Недаром ее имя — Лучезарная...

Хориен смотрел на Рахшан и лицо его сохраняло безмятежное выражение. Если бы не мертвенная, мучнистая бледность... Если бы не чуть-чуть играющие желваки... Он вспомнил в этот миг о первом и последнем разговоре, произошедшем совсем недавно в присутствии царя. Рахшан тогда сказала на языке паретаков:

— Ты не пришел вовремя, чтобы увезти меня. А сын бога пришел.

Хориен ответил:

— Сын бога приходит не только вовремя. Иногда он приходит и раньше...

Артабаза, хотевшего было вмешаться, остановил царь Александр, которому уже донесли о прежней любви владельца Паретакены к дочери Оксиарта:

— Не надо... Я знаю, они говорят обо мне. Пусть выговорятся...

Но не только Хориен был таким бледным. Когда Ратомен обернулся, собираясь поделиться впечатлениями с Маваком, слова замерли у него на языке: маленький сак казался еще бледней Хориена. Черные глаза его впились в Рахшан, побелевшие губы беззвучно шептали что-то. Он рвал судорожно ворот кафтана, словно ему; не хватало воздуха.

Тут уже и Ратомен впал в изумление. Осуждающе покачал головой: какова бабья сила!

— Жена Искандара выбила Зарину из твоего сердца одним ударом... Эх-эх!

Мавак ответил чуть слышно, одними губами:

— Ожерелье...

Ратомен недоумевающе повернулся в сторону царицы Азии: ну да, красивое, лазуритовое ожерелье у нее на груди.

— Вот уж не думал, что ты падок на побрякушки.

— Это ожерелье я когда-то подарил Зарине... Ее уже нет в живых...

* * *

Хориен, Ратомен, Мавак глядели вслед удалявшемуся войску. С высоты крепостных стен была видна бесконечная колонна, уходившая за горизонт. А в хвосте ее поднималась густой завесой пыль. Пыль — вот что остается в первую очередь после ухода завоевателей. Но если бы только пыль. Сколько сожженных городов, разграбленных селений, уничтоженных жизней и покалеченных судеб...

Мавак думал о том, что царь Искандар ограбил всех: у него отнял Зарину и Рахша, у Хориена — Рахшан, ожерелье Зарины украшает грудь царской жены. У Мокридата

отобрал невесту царский телохранитель Селевк. И сами друзья — Плоксис и Мокридат ушли навсегда, привязанные судьбой к царской колеснице...

Все самое лучшее победители взяли себе, оставив побежденным пепел, руины, горе и слезы...

* * *

Размеры нашего повествования не позволяют рассказать о том, как Александр вторгся в Индию и покорил североиндийские царства. Как совершил там очередной рыцарский подвиг, первым взобравшись на стену неприятельского города, окруженный врагами, он долго отбивался в одиночку и наверняка бы погиб, если бы на помощь не пришел его близкий друг Певкост.

Можно было бы рассказать, как прошел он югом иранского плоскогорья через великие знойные пустыни, чуть не погубив армию, и достиг Вавилона. Как организовал величайшую в истории массовую свадьбу, когда десять тысяч воинов женились одновременно на мидийках, персиянках, вавилонянках во исполнение задуманного царем плана слить воедино народы Азии и Европы. Сам он взял вторую жену — дочь погибшего Дария. Как умер от лихорадки в Вавилоне (некоторые историки предполагают, что он был отравлен). Армия, заподозрив неладное, потребовала от стратегов показать Александра и это было сделано. Умирающий полководец лежал на жестком походном ложе. Воины в скорбном молчании проходили мимо того, кто собирался покорить Вселенную. А он был не в силах даже говорить, только жестом успокаивал плачущих солдат...

О многом еще можно было бы рассказать! Но есть ли нужда в этом? Судьбе величайшего завоевателя посвящено много научных исследований и романов-сказок. Еще раз говорить об этом, значит, повторять уже кем-то рассказанное...

Перед войском он произнес страстную речь,
призывая дойти до края Ойкумены

Но еще об одной судьбе нам хотелось бы упомянуть обязательно. Апаме, дочери Спитамена, так и не пришлось выступить на страницах этого повествования, о ней говорилось вскользь. А между тем это была женщина, умевшая вызвать к себе большую, настоящую любовь.

Когда закончился индийский поход, Селевк увез Апаму далеко на запад. После распада державы Александра Македонского она стала царицей огромной империи, родила сына Антиоха, известного в истории под именем Антиоха Первого, и стала, таким образом, основательницей знаменитой династии селевкидов. Вот так и получилось, что внуки и правнуки Спитамена оказались господами победителей своего славного предка...

Остается добавить: в честь горячо любимой жены Селевк Никатор («Победитель») заложил на реке Оронта в Сирии город и назвал его Апамеей. Апамея просуществовала много веков...

В Александрии — Эсхате

Отгремели боевые трубы, утих гром сражений. Армия греко-македонян, залив кровью Согдиану и Бактрию, подняв гарь и чад пожарищ до небес, насмердев на всю Вселенную, ушла далеко на юг, в Индию — и пропала навсегда. Можно было бы подумать, что людям приснился страшный сон, если бы не тысячи увечных и калек, нищенствовавших по дорогам, если бы не толпы бездомных, которых новые власти заставляли оседать на заброшенных землях.

Новые власти... Да, люди Заката ушли, но не все. В Бактрии остался стратег Аминта с 10000 пехоты и 3500 конницы. В Мараканде — главный военный начальник Согдианы Певколай. Под его командованием находилось 3000 закаленных в битвах солдат. И во многих маленьких городах-крепостях, которые возвел Александр по всей

Согдиане, стояли гарнизоны захватчиков и их прислужников из местной знати.

Однако жизнь понемногу налаживалась. Этому способствовала политика Александра: перед законом и греки и не греки были равны. Прошел срок и вот уже не страшный дым бедствия, а мирные, хотя и редкие дымки поднялись в небо от очагов оживающих селений. Вновь зашагали по горячим азиатским дорогам караваны осликов и верблюдов, позвякивая колокольчиками. Вновь зашумели базары на перекрестках в городах и селениях благословенной Согдианы, любимой светлыми бегами...

В самый разгар лета, в начале месяца гармопада (июля) по Главной Согдийской дороге ехал всадник.

День клонился к вечеру. Изнуряющая жара спала, с горных вершин потянуло благодатной прохладой.

Всадник ехал не торопясь, с любопытством смотрел по сторонам. Редкие прохожие почтительно приветствовали его: богатая одежда, сверкающее золотом оружие, вороной скакун, все выдавало знатного человека «Рожденного в потомстве».

Дорогу пересекал широкий арык, он нес воду, собранную из горных ручьев. Через арык был переброшен мост из крепких бревен с деревянным настилом. Конь, почуяв водопой, заржал. Всадник соскочил на землю, свел коня к воде и стал наблюдать, как Вороной осторожно пьет, пофыркивая, сдувая мусор. Далеко впереди в голубоватой дымке угадывались очертания стен города Эсхата, детища царя Искандара. Всадник решил не ехать туда, а переночевать прямо здесь, в поле. Конь, напившись, принялся щипать траву. Воин расстегнул дорожную сумку, расстелил маленькую скатерть-суфру на траве, под одиноким тополем, разложил снедь. Внезапно он почувствовал опасность. Обернувшись, увидел несколько фигур, вылезавших из-под моста...

...Их было трое. Рваные рубахи и штаны, черные босые ноги. Типичные бездомные, таких нынче много бродит

по Согдиане. В руках у каждого сучковатая палка. Бродяги остановились шагах в десяти, стали громко переговариваться, злобно посматривая на воина:

- Это один из тех, кто пошел служить иноземцам.
- Ишь как разделся! Как петух.
- Морда жирная, как овечий курдюк.
- Все они, «Рожденные в потомстве» пьют нашу кровь...
- Эй, ты, ничтожный! Мы сейчас отправим тебя к Анхра-Майню! Отойди от суфры! Не трогай сумку!

Воин бросил тревожный взгляд в сторону коня. Еще двое бродяг, невесть откуда взявшихся, крались к Вороному. Тот перестал щипать траву, недоверчиво поднял голову. Бродяги кинулись к нему с радостными воплями. Испуганный конь прынул в сторону и поскакал в степь.

— Эй, соседи! — кричали трое. — Оставьте коня! Потом изловим! Надо сначала разделаться с этим нечестивцем!

Подбадривали друг друга:

- Что же мы стоим? Бейте его, братья!
- Бей ты первый, Даруна, ты ближе!
- Вот я тебе сейчас! — грозился лохматый жилистый Даруна.

Он подступил на несколько шагов, вращая белками на коричневом изможденном лице и взмахнул палкой». Воин увернулся за тополь, потом сделал резкий, стремительный выпад. Даруна охнул, попятился, бросил палку, зажал бок руками:

- Ох, я ранен! О, горе! О, бедствие!
 - Соседи! — кричали оставшиеся двое. — На помощь!
- Вчетвером они окружили воина и принялись яростно зыкать и махать палками. Но все получалось у них бесполезно. Воин проворно увертывался от ударов, иногда делал ложные выпады, угрожая кинжалом. Силы его были уже на исходе...

Совсем рядом послышался визгливый скрип тележных колес. Разбойники приостановились. Воин прислонился

к дереву, еле переводил дух. В пылу схватки никто не заметил, как подъехала повозка, в которой сидело несколько мужчин в греческих одеждах. Они сразу оценили обстановку, выхватили мечи из-под корзин с овощами и спрыгнули на землю.

Разбойники закричали разногласно:

— Дэвы! Явана! Уноси ноги! И кинулись бежать.

Один из греков метнул копье. Оно повалило бежавшего последним Даруну. Когда к нему подошли, он умирал. Потускневшие глаза его смотрели из-под страдальческого излома бровей с гневным укором. Тяжело вздымая грудь, он еще нашел в себе силы прохрипеть:

— Будьте прокляты...

Греки оказались горожанами из Александрии Эсхаты. Один из них, сносно говоривший по-согдийски, назвался Гесиодом и сказал воину:

— Сейчас много бродит по стране лишенных крова и озлобленных людей. Опасно путешествовать в одиночку.

Воин угрюмо объяснил, что он Мавак из племени сакков, отпущен царем Искандером домой. Греки дружелюбно закивали:

— О, саки! Союзники!

Гесиод пригласил Мавака переночевать у него в городском доме. Сак колебался, к тому же лицо яваны показалось ему знакомым. Неприязнь к людям Заката боролась с признательностью, ведь они спасли ему жизнь! А куда спешить? Отец убит, Зарина погибла. Остался один старый Кидрей. Мавак очень соскучился по деду, однако отчаяние охватывало его при мысли о встрече: видь он не выполнил дедовский приказ, не убил Искандара!

Явана, назвавшийся Гесиодом, привел гостя к маленькой усадьбе на окраине города, огражденной по местному обычаю глиняным дувалом. Из-за него свешивались на улочки ветви молодых абрикосовых, гранатовых и персиковых деревьев. Даже в сумерках маленький, необыкновенно густой

сад и опрятный домик из крупного сырцового кирпича радовали глаз.

Калитку отперла невысокая молодая женщина с ладной фигурой и милостивым лицом. Она было кинулась Гесиоду на шею, но, увидев постороннего, испуганно вскрикнула и шмыгнула в дом.

..Угощали Мавака свежими лепешками, редькой, луком, чесноком, фруктами первого урожая и жареной рыбой, блюдом, которого Мавак никогда не пробовал. Гесиод объяснил, что рыбу поймал в Яксарте.

— Овощи и хлеб я выращиваю сам. У меня есть маленькое поле неподалеку от города. Я и соседи как раз возвращались после сбора урожая домой, когда увидели тебя и тех несчастных.

Потом налил в чаши вина:

— Есть у меня и крошечный виноградник... Жилище гостеприимного явана было двухэтажным.

Первый этаж отведен под кладовые и хлев для скота. Второй состоял из двух жилых комнат. Первая служила кухней и столовой. Здесь был камин с внутренним дымоходом, как во всех согдийских домах. Вдоль стен — кирпичные нары-суфы. В нишах аккуратно расставлена посуда. Вся утварь, без сомнения, куплена на местном базаре. Мавак узнавал дешевые горшки, сковороды, узкогорлые кувшины, миски — точно такие же привозили согдийские купцы в сакские кочевья.

Когда закончил ужин, гостя повели во вторую комнату. Как он ни протестовал, его уложили на супружеское ложе, единственное в доме. Хозяева, прихватив младенца вместе с колыбелью, ушли ночевать по азиатскому обычаю, на плоскую кровлю.

Мавак улегся на мягкую постель. Необычное умиротворение охватило его. Все в этом доме говорило о скромном достатке, но все было чисто, опрятно, уютно. Занавеси, циновки на полу, одежда, висевшая в нишах, самодельный

сундук в углу, расписанный яркими красками, наконец, ткацкий станок у маленького узкого оконца, все было, как видно, сделано руками хозяина и хозяйки. Единственная дорогая вещь — полог над кроватью, был искусно вышит бесконечно повторяющейся парой целующихся уточек — символ любви и супружеской верности.

Мавак погасил светильник. Перебирая в памяти впечатления, он все больше убеждался: эта супружеская чета — счастливые люди.

Вспомнилась Зарина. Сердце щемило. Как вырвать из него тоску? Телесные раны, присыпанные пеплом степной полыни, затягивались быстро, а сердечные... Как присыпать сердце пеплом?

У переправы

Гостеприимная пара не отпускала Мавака несколько дней. Да и сам маленький сак почему-то не рвался в дорогу. Помогая Гесиоду по хозяйству или играя с ребенком, он невольно оттаивал душой, грелся у чужого счастья. Странно, но в семье молодых явана Мавак чувствовал себя легко и свободно, как у костра «проигравших», как в землянке старого Кидрея. Мнение его о пришельцах было колеблено. До недавнего времени юноша ненавидел их всех. Понятие «явана» значило для него то же, что «грабитель», «убийца», «насильник». Теперь он пребывал в растерянности: не все явана, оказывается, негодяи!..

Мнение Мавака еще больше изменилось в пользу явана после одного разговора с Гесиодом. Опытным взглядом гость давно заметил шрам на лбу грека и как-то спросил о его происхождении. Гесиод отшутился: он-де засмотрелся на молодую соседку, а жена стукнула его по лбу палкой. Посмеялись... Старых вояк всегда интересуют шрамы. Свои и чужие. Это памятные знаки, которых мужчины обычно не стыдятся. Поэтому Мавак не счел зазорным

через некоторое время опять спросить то же самое. Гесиод помолчал. Застенчиво улыбнулся.

— Ты совсем не помнишь меня, маленький сак? — спросил грек. — А я тебя сразу признал. Помнишь одинокого фалангита, которого в селении на Политимете вы загнали в «башню молчания»? Кто-то из вас и стукнул меня камнем.

Мавак прикусил язык. Вспомнил. Краска залила лицо, шею, руки. Теперь он совсем по-другому оценил и самого Гесиода, и его радушие. А тот, желая переменить тему, с наигранной заинтересованностью спросил:

— А куда подевался твой прекрасный «солнечный конь»?

Мавак только рукой махнул...

Наконец юноша простился с супругами и направил отъезжающего и хорошо отдохнувшего Вороного к берегу Яксарта.

На переправе у десятка плотов сгрудились люди, повозки, верблюды, кони. Перевозчиками служили граждане Эсхаты — ветераны Александра. Они были вооружены, насторожены, собраны. Перед ними на берегу толпилось несколько сот согдийцев. В толпе преобладали женщины, дети, люди преклонного возраста. Молодых мужчин было мало. Все они с оружием, в доспехах, некоторые верхом. У самой воды на невероятной смеси согдийского и греческого до хрипа спорили безногий ветеран-перевозчик и какой-то, судя по одежде, знатный согдиец.

— Глупый селезень, — орал ветеран. — Сто дариков — и весь твой охлос¹ будет на скифской стороне.

— Если кто из нас глупый, то это ты, хромой Ангра-Майню! Где мне взять столько золота? Да продай я все имущество своих людей и их самих в придачу, то не наберу и тридцати дариков. Тут и работы то всего ничего и целых тридцать дариков твои.

¹ Охлос (грач.) — чернь, обездоленные.

— Тридцать дариков! Побойся Зевса-громовержца! Даже Харон, переправляя мертвых через Стикс в царство Аида, берет обол. Если за каждую согдийскую душу я возьму и вполтину меньше, то наберется больше трехсот дариков. А я прошу только сто! Всего сто маленьких кружочков — и вы со всеми потрохами на правом берегу Яксарта.

— «Сто маленьких кружочков!» — передразнил согдиец. — Да ты и во сне не видел такие деньги, нищий явана.

— Я не видел!? Я Деимах из Тимфеи, — стукнул себя в могучую грудь громадным кулаком одноногий, — пришел в Азию с мечом и сариссой не для того, чтобы уйти с пустыми руками...

— Ты уйдешь с деревянной ногой из нашего тополя, — съязвил согдиец.

Тимфеец, как показали дальнейшие события, был напроць лишен чувства юмора. Кулак его просвистел над головой ловко увернувшегося собеседника. Греки-ветераны на плотках схватились за мечи, за спиной согдийца выросли юноши с луками наготове. Замерли готовые ко всему. Мерили друг друга злыми глазами...

— Именем бога-царя Александра, остановитесь, — из толпы на берегу вышел согдиец в богатых доспехах. — Остановитесь, пока не сделали чего, о чем пожалеете впоследствии. Разве распри учит нас царь? Разве он сам не является примером того, как должны жить эллины и азиаты? Шаг назад!

Обе стороны молча повиновались.

— Какой овод укусил тебя, благородный Авдич? — продолжал Ратомен. — Разве силой чего-нибудь добьешься у ветерана царя? Такие люди, как вы, обычно решают дела за суфрой, а в руках должны быть не мечи, а чаши со старым ферганским вином.

Деимах одобрительно кивнул:

— Готов решать любые дела с человеком, подобным тебе, доблестный Ратомен. Я был в деле у согдийской скалы и сразу узнал тебя...

...За суфрой чуть захмелевший Деимах сетовал на судьбу, так несправедливо обошедшуюся с ним:

— Вот этот селезень, — кивнул он на притихшего Авдича, — говорит, что я никогда не видел ста дариков. Я, лохат Деимах и какие-то сто дариков! Да знаешь ли ты, козьявка, что царь Александр за спасение его от смерти наградил меня целым талантом? Да к тому времени я неустанными ратными трудами скопил еще полталанта. Сколько будет всего? Верно. Полтора таланта. А сколько дариков в таланте? Наверное, побольше, чем волос в твоей бороде, не?

Согдийцы вежливо улыбались, не очень-то доверяя излияниям Деимаха. Полтора таланта и одноногий начальник захудалой переправы на Яксарте как-то не вязались между собой.

— Но это еще не все, — продолжал Деимах. — Когда персидская сука Атосса принесла голову своего мужа в подарок Александру, тот отдал ее мне...

— Что отдал тебе бог-царь? — сразу насторожились согдийцы.

— Что, что!.. Голову Спитамена, вот что... Откуда знать Александру цену той голове? Но папа Деимах — не Александр! Я сразу смекнул, что ухватил судьбу за подол. Прикинувшись простачком, я сказал царю, что обрадую обрубок Спитамена тех немногих, кто остался после резни на Политимете...

— И они обрадовались? — заметно волнуясь, спросил Ратомен.

— Налей-ка еще чашу этого солнечного чуда из Ферганы, — сказал тимфеец, выпив залпом фиал.

— Они бы обрадовались, только я им ничего не показал, — продолжал одноногий. — А показал я эту голову твоим землякам, которых развелось в нашем войске,

как... — Деимах зло выругался. — Ходят важные, разодетые, задиристые, а завидев Александра, падают на колени, где стоят, и мордами — кто в пыль, кто в грязь... Срамота!

— Что ты сделал с головой Спитамена!? — рявкнул Авдич.

— А ты не ори! — окрысился Деимах. И, повернувшись к Ратомену, ответил:

— Продал согдиатам, которые ближе всех к Александру. А кому — не скажу. За молчание они заплатили столько же, сколько за голову, и у папы Деимаха стало два таланта! Два таланта да пять повозок всякого добра в обозе. А этот глупый селезень, — кивнул ветеран на Авдича, — крикает: «Сто дариков не видел!..»

Узнав, что голова казненного вождя попала в руки соплеменников, лица согдийцев просветлели. Они наперебой стали угощать Деимаха, подливать вина, подкладывать лучшие куски. Тимфеец захмелел.

— Правильно говорит мой таксиарх славный Певколай: «С согдиатом дружи, а кинжал за пазухой держи», — болтал, пьяно ухмыляясь, старый мародер. — При случае продадут они нас. Ой, продадут... Я легко мог бы доказать это царю Александру... Знатные азиаты льстят ему в лицо, а главного врага его тайком оплакивали, как отца родного: положили голову в глиняный оссуарий¹, рвали на себе одежды, царапали лица, рыдали, как бабы... Тьфу ты!..

К удивлению Деимаха, чем больше он поносил согдийцев, тем больше они радовались. А Ратомен и задира Авдич уже не скрывали своего ликования. Грязным языком этого солдата говорили боги. Они славили весть, что Ахура-Мазда еще не совсем отвернулся от их многострадального народа: душа славного Спитамена теперь предстанет перед богами

¹ Оссуарий — керамическая, алебастровая или каменная урна, в которую по согдийскому обычаю укладывали очищенные от тканей кости умерших.

незапятнанной. Голова его погребена по обычаям предков. А эти обычаи установил сам Ахура-Мазда!

— Теперь и на чужбине нам будут помогать боги, — сказал Ратомен. А их помощь — залог восстановления силы нашего народа. Скорее в путь. Теперь я окончательно поверил в наше дело. Воздвигнем алтари нашим божествам в диких пустынях саков. Освоим новые земли. Насадим сады и виноградники. Построим города...

— А для этого нужно переправиться через Яксарт, — нагло перебил его Деимах. — А чтобы переправиться, нужно выложить сто (и не меньше!) маленьких золотых кружочков...

— Ты и с отца родного снимешь последнюю тунику, — начал опять раздражаться Авдич. — Уступи бедным переселенцам. Ты же очень богат, Деимах.

— Был богат, — грустно молвил ветеран и потянулся к фиалу. Согдийцы переглянулись,

— А два таланта? А пять повозок с добром в обозе?

— Богатство — пыль и прах, а еще дым, — неожиданно философски изрек ветеран. — Платите пятьдесят дариков и грузитесь на плоты.

Авдич молча снял с пояса кожаный кошель, отдал его Ратомену и, не теряя времени, быстро зашагал к плотам. Вскоре слышались его команды... Переправа началась...

Пока Ратомен не спеша отсчитывал дарики, выстраивая на суфре аккуратные стопочки по пять монет в каждой, одноногий поведаль о своих несчастьях:

— Не иначе как дух Спитамена проклял меня. Через неделю после того, как согдийские вельможи взвесили мне денежки за его голову, какой-то сак всадил мне стрелу в лодыжку. Я хотел выдернуть ее, но древко сломалось и наконечник остался в ноге. Особой боли не было, поэтому я не покинул строй и атаковал кочевников впереди своего лоха. Потом мне повезло: я захватил повозку о четырех быках. В ней, закутавшись в овчины, дрожали старуха

и куча мальцов. Оказалось, что это мать и дети вождя саков. За них был положен хороший выкуп. Нога раздулась, как колода, но не бросать же дело. К вечеру в наш лагерь прибыл верховой для переговоров. Вождь предлагал быков и баранов. Я требовал деньги или коней, которые тоже деньги — кони всегда нужны в войске. Скиф заметил, что я прихрамываю, и спросил о причине. Я ответил. Он осмотрел мою ногу и сказал: «Дам я тебе добрый совет, а ты взамен отпусти наших пленных». Я послал его в Аид, и ответил, что деньги не меняю на пустые слова. К утру скиф пригнал мне два десятка кобылиц и забрал повозку со всеми ее овчинными потрохами, старухой и детьми.

Затем грязный скиф на своей лошади подъехал ко мне и, противно ухмыляясь, сказал: «Не будет тебе проку от наших лошадей. Через три дня ты сдохнешь, как беззубый шакал». Я схватил сариссу, вскочил и... упал под копыта его лошаденки. Нога уже не держала меня. Боль и злость пронзили мозги... Я, наверное, и в колыбели не был таким беспомощным. Эх!..

Деимах умолк. Молчал и Ратомен. От переправы доносились голоса, начальственные окрики ветеранов... Задыхаясь и хрипя, дико завопил осел. Его тут же поддержали длинноухие собратья у переправы. Наступил полдень. Ратомен сгреб в кучу пять стопочек монет и подвинул их к Деимаху. Тот, не считая, небрежно ссыпал их в кисет.

Солнце палило. Ни ветерка, ни облачка. Ратомен взял суфру за углы и перетянул ее в убежавшую тень старой чинары. Деимах долго возился, пока не уселся удобно на новом месте: здоровую ногу — под себя, а деревянную уместил на траву вдоль края суфры. Ратомен молча выстраивал в стопки рассыпавшиеся дарики.

— Перестань звенеть этими побрякушками, — попросил Деимах, — и без них тошно.

— Мне показалось, что ты очень любишь звон золота. Или я ошибся? То ты в драку готов из-за денег, то называешь их побрякушками. Что-то не пойму я тебя, Деимах.

— Я и сам себя не пойму. То люблю, то ненавижу... А ведь прав был тот скиф, ведь я чуть не подох тогда из-за денег. Ждал жалкий выкуп и прогонял жизнь... Скифские медные стрелы, если их тотчас не выдернуть из раны, быстро заражают кровь. Я знал это, но думал, обойдется. Но когда я упал под ноги скифской лошади, мои товарищи, знавшие толк в ранах, поняли, что отходился Деимах по белу свету. Спасибо одному коринфянину. Он не ахал-охал, как другие, а напоил меня, связал и отрезал ногу по самое колено. Когда из таксиса прибыл лекарь, то сказал, что сам Гиппократ не справился бы лучше...

Но это была еще не беда. Вернее, не вся беда. Нет, как говорится, худа без добра: Александр меня наградил и отпустил на родину. Мне бы сразу тронуться в путь, но я задержался. Прошел слух, что вся армия отправится домой. Все разбогатели. Никто не хотел умирать в какой-то Индии, хотя и рассказывали про нее, что там даже муравьи строят свои кучи из золотого песка. А знаешь ли ты, как там добывают рубины?

— Знаю. Крупные рубины кучами валяются в одном глубоком ущелье. Ни спуститься туда, ни подняться оттуда человек не может. Нужно зарезать козу или корову, разделить тушу на отдельные части и бросить куски в ущелье. Бросать можно наугад. Куда бы ни упало мясо, он обязательно накроет кучку драгоценных камней. Остается ждать орлов и стервятников. Они слетаются в ущелье и растаскивают мясо по своим гнездам. А к свежему мясу прилипают рубины. Птицы их, конечно, не едят и они остаются в гнездах. Умному человеку остается только взять мешок и очистить гнезда.

— Истинная правда!

— Пустое все это.

— Как пустое? — горячился Деимах. Об этом говорили гэтайры Александра, храбрые таксиархи и хилиархи. Они что, по-твоему, врут?

— А как иначе погонишь вас на бойню? Заставишь лезть на стены городов, на скалы?

— Этот погонит! Еще как погонит! Он же сжег все наши обозы! До единой повозки. Все пожрало пламя... Все наши труды, по зернышку собранные богатства. А с ними и нашу надежду на почет и безбедную старость. Спасибо старому приятелю Полисперхонту. Он в большой чести у царя. По его ходатайству меня назначили начальником здешней переправы. А то совсем уж было обнищал... Хорошо молодым и здоровым, которые пошли в Индию. Им-то что. Нашел одну муравьиную кучу или очистил орлиное гнездо и отправляйся домой. Даже на стены лезть не надо...

— Не мели пустое, храбрый Деимах. Ведь и в нашу землю тебя и подобных тебе привели такие же сказки. Говорили же вам, что самый бедный из согдийцев ест на серебре?..

— ...А дома знати — с золотыми стенами, ложки выточены из бирюзы, а лазурит гребет любой бездельник, которому не лень подняться в горы, — подхватил Деимах. — Говорили!..

— Наши купцы не раз ходили в Индию, хорошо знают ее дороги, города, селения. Страна богата. Но не сказочными чудесами, а хорошо возделанными полями, трудом ремесленников, предприимчивостью торговцев... Как твоя Эллада, как мой Согд и как другие страны...

— Эй, Ратомен! Что подаришь за добрые вести? Эй, Ратомен! — протяжно кричали от переправы.

Согдиец обернулся и увидел Авдича с каким-то чело- веком. Тот вел в поводу Вороного. Оба шагали быстро, широко улыбались. Потом незнакомец бросил повод и, спотыкаясь, побежал к чинаре.

— Мавак! — крикнул Ратомен и кинулся навстречу...
— Чего они режут, как бабы? — спросил тимфеец. — Оба храбрые воины. Я помню этого малого — он гонял меня по садам у Политимета...

— Да разве тебе, явана, понять, что такое дружба! — ответил Авдич, вытирая мокрые глаза.

— А что тут особенного, селезень? У меня тоже был хороший друг. Он сейчас живет здесь, в Эсхате. Но дружба — вещь ненадежная. У старого друга и дом, и жена, и ребенок, а папу Деимаха на порог не пускает. Вот тебе и вся дружба!..

Колонисты

Уже больше месяца шли согдийцы. Шли прямо на восход солнца. Слева по ходу дышала огнем песчаная степь, справа — высились снежные вершины. По ночам с гор дул прохладный ветерок. Люди и животные оживали, но не надолго. С восходом солнца снова в путь. В скорбный путь добровольных изгнанников. Без конца, без края, без надежды...

Вместе с согдийцами шел и Мавак. Ратомену без особого труда удалось уговорить его вернуться в Царскую долину не хорошо знакомой ближайшей дорогой, через Фергану, а неведомым, кружным и долгим путем с севера. Ратомен пытался обосновать свое необычное предложение заботой о самом Маваке. В Фергане-де еще не забыли, кто отрезал голову их князю Спаргатифу. Маленький сак рассмеялся и согласился. Хитрость согдийца была шита белыми нитками. Мавак хорошо понимал, что Ратомену нужна была его известность в среде кочевников. Авторитет Мавака мог предотвратить неизбежные конфликты, если не открытую вражду между саками и согдийцами.

Те степняки, которые воевали с македонянами, знали Мавака в лицо, другие слышали о нем самом или его

отце. Ну а уж Кидрея-питара, главу рода Великого Конюха, знали все.

Так оно и было на самом деле. Случалось, что на караван согдийцев вихрем налетали небольшие конные отряды, охочие на чужое добро. Тогда Мавак выезжал им навстречу, перекидывался парой фраз, и кочевники, повернув коней, исчезали так же быстро, как и появлялись. Вскоре стремительная степная молва оповестила кочевников северных склонов, что в страну Семи рек идет большущий караван, но грабить нельзя: согдийцев ведет царь-однодневка, прославленный воин, сын Сатрака, внук Кидрея, пра-праправнук Великого Конюха Мавак. Набеги прекратились. Но осторожные согдийцы, располагаясь на ночевку, ставили в круг повозки и связывали их крепкими веревками. Не ахти какая, но защита. Стена. А за стеной согдийцы всегда чувствовали себя спокойней.

...Наконец жар северной пустыни перестал беспокоить людей. На пути горячих ветров появились горы. Сначала неказистые, они с каждым днем становились все выше и выше. Пришли к большой реке, берега которой были покрыты густыми зарослями камыша. Здесь решили отдохнуть. Разбили лагерь.

Место это очень понравилось многим переселенцам. Земли немеряны, воды вдоволь, а дичи-то дичи!..

— Пришли! — сказали старейшины Ратомену. — Ищи здешнего владыку и договаривайся. До холодов еще успеем построить жилища.

— Я согласен, — сказал Авдич. — Вон за теми горами — страна Семи рек, а еще к северо-востоку живут лесные люди, у которых много мехов. Будем посылать туда караваны...

* * *

Саки сказали, что их владыка Хартак-питар находится на летних пастбищах в горах. Согдийцы собрали дары и отправились в путь...

* * *

— Зачем вы пришли в наши земли? — спросил старец, оглаживая длинную белую бороду. — Что заставило вас, согдиатов, пленников своими же руками воздвигнутых стен из глины, вести образ жизни, подобный нашему?

— Мы хотим стать одним из сакских племен, Хартак-питар, — ответил Ратомен. — Согдиаты и саки-родные братья! Мы поклоняемся одним и тем же богам, язык наш одного корня, и внешне нас трудно различить. Если ты, мудрейший, снимешь свой высокий колпак и оденешь согдиатскую шапку, то тебя не отличишь от наших отцов.

Ратомен принял из рук Авдича искусно вышитый цветной шерстью с золотыми и серебряными нитями головной убор и передал старцу. Тот снял колпак, примерил шапку и улыбнулся. Согдийцы и саки засмеялись. Старик опять водрузил колпак на голову, а пеструю согдийскую шапку поместил на ковер рядом с собой.

— Мой народ просит тебя: «Будь нам отцом!» — торжественно произнес Ратомен.

Наступило долгое молчание. Согдийцы и саки смотрели на старца. Вождь сидел, опустив глаза. Лицо неподвижно. Когда тишина стала уже невыносимой, он поднял глаза и заговорил:

— Я не могу совершить столь опрометчивый поступок, доблестный согдиец. Когда вы еще подходили к моим землям, я приказал своим молодцам прикинуть что к чему. Так вот, Ратомен, результаты их подсчетов: У тебя более пятисот человек и меньше сотни животных. Вы не сможете прокормить себя. Для того, чтобы свести концы с концами, семья сака должна иметь не меньше 25–30 лошадей.

Лошадей можно заменить овцами: шесть овец равны одному коню. Тогда семья только для самого скудного пропитания должна иметь не менее 150 овец. У тебя около сотни семей, Ратомен. Сочти же, сколько нужно скота, чтобы вас прокормить... и ответь, а посилен ли столь тяжкий груз для шей моего племени?

— Спасибо за заботу о моих людях. Ты все предусмотрел и все рассчитал, мудрый Хартак! Только ты неправильно понял меня. Мы не сразу станем «дающими корм скоту» и совсем не станем просить у тебя стада, зимние и летние пастбища, не сразу будем кочевать. Мы будем посылать к тебе молодежь, которая, будет жить в кочевьях. Постепенно они воспримут ваши обычаи и забудут свои, будут хорошими пастухами и воинами, обзаведутся скотом, переженятся с молодежью кочевий и станут саками. А пока мы будем кормиться тем, чему научили нас предки. Когда Ахура-Мазда бросил с неба золотые меч, чашу, ярмо и плуг, то перво-царь Таргитай, которому они дались в руки, передал согдиатам плуг. С тех пор нас кормит земля...

— Вы, согдиаты, хотите ковырять нашу землю?

— Саки тоже ковыряют ее.

— У нас небольшие поля ячменя. Зерна едва хватает на лапшу и лепешки.

— Когда мои люди возделают поля, вырастят сады, взлелеют виноградники, у саков всего будет вдоволь...

— Вы будете отдавать нам плоды своих трудов?

— Нет, мудрый Хартак. Мы будем меняться. — У нас ничего нет, кроме скота и повозок.

— У вас многое есть, — встрял в разговор Авдич. — Не спрашивай о торговле у Ратомена — он воин и внук воина, спроси у меня — я купец и сын купца.

— Что же вы возьмете у нас?

— То, что вы выбрасываете или гноите. То, что имеет цену, но пропадает без всякой пользы. Больше месяца я иду по земле саков и все это время у меня болит сердце.

Какие меха висят в ваших юртах! Им в свое время не было цены, а теперь, когда они облысели а ворс подъели серебристые бабочки, они ни на что не годны. А шкуры животных? Скот режут часто, но если в доме нет нужды в изделиях из кожи, то шкуру выбрасывают собакам. И они долго грызутся из-за нее на потеху сорванцам. А что такое шкуры, которые, не в упрек тебе будет сказано, мудрый Хартак, саки никогда не снимают с павших животных? Шкуры после обработки нашими мастерами становятся кожами. А кожи — это сбруя коня, обувь и доспехи воина, это щиты и ножны для мечей, это походные палатки. Да мало ли на что идут кожи? Цены на них уже поднимаются, а вскоре их не достанешь ни за какие деньги... Потребуется очень много шкур...

Саки с явным интересом, в котором, правда, был замечен легкий налет презрения, слушали Авдича.

— А что же такое может произойти в мире, способное лишить наших псов любимого лакомства? — спросил один из кочевников. Саки дружно захохотали. Согдийцы учтиво улыбались. Горячий Авдич обиделся:

— А то, что нужно глянуть лишь немногим дальше ушей собственного коня, на котором сидишь!.. Куда пошел Искандар? В Индию. Он, конечно, разобьет царя Пора и других индийских царей. Силу и неистовость проклятого явана все мы испытали на себе. А дальше что?.. Он уйдет. Все завоюет и уйдет. Больше завоевывать нечего. Я не знаю, какой из городов — Персеполь, Пеллу, Афины или Вавилон — он сделает своей столицей. Но могу поклясться огнем очага царя Картазиса, не опасаясь его колдунов, что не Мараканду и не Зариаспу. Значит, в наших землях он оставит сатрапа. А кто же будет этим сатрапом? Скорее всего, тесть Искандара Оксиарт. Этот будет верным псом царя. Будет мир, будет труд и торговля, но и армию он должен держать в порядке. Потребуется медь, железо и кожи. Все это есть в ваших горах, храбрые мужи,

и в ваших стойбищах. Оксиарт и согдийская знать будут заново отстраивать разрушенные города и селения, восстанавливать каналы, да и про свои горные твердыни не забудут. А рабочих рук раз-два и обчелся. Кто погиб, кто сбежал, а кто воюет на чужбине. Нужны будут рабы, много рабов. А что вы делаете со своими пленными исседонами, доблестные воины? Заставляете делать мужчин грязную женскую работу, а с исседонскими бабами спите. А сколько они едят? Прорву! А ведь они сами должны кормить своих хозяев! За медь, железо, кожи, шерсть, меха и рабов я, Авдич, буду давать вам хлеб, вино, овощи, ткани, ковры, домашнюю утварь, оружие, а если захотите, то и золото.

Саки, раскрыв рты, уже с почтением слушали согдийца. Они и не подозревали, что так богаты, что богатство буквально валяется под ногами. Пусть себе пришельцы строят свои мазанки, пусть ковыряют землю, но дают хлеб и забирают вонючие шкуры, которых всегда в избытке в любом кочевье...

— В твоей пылкой речи, достойный купец, есть слабое звено. А что если сатрапом будет не Оксиарт? И тот сатрап не будет строить, а, окрепнув, задумает померяться силами с Искандаром? — усомнился старый Хартак. — Тогда какова цена твоим расчетам?

— Если то, о чем ты говоришь, мудрый вождь, случится, нам будет еще лучше. Война потребует больше меди, железа, кож и коней, которые поднимутся в цена, и меньше пушнины и рабов, которых мы придержим и продадим после войны...

— Сколько вам нужно земли? — неожиданно спросил старец.

Вопрос застал согдийцев врасплох.

— Если я скажу тебе, что столько, сколько уместится под шкурой быка, тебе не будет жалко? — улыбнулся Ра-томен, выигрывая время для ответа.

— ...А потом разрежешь шкуру на тоненькие ремешки, свяжешь и окружишь «шкурой» быка все мои владения? — поддержал шутку Хатрак. И сразу стал серьезным. — Дело новое. Ни на моей памяти, ни на памяти моих отца и деда такого не было, чтобы чужой народ добровольно селился среди саков. И ты, Ратомен, и ты, Авдич, люди молодые. Вам простительно, не держите обиду на резком слове, легкомыслие... Вы хотите превратить согдиатов в саков. А возможно ли это? Мои годы, мой опыт говорят мне, что не все, далеко не все так просто, как говорит Ратомен. Трудно изменить норы народа, его обычаи и привычки. Я уподоблюсь тебе, Авдич, и тоже посмотрю дальше ушей своего коня.

Саки не привыкли торговать и таким путем получать очень нужные вещи, которые ты назвал. Обычно саки силой отнимают у другого народа то, что им нужно. И гордятся этим. Согдиаты же получают желаемое торговлей. А где торговля, там не обойтись без обмана и хитрости. Это у вас не считается зазорным. А можно ли ждать братских объятий там, где встретились сильный и хитрый? Так что согдиат никогда не станет саком, а сак — согдиатом.

Дело, как мне видится, не в том, что у саков и согдиатов близки речь, облик и боги, дело в том, что мы ведем различный образ жизни. Отсюда и непохожие обычаи, и разные привычки. А избавиться от привычки трудно. Да и нужно ли? Когда я был мальцом, то легко бил фазана влет и зайца на бегу, а по мишеням стрелял хуже всех. Секрет был в том, что на охоте я привык затягивать тетиву левой рукой, что не разрешалось на состязаниях. Старшие братья немилосердно хлестали меня, как только я ухвачусь за тетиву левой рукой...

— Отучили? — перебил Ратомен.

Старец с укоризной глянул на согдийца, проявившего неучтивость. Воин, заглаживая невольную оплошность, прижал руку к сердцу и поклонился. Вождь извиняюще кивнул.

— Нет, не отучили. Скорее приучили. Приучили натягивать тетиву правой рукой. Теперь я стреляю с обеих рук. Но запомни. Авдич, когда рядом никого нет, я посылаю стрелу левой рукой. Такова сила привычки. Мои привычки уйдут в мир Иимы вместе со мной. А привычки народа, которые мы называем обычаями, не умирают... Поэтому я не смогу быть вашим отцом, не приму вас в свое племя... А землю дам. Земли много. Стройте свои глиняные клетки, обнесите их стенами, ковыряйте землю, торгуйте... И не старайтесь стать саками. Живите по своим обычаям. Лучше быть хорошим согдиатом, чем плохим саком.

— Светоносный Митра да вознаградит тебя за разум и доброту, — поклонившись сказал Ратомен. — А не будет ли нам позволено охотиться в камышах? Там много кабанов и уйма фазанов...

— Охотьтесь! Это божий скот. Он мне неподвластен.

— Может быть, мудрый Хартак сейчас же и отведет нам землю для селения? Нам нужно возвести дома до наступления холодов.

— Я пошлю к вам своего раба, которому доверяю все. Он решит так, как решил бы и я.

* * *

Когда согдийцы, простившись со старейшинами саков, вернулись в свой лагерь, там царил переполох. Женщины визгливо сзывали своих чад, многократно пересчитывали их, заталкивали в повозки и опускали пологи, животные тревожно сбились в кучу, мужчины, на ходу хватая оружие, бежали к зарослям камыша. Всадники, нахлестывая коней, устремились туда же. Оказалось, что виновником переполоха был тигр. Он внезапно появился из камышей, схватил старуху, которая собирала здесь топливо, и на глазах у всех утащил в заросли. Гнаться за ним бесполезно: в невероятном сплетении колючих кустов облепихи, барбариса и густого камыша была только одна узкая тропинка-

туннель, протоптанная дикими кабанами. Люди могли с трудом пробираться по ней только по одному, на четвереньках, почти ползком. Даже самый храбрый из преследователей мог стать легкой добычей тигра, не причинив ему малейшего вреда. Полосатый разбойник, видимо, знал свою неуязвимость и вел себя невероятно нагло. Место для кровавой трапезы он выбрал всего в полполета стрелы от разъяренных мстителей. Его обозначали сороки, которые кружили и негодующе стрекотали над небольшим пятчком, где камыш был пониже, а следовательно, и земля посуше. Туда же слетались вороны. Те, в ожидании своей доли, кружили повыше сорок.

...У самых копыт Вороного, припав всем телом к земле, билась в рыданиях девушка.

— Кто это? — тихо спросил Мавак.

— Анутч. Внучка несчастной старухи, — ответил Ра-томен. — У нее больше никого не осталось.

Мавак передал ему поводья и спрыгнул с коня. Он положил руку на черноволосую головку, слегка, едва прикасаясь, погладил. Девушка притихла.

— Не плачь, сестрица. Не убивайся так, хотя горе твое велико. Я принесу тебе шкуру этого людоеда, — шептал юноша. Потом встал, оправил пояс, положил руку на свой козлиноголовый акинак и громко произнес:

— Я, Мавак из Царской долины, даю обет, что найду и убью тигра, нападающего на людей. Он посланец Анхра-Майню. Ахура-Мазда поможет мне.

* * *

На следующее утро в лагерь согдийцев прибыл верховой. Он назвался рабом Хартака. Странно выглядел этот раб. Согдийцы никогда не видели таких людей: глаза узкие, нос приплюснут, вместо бороды — редкий пучок волос. Поглазеть на невиданное диво сбежалась вся детвора. Говорил раб по-сакски, но понять его было непросто:

он глотал окончания слов, смягчал звуки и совсем не мог произнести раскатистое сакское «р». Обращение «храбрый Ратомен», например, у него звучало как «хляби Лятомень», что вызывало улыбку самого Ратомена и смех в толпе. Посланец, казалось, не обращал никакого внимания на насмешки. Он был невозмутим. Учтивая улыбка не сходила с его скуластого лица...

Когда старейшины согдийцев уехали выбирать место для поселения, Мавак остался в лагере. Он подозвал какого-то юнца, что-то сказал ему и посадил на Вороного. Юнец погнал коня к ущелью. Затем Мавак уселся в тени повозки Ратомена, оперся спиной о высокое колесо, достал оселок и стал долго, истово точить свой кинжал. Пробовал лезвие на палец, проводил острием по щеке, недовольно качал головой и продолжал трудиться. Так же старательно отточил Мавак и перо своего копья. Встал, побродил по лагерю, выпросил у какого-то старика длинный сыромятный ремень и тщательно, без зазоров обмотал древко копья. Потом забрался в повозку, достал оружие Ратомена и проделал с ним то же самое. За работой не заметил, как солнце начало клониться к закату.

Вернулись старейшины. Усталые, потные, в дорожной пыли... и довольные. Мавак сразу понял это, когда глаза его встретили взгляд Ратомена. Тот озорно подмигнул другу и соскочил с коня...

За обеденной суфрой, расстеленной прямо на земле у повозки, сидели все старейшины согдийцев. Здесь, за суфрой, случилось невиданное дело. К изумлению Мавака прямо против него гордые согдийские вожди усадили узкоглазого раба, принадлежавшего Хартаку. В обращении с рабом не было ни спеси, ни пренебрежения. Все наперебой угощали его, подавали блюда, объясняли способ их приготовления. Он пробовал всего понемногу, ловко орудуя двумя резными палочками. С видимым удовольствием ел овощи,

²⁰ Том XIII. В. М. Плоских

— О, пицца «чжи»¹, — восхищался он, когда подали шашлык.

— Пицца «чжу»², — умильно приветствовалось появление просяной каши. А когда к каше подали подлив из мяса и овощей, раб тотчас извинился. — О, это не «чжу», это «составная пицца».

Пирожки он назвал «цзянь»³, а рыбу, запеченную в тесте — «пао»⁴.

Мавак еще больше изумился, когда заметил, что Ратомен тихонько повторяет слова странного птичьего языка, стараясь их запомнить. К чему бы это?

А раб совсем разболтался:

— Мое государство — Цинь. Оно далеко-далеко на восходе солнца. А правит им сильный ван. Это — царь. Люди называются «хуасяо». Ты — «согдиат», — указал он пальцем на Авдича, — я — «хуасяо».

— А что вы умеете делать? Чем живете? Как добываете хлеб?

— О, у нас все должны работать. Пахать землю, сеять пять видов хлеба, садить два вида деревьев: деревья, дающие плоды, и деревья, дающие корм червям...

— Каким червям?

— Таким, которые едят листья. А потом они из своей слюны делают нитки, а хуасяо из ниток делают ткани. Тонкие, скользкие, с красивой расцветкой. Очень прочные ткани.

Согдийцы только диву давались. Ну и ну? Даже черви идут в дело. Ай да «хуасяо»!

— Наверно, вы там все очень богатые? Золота, серебра много?

¹ Чжи (кит.) — жарить на вертеле.

² Чжу (кит.) — варить.

³ Цзянь (кит.) — жарить на сковороде, смазанной маслом.

⁴ Пао (кит.) — запекать в оболочке.

— Может, у кого-то и много. У вана, у знатных людей. Они не работают, а всего вдоволь. Простые «хуасяо» работают, а всегда голодные. У нас был мудрец Шан Ян. Его слушался великий ван. О, мудрец и ван, объединившись, многое могут сделать. Все население разделили на десятки семей. Во главе десятки — староста. Если кто-то совершит преступление, наказуют всю десятку, если кто-то не работает, за него должна платить налоги десятка...

— Это очень хорошее правило, — кивали головами старейшины. — Значит, знатные люди страны скопили очень много богатств.

— О, знатные люди у нас должны не золото копить, а воевать. Кто из них не имеет военных заслуг, тот становится простым хуасяо и кормит семью своим трудом.

— Это же никуда не годится! — сказал внимательно слушавший Ратомен. — Почему знатный должен гнуть спину? Кто придумал это?

— Мудрец Шан Ян.

— Его убить мало. — выкрикнул Авдич.

— Убили, убили. Когда умер великий ван Сяо-гун, его схватили знатные люди и убили...

— Правильно сделали...

Хуасяо смотрел прямо перед собой, улыбался, кивал головой, то ли одобряя, то ли отрицая гневные слова радужных хозяев.

— Убийство Шан Яна — нарушение учения Кун Цю¹ о цзюнь цзы, то есть учения о благородном человеке. Казнив мудреца, наши благородные перестали быть благородными, так как попрали «жень» — гуманность, «чжун» — верность и «сяо» — уважение к старшим...

Женщины быстро убрали грязную посуду с суфры, встряхнули в сторонке саму суфру и вновь расстелили

¹ Кун Цю (Конфуций) — древнекитайский философ, 551—479 гг. до н. э.

ее перед старейшинами. Появились вино и сладости. Хуасяо с видимым удовольствием выпил чашу вина, взял горсточку сушеного винограда, осторожно прожевал одну сморщенную ягоду, потом вторую...

— В Цинь нет таких чудных ягод, нет такого славного напитка. И в царствах Лу, Чу и Чжен тоже нет...

Хуасяо быстро опьянел, склонил голову на грудь. Спал. Когда заиграли музыканты и вихрем закружилась танцовщица, он поднял голову, открыл глаза и пробормотал:

— Музыка — это очень плохо, Мудрец Мо Цзы¹ учит: музыка отвлекает людей от полезного труда, ее нужно запретить...

* * *

Когда первые лучи солнца разбудили Мавака, спавшего под повозкой Ратомена, его удивила тишина. Лагерь был пуст. Оказалось, что все согдийцы, за исключением древних стариков и малых детей, ушли строить свой город. К повозке был привязан Вороной, а рядом с ним — сильный бактриан, груженный остовом сакской юрты. «Спасибо Хартаку-питару, уважил просьбу внука Кидрея», — подумал Мавак.

Наскоро перекусив, он прыгнул на Вороного и направил его к строителям.

...Работа кипела. Здесь не было бездельников. Трудились женщины, подростки, почти совсем дети. Мавак заметил Анутч, которая в паре с подругой выносила землю из рва. Сдув черную прядь волос, упавшую на лоб, девушка улыбнулась праздному всаднику, сверкнула громадными глазищами и пропала в толпе. Ратомена сак узнал по медному греческому шлему. Согдиец усердно махал громадной мотыгой, отваливая пласт за пластом. Он был красив,

¹ Мо Цзы (Мо Ди) — древнекитайский философ, оппонент Конфуция, рубеж V—IV вв. до н. э.

этот Ратомен. Голые спина и плечи бугрились мышцами, по ложбинкам между бугорками ручьями струился пот вперемешку с пылью. Он был бы еще красивее, если бы не нелепый блестящий шлем. Заметив Вороного, Ратомен распрямился, держась за поясницу левой рукой, бросил мотыгу, отер тыльной стороной правой ладони грязный пот с лица и блаженно застыл. На груди и животе красными рваными рубцами обозначились два шрама — следы ударов сариссы и меча. «Причем тут шлем! Он и вправду красив. Воин! Вератрагна!» — подумал Мавак, любуясь силой и молодостью друга.

Ратомен с трудом вылез из рва, схватил отпрянувшего было Вороного за узду.

— Хорошо, что приехал. Вчера не удалось поговорить наедине. Но это к лучшему. Сейчас покажу тебе наше будущее селение на очень хорошем месте.

Ратомен повел играющего Вороного к небольшому холму. Взобравшись, осмотрелись. С севера — камыши, большая река и невысокие горы, с юга — горные исполины, покрытые снегом, с востока исполины смыкались с северными холмами, с запада — ровная степь.

— За северными холмами лежит Страна Семи рек, за ними к северу — лесные народы, у которых есть различные меха и рога чудовищной птицы. Из этих рогов делают лучшие в мире рукоятки к мечам и украшения. Туда добирались наши купцы и возвращались с немалой выгодой. Теперь им будет ходить много ближе, — Ратомен говорил серьезно, веско, со знанием дела. — Но это еще не все. На востоке есть ущелье. Оно ведет к Теплому морю. Там тоже живут саки. И у них есть большой город. Его зовут Красный. Но самое главное не Теплое море и не Красный город. Самое главное — что за ними. Этот хуасяо говорит, что если идти на восток всего три-четыре месяца, то придешь в страну Цинь с ее невиданными сокровищами...

— Ты что задумал!? — с тревогой спросил Мавак. — Зачем тебе далекая страна Цинь?

Ратомен промолчал.

* * *

В долине Зеравшана уже давно не было тигров. Согдаицы не умели охотиться на этих страшных хищников и боялись их. Когда Мавак и Ратомен собрались на бой с людоедом, на них смотрели, как на обреченных.

Воины отправились к камышам, когда уже совсем стемнело. Четыре крепких молодца несли за ними остов сакской юрты, пятый нес козленка. По указанию Мавака остов юрты поставили у самых камышей, забили в землю четыре крепких колышка и привязали к ним нижний обод. Мавак и Ратомен взяли козленка, зашли внутрь открытого всем ветрам сакского дома и простились с носильщиками. Те поспешно направились в обратный путь.

— Вот мы и в клетке, — сказал Ратомен. — Тигру нечего беспокоиться — не убежим. Теперь вместо одной старухи у него на обед будет два воина.

— Не будет у него больше обеда.

— Ну-ну...

— Да ты никак боишься?

— Ты знаешь меня, мой брат. Видел меня в сечах. Тебе не стыдно признаться — боюсь. Неужели ты думаешь, что эти прутики и ремешки выдержат удары сильного зверя?

— Эти «прутики и ремешки», как ты выразился, выдержат и не такое. Все саки так охотятся на тигров.

— А если он не придет?

— Придет, — ответил Мавак и дернул козленка за ухо. Тот жалобно заблеял. — За козленком придет.

Камышовые заросли жили своей ночной жизнью. Бесшумно летали совы, противно визжали дикие кабаны, где-то вдалеке выл шакал. Над зарослями вспыхивали редкие

зарницы. Подул ветерок. Как ни вслушивались охотники, но грозного мяуканья тигра не было слышно. Мавак стал чаще дергать козленка за уши. Теперь он блеял беспре- станно. Казалось, что в темной ночи малыш потерял мать и теперь зовет ее к себе.

— А ты когда-нибудь охотился на тигра? — спросил согдиец.

— Нет. Охотились мой дед и отец. Дед как-то расска- зывал о силе тигра. Я бы не поверил, если бы не говорил старый Кидрей.

— А что такое невероятное было в его рассказе?

— Вот послушай. Моим соседям осенью понадобился вот такой же камыш. Из него получают теплые ограды для овец. Ветер не продувает. Взяли большого верблюда и верхом отправились к зарослям, там, где река Мышь впадает в Яксарт. Помнишь это место?

— Хорошо помню. Там такие же густые заросли. Ну, а дальше что?

— А дальше случилось то, что верблюд завяз в болоте. Шесть сильных мужчин пытались его освободить. Не полу- чилось. Вернулись мои соседи без камыша и без верблюда. Решили утром принести веревки и жерди, чтобы вытащить животное. Что же утром их ожидало?

— Не тяни!

— А то, что верблюда не было на том месте...

— Сам выбрался? — перебил Ратомен.

— Куда ему! Пришел тигр, убил верблюда, вытащил его из трясины и съел. Только кости валялись. Хорошо обглоданные кости. Пока тигр обедал, он восемь раз хо- дил пить воду. Целую дорогу проторил к водопою.

— Это вам сам тигр рассказал?

— Нет, не тигр. Его следы. А их разбирал мой дед Кидрей, — обиделся Мавак.

— Ну, красна девица, уже губки надула.

– Да нет, мой брат. Что-то со мной происходит. Сам не пойму. Тянет в нашу землянку, к деду. Он ведь у меня один-одинешенек остался. Вот сейчас ты усомнился в словах Кидрея и мне больно стало...

Ратомен в темноте нащупал локоть Мавака и дружески сжал его.

– А еще рассказывал сосед Мермер-говорун... Ты же его знаешь? Да рассказам Мермера нельзя верить.

– Нет, почему же нельзя? Спитамен поверил ему и набрал дружину «проигравших». А во главе дружины был некий храбрый воин...

– Перестань. Вот послушай, что рассказывает Мермер. Тигр, якобы, утащил у него жеребенка. (А был ли он когда-либо у бедняги?). Сосед мой вооружился, взял собаку и выследил тигра. Логово зверя находилось в таких же зарослях, как и здесь, и к нему вела одна дорожка. Собака боялась идти дальше, поэтому Мермер привязал ее на ремень, выставил вперед копьё и пошел сквозь стену камыша. Собака плелась следом. Охотник прошел заросли и вышел на открытое место. Оглянулся, а собаки нет. Только ремешок болтается...

– А где же пес? Сбежал?

– Мермер говорит, что тигр украл. Да так ловко, что собака и не тявкнула, а он сам не почувствовал, как зверь перегрыз ремень...

Вдруг козленок замолчал. Мавак больно дергал его за уши, за хвост, но малыш молча жался к ногам человека, как бы ища у него защиту от неведомой беды.

– Пришел, – прошептал Мавак.

Воины сжали оружие, молча вглядывались в сторону камышей, тела обоих била нервная дрожь... Вдруг козленок, жавшийся к ногам людей, метнулся в сторону. Остов юрты сильно качнулся и затрещал. Мавак повернулся и наугад ударил копьем, которое тотчас же вылетело из рук от страшного удара. Ратомен закричал и тоже ударил. Медный

шлем слетел с его головы и согдиец упал... Только тогда Мавак увидел тигра. Он стоял на задних лапах, а передними бил по остову юрты, стараясь добраться до врагов. Не помня себя, сак подскочил к зверю и ударил его кинжалом. Тот осел, затем тенью метнулся к камышам и исчез...

Когда Ратомен очнулся от затрещины, то увидел такую картину: посреди юрты сидел Мавак и шарил вокруг руками в поисках оружия.

— Ах, я дурак! — приговаривал он. — Дед же говорил: «Береги спину». Тигр же всегда нападает со спины...

Светало. Козленок, как ни в чем не бывало, спокойно щипал травку. Это успокоило друзей и они решились выйти из своей клетки. Маленький сак остался безоружным: древко копья было сломано ударом лапы тигра, а кинжал зверь унес в своем теле. Ратомен отдал ему свое копье, а сам вооружился кинжалом...

Тигр лежал в каких-то двадцати шагах от места схватки за кустом облепихи. Пасть оскалена, из левой глазницы торчала бронзовая рукоять козлиноголового акинака...

Мавак присел рядом, погладил шерсть. Потом с трудом выдернул акинак и несколько раз, очищая, воткнул его в землю.

— Знаешь, почему он стал людоедом? — обратился он к Ратомену. — Он старый. У него выпали клыки. А без них он не может справиться с сильными кабанами...

* * *

Все население лагеря высыпало встречать охотников. Мавак подошел к повозке Анутч и развесил на оглобле шкуру людоеда. Громадные глаза девушки наполнились слезами, но на юном личике светилась улыбка.

...Поздно ночью, когда затихли даже самые сварливые и бдительные старухи, а стражи, потуже запахнув халаты, чутко дремали, под повозку Ратомена, где обычно спал Мавак, скользнула девичья тень...

...Анутч ушла под утро. Она отдала бы этому маленькому герою все богатства мира, но у нее ничего не было...

* * *

Тоска по дому позвала Мавака в путь. Провожали его от мала до велика, спели прощальную... Только Ратомен проводил побратима до самого ущелья. Согдиец молчал. Какими словами можно выразить печаль расставания навеки?

— Как твой город? — спросил Мавак, чтобы развеять гнетущее молчание.

— А что ему сделается? Строится. Закончили уже замок правителя. То бишь мой. Вчера художники рассказывали мне, какие картины нарисуют на стенах. А знаешь, какая у них будет центральной? Как герой Мавак ударом кинжала убивает тигра.

— Ну уж... — засмутился маленький сак. — А нельзя ли главную картину нарисовать так: мы с тобой, а еще Плоксис, Мокридат и Хориен. Сидим, пьем кумыс и клянемся быть побратимами?

— Да я же так и сказал...

И оба друга счастливо рассмеялись. — А как ты назовешь свой город?

— По названию реки. Саки называют ее «яб», исседоны же, которые живут севернее — «су». Назовем город Суяб¹, чтобы и те, и другие считали его своим и приходили торговать.

У входа в ущелье друзья прощались, не скрывая слез.

— Я еще приеду в Суяб, — утешал согдийца сак. — Пройдет траурный год по отцу и Зарине и я вернусь...

— Знаю. За девушкой...

— За какой-такой девушкой? Откуда знаешь?

¹ Суяб — городище Ак-Бешим близ г. Токмак.

— Жена сказала. Неужели ты думаешь, что она знает только то, что творится в повозке, и ее не касается то, что происходит под ней? Только едва ли мы встретимся... Мне не дадут покоя рассказы этого хуасяо. Я доберусь до его царства. Я заведу с ними такую торговлю! Пятерых моих юнцов он уже обучает своему языку. Говорит, что способные...

* * *

Гонимые македонянами согдийцы, которые не пожелали подставлять свои шеи под ярмо нового владыки, действительно добрались до древнего Китая. Об этом стало известно только в конце XIX в., когда английские и русские путешественники отыскивали близ Дуньхуана так называемые «старые согдийские письма». Из них следовало, что согдийцы основали здесь большую колонию и поддерживали постоянные связи с Согдом еще до начала функционирования Великого шелкового пути.

Возвращение

Мавак проехал через Царскую долину, минуя Роксанаку. Зарины больше нет, а нового царя Картазиса он не горел желанием увидеть. Мавак торопился в родные горы, в хижину, где его наверняка ждет старенький дед. Молодой воин думал о том, что время подвигов и любви кончилось для него навсегда. Он снова будет охотиться на козлов — домашний скот волшебного народа пэри. И станет приносить жертвы вместе с дедом не далеким богам Вератрагне, Фарну, Урмаузду, а знакомым и близким с детства богам, живущим сразу за порогом хижины: народу пэри, орлу Саене, утке Каршипте, оленю Шарабхе, снопу священной соломы-барсом.

Редкие встречные останавливали коней, всматривались, сделав руку козырьком, затем радостно приветствовали соплеменника. По долине полетела весть:

— Мавак, сын Сатрака, вернулся!

— Внук мудрого Кидрея жив!

А вот и хижина. Сердце воина дрогнуло, дыхание перехватило, когда он открыл заветную дверь...

...Все было в хижине таким, каким они оставили, уезжая на праздник в Роксанаку два с половиной года назад. Даже паутина не заткала углы, даже пыль была вытерта на посуде, составленной в нише. Зеленая веточка арчи украшала главный столб, только она уже привяла. Холодной оказалась и зола в очаге.

Из этого Мавак заключил, что дед недавно куда-то уехал. На охоту? В Роксанаку? Досада на вынужденное ожидание умерялась предвкушением встречи. Молодой воин живо нарисовал себе картину: вот послышатся шаги, откроется дверь, войдет, крихтя, ничего не подозревающий дед...

И словно в ответ на его мысли, ухо поймало дробный стук копыт. Торопливые шаги. Мавак привстал от волнения...

Дверь распахнулась и в хижину влетел потный багровый Мермер-говорун...

И разочарование, и радость встречи с соседом — все перемещалось в груди воина. Когда первые восторги прошли, Мавак задал вопрос:

— Где же дед?

Мермер сразу потух. Всхлипывая то ли все еще от радости, то ли уже от печальных воспоминаний, рассказал о судьбе старого Кидрея.

— Он горько оплакивал гибель Сатрака. Когда же узнал, что и ты погиб...

— Кто принес деду такую ложь?

— Спаргати́ф всем говорил об этом, вернувшись из плена.

«Толстый боров! Тебя давно нет, гниешь ты в земле, подобно собачьей падали, а зло, оставленное тобой, все еще жалит сердце».

...Обманутый Спаргати́фом старый Кидрей надумал принести себя в жертву богам, чтобы поскорее встретиться с внуком и сыном в царстве Йимы. Желание его исполнилось. На священном алтаре у скалы Пашкуча в присутствии всего народа жрецы в белых одеяниях совершили жертвоприношение. Тело старика, обмытое и окуренное дымом пахучих трав, разрезали на мелкие кусочки, тщательно смешали с бараниной и мясом горных козлов и подали храбрым воинам в качестве поминальной трапезы. Ни женщинам, ни детям от этого священного блюда не перепало ни кусочка! Но самих воинов собралось так много, что каждому досталась лишь малая толика. Вот как почтили по древнему обычаю знаменитого воителя и мудреца! Такая честь выпадает только самым выдающимся мужам! И теперь дух Кидрея живет в каждом мече, стреле и копье, готовом встать на защиту народа саков из страны Зеленых гор!

Молодой воин выслушал рассказ Мермера и долго молчал. Потом сказал:

— Теперь я хочу побыть один.

Он долго ворочался на жестком ложе, покрытом облезлой шкурой нахчира и думал, думал... Горькие были эти думы... Ушли в иной мир Сатрак, Зарина... Вот и дед... В стойле вздыхал и бил копытами Вороной, не Рахш. Никого больше не осталось от прежнего, до слез любимого, до боли родного...

Он забылся только под утро. Но едва взошло сияющее око Митры, в хижину вломился запыхавшийся Мермер и закричал с порога:

— Что ты мне дашь за радостную весть?

И так как Мавак лишь смотрел на него во все глаза, но не говорил ни слова, продолжал, еле переводя дух:

— Скунха сказал мне со слов Рутака, а тому передал Бразак: царевна Зарина едет к тебе! Сейчас она будет здесь! Что же ты стоишь, словно надгробный камень? Беги, встречай царевну!..

...Не будем описывать первые минуты встречи влюбленных, опустим занавес. Когда люди хотят остаться одни, недостойно подглядывать в щелку. Тем более, что царевна выгнала из хижины всех, даже упиравшегося Мермера.

Правда, говорун не ушел далеко. Он сел на пень и стал прислушиваться.

«Как она ждала! — думал он. — Как не верила в его смерть! И дождалась... Недаром ездила в эту хижину, мыла и чистила здесь все своими руками, как простолюдинка...»

Сначала настороженное ухо Мермера ловило только междометия, вздохи, всхлипывания. Это продолжалось довольно долго и даже прискучило. Но вот говорун выпрямился, как боевой конь при звуках боевой зурны. Лицо его приняло глубокомысленное выражение.

— Ага, ругает! — сказал он сам себе. Действительно, из хижины довольно явственно доносился сердитый голос Зарины.

— Все давно уже вернулись к своим невестам, один ты шлялся где-то! — кричала царевна.

Мавак отвечал глухим бормотанием с оправдывающимися интонациями.

— Кто сказал тебе, что я убита? — это опять голос Зарины,

Опять глухое бормотание Мавака.

— Посмотрите на него: он ссылается на ожерелье! Но ведь ты отдал его Томире!

Бормотание.

— Если ты хотел подарить его мне, почему же не отдал своими руками?

— Да я...

— Не хочу слушать глупых оправданий! Разве у тебя не было времени? Поэтому я и не взяла! Ожерелье осталось у Томиры! С ним она и погибла!

Долгое бормотание Мавака. Затем донеслись яростные всхлипывания Зарины.

— Плачет! — шептал говорун умиленно. — Роняет жемчужные слезы, подобные алмазной росе...

Зарина кричала:

— Напрасно я не согласилась выйти замуж за Искандара, когда дядя решил отдать меня ему! Напрасно сбежала с подругами на поиски тебя! Напрасно сражалась с воинами Заката! Напрасно погибла милая Томира! Ты не любишь меня, не любишь, не любишь, пень, чурбан, камень! Разве ты слеп? Разве ты не видишь, как я люблю!?

Мермер слушал с таким напряжением, что уши его начали шевелиться, как у хорасмийского царя Фарасмана. Но вот по лицу его разлилось удовлетворение. Он хитро прищурился и сообщил далеким горным вершинам:

— Бьет!.. Кулачками по спине, звук всегда такой бывает... Нрав у царевны, что у моей хозяйки... Слава Урмаузду, все кажется идет как надо...

Что же еще сказать? На веселый осенний праздник урожая Михраган была сыграна пышная свадьба. Поздравлять молодых явился даже Картазис, носивший теперь титул «хшайя» — царь. Пировала вся Царская долина. Мермер сидел на почетном месте в роли отца жениха. Круглое лицо его сияло как лик Митры.

Мавак зажил счастливо со своей прекрасной победительницей. Через пять лет она подарила ему пятерых наследников. А через десять лет их было уже десять! Каждый год наследник или наследница, таков уж обычай

в Средней Азии с древнейших времен. Ибо сказано: дом без детей — могила. Но сказано также и другое: где много детей — там базар. Зарина очень любила мужа и пеклась о нем так усердно, что тому иной раз становилось невмоготу. Когда бесконечные наставления и ценные указания жены ему уж слишком надоедали, он, памятуя давнишний совет незабвенного друга Ратомена, удалялся в горы. Туда, где когда-то охотился с отцом и дедом Кидреем. Грустные и сладкие воспоминания охватывали его, как охватывают каждого при встрече со своей молодостью. Он бродил по склонам, вспугивая кекликов. Любовался силуэтом бородатого козла-нахчира, стоявшего на каком-нибудь утесе, словно каменный истукан. Следил за величественным полетом орлов и ночевал в дедовской хижине, на облезлой старой шкуре...

Так проходило несколько дней. И вот вдалеке сначала появлялось облачко пыли, затем вырисовывались очертания всадников и доносился дробный стук копыт по каменистой земле. Впереди, мчалась Зарина, его верная жена, а в притороченных к седлу ивовых корзинах — два младших его отпрыска, которые еще не могли обходиться без материнского глаза. Следовали объятия, слезы, любовные упреки... Предсказание Ратомена исполнилось.

А иногда Мавак и сам, не дожидаясь, пока жена соскучится по беглецу, бросал прощальный взгляд на вечные и неизменные горы, на кособоковую дедовскую хижину и направлял коня назад, в долину. И губы его непроизвольно шептали слова, услышанные когда-то им от деда Кидрея: «Жена — несчастье, но не лишай, о Небо, никакой очаг этого несчастья».

НА БЕРЕГАХ ИССЫК-КУЛЯ

*Историко-
археологическая
повесть*

ПОДВИГ ЧЖАН ЦЯНЯ

Однажды весенней лунной ночью 138 г. до н. э. начальник (лан) привратной стражи императорского дворца в Чанъ-ани, тщательно проверив посты, уселся под тутовым деревом и стал размышлять. Почему так устроен мир? Одни получают от жизни лишь удовольствия. И не потому, что заслужили их, а просто по праву рождения или богатства, доставшегося от предков. А другие... Ну хоть он сам. Высокого роста, большой физической силы, недюжинного ума. А чего достиг? Мелкий чиновник. И никаких перспектив. Император окружил себя только знатными да богатыми.

Он стал думать об императоре Лю Чэ. Сын Неба — воплощение божества, как утверждает Кун-Фу (Конфуций). Но если разобраться, то какой он бог? Ведь ныне царствующую династию Хань основал всего 68 лет назад простой деревенский староста Лю Бан. Это уж потом он принял титул Сына Неба и имя Гао Цзу...

Мысли его перескочили на красавицу Ли — жену императора. Вот это действительно божество! Смертная женщина не может быть так прекрасна. Недаром брат императрицы Ли Янь-нянь сказал о ней: «Раз взглянет — и сокрушит город, взглянет второй раз — и покорит страну». С тех пор ее и прозвали «Покоряющая страны».

Он услышал легкое покашливание и шаги. В лунном свете возникла фигура в длинном переливчатом халате. Потрясенный лан узнал императора... Мелькнула страшная мысль: уж не известны ли Сыну Неба его думы? В груди сделалось холодно, сердце почти остановилось...

Он вскочил как ужаленный и услышал спокойный августейший голос:

— Это ты сегодня отвечаешь за охрану Садовых ворот Янцю?

— Да, государь.

— Твое имя, кажется...

— Чжан Цянь, государь. Из области Ханьчжун.

— Да, да, вспомнил. Тебя-то мне и надо.

— Я весь слух и внимание, великий государь.

— Я смотрел твое дело. Советники говорили мне, что ты совершил два посольских путешествия в южные и восточные страны...

— Да, государь.

— Тебя хвалили. Сказали, что ты отлично справился... Что ты можешь сообщить мне о северных варварах Большие юэчжи?

— Я мало знаю, государь. Ведь я не был в их кочевьях.

— Значит, нужно там побывать...

Император сел на скамейку. Он был еще совсем молод этот Сын Неба. Ровесник его Чжан Цянь почтительно стал рядом. Светила яркая луна, пели соловьи в громадном саду, но ничего этого уже не видел и не слышал начальник привратной стражи: он внимал.

Повелитель развивал простую мысль. Самым опасным врагом Срединного государства (т. е. Китая) являются могущественные северные варвары сюнну (гунны). Вот уж более полувека их набеги разоряют страну. А сколько терпели от них раньше? Не спасает даже Великая стена. Значит выход один: надо искать сильных союзников среди тех же варваров.

Таким союзником могут стать Большие юэчжи — кровники сюнну. Пленные рассказали ему, что десятилетия тому назад сюнну разбили юэчжей и прогнали их далеко на запад. А из черепа их павшего вождя шаньюй (правитель) сюнну сделал чашу, из которой пьет на пирах, чтобы

напомнить соседям о своем могуществе. Говорят, что шаньюй хранил чашу-череп в отдельном чехле, да таком большом, что там свободно уместилась бы еще добрая дюжина таких сосудов. Это был прозрачный намек соседним правителям, что шаньюй не прочь пополнить свой сервиз. Сейчас в интересах империи требуется разыскать ушедших куда-то на запад юэчжей и склонить к союзу с Поднебесной...

— Для такого важного дела нужен смелый, умный, энергичный человек, — продолжал император. — Притом, выносливый и большой физической силы, не боящийся превратностей дальних дорог. Мои же сановники обременены семьями, должностями, жиром... Домоседы! Кого ты мне посоветуешь?

У Чжан Цяня давно уж перехватило дыхание. Вот оно, то самое мгновенье!

Справившись с волнением, почтительно ответил:

— Если бы моя ничтожная персона подошла к столь ответственной миссии, то я бы... Есть у меня слуга-сюнну по имени Ганьфу. Верный человек. Он мог бы стать проводником и советником...

— Замечательно! — сказал император.

Чжан Цяню померещилось: глаза повелителя лукаво блеснули.

— Душа твоя заболела на такой заурядной службе. Для твоих способностей нужны простор, широта! Разве ты не мечтал о подобном только что?...

В продолжение месяца император Лю Чэ (в истории он более известен по своему посмертному имени У-ди) и два десятка самых знатных сановников (совет императора) скрупулезно разрабатывали план далекого путешествия, состав посольства, задачи. И среди этого блестящего собрания неизменно присутствовал простой лан. Мало того: несколько раз вызывали даже его слугу-степняка и подробно расспрашивали. Ганьфу ничуть не смущался, отвечал

обстоятельно, толково. Его тоже включили в состав посольства и назначили государственное жалованье.

Уж этот Ганьфу! Чжан Цянь вспомнил, при каких обстоятельствах он появился. Как-то Чжану понадобился конюх. Он уложил в мешок сто тысяч чохов (мелких медных монет с дырочками посередине — по десять тысяч в каждой связке), прихватил слугу-носильщика и отправился к Воротам у Моста, где был рынок рабов. Чжан, по совести говоря, терпеть не мог унижений человеческих. Но что же делать? Конюх-то нужен.

На базаре было полно рабов из южных княжеств, Кореи, горцев Куэньлуня, даже «черноголовых» (так называли себя сами китайцы эпохи Хань), которых продавали за долги кредиторы. Но все это было не то! Наконец в дальнем конце под шелковичным деревом Чжан приметил группу коренастых кривоногих невольников в кожаных шапках, длинных овчинных кафтанах и безобразных штанах. У каждого на шее — деревянная колодка. Несколько воинов, судя по одежде и вооружению, — из пограничной стражи, охраняли их.

Чжан Цянь приблизился. Да, это северные варвары — кочевники. Лучших конюхов не сыскать.

Он спросил старшего воина:

— Жуны? Динлины? Сяньби?

Тот покачал головой, почтительно ответил:

— Нет, господин! Это — ху. А еще их зовут сюнну. Сущие разбойники! Поверьте, господин, нам нелегко их взять. Но теперь они присмирели. Если Вам нужно ухаживать за скотом, объезжать скакунов...

Пленники смотрели угрюмо, настороженно, исподлобья. Не очень-то походили они на смирившихся. Лица обезображены шрамами, выдублены степными ветрами, морозом и солнцем. Чжан Цянь приметил одного, довольно молодого, примерно своего ровесника. Черты приятнее, чем у других, и взгляд не враждебный — скорее, любопытный.

Чжан несколько раз оглянулся на этого варвара, потом решительно сказал:

— Ты прав. Мне нужен конюх. Пожалуй, вот этого я возьму.

Так Чжан Цянь впервые встретился с Ганьфу. Он тогда и подумать не мог, что приобрел на всю жизнь не столько преданного слугу, сколько самого верного друга. Не раз впоследствии Ганьфу спасал ему жизнь! Не раз благодарил Чжан богов за ту покупку!

Всего набралось более ста человек: солдат, проводников, писцов, погонщиков... Включили даже одного лекаря и одного астролога. Чжан Цяню был торжественно вручен посольский бунчук — нечто вроде верительной грамоты.

Повозки с впряженными мулами полны даров для правителя юэчжей и его сановников. Провизии тоже запасли достаточно: впереди путь через пустыню...

...От Западных ворот Чанъани тронулся караван из сотни человек. Впереди ехало несколько вооруженных слуг. За ними — сам посол и его личный телохранитель Ганьфу с бунчуком — знаком посольского достоинства в правой руке. Следом — всадники и повозки с посольскими дарами и провиантом.

Цветущие берега Вайхэ радовали глаз. Толпы государственных рабов с зеленой татуировкой вокруг глаз тянули по родной глади реки баржи с зерном для столицы. Встречные пешеходы и всадники почтительно уступали дорогу. Все (и астролог в том числе) предвещало счастливый путь. Первые недели ехали по старинной окаймленной тутовыми деревьями дороге, проложенной от Чанъани до самой границы. Ехать было легко и весело. В селениях по пути закупали свежие овощи, на почтовых станциях доставали сено для мулов. И не заметили, как добрались в Дунхуан — пограничный город. За ним начинались сюннские степи — полупустыни.

От варварского мира Поднебесную отделяла Великая стена — грандиозное сооружение, подобного которому не было на земле. Она змеилась по холмам и превращалась в еле видимую ниточку на горизонте. Ее верх напоминал мостовую, окаймленную зубцами: по ней легко и свободно могла мчаться колесница или 5—6 всадников в ряд. Гимн человеческому трудолюбию! И строили ее многие десятки лет сотни тысяч людей. Начали еще в эпоху Воюющих царств — Чжанго. Три северных царства — Цинь, Чжао и Янь — вынуждены были первыми начать это строительство для защиты от опустошительных набегов кочевников. А закончили Великую стену при знаменитом Цинь Ши Хуанди. Общая длина ее — более 10 000 ли (1 ли = 0,5 км), достраивали стену, соединяя отдельные части в одно целое, 2 млн. человек.

Покинув Великую стену, караван двинулся на запад. Тут надо держать ухо востро: в любой момент могут появиться кочевники. Ехавшие впереди дозорные до рези в глазах всматривались вдаль.

На второй день заметили десяток всадников. Впрочем, из-за большого расстояния могли и ошибиться: возможно, это были дикие верблюды. На третий день повторилось то же самое. А на четвертый день за дальними холмами поднялся столб пыли, словно дым от гигантского костра. Столб быстро перемещался, все ближе, ближе. Люди заволновались, приготовили оружие. Чжан Цянь приказал остановиться.

Из-за холмов вынырнули первые всадники. За ними еще, еще, еще!... Казалось, им не будет конца. Всадники шли лавиной, охватывая караван полукольцом.

Чжан Цянь прикинул: приблизительно две-две с половиной тысячи. Он старался быть спокойным, велел Ганьфу выдвинуться вперед и поднять повыше посольский бунчук.

Гунны остановились на расстоянии тридцати шагов, словно наткнулись на невидимую черту: послы неприкос-

новенны — таков закон у всех племен и народов. Вперед выехал пожилой гунн в панцире из роговых пластин; за ним везли тоже бунчук, означавший большую власть.

— Я — лули (князь) Анахуань! Кто вы?

Чжан Цянь, хорошо говоривший по-гуннски, объяснил.

— Посольство к юэчжам? Это дело может решить только шаньюй! — сказал лули. — Следуйте за мной!

Тотчас гуннские всадники замкнули кольцо. И вместо желанного запада посольство двинулось на север.

Гунны вблизи оказались не столь страшными, как расписывала их молва. Эти «степные кровожадные демоны» шутили и смеялись как обыкновенные люди. На ночлеге заботились о пленниках, разрешили пользоваться запасами, взятыми из Китая. Ничего не было разграблено, никто не обижен.

Наконец их привезли в ставку шаньюя. Шаньюй оказался рослым, дородным, величественным, как идол. Выслушав речь Чжан Цяня, он некоторое время думал. Потом ответил:

— Юэчжи от нас на севере; по какому же праву Дом Хань отправляет туда посланника? Если бы я захотел отправить посланника в Юе (владение в Южном Китае), то Дом Хань согласился бы на мое желание?

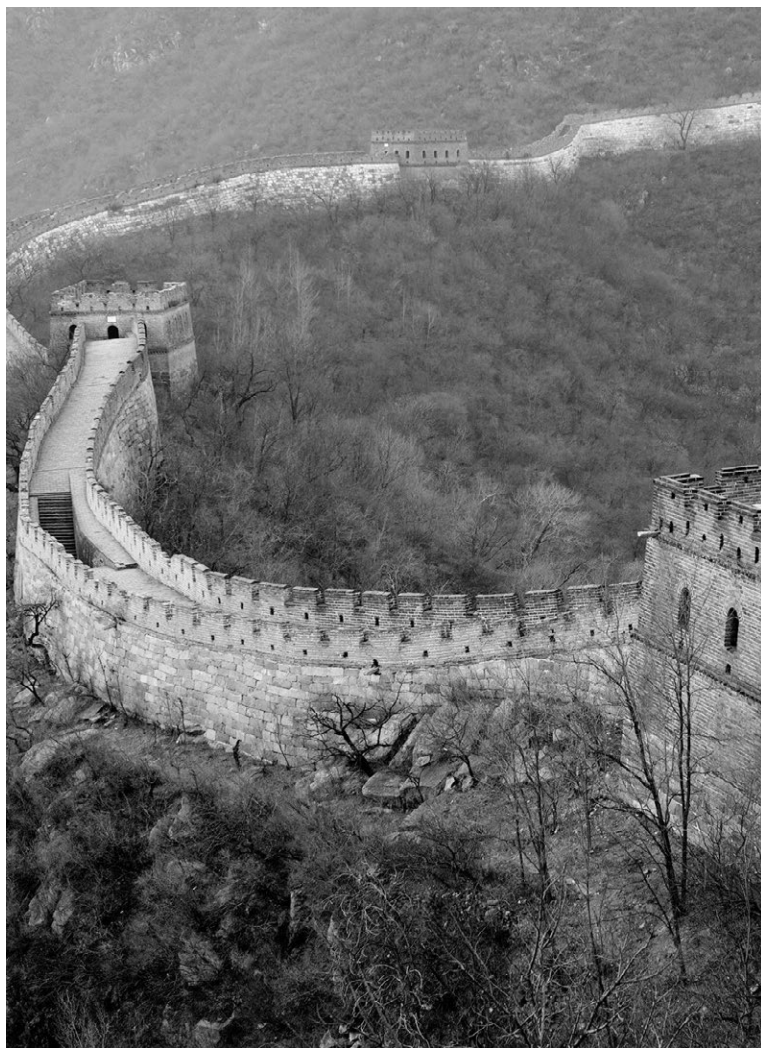
Возразить было нечего, и Чжан Цянь промолчал.

— Вот мое решение: нет вам пути вперед. Но нет и пути назад. Вы останетесь здесь, под моим надзором. Я сказал.

Подарки, которые везло посольство, очень обрадовали шаньюя. Осмотрел, прищелкивая языком, и велел немедленно приобщить к своему имуществу, лишь малую толику уделил приближенным.

Посланнику же заявил:

— Большие юэчжи — наши рабы. А то, что предназначено рабу, принадлежит его господину.

**От варварского мира Поднебесную отделяла
Великая стена – грандиозное сооружение,
подобного которому не было на земле**

Провизию не тронули — гунны не привыкли к китайской пище. Благодаря этому члены посольства всю первую зиму кормились с собственных повозок, не покупая у навязанных злыми богами хозяев ничего.

...И потянулись долгие дни томительного плена. Китайцы, в большинстве своем оседлые горожане, теперь кочевали вместе с гуннскими кибитками по необозримым равнинам. Складывавшееся государство гуннов охватывало в те времена гигантское пространство от Большого Хингана на востоке до Балхаша на западе. Миллионы квадратных километров!

Тут были и настоящие пустыни вроде Алашань, или Гоби; и зеленые степи Орхона, Селенги, Керулена с густой сочной травой, и Джунгаро-Алтайские хребты с голыми скалами или, наоборот, покрытые хвойными лесами. Сотни больших и малых рек текли на север. И это казалось удивительным для китайцев, на родине которых все реки текли строго на восток. Тысячи озер были разбросаны здесь, в их прибрежных зарослях гнездились несметное количество водоплавающей птицы.

Прошел год. Другой. Третий. Свободу пленников не ограничивали, но было ясно: их тщательно стерегли.

На четвертый год шаньюй предложил посланнику выбрать себе жену. Чжан Цянь вынужден был согласиться. Жена оказалась довольно миловидной, с румянцем во всю щеку, с белыми, как снег, зубами. Только пахло от нее не так, как от придворных красавиц: дымом, бараниной, овечьей шерстью... В положенный срок она родила ему сына. После этого Чжан Цянь почувствовал: охрана ослабла внимание. Видно решили: куда теперь уйдет от жены и сына?

...Прошло уже десять лет гуннского плена... И в одну тихую августовскую ночь посольство в полном составе бежало...

Историк Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.) пишет кратко: «Пробираясь на запад несколько десятков дней... пришли в Давань» (Фергану).

Эти слова никак не отражают те ценнейшие географические сведения, которые приобрел Чжан Цянь за эти «несколько десятков дней». Ведь его путь неизбежно проходил через Тянь-Шань и далее — вдоль озера Иссык-Куль. Как удалось беглецам преодолеть высочайшие хребты, заснеженные перевалы, где сердце бешено колотится от недостатка кислорода! Как удалось переправиться через бурные реки, чтобы вновь карабкаться по осыпям на кручи, не теряя направления, — и все это в незнакомой стране — остается загадкой.

Так или иначе, Чжан Цянь и его спутники попали в страну Усунь. Позже он опишет свои впечатления так:

«Усунь... Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с гуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях. Усуньцы прежде были под зависимостью гуннов; но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались отправляться на съезды при дворе гуннов».

Усуни, таким образом, ничем не поразили странника. Те же кочевники, что и гунны. Что с них возьмешь? Но зато к юго-западу от усуней лежала страна, потрясая все представления Чжан Цяня о мире.

Ферганское чудо

Давань того времени (Фергана, в том числе и юг Кыргызстана) представляла собою сильное государственное образование, союз «оазисов-городов», который возглавляла местная династия. Китайцы привыкли к тому, что настоящие (не войлочные) здания, каналы, развитое земледелие существуют только на их родине, в то время как соседние

земли прозябают в варварском невежестве. Давань приятно удивила их. Да что там удивила — потрясла! Они обнаружили здесь ухоженные поля с ячменем, просом, пшеницей. На диво пышные огороды, где произрастали редька, лук-порей и любимый чеснок! Настоящие каналы с бурой водой, окаймленные тенистыми рощами-садами! Паутина дорог соединяла шумные города, укрывавшиеся за толстыми стенами с могучими башнями, с дворцами правителей и вельмож. И повсюду — на холмах, по берегам каналов, у проезжих дорог — россыпи укрепленных сельских усадеб, похожих на маленькие крепости.

Даваньский царь был наслышан о богатстве и могуществе далекой страны Хань. И был готов завязать с ней дружественные отношения. И великий дипломат Чжан Цянь сразу смекнул, какие выгоды сулит такая дружба. Даже царь Давани и его знать были одеты в грубые, блеклые ткани из шерсти и хлопка. «А если они увидят наш шелк, — подумал Чжан Цянь, — то все богатства их будут нашими».

Ни одна гусеница или какое-либо иное насекомое не играла в судьбе народов такой роли, как тутовый шелкопряд в судьбе «Чжун го» — «Срединной империи». Еще во времена Чэн Тана — основателя первого царства Шань-Инь (XVIII в. до н. э.) духам шелковичных червей приносили жертвоприношения. Шелк — чисто китайское изобретение. Он сопровождает жизнь обитателей Поднебесной в течение всей ее многовековой истории.

А здесь в Давани и всех других странах Чжан Цянь не видел ни одного тутового дерева. Правда, были здесь растения, которых не встретишь в Поднебесной. Чжан видел огромные изумрудно-зеленые участки — сплошной ковер неведомой сочной травы. Кони хрустят ею с таким аппетитом, что хочется самому попробовать. Местные жители произносят название травы на местном наречии: слух китайца зафиксировал это как «му-су». Ему объяснили

также, что трава настолько вкусна и питательна, что животные объедаются ею и могут околеть от вздутия живота. Впоследствии он увезет на родину семена этой дивной травы — люцерны...

Но еще более поразила путешественников некая лиана, вьющаяся между специально врытых столбов по натянутым шпалерам. Между густыми разлапистыми листьями висели собранные в гроздь огромные бусины, другие ягоды имели форму сосков. Одни — желтые, прозрачные, другие — розовые, третьи — синие, почти черные. А когда путешественники испробовали напиток из этих ягод, пришли в совершеннейший восторг: изумительный вкус, сказочный аромат! А на голову действует куда приятнее, чем вонючая гаоляновая водка.

Так впервые в жизни китаец увидел виноградную лозу — чудо природы, и отведал вина — дар богов... Чжан Цянь будет первым, кто познакомит свою великую родину с этой древнейшей сельскохозяйственной культурой...

И еще одно чудо открыл здесь Чжан Цянь — дивной стати и резвости коней. Он писал: «Си лошади имеют кровавый пот и происходят от породы небесных лошадей». После него в течение столетий главным требованием ханского двора к даваньцам было требование поставлять для нужд империи аргамаков — «небесных коней».

Побывал Чжан Цянь у Больших юэчжей. Тут его постигла неудача. Бездомные кочевники — беглецы, ушедшие, на край света от мести гуннов, ныне владели богатейшими земледельческими странами — Согдианой и Бактрией. Беззаботная сытая жизнь изнежила их, ни о какой войне с гуннами они и слышать не хотели.

Не добившись дипломатического успеха, Чжан Цянь выгадал в другом: путешествуя по владениям юэчжей, он посетил обе страны и познакомил с ними своих соотечественников. Кроме того, от бывалых людей наслышался Чжан и о других землях: Яньцай (Зааралье), Кангюй

(Средняя Азия), Аньси (Парфия) и даже Линзянь или Да Цинь (Римская империя).

Удивительнее всего здесь вот что: как мог Чжан Цянь собрать эти ценнейшие сведения, не зная языка?..

Только через тринадцать лет великий путешественник вернулся в Китай. Вот как это было.

Возвращение

В светлый сентябрьский полдень на дороге в Чанъань ехали на ослах четверо путников: двое мужчин, женщина и мальчик лет девяти-десяти. У седла каждого — с одной стороны торба с овсом, с другой — корзинка, в каких обычно возят дорожную провизию. За спиной одного из мужчин торчал длинный кожаный сверток: копье — не копье, лук — не лук...

Вот уже показались стены Чанъани. Повозок и пешеходов на дороге стало больше.

У Западных ворот народу — как на рынке. Здесь и был небольшой летучий рынок: торговали съестным и прохладительными напитками.

Велика ханьская столица! Пока петляли по улицам и переулкам, перевалило далеко за полдень. На постоялом дворе «Здесь все надежды сбываются» женщина и мальчик остались, а мужчины продолжили путь.

Наконец они добрались до Янцю — Западных ворот в стене, окружавшей комплекс императорских парков и дворцов.

Начальник привратной стражи столь долго и подозрительно всматривался в путников, что один из них не выдержал и сказал второму:

— Разверни!

Его товарищ стащил со спины длинный сверток, снял кожаный чехол. В нем оказался самый настоящий посольский бунчук. Лан вытаращил глаза.

– Теперь веришь?

Лан побежал докладывать по начальству.

И скоро императорский двор облетела потрясающая весть: возвратился Чжан Цянь, посланный 13 лет назад в Западный край! Сейчас он на приеме у императора.

Молоденькие придворные дамы, которые были в колыбели, или родились в год отправки посольства к юэчжам, спрашивали:

– Кто такой Чжан Цянь?

Великие милости посыпались на голову Чжан Цяня. Он был пожалован княжеским титулом Бованхоу и таким образом переводился в разряд высших сановников государства. Верный Ганьфу тоже получил – не абы что, а чин Слуги Посланника. Даже супруга посла удостоилась звания Знатной дамы из Танли. Но во дворец ее не приглашали...

Зато оба титулованных путешественника день и ночь пропадали в императорских покоях. Сведения, привезенные Чжан Цянем, оказались важными до чрезвычайности. Перед людьми Хань вдруг открылся удивительный громадный, поистине безграничный мир. И неизмеримые возможности для торговли,

Чжан Цянь предложил императорскому совету грандиозный план. Нужно пробиться на запад. Вступить в прямой контакт с Даванью, Дахя (Бактрией), Аньси (Парфией) и т. д., «распространить ханьские владения на 10000 ли; тогда с переводчиками девяти языков легко узнать обыкновения, отличные от шляпопоясных (т. е. китайских) и распространить влияние Поднебесной до четырех морей...»

Китайские товары, в первую очередь шелк, найдут себе новые рынки, а оттуда хлынет то, чего не имеется в Среднем государстве.

Бованхоу Чжан Цянь говорил ярко и убедительно. Советники думали: недаром этот человек сумел покорить обхождением и красноречием иностранные дворы.

От картины, им нарисованной, у них самих кружились головы.

Решено было послать на запад новое посольство — конечно же, во главе с Чжан Цянем. Но если в 138 г. единственной целью был военный союз с юэчжами, то теперь ставка делалась на другой кочевой народ — усуней.

Как только Чжан Цянь освобождался от заседаний в императорском совете, его атаковали придворные. Сановники наперебой зазывали в гости. Всем хотелось послушать рассказы о небывалом путешествии. Особенно усердствовали дамы. Такой высокий, стройный, сильный, еще сравнительно молодой — и уже князь, знаменитейший путешественник, обласканный самим Сыном Неба... Подумать только: когда у императора родилась восьмьюродная племянница, то дать имя девочке поручили именно Чжан Цяню. Он назвал ее Веточкой Радости.

Чжан Цянь рассказывал. А рассказывать он умел. Многое умел Чжан Цянь Бованхоу...

* * *

О том, как добирались назад через дикие степи и безжизненные пустыни, посланник рассказывал кратко. И весь этот потрясающий сердце путь выглядел как непрерывная цепь потерь. Потерь товарищей, спутников...

Во-первых, за время гуннского плена умерли двое: лекарь и астролог.

Затем в Давани умер один и в Дахя — один. Еще один погиб в горах Тянь-Шаня, сорвавшись в пропасть.

И все же в обратную дорогу вышло около ста человек. Благополучно прошли между Тянь-Шанем и Алаем.

И тут снова попали в плен к гуннам. В стычке с ними погибло несколько человек, несколько умерло впоследствии от ран.

Почти год провели они в гуннских кочевьях. Жена встретила мужа-беглеца сначала очень неприязненно.

²² Том XIII. В. М. Плоских

Из глубин пустыни часто дул свирепый
хыйфын. Тогда на путников неслась стена
желтой обжигающей пыли

Он долго и красноречиво втолковывал ей: он, мол, и не думал бросать семью. Просто необходимо было выполнить приказ повелителя. Вернулся к ней, горячо любимой... Любящая жена простила.

Вскоре случилось важное событие: сановники убили своего шаньюя. В кочевьях началось брожение, перешедшее в кровавую междоусобицу. И Чжан Цянь завел с женой разговор: надо поручение Сына Неба довести до конца, то есть доставить сообщение в Поднебесную.

Верная жена отвечала кратко:

— Где ты, там и я.

Она сама боялась за жизнь инородцев — мужа и сына. Когда в орде резня, все могло случиться.

И посольство опять бежало.

Чтобы еще раз не попасться гуннам, резко повернули на юг. Шли вдоль высочайших хребтов Куньлуня по южной кромке пустыни Такла-Макан.

Из глубин пустыни часто дул свирепый хыйфын. Тогда на путников неслась стена желтой обжигающей пыли. Приходилось пережидать в каком-нибудь укрытии день, два, три. Когда дует хыйфын, прячется все живое.

Мучили голод и жажда... Солнце палило так неистово, что даже камни покрывались бурой запекшейся коркой-«загаром пустыни». Иногда попадались «обманные» родники: вода в них была горько-соленой. Огромные пространства вокруг покрывали солончаки. В этих условиях китайцы умирали один за другим. Страшной жары не выдерживало сердце. Но хуннуска и ее сын — дети пустыни — выжили.

Одолев пустыню, попали в необъятные трясины кочующего озера Лобнор. Густые тростники, полные гнуса, вонючие топи, тянувшиеся на сотни ли, — все они получили свои жертвы. Многие умерли позже от болотной лихорадки. После Лобнора в живых осталось совсем мало... И настал

день, когда их осталось всего четверо. Слуга и жена были гуннами. Сын вырос в орде. И единственный «черноголовый» — сам посол.

Но местность уже стала меняться. То там, то здесь, между камней вздымались пучки сухой травы, появились пресные роднички, около них на влажной почве отпечатывались следы зайцев, лисиц, копытных...

Путники — кожа да кости — немного воспрянули духом. Искусный стрелок Ганьфу принес однажды зайца. В другой раз — дзерена. Как-то убил волка, его мясо, жесткое, с неприятным запахом, тоже съели...

...Когда эти четверо пришли, наконец, в Дуньхуан, комендант гарнизона не поверил их рассказам. Очень все это подозрительно: один китаец и трое гуннов. За тринадцать лет пограничная стража сменилась, никто не знал Чжан Цаня в лицо. Даже посольский бунчук не помог: мало ли посольств сгнуло в степи, оставив там свои бунчуки. Подбери его и объявляй себя доверенным лицом императора...

Комендант все же дал путникам четырех ослов, немного медных монет и провизии на дорогу. Все это он занес в графу служебных расходов, не преминув увеличить сумму...

Опала

В императорском совете после долгого и зрелого обсуждения пришли к выводу: с посольством повременить до тех пор, пока не пробит коридор на запад. Первоочередной задачей становилась война с гуннами.

Союзников так и не нашли, приходилось рассчитывать на собственные силы.

Император У-ди со всей энергией принялся за дело. По стране пошли сотни особых чиновников, набиравших рекрутов. В деревнях встречали их плач и слезы. Народ не понимал, почему он должен отдавать своих сыновей,

если враг не напал. Спустя восемь веков об этом удивительно точно скажет великий Ду Фу:

Стон стоит на просторах Китая —
И зачем императору надо
Жить, границы страны расширяя:
Мы и так не страна, а громада...

Если первые войны У-ди с гуннами имели целью пресечь их грабительские набеги, то теперешняя война приобретала явно захватнический характер. Перспективы прибыльной торговли с дотоле неизвестными западными странами настолько овладевали императорским двором, что У-ди в 123 г. до н. э. издает указ, идущий вразрез с традициями, установившимися со времен Лю Бана. Основатель Ханьской династии, опиравшийся на земельную аристократию, когда-то объявил торговцев и ростовщиков презренным сословием. Они облагались повышенным налогом. Не имели права (даже их потомки) занимать государственные должности. Не смели носить шелковые и парчовые одежды, оружие, золотые украшения. Не для них были колесницы и верховые лошади. Указ же 123 г. полностью отменял все эти запреты. Более того, отныне «народ мог покупать почетные титулы и откупаться от запрещения занимать [государственные должности]». Были учреждены титулы «за военные заслуги», подразделяющиеся на 11 степеней знатности. Они свободно продавались. Имеющий толстую кошну получал предпочтение перед всеми остальными, сдавшими государственные экзамены.

Все это, во-первых, должно было поощрять купеческое рвение. Во-вторых, приносило казне изрядные доходы, необходимые для ведения войны.

Император У-ди бросил все силы огромной страны на борьбу с гуннами. В короткий срок армия была набрана и обучена. Завершено ее перевооружение по гуннскому образцу. Главную ударную силу должна была составлять

панцирная конница с длинными копьями, луками и мечами. Легкая кавалерия предназначалась для дерзких налетов, разведки и рейдов по тылам противника. Грозную силу представляла пехота (чего у гуннов не было), вооруженная самострелами. Китайский самострел — оружие, не знавшее аналогов в то время. Чтобы его натянуть, иногда приходилось ложиться на спину и, упершись в самострел ногами, изо всех сил тянуть тугую тетиву. Был разработан спусковой механизм, который китайцы держали в строжайшем секрете. Убойная сила этого оружия потрясла иноземцев: пробивались любые доспехи и щиты на расстоянии в добрую сотню шагов. Итак, все было готово.

В 124 г. до н. э. полководец Вэй Цин и в 123 г. до н. э. полководец Хо Цюй-дин отбросили гуннов от границ империи.

В 122 г. до н. э. во главе армии был поставлен талантливый военачальник Ли Гуанли. Чжан Цянь назначили командиром большого подразделения. Войска вступили на землю гуннов. А дальше все пошло не так, как предполагалось. Конная армия шаньюя завела врага в глубь степи, окружила и большей частью уничтожила. Чжан Цянь, искуснейший дипломат, великий путешественник, но весьма посредственный военачальник, замедлил прийти в назначенное время и был приговорен к отсечению головы, но избавился от смерти с потерей чинов и достоинства.

В одно мгновение все пошло прахом. Блестящий придворный в княжеском звании стал бедным простолудином: и был обязан уйти в изгнание. Простолудин Чжан Цянь отправился в родную провинцию Ханьчжун, где дальний родственник оставил ему в наследство клочок земли, убогую хижину... и пару старых тутовых деревьев.

Прощай «план 10 000 ли», прощай торговля с Западом, прощай городок Чигу — удобный перевалочный пункт на торговом пути!

ЧЖАН ЦЯНЬ В ЧИГУ

Кочевники отступают

Заканчивался третий год изгнания. Чжан Цянь стал получать письма, начертанные неумелой рукой подростка. Сын писал, что старательно изучает грамоту и уже хорошо умеет держать кисточку и деревянный стиль — перо... В глухую провинцию к нему доходили слухи о новых и новых победах китайского оружия. В 121 г. до н. э. гуннов разбил Хо Цюйбин. В 119 г. до н. э. сокрушительное поражение нанес им Ли Гуанли. Пленных оказалось многие десятки тысяч. Для их перевозки потребовалось столько лошадей, что крестьяне северных провинций, у которых чиновники производили их реквизицию, начали прятать свою тягловую скотину. Дело дошло до бунтов...

После разгрома гуннов в императорском совете все чаще и чаще обращались к тому, ради чего все это было затеяно: к «плану 10000 ли». Но автор этого плана прозябал где-то в провинции, а без его знаний неизвестно было даже, с какого конца начинать.

Конец опале

Дождливой осенней ночью Чжан Цянь сидел в своей хижине и при тусклом свете светильника перечитывал сказание о путешествии древнего императора Му Вана в страну царицы Запада Сиваиму. Будто бы этот престарелый (ему было 65 лет) путешественник добрался за 325 дней

до озера Отрада, земли Пышного сада и Нефритовых гор. И, лишь обозрев все это, отправился восвояси.

Сквозь шум дождя он услышал конский топот, громкие голоса. Чжан Цянь отложил книгу, прислушался. Кто бы это мог быть? В глухой деревне, в такое позднее время и в такую погоду? Уж не разбойники ли?

Ожесточенный лай собак скоро смолк. Потом он услышал голос своего соседа:

— Господин здесь! Еще не спит. Видите — огонек теплится?

В бамбуковую дверь вежливо постучали.

— Господин Чжан! Господин Чжан!...

Сердце Чжан Цяня остановилось. Неужели?...

Он открыл хлипкую дверь. Вместе с шумом дождя в хижину ворвался порыв ветра и чуть не задул светильник.

Вошли двое: староста селения Люй Шу, который человеческим участием, а иногда и чашкой риса с рыбой или овощами старался скрасить пасмурные дни опального Бованхоу, и еще кто-то, высокий, в плаще, по которому стекала вода. Когда он откинул плащ, Чжан Цянь узнал Гу Иня, одного из телохранителей императора. Во дворе слышались еще голоса.

Гость то ли не узнал хозяина, то ли сделал вид:

— Здесь ли обитель Бованхоу Чжан Цяня, премудрого, многознающего?

Хозяин ответил:

— Ты ошибся. Здесь ютится ничтожный простолюдин Чжан Цянь.

Гу Инь отвесил низкий поклон. Еще поклон. Еще. И еще. Потом вынул из-под плаща шелковый сверток!

— Приказано передать лично в Ваши драгоценные нефритовые руки.

Чжан Цянь развернул сухой шелк. В нем коробочка из яшмы. В коробочке — бамбуковая табличка, издающая небесные ароматы.

Он поднес табличку к тусклому свету: на глянцевой поверхности прекрасными иероглифами было начертано (самим императором!): «Ждем Вас. Небесный конь — у Вашей калитки».

* * *

Чжан Цяню вернули имущество и титулы. Повелением У-ди проведенное расследование показало: в опоздании к месту битвы князь не виноват. Как раз в эти дни Веточке Радости, названной дочери Чжан Цяня, исполнилось 9 лет. Требовалось по обычаю, дать ей второе, взрослое, имя — теперь уже на всю жизнь. И опять император милостиво обратился к своему Бованхоу. Чжан Цянь дал ей имя Цветок Лотоса. Как увидим впоследствии, эта юная принцесса сыграла немаловажную, хоть и пассивную роль в китайской дипломатии на Западе...

«План 10000 ли» спешно обсуждался в императорском совете — уже в присутствии «специалиста». «Специалист говорил своему повелителю:

— Если в настоящее время богатыми подарками склонить Гуньмо переселиться на восток (т. е. между озером Лобнор и Великой стеной) и вступить в брачное родство с Домом Хань, то можно надеяться на успех в этом... Тем самым отсечем правую руку у хуннов. Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дася и другие владения на западе...

Император задумчиво покачал головой, и нельзя было понять, соглашается он или нет.

— К тому же, — напирал Чжан Цянь, — уговорить переселиться кочевников будет легко. Ведь ушли они на запад под напором хуннов совсем недавно — 45–47 лет назад.

...Бархатная ночь обнимала императорский сад. Великий и добрый бог Шан-ди смотрел с невообразимой выси миллионами сверкающих глаз-звезд на грешную землю.

Она чтит не его, а других: бога войны Гуанди и Цай Шэна — бога богатства... Именно о войне и торговле продолжали долгий разговор в беседке Высокого Уединения император и его подданный...

Второе посольство Чжан Цяня

Вопрос о втором посольстве на Запад — теперь уже к усуням — был решен. Во главе его — Чжан Цянь. Сыма Цянь пишет: «Сын Неба дал ему должность хуннского пристава, 300 ратников с двумя лошадьми при каждом и до 10000 голов быков и баранов... и подчинил ему множество помощников с бунчуками — для отправления их посланниками в разные владения, лежащие по сторонам проезжаемой дороги».

В экспедиции участвовал и Люй Шу — Чжан Цянь загодя вызвал его в столицу. Физиономия бывшего старосты ныне выражала живейшую радость. Он не расстается с личным бунчуком своего друга и господина, покрикивает на слуг, добиваясь порядка. Императорская казна выдала ему жалованье. А впереди — путешествие в сказочные страны...

Главный придворный астролог Сыма Цянь после долгих наблюдений за звездами сказал: поход будет необыкновенно удачным, Чжан Цянь во всех начинаниях добьется полного успеха. Это еще больше воодушевило отправляющихся. Сыма Цянь был всеми уважаемым человеком, с энциклопедическими познаниями. Кажется, не было такой области науки, литературы или человеческих отношений, где он не был бы крупнейшим авторитетом. Кроме своего основного занятия — астрологии — Сыма Цянь писал исторические сочинения. Благодаря его грандиозному труду — «Историческим сочинениям» — мы и знаем многое из того, что без этого кануло бы в Лету.

**Именно он, великий историк Сыма Цянь,
основоположник китайской историографии,
первым рассказал о подвиге Чжан Цзя**

Именно он, великий историк Сыма Цянь, основоположник китайской историографии, первым рассказал о подвиге Чжан Цяня.

Посольство двинулось тем же путем, каким шел Чжан Цянь много лет назад. Но теперь гуннов можно было не бояться — они ушли далеко на север. От Великой стены и до самого Лобнора вдоль трассы располагались военные посты-станции. При каждой такой станции — склады с продовольствием и фуражом для скота.

Более трудным, естественно, оказался путь от Лобнора до Тянь-Шаня. Но и здесь все кончилось благополучно. В бассейне Тарима существовало много городов, поскольку Большое посольство шло не с мечом, а с миром, жители оазисов охотно продавали съестное. Отряд же в 300 ратников отбивал охоту к нападению у шаек грабителей. Так, без происшествий, добрались до Небесных гор, а затем — к берегам Теплого озера.

Чжан Цянь думал иногда: не это ли озеро Отрада из легенд о путешествии Му Вана?..

Верховный правитель усуней — кунбаг по имени Лецзяоми радушно принял китайское посольство. Он хорошо помнил Чжан Цяня еще по первой встрече тринадцать лет назад. Память у кунбага была цепкая. Тогда Чжан Цянь предстал перед ним с небольшой свитой измученных людей, без всяких даров, при нем был один лишь бунчук — знак посольского достоинства. А уж как они ели тогда! Лецзяоми, сам отменный едок, только диву давался.

Теперь же посланника сопровождало триста бойцов с самострелами, множество помощников и слуг, за ними пылило десятитысячное стадо быков и баранов. А сколько подарков! Правитель за всю жизнь не видел таких прекрасных вещей. Что и говорить — очень солидный гость.

По приказу кунбага для посланника воздвигли большой шатер на пустыре за чертой городских стен усуньской

столицы Чигу. На долгий срок этот шатер стал штаб-квартирой Чжан Цяня.

Отсюда он направил посланников с бунчуками в окрестные и дальние земли: в Юйтянь (Хотан), Давань, Канцзюй, к Большим юэчжам, в Дася (Бактрию), Аньси (Парфию) и даже в неведомую Шэнди (Индию).

Чжан Цянь скоро завоевал уважение кочевников. Он восхищал их лихой джигитовкой (освоил за 10 лет гуннского плена), пил кумыс и ел за троих жирную баранину. Показывая приемы китайской борьбы, валил с ног отборных силачей. А его приветливость, гостеприимство, умение вникнуть в чужие нужды и, конечно же, щедрые подарки — все это раскрывало перед ним сердца и души кочевников.

И все же кое-кто из самых осторожных племенных вождей — старейшин говорил своему верховному владыке:

— Человек Хань рассылает своих посланников по сопредельным странам. Те собирают всевозможные сведения. Не лазутчики ли это? Не придет ли вслед за ними войско ханьского правителя?

Кунбаг, облаченный в подаренный шелковый халат с вытканными фазанами, отвечал благодушно:

— Зачем войску приходиться? А лазутчики выспрашивают торговые пути да кто что продает и что покупает... Это купцы, а не воины.

— Не забывай повелитель, у ханьцев сильное войско! Они загнали могущественных хуннов словно крыс, в дальние северные норы, отобрали обширные земли...

— И правильно сделали! От хуннов никому покоя не было, теперь они присмирели. А нам с ханьцами делить нечего. Наоборот: мы им нужны как союзники. И нам от них добрая польза будет, когда заведут свою торговлю... Караваны через наши земли пойдут. Смекаете?

На торжественных пирах Чжан Цянь всегда занимал почетное место неподалеку от владыки. И между ними

частенько завязывался оживленный разговор. Китайский посол не уставал твердить о больших выгодах для усуней, если дружба между ними упрочится. Он даже намекнул как-то: в случае успешного завершения дела есть для кунбага надежда породниться с самим Ханьским домом, с великим Сыном Неба! А это все равно, что породниться с живым богом. А уж принцессы из Чанъани — истинно небесные девы... Он со знанием дела, так красочно описывал женские прелести, любвеобильность и красоту китаянок, что усуньские военачальники только облизывались...

В голове же кунбага эта идея или шутка китайского посла засела прочно...

Лишь в одном потерпел неудачу красноречивый Чжан Цянь: сам кунбаг, оба его владетельных сына и шестнадцать старейших — вождей, составляющих совет, — все как один высказались против переселения на восток. Новая земля устраивает их полностью. Здесь много ручьев и рек с чистой холодной водой. На горных хребтах достаточно деревьев для хозяйственных нужд. И к тому же отличная охота... Да и хунны далеко, а остальных кочевников они давно прижали к ногтю.

Нет! Хребты Тянь-Шаня, долины вокруг Теплового озера стали их новой родиной, прикипели к их сердцам навсегда!

Чжан Цянь выяснил: усуньский племенной союз оказался не совсем однородным. Кроме самих усуней, в него входили остатки прежнего населения — саков, юэчжей. Земледелием занимались в основном посаженные на землю рабы — эти и совсем происходили кто откуда...

Понятно, что свернуть все это отлаженное хозяйство и двинуться в засушливые места прежнего обитания, по соседству с чересчур могущественной империей — никому не хотелось...

Рассылая во все стороны посланцев, Чжан Цянь стремился составить полную картину западных стран — их границы, дороги, реки и переправы, язык народов, его

обычай и занятия, государственный строй, количество, вооружение и боеспособность армии, связи (мирные и немирные) с другими государствами.

И он эту задачу выполнил. Когда посольство возвратилось в Чанъань, сообщение Чжан Цяня произвело на современников неизгладимое впечатление. Если результатом первого путешествия было только открытие стран Запада, то теперь он привез достоверные и доскональные знания. У него были даже сведения о самых дальних землях — о Месопотамии, Сирии и о Западном море.

Теперь можно было начинать торговать...

Азиатский Колумб

Имя Чжан Цяня неизвестно широкой публике. О нем мало пишут. А между тем он достоин занять место рядом с величайшими первооткрывателями, такими, как Колумб, Магеллан, Васко да Гама. Он был первым, кто соединил систему торговых артерий Китая с торговыми артериями Запада. В результате возникла новая, межконтинентальная трасса — Великий шелковый путь. И путь этот, действовавший полторы тысячи лет, сыграл огромную роль в сближении двух континентов, во взаимном культурном обогащении многих европейских и азиатский народов. Чжан Цянь первым завез на свою родину виноград и люцерну, а спустя два — три десятилетия они распространились по всему Китаю.

Великий китайский историк Сыма Цянь писал: «Таким образом, Китай открыл сношения с государствами, лежащими от него на северо-западе. Этот путь в Западный край первым открыл Чжан Цянь. Все последующие посольства, бывшие на западе, говорили, что князь Чжан Цянь своею прямою сумел приобрести расположение иностранных дворов и иностранцы доверяли ему...».

Историк Бань Гу (I в. н.э.), брат великого китайского полководца Бань Чао пишет: «Чжан Цянь побывал лично в Давани, у Больших юэчжей, в Дася, у Канцзюй, и, кроме того, из рассказов узнал, что около них имеется еще пять или шесть государств».

И тот же Сыма Цянь с грустью говорит, что последующие ханьские дипломаты не сумели сберечь добрые традиции, заложенные Чжан Цянем, и вскоре мнение иноземцев о Поднебесной изменилось к худшему.

Характеристику Чжан Цяню древние историки дают такую: «Чжан Цянь был человеком непреклонным, великодушным, обладал телесною силою, был щедр» (Бань Гу, Сыма Цянь).

Поражает, восхищает и чисто человеческий подвиг великого путешественника. Мало кому выпало столько невзгод, трудностей, тяжелых физических и моральных испытаний, какие выпали на его долю во время тринадцатилетних скитаний и гуннского плена. Но несмотря ни на что, он выполнил возложенное на него поручение — достиг Больших юэчжей и вернулся назад. Так доблестный воин, что бы не случилось, сохраняет свое оружие, свое знамя.

Умер Чжан Цянь около 111 г. до н.э.¹ Его похоронили со всевозможными почестями, соорудили гробницу...

Какой-то прохожий посадил у могилы виноградную лозу. Через несколько лет над гробницей разрослась густая тенистая беседка.

А в далекой стране Усунь, в городе Чигу на берегу Теплого озера могучий правитель Лецзяоми, узнав о смерти своего гостя и друга, «много плакал и велел справить тризну по степному обычаю»...

¹ Даты смерти называются самые различные — от 114 до 104 г. до н.э.

Невеста Кунбага

Усуньские владыки вознеслись так высоко, что породнились даже с китайским императором. Ханьские принцессы не раз становились женами кунбагов и жили в Чигучэне на берегу озера Иссык-Куль. Расскажем о судьбе одной из них.

В 105 г. до н. э. в Хань прибыло очередное посольство от усуней. Удивило хозяев не само это событие. Удивило другое — слишком богатые дары, в том числе 1000 замечательных коней. Но когда узнали, что послы-то в сущности являются сватами, удивляться перестали: сговорные подарки за принцессу из дома Хань и должны быть такими!

Известно, что императоры всех эпох с величайшей неохотой соглашались на брачные союзы своих принцесс с варварами. Не одному иноземному принцу было отказано, а дары возвращались назад.

Однако в данном случае приходилось крепко подумать. Разве есть иной выход? Теперь не времена легендарного Шуня или Чэн Тана, кочевники напирают, хунны ушли на север — надолго ли?

А усунь — сильнейший союз племен. Они никого не боятся. Войско, которое они могут выставить, — 188000 человек. Сила! И самое главное: через земли усуней как раз проходит торговый путь на Запад. Откажи — и то, на что была потрачена вся жизнь, ради чего положено столько трудов и средств, — все может пойти прахом.

Император просто и не знал, на что решиться. И тут хитрый советник Челин подсказал: почему бы не отдать этому варвару в жены не любимую дочь или милую внучку, а восьмьюродную племянницу? Или сорок четвертую правнучку, родившуюся от семнадцатого внука? Они хоть и «небесной» крови, однако мало радости приносят Великому Сердцу. Да и побочных принцесс (как и принцев) так много, что потерю одной из них просто трудно

заметить. Кроме того, разве Великий Государь не жертвует ежедневно, ежечасно, ежеминутно и ежесекундно своей драгоценной жизнью и здоровьем ради процветания страны?... Пора и другим...

Выбор остановили на Цветке Лотоса — не без участия все того же Челина.

Вот уже два года, как она заневестилась и закалывает прическу. Однако ни один жених не посватался до сих пор — и это несмотря на «небесную» кровь и то, что Цветок Лотоса очень хороша собой. Слишком своенравна! И к тому же сочиняет стихи, в которых едко высмеивает поклонников. А однажды позволила себе сочинить песенку, в которой содержался намек... Конечно, можно истолковать так и этак. И все-таки: страшно даже предположить... Вот и пусть отправляется к варвару! Это, пожалуй, единственно полезное для Дома и Государства, что она может сделать!

...Принцесса плакала навзрыд. Придворные дамы впервые видели ее в таком состоянии, злорадствовали и завистливо вздыхали одновременно. Красиво плачет! Ведь она — в пику всем — никогда не употребляла косметику. Попробуй заплакать любая из них: тотчас по щекам поползут мутные слезы, оставляя безобразные дорожки среди румян и белил. А у этой — словно хрустальные капельки росы на лепестках... Недаром ее имя — Цветок Лотоса... В конце концов она была вынуждена согласиться. Лишь одно условие поставила, прежде чем уехать: она желала совершить обряд «Обметания могил» на гробнице Чжан Цяня, давшего ей имя.

Просьба была уважена.

Принцесса все сделала, как требовал обычай предков, а на прощанье сказала:

— О, мой названный отец! Зачем ездил ты на запад! Зачем поведал нам о диких усунях?...

И вот счастливые усуньские послы тронулись в обратный путь. С ними ехала и невеста: с приданым, с кучей

прислужниц, с казначеем Люй Шу — старым соратником незабвенного Чжан Цяня, опытным путешественником, знатоком тех мест.

Поезд невесты кочевники встретили за двадцать ли от ставки — признак величайшего уважения.

Надвигался сизый, прекрасный, но все равно какой-то нелепый «инородческий» вечер. Рыжебородые сановники, увешанные золотыми бляхами, сошли с чудных коней-лебедей и преклонили колени. Вслед за ними несметное (как показалось принцессе) войско мгновенно спешилось и последовало примеру своих вождей. Принцесса в откинутом паланкине встала во весь свой маленький рост. Грудь ее бурно вздымалась, взгляд возбужденно пробежал по бесчисленным склоненным головам, по неисчислимому морю фыркающих коней-лебедей... Неужели она — повелительница этой окраинной империи? Пусть бы сейчас увидел эту картину весь императорский двор, все эти завистливые придворные дамы...

Самый дородный и почтенный из сановников поднялся на кривых ногах и произнес густым басом:

— О, Небесная верблюдица! Повелитель ждет тебя у своего костра. Но если ты устала, то для ночлега раскинут шатер.

Преданный Люй Шу перевел:

— О, небожительница! Дай отдых утомленному телу под сенью шатра, который уже готов для тебя!

— Да! — сказала Цветок Лотоса. Люй Шу перевел ответ принцессы:

— Я жажду увидеть повелителя. Но скромность девы не позволяет торопиться.

Усуни были в восторге: она знает степные обычаи! Правда, подивились краткому ответу и длинному переводу.

В паланкине ее поднесли к высокому холму. Но это был не холм — гигантский шатер, как бы «облицованный» снаружи мехами пятнистых зверей — снежных барсов...

Парадный вход прикрыли три шкуры туранских тигров с оскаленными усатыми мордами. По бокам входа, замерев, как изваяния, уже стояли два богатыря из ее личной охраны...

Чуть свет служанки разбудили ее. Они ведь не знали, что принцесса всю ночь не сомкнула глаз и забылась лишь под утро. Утро в горах всегда свежее, даже летом. Принцесса, зябко кутаясь, ступила на зеленый войлок травы и сразу же замочила ножки: как холодна роса! Но ее уже подхватили в паланкин.

Путь продолжался совсем недолго. Яркое солнце не успело еще припечь по-настоящему, как Люй Шу подъехал к паланкину:

— Нежный Цветок Лотоса! Сейчас будет столица...

Они как раз поднялись на холм, и взору принцессы открылось...

...В глубокой, ровной, как стол, котловине на левом берегу реки, впадавшей в Теплое озеро, раскинулась главная ставка усуньского владетеля — город Чигу (Чигучэн).

С северной стороны за рекой вздымались могучие горы, с юга котловину ограждали увалы. Город был защищен высокой глинобитной стеной. Вторая стена — внутренняя — охватывала саму ставку. На западе блестела под утренним солнцем спокойная гладь озера и терялась где-то вдали.

За стеной было разбросано множество серых кубиков, отдаленно напоминающих крестьянские хижины — такие принцесса видела, когда двор совершал переезды из Чанъани в Лоян. Но больше всего темнело круглых шатров, между ними суетились крошечные людские фигурки, проносились игрушечные всадники. Отовсюду поднимались дымки, там варили, жарили — готовились к празднеству.

Обширная полоса между стенами, а также вся восточная часть города были незастроены и походили на огромный загон для скота. Все это просматривалось довольно ясно.

Нежный Цветок Лотоса

У городских ворот кортеж невесты опять встретили старейшины. С ними на этот раз было десятка два женщин — видно, придворных дам. С точки зрения принцессы одежда их была по-варварски вульгарной, крикливо-роскошной. Они тотчас взяли высокую гостью и ее слуганок под свою опеку.

Вблизи Чигу еще меньше напоминал город, смешно даже сравнивать его с Чанъанью. Вместо улиц проторенные среди густой невысокой травы дорожки: тысячи конских копыт и подошв пешеходов потрудились для этого. Видны были также глубокие колеи от повозок: в некоторых стояли желтые лужи.

Ближе к берегу располагалось нечто вроде городского квартала. Сотни две глиняных мазанок с тростниковыми крышами в окружении маленьких огородиков и еще более крошечных садов — с точки зрения принцессы, выросшей среди огромных императорских парков Чанъани. Было еще десятка два — три деревянных срубов. И все. Остальную площадь занимали войлочные круглые хижины, в которых большими семьями обитали хозяева этих мест. Между ними с гиканьем носились босоногие чумазы и белобрысые мальчишки.

Верховный усуньский правитель назывался именем, которое для китайского уха звучало как Лецзяоми. Носил титул кунбаг. Это был рослый могучий старик с рыжепегой от седины окладистой бородой и голубыми глазами. Весь вид его источал добродушие. Но принцесса понимала: это обман. Ужасные кочевники не могут быть добрыми. Ее неудержимо влекло снова и снова поглядеть на степного вождя. И она это делала украдкой.

В день бракосочетания город был переполнен народом. А когда пришла ночь, в честь высоких брачующихся тысячи огненных птиц взвились в небо. Знаменитые усуньские воители, обмотав наконечники стрел горячей паклей, пускали их в звездную темень одну за другой. Великолепное

зрелище! Такого принцесса не видела даже в Чанъани. Казалось, звездный дождь вдруг изменил вселенским законам и вместо того, чтобы падать, сначала вознесся вверх сверкающим рассыпающимся каскадом — от грешной земли к чертогам небожителей, дабы возвестить им о великом празднике соединения Запада с Востоком!

Хорошо, что стрелы летели наискось и падали на пустырь за городскую стену. Иначе в эту ночь Чингучэн с его камышовыми крышами и войлочными хижинами сгорел бы дотла.

Не будем описывать торжественность свадебного обряда. Скажем только: сам кунбаг надел на шею невесты, по ханьскому обычаю одетой в красные одежды — цвет радости, нитку чудесных бус.

Но в глазах ее таилась печаль.

Жестокое разочарование постигло принцессу. Честолюбивым надеждам ее не суждено было сбыться. Она представляла будущего мужа старым вдовцом, невымытым, неухоженным, как все кочевники. И уже заранее готовилась принести себя в жертву, чтобы согреть его неуютную старость. А заодно и править страной, как императрица Гаоху, вдова Гао-цзу, основателя ханьской династии. Ибо разве допустима сама мысль, чтобы дряхлый муж не выполнял прихотей юной красавицы-жены?

Действительность оказалась совершенно иной.

Во-первых, гуньмо (так китаянка произносила титул кунбага) хоть и был стар, но вовсе не дряхл. Правда, беспощадный пахарь — Время — прошелся плугом по его лицу, оставив глубокие борозды. Но его странно голубые глаза под кустистыми бровями смотрели пронзительно-ясно и были без всяких признаков мутной старческой влаги. А когда во время пира он сбросил меховую куртку и рубаху, оставшись в одной безрукавке, принцесса невольно подивилась виду его мышц: мощные, крепкие, словно налитые руки, казалось, принадлежали совсем другому

человеку. Такие руки она видела у борцов, выступавших в старом дворце Афан, построенном еще императором Цинь Ши Хуанди.

Удивительный человек: старость и молодость уживались здесь в одном сосуде.

Но с такими разочарованиями женщины легко справляются. Беда в другом. У гуньмо уже была жена — грузная, дородная бабища (хоть и молодая), дочь могущественного повелителя гуннов. И эта жена считалась старшей. Значит, Цветку Лотоса уготована роль второй жены, ничего не значащей сладкой игрушки.

У владыки за его долгую жизнь, оказывается, перебыло много жен. От них он имел целый выводок сыновей и внуков. Два старших сына считались младшими кунбагами: каждый управлял третью народа. В таких условиях о власти, о влиянии на Орду и говорить не приходилось.

Несколько месяцев принцесса была сама не своя. Все, что она видела, слышала, осязала, вызывало в ней раздражение. Грубый говор и пронзительные крики пастухов, вечное бляение овец, такое бессмысленное. Эти конские табуны в тысячи голов: когда они мчались с развевающимися гривами по долине, содрогалась земля. Вместо тенистых парков Чанъани — голая степь, окруженная стеной гор, закрывающих горизонт. Вместо дворцов — глинобитные домишки бедных земледельцев и убогие садики, где росли урюк, алыча, орехи и еще какие-то фруктовые деревья, неведомые ей. И войлочные, войлочные, войлочные хижины...

Выросшая в императорских покоях, среди изящных безделушек, в прекрасно убранных комнатах, наполненных ароматом драгоценных курений, — она жила теперь в огромном шатре, поставленном специально для нее. Спала за пологом, на груде верблюжьих одеял. Любимые служанки, взятые из Чанъани, как могли украсили ложе, задрапировали грубые войлочные едко пахнущие овчиной

стены шелковыми материями с вытканными драконами, окурили ароматическим дымом...

А что приходилось переваривать ее нежному желудку? Изысканные дворцовые блюда заменило вареное или жареное на костре мясо и кобылье молоко. Этими жалкими яствами, пригодными лишь для мужланов, настойчиво угощал добродушный (как она убедилась) и недалекий (как она думала) старик-муж!

Правда, он был по-своему любезен и даже подарил ей целый короб драгоценного мускуса. Напрасно! Принцесса впала в жесточайшую депрессию. Все здесь было не по ней. Это — другой образ жизни. Ей казалось, что она попала во владения князя ада Яньло.

И единственной отдушиной — чтобы не задохнуться — стали поэтические упражнения. Бамбуковым дощечкам изливала она боль души. И тщательно прятала их в драгоценную нефритовую шкатулку, хотя ни один кочевник, в том числе и гуньмо, иероглифы читать не умел...

Стихи ее дошли до нас...

ТОРГОВАЯ ВОЙНА

Несговорчивые ферганцы

В 105 г. до н. э. через усуньскую столицу проследовало ханьское посольство во главе с сановником Челином. Тем самым, который присоветовал императору выдать замуж Цветок Лотоса. Гневная принцесса даже не вышла к своим землякам.

Челин направлялся в Давань для покупки «небесных» коней.

С этого все и началось. Даваньский правитель Мугуа сначала благосклонно отнесся к просьбе посла. Но тут встали на дыбы его советники — богатейшие и знатнейшие люди государства.

— Не продадим! — решили они. — Коням нашим цены нет, а посол хочет расплатиться только шелками.

— Хань — могущественная держава, — заметил Мугуа.

— Ханьцы далеко, — возражали советники. — Что они нам сделают?

Мугуа тоже ничего не мог с ними сделать — ведь конские табуны принадлежали им.

И послу отказали.

Челин не обладал дипломатическим тактом Чжан Цяня. В раздражении он наговорил грубостей и даже, уходя, толкнул в знак презрения статую Золотого Коня — религиозную святыню даваньцев, стоявшую в тронном зале.

Это было уже прямое оскорбление.

По законам гостеприимства посла отпустили целым и невредимым до самой границы. И только там убили, забрав его имущество для возмещения морального ущерба.

Первый поход

Узнав об этом, император У-ди направил в Давань шеститысячный отряд во главе со знаменитым полководцем Ли Гуанли.

Войско шло тем же путем, который проложил Чжан Цянь. Но теперь жители городов Восточного Туркестана встретили захватчиков во всеоружии. Чтобы добыть провиант, приходилось брать эти города штурмом. Потери были значительными. И когда остатки ханьских войск добрались до границ Давани, опытный Ли Гуанли понял — надо поворачивать назад. Это был конфуз великой империи. Крах... Кто будет бояться Хань, если Давань не боится?

Могущественный Сын Неба не мог стерпеть поражения. Он мобилизовал все силы империи. На этот раз Ли Гуанли получил 60 000 солдат. Огромный обоз из 100 000 быков, 30 000 лошадей и 100 000 ослов, лошаков и верблюдов сопровождал доблестную армию. Для безопасности прохождения к даваньским границам выделили еще 18 000 человек. В самой войске были даже специальные мастера для отвода воды от вражеской столицы Эрши (город Эрши — Урешта — находился близ современного г. Ош на юге Кыргызстана).

Второй поход

Несметная сила шла на древнюю Фергану. Мало того! Китайский полководец потребовал от усуней, согласно договора, выставить союзную армию. Ведь ему было известно, что кунбаг в состоянии посадить в седло 188 000 воинов.

Кунбаг согласился. И послал 2 000 человек.

...Горными тропами, окольными путями в Чигу пробрался небольшой караван — два десятка всадников и десяток верблюдов с тюками. Оказалось — послы даваньского царя Мугуа с богатыми дарами. Они сказали:

— О великий Кунбаг! Много лет мы живем в дружбе. Мы покупали у тебя баранов, ты покупал у нас пшеницу, ячмень и всякие плоды земные. Всем было хорошо. Зачем идешь на нас? Чем обидели?

Кунбаг Лецзяоми ответил:

— Дружба наша нарушена. Я зять императора. Я послал две тысячи. А мог послать в шесть десятков раз больше. Но и этим приказано не вступать с вами в бой.

— Но все-таки послал!

— Для вида. Ханьский главный начальник потребовал. В силу договора. Договор я нарушить не могу. Но говорю вам: ни одна стрела не полетит в вашу сторону, ни один меч не прольет вашу кровь. А при случае, ведь на войне все бывает, эти 2000 могут стать вашей последней опорой...

Давань в огне

Послы уехали удовлетворенные. Между тем Ли Гуанли вступил в Давань. Запылали городки и усадьбы. По каналам поплыли трупы.

В ответ поднялась вся страна. Многие бежали в Эрши — столицу. И когда ханьская армия подошла к ней, там уже были готовы к встрече. Кроме того, Мугуа послал за помощью к своему союзнику, правителю государства Кангюй (Древний Хорезм). Помощи ждали со дня на день.

Ли Гуанли начал правильную осаду. Специалисты отвели воду от Эрши. Затем в течение сорокадневных боев была разрушена внешняя оборонительная стена.

Мужественный Мугуа приказал отступить во внутренний город: он решил вести борьбу до конца. И простой народ его поддержал.

«Лучшие» люди Давани, т. е. крупные землевладельцы, купцы-богачи, сначала были исполнены воинственного патриотизма. Но когда войско Ли Гуанли вытоптало их поля, разграбило их глиняные замки, настроение «первых»

людей резко изменилось. Они уже больше не восхищались мужеством царя и героизмом народа.

— Что терять беднякам? Ведь у них никакого имущества, кроме жизней. Вот они и сражаются, глупцы. Мудрость же говорит: с сильным не борись, с богатым не судись...

— И царь наш с ними заодно.

— Из-за его упрямства и по злонравию безродных оборванцев мы теряем все: и сады, и виноградники, и пашни, и все нажитое отцами...

— Пусть царь заплатит головой за наши убытки!

Вокруг благородного Мугуа плелась паутина черной измены.

Как явствует из китайской хроники «Хоуханьшу», все старейшины каким-то образом вдруг в полном составе попали в плен. А, может быть, просто перебежали к врагу, чтобы договориться о мире?

И договорились: царя Мугуа подло зарезали, голову отправили китайскому полководцу.

Мир был заключен. Ли Гуанли получил несколько десятков «небесных» коней (тянь-ма) и 3000 жеребцов и кобыл более низкого качества. Забрав эти, с таким трудом добытые трофеи, третья часть ханьской армии (все, что от нее оставалось) тронулась в обратный путь.

Усуни тоже вернулись домой — в полном составе, так и не обнажив оружия.

Таковы оказались итоги войны. Разумеется, не знаменитые кони были ее истинной причиной. Ханьское правительство добивалось полного контроля над Шелковым путем. И этой цели оно достигло.

КАК СТРОИЛИ ДВОРЕЦ В ЧИГУ

Ко всему привыкает человек! Свыклась со своим положением и принцесса.

В Чигу был знаменитый рынок (примитивный с точки зрения жителя Чанъани). Здесь местные ремесленники продавали кочевникам зернотерки, грубо сделанную глиняную посуду, песты, молоты, наковальни, точила, серповидные ножи и даже мотыги — кое-кто из скотоводов пробовал обрабатывать землю. Торговля в основном была меновой. На рынок съезжались со всей округи.

Естественно, караваны, идущие из Китая на Запад и обратно, тоже делали привал в Чигу. За летний сезон проходило множество караванов. Караваны были столь многочисленны, что, как писал историк Сыма Цянь, «один не выпускал из виду другого». Ханьские купцы всю наладили торговлю с Западным краем — «Си юй». Местные скотоводы покупали шелк, готовые платья, изящные безделушки и украшения для своих женщин, а также ремесленные изделия (ножи, чаши, шкатулки и т. п.) — они были гораздо выше качеством, чем грубые изделия местных мастеров.

В обмен китайские купцы увозили шерсть, пушнину, шкуры, кожи, мускус — словом, продукты скотоводства и охоты, угоняли табуны лошадей.

До сих пор находят археологи на берегах Иссык-Куля, в Чуйской долине и на юге Кыргызстана китайские предметы тех времен. И в Китае также обнаружено множество вещей из Западного края.

Усуньские правители и родовые старейшины имели от торговли немалую выгоду. Караваны платили пошлину и оставляли дары. Поэтому дороги ревностно охранялись, и попытки грабежей решительно пресекались.

Когда караваны останавливались в Чигу, принцесса имела возможность частенько видеть любезных сердцу земляков. Это было тем более приятно, что купцы всегда привозили ей подарки из Чанъани — императорский двор не забывал ни самого правителя, ни его младшую жену.

Прошел год. Другой. Третий. Четвертый. Пятый. За это время в Чигучэне побывало ханское посольство. Гордая жена кунбага никогда не жаловалась землякам, но, несмотря на ее надменный вид, опытный взгляд дипломатов определял: несчастна.

Так было вначале. Впрочем, душевное состояние принцессы мало значило в большой политической игре.

Третье же посольство приятно удивилось: Цветок Лотоса вновь расцвела. Худые щечки ее округлились, глаза уже не походили на глаза раненой оленихи. Лицо ее загорело, ибо она частенько проводила время верхом, скакала не хуже прирожденной наездницы, и теперь мало напоминала знатную изнеженную даму из Чанъани.

Старый муж дал ей новое имя — Капризный Верблюжонок и, по-видимому, имя это ее уже ничуть не корбило.

Жила она теперь совсем не в шатре...

Но позвольте по-порядку.

Как-то ночью муж сказал:

— Хочешь, я построю для тебя дворец, как у даваньских владык?

— А ты можешь?

— Только скажи! — гуньмо сделал вид, что обиделся.

Принцесса от радости захлопала в ладоши. Муж предложил ей «прогуляться» вокруг Теплого озера в течение луны — пока не будет готов дворец.

В радостном предвкушении та отправилась в летнее путешествие. Воображение уже рисовало ей — по воспоминаниям — один из дворцов Чангяни, на худой конец — Лояни. Жизнь показалась ей прекрасной.

Вообще с некоторых пор принцессу покинула хандра. Она полюбила Теплое море. Какие на нем закаты! Морской залив тянулся к городу Чигу между горным хребтом с одной стороны и невысокими увалами — с другой. Солнце, прежде чем утонуть в волнах где-то на западе, окрашивало воды великолепным багрянцем. Тысячи уток, лебедей и других неведомых ей птиц то и дело садились и взлетали с водного зеркала, чуть подернутого поэтической рябью. Горы, облитые розовым, казалось, приобретали невесомость в закатной дымке...

А летним днем неправдоподобно-нежной голубизной светится чудо-озеро! Словно драгоценный лазурит в венце малахитовых гор. И, вообще, принцесса постепенно прозрела. Ее восхищали высокогорные долины с изумрудной травой, сумрачные таинственные ущелья, куда с горбатых откосов сбегают стройные высокие ели, шумящие горные реки с хрустальной ледяной водой... В этих речках водилось много вкусной рыбы. Скотоводы не употребляли в пищу скользских гадов с холодной кровью, зато принцесса разнообразила свой стол с большим удовольствием. В самом озере, в камышовых затонах по вечерам слышно было чавканье, хлюпанье... Сквозь прозрачную воду хорошо просматривались толстые тела длиной в три чи (чи = 32 см), лениво шевелящиеся хвосты и плавники.

И такое богатство почти никто не использовал. Величественные просторы Теплового моря весьма редко бороздили лодки. Рыболовством занимались только подневольные люди — самые, что ни на есть, бедняки.

В течение целого лунного месяца Капризный Верблюжонок в сопровождении свиты наслаждалась поездкой и в то же время с нетерпением ждала возвращения.

Тем временем в столице шла лихорадочная работа. Сам Люй Шу, начальник охраны принцессы, взялся выполнять роль зодчего. Рабам-строителям кунбаг сказал:

— Если угодите моей младшей жене, я устрою вам пир, где вы будете наслаждаться мясом и кумысом уже вольными людьми.

Пока принцесса купалась в священных водах Теплого моря, дворец рос не по дням, а по часам. Рабы-муравьи суетились, Люй Шу грозно покрикивал то на усуньском, то на непонятном для них языке, и дело двигалось.

В конце летнего купального сезона дворец был готов.

Пригласили принцессу.

Приехала. Поглядела. Гомерически захохотала. Потом истерически заплакала. Люй Шу спрятался на всякий случай. Рабы-строители толпой стояли в стороне.

Прибыл сам кунбаг. И восхитился.

— Ай, ай! — крутил он головой. — Пожалуй, не хуже, чем в Давани, а? Чего же ты плачешь?

Дворец представлял собой обширную китайскую сельскую усадьбу, окруженную высоким дувалом. Таких много в Хэнани. А что еще мог построить такой архитектор, как Люй Шу? Такая усадьба была пределом его мечтаний: у шикарных деревянных ворот башнеобразная будка для привратника. Дальше — вместительный, четырехугольный замкнутый двор с утрамбованным глиняным покрытием. По сторонам — хозяйственные постройки: амбар, кухня, высокая башня (видимо, на случай осады), туалетные комнаты. В конце двора большой жилой дом — «чудо искусства». Его двухскатная черепичная (а не какая-то камышовая!) крыша пускала под августовским солнцем такие же рыжие зайчики, как и борода самого гуньмо.

Когда же повелитель спешил и вошел внутрь, то и вовсе разинул рот.

Центральная комната — зал — могла вместить добрую сотню пирующих. Две могучие деревянные колонны

из тьянь-шаньской ели подпирали высокие своды. Покоились они на каменных пятиугольных базах неправильной формы. Пол, обмазанный глиной с навозом, глянцево блестел. В зал выходили дверные проемы десятка комнат. В комнате, предназначенной служить спальней принцессы, на столике лежали даже таблички с древними песнями «Ши-цзин», стопка шелка для письма волосяной кистью, сама кисть и яшмовый сосудик с тушью из сосновой сажи. Хочешь — пиши стихи...

— Пожалуй, я тоже переселюсь сюда, — сказал кунбаг, поглаживая бороду. — Выдели и мне уголок, а?

Кунбаг выполнил обещание: ликующие рабы, дружно потрясая инструментом, уселись прямо во дворе, где им был задан сытный обед — пир. А впереди — свобода. Люй Шу наградили особо — «небесным конем» — аргамаком, которому нет цены. Принцесса, увидев спальню, умилилась. И одарила зодчего подарком — белозубой улыбкой. Для старого Люй Шу улыбка владетельной красавицы, конечно, не аргамак, но тоже кое-что...

...Усадьба располагалась на самом берегу озера. С тех пор местом для уединения принцесса избрала свою башню. Отсюда просматривались весь залив и полоса берега, где женщины стирали белье... С некоторых пор принцесса стала ревновать повелителя к его старшей жене.

— Почему ты не прогонишь ее? — кричала принцесса. — Пусть убирается в свои хуннские степи.

— А она требует, чтобы ты убралась в Чаньянь.

— Выбирай: я или она.

— Зачем выбирать? — Кунбаг отрезал кусок конины, стал жевать крепкими белыми зубами. — Она сама по себе, ты — сама... У каждой из вас — свои жилища. И уж тебе не пристало возмущаться: дни я провожу около тебя, ночи — тоже здесь... Чего только не пожелаешь — все для тебя делают... А ведь она — старшая жена...

Принцесса немедленно применила самое древнее женское оружие — слезы.

— Зачем плакать? — Кунбаг вытер жирные пальцы полой халата и лишь потом стал гладить жену по голове. — Ты — умная девочка, должна понять: вы не просто жены, вы — залог мира между нашими народами. Пока вы обе здесь, мечи отдыхают в ножнах и люди могут спокойно пасти свой скот...

ДИКИЙ ОБЫЧАЙ

Кунбаг захворал. Младшая жена со слезами на глазах суе-тилась около него. Но ее скоро отгеснила толстая, могучая дочь степей. Старика перенесли в Большой шатер.

— Эх-хэ... — кряхтел гуньмо. Над старым волком и со-бака смеется... Что делать? Смерть — незванный гость каждого...

Больной велел хуннуске уйти. По его приказу вновь позвали китаянку.

— Скоро умру, — сказал ей гуньмо.

— Я тоже. Не говорил ли ты: хвост повсюду идет за конем.

— Не годится молодости уходить вместе со старостью.

Старикам — поминки, молодым — свадьбы...

— Какие свадьбы? — насторожилась принцесса.

— Я совсем одряхлел, — сказал гуньмо. — И чресла мои больше не нуждаются ни в молодых, ни в старых женах.

Усмешка мелькнула в глазах принцессы: разве это но-вость для нее?

— Мне скоро помирать, — продолжал гуньмо, почесы-ваясь. — Великое Небо заберет меня к себе.

Он покряхтел немного, устраиваясь поудобнее.

— Все эти годы я оказывал тебе великое уважение, достойное твоей знатной крови. Мы ценим дружбу Фугфура (императора). Поэтому приняли решение...

Старик начал опять почесываться и кряхтеть. Видно, даже повелителю не всегда удобно произносить некоторые слова.

**Кунбаг обратился за помощью к очередному
китайскому посольству, как раз находившемуся
в столице**

— Ты уже знаешь наши обычаи: если умирает отец, сын женится на мачехе...

Принцесса наконец-то догадалась.

— Нет! Нет! — закричала она.

— Успокойся. У моих сыновей чересчур много жен. А я люблю тебя и желаю добра. У меня есть холостой внук — Наследник...

Принцесса сразу вспомнила этого Наследника. Они редко виделись, но каждый раз Цветок Лотоса ловила на себе его сумрачный, напряженный взгляд. Он ее пугал...

Внук был действительно холост, но это не значит, что у него не было для утехи рабынь. Однажды она стала свидетельницей, как этот степной богатырь, сидя на коне, со всего размаха ударил плетью рабыню, та свалилась замертво.

Воспитанная в неге, в изысканных манерах, принцесса никогда не видела, как бьют людей плетью. А если бы ее вот так?... Она содрогнулась тогда. Помесью волка и лисицы — вот кем был этот самый Наследник!

— Нет! Нет! — вновь закричала она. — Ведь ты жив? Я не хочу!

— Думай, как будто меня нет. И не забудь: мой внук молод, твой ровесник. Он будет Верховным правителем. Я сказал — ты слышала. А теперь иди: я устал и хочу вздремнуть.

Старый тигр ошибся. «Я сказал — ты слышала» — эта категорическая формула для принцессы «небесной крови» оказалась недостаточной. Она в такой же категорической форме отказалась выйти за молодого Гюнццойми, хотя он и носил титул Сэньцзу — Наследника.

Кунбаг недоумевал:

— Ты маялась со мной, старым. А теперь не хочешь молодого.

— Разве я маялась? Кто тебе сказал?

— Зачем говорить? Если конь питается степной травой, а рядом даваньская люцерна, даже барану ясно, что лучше

для коня. Твое упрямство пройдет, как весенний дождик над озером. Потом сама рада будешь.

Принцесса убежала в свою башню и там предалась горестным слезам. Перебирала в памяти все эти годы. Сначала боялась его. Потом стала привыкать. Потом привязалась. Когда усуньская речь стала ей хорошо понятна, принцесса любила слушать добродушные байки повелителя, полные соленого, но меткого юмора — а юмор она ценить умела.

Муж ее не был так уж нежен и ласков, как представлялось ей в тайных девичьих грезах. И все же она вполне довольна: другого ей не надо! Ах, Лецзяоми, Лецзяоми, бесчувственный степной баран! Глупый, недалекий...

Нет, если муж умрет, она уедет назад, в Чанъань. Вытерев слезы, она взяла лютню — цин и стала наигрывать знаменитую мелодию «Думы о возвращении». По легенде, эту пьесу исполняла возлюбленная вэйского князя Чжоу. После его смерти она не желала остаться у нового господина и покончила с собой.

А не сделать ли и ей так же?... Принцесса плакала, вздыхала и маялась до зари, пока на чуть светлеющем небе не загорелась Тайбо — Утренняя звезда, которую усунь ласково называли Чолпон...

...Принцесса ошибалась, считая, мужа только добродушным и недалеким. У кунбага были железная хватка и точный расчет. В этом не раз убеждались его враги. Ведь именно Лецзяоми покончил с вековой зависимостью от гуннов и нанес им поражение еще до китайских побед. И теперь кунбаг не мог допустить, чтобы после его смерти китаянка отъехала на родину и тем самым подвергла испытанию установившиеся добрые отношения с империей.

Кунбаг обратился за помощью к очередному китайскому посольству, как раз находившемуся в столице. При посольстве — к счастью! — оказалось несколько мудрецов,

знавших наизусть все конфуцианские книги: «Пятикнижие» — «У-цзин» и «Четверокнижие» — «Сы-шу».

Сцепив пальцы с полуторавершковыми ногтями, мудрецы доказывали неразумной девчонке, что, уступив требованиям мужа теперешнего, она не нарушит принципов добродетели и целомудрия, как трактует их Кун Цзы. Послушание — главная добродетель, тем более во имя мужа будущего. Кроме того, нельзя ставить под удар союз с таким могущественным народом — и это очень важно!

Но принцесса отказывалась понимать высокую политику. Напрасно и молодой Гюнцзойми скакал на аргамаче перед дворцом. Принцесса видеть его не хотела. И у Наследника накапливалась обида. Отказать ему, когда даже дед согласился? Ну, погоди, станешь женой — посмотрим.

Кунбаг Лецзяоми умер. Его похоронили в нескольких ли от Чигу. Похоронили как великого вождя, как героя. Чуть не весь усуньский народ следовал за похоронными носилками. Взрослые мужчины, бывалые воины громко плакали, царапали себе лица до крови. Что же говорить о женщинах? Пронзительные горестные вопли их распугали все живое на много ли вокруг!

Принцесса тоже рыдала. Кончилось ее призрачное с привкусом горечи счастье. Что ожидает впереди?

Кунбага, одетого в роскошные одежды, со множеством золотых украшений опустили в глубокую могилу. Рядом положили оружие, кувшины с напитками и миски с едой. В ногах — любимого коня, чтобы мог он ездить и в потустороннем мире, как подобает мужчине. И еще — раба с рабыней, убитых по такому случаю.

Цветок Лотоса попросила положить рядом с мужем свою драгоценную нефритовую шкатулку: пусть не забывает о ней в загробном мире.

Над могилой соорудили громадный курган. Для этого несколько десятков тысяч воинов трудились много дней,

таскали землю в кожаных ведрах и даже в шапках, привозили множество речных камней с далеких рек и бревна горных елей. (Этот курган можно видеть и теперь, в Тонской долине вместе с курганами других усуньских владык...)

По обычаю Наследник Гюнцюйми взял за себя обеих дедовых жен — хуннуску и китайнку. Хуннуска, естественно, осталась старшей женой, а через год родила сына — наследника Ними.

Цветок Лотоса быстро завяла и через полгода умерла. Но чего только не сделаешь ради выгодной торговли? Цветок Лотоса умерла, но союз с Китаем продолжался. Ради укрепления этого союза дом Хань прислал другую принцессу.

Пришло время — умер и Гюнцюйми. Престол до совершеннолетия маленького Ними занял двоюродный брат Гюнцюйми по имени Унгюйми. Этот владетель тоже был связан брачными узами с династией Хань. Империя берегла союзников, охранявших Шелковый путь.

В 71 г. до н. э. Унгюйми предпринял поход (по соглашению с китайцами) на гуннов и увел большую добычу: 40000 пленных и 70000 голов скота.

Политика дома Хань давала плоды... Шелковый путь исправно функционировал...

ШЕСТНАДЦАТЬ ВЕКОВ

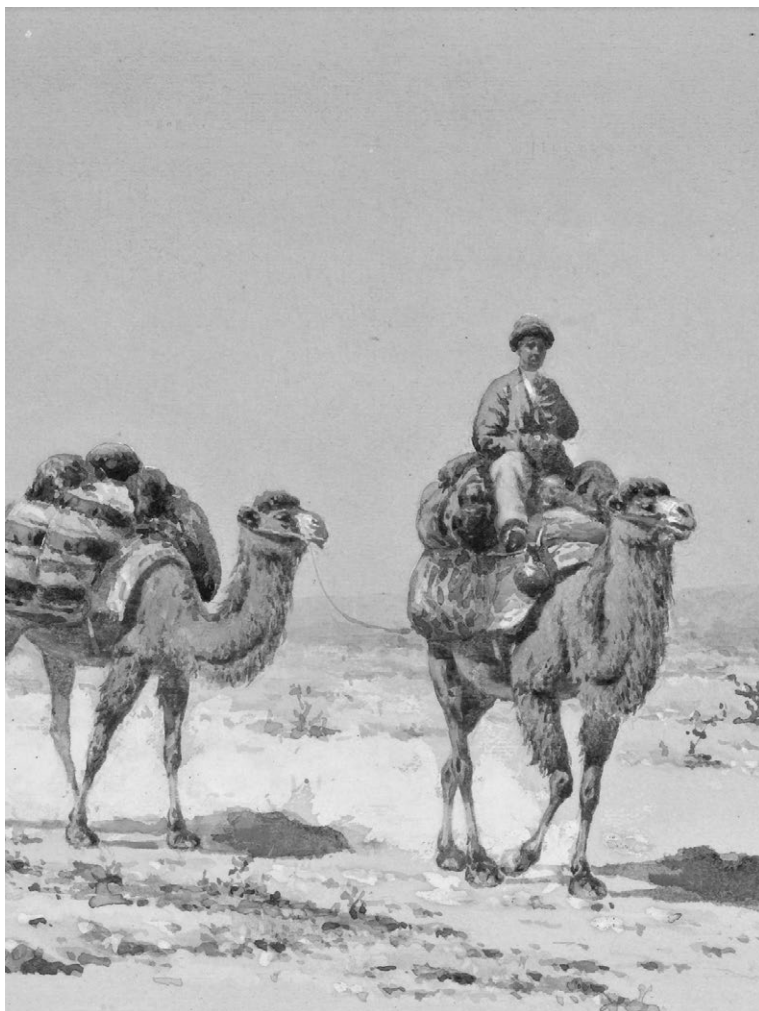
Гимн Великому Шелковому пути

Уже в ближайшие десятилетия после смерти Чжан Цяня его план «10 000 ли» начал приносить результаты. Давань и Усунь вошли в сферу китайского влияния. Торговые коммуникации, раньше разрозненные и оторванные друг от друга, теперь слились. Торговые караваны из Китая начинали свой путь от Чанъани и шли к Дуньхуа — городу на границе, у Великой стены. Отсюда расходились уже два пути: северный и южный. Южная ветвь шла через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. Северная — через Турфан, Кашгар, проходила по территории Кыргызстана, т. е. страны Усунь. Здесь она опять-таки разделялась еще на две ветви — вдоль северного и южного берегов Иссык-Куля.

Далее — Фергана (Давань), Самарканд... В Мерве (Туркменистан) обе ветви соединялись. А за Мервским оазисом тянулись дороги в Парфию и Месопотамию. К берегам Средиземного моря или в Индию.

На этом громадном пространстве народы и племена сменяли друг друга: юэджи, усунь, тюрки, карлуки, тюркешы, арабы, монголы. Создавались и рассыпались могущественные державы: Кушанское царство, государство эфталитов, Тюркский каганат, Саманиды, Караханиды, империи потомков Чингисхана и Тимур-ленга...

А Великий шелковый путь продолжал действовать. От города к городу, от оазиса к оазису, от колодца к колодцу шли и шли караваны, пробирались паломники с посохами, торопились авантюристы всех мастей...

Этот Путь вносил Порядок, Содружество и Мир
во всеобщий хаос средневековья

Великий шелковый путь! За всю историю человечества не было равного ему по значению. Тысячу шестьсот лет он действовал с небольшими перерывами. Это — дружеский мост между Востоком и Западом, мирная рука, протянутая двумя половинами человечества друг другу.

Обмен товарами. Обмен культурами. Расширение зримых горизонтов. Познание прародин. И, как следствие — переделка удельно-ограниченного мировоззрения на вселенский лад. Взаимное обогащение — нет, не просто меркантильными товарами. Знаниями! Прогрессом!

Уже в древности Китай получил такие важные сельскохозяйственные культуры, как виноград, люцерну, фасоль, гранатовое дерево, грецкий орех, шафран. Везли в Срединное государство, также стекло, драгоценные камни, ковры, лекарства, косметику и «небесных коней».

Китайская бумага, компас, чай, шелк пришли в Европу с Востока. Не будем перечислять все осязаемые блага, которые принес Путь множеству народов.

По этому Пути прошли Гильом Рубрук, Плано Карпини, Марко Поло и множество безымянных...

Этот Путь вносил Порядок, Содружество и Мир во всеобщий хаос средневековья — по крайней мере, в тех местах, где он проходил. Азиатские владыки, степные вожди поняли в конце концов, что грабеж караванов — менее прибыльное дело, чем защита этих же караванов от разбойников. От кочевья к кочевью шли «корабли пустыни» — верблюды, покачивая тюками, и степные богатыри охраняли их от себе подобных.

Сколько историй разыгралось на Великом Пути за 1600 лет! Если бы можно было заглянуть в прошлое!..

Открытие морского пути в Индию Васко да Гамой положило конец этой странице в истории человечества. Но значение этой страницы мы ощущаем и по сей день: ведь сегодняшний мир есть продукт, следствие всех предыдущих эпох...

ПОСОЛЬСТВО ЗЕМАРХА

*Исторические
картинки из жизни
Западно-тюркского
каганата (568 год н. э.)*

ШПИОН ИМПЕРАТОРА

*Все смертны — и вечно лишь доброе имя
Того, кто был славен делами своими.*

Ю. Баласагуни, XI в.

В начале четвертого года царствования императора Юстина II (567 г.) в Византию прибыло посольство с далекого Востока, от правителя могущественного тюркского каганата. Состояло оно из согдийских купцов, а предводительствовал им знатный и богатый согдиец Маниах. Цель посольства заключалась в том, чтобы договориться о взаимовыгодной торговле и также о совместной борьбе против общего врага — персидского царя Хосрова, который этой торговле мешал.

Император Юстин отправил к повелителю степной империи ответное посольство во главе с Земархом. Вместе с ним возвращался и Маниах.

Посольство выступило из Константинополя в августе. Прямая дорога через Иран, Хорасан и Согд была наглухо перекрыта враждебными персидскими войсками. Поэтому путь послов был долог и труден. Он пролегал по землям множества племен, через седые ковыли Северного Причерноморья, низовья великой Волги, необъятные просторы Казахстана. Дорога отняла много сил и времени. Наконец, в начале лета следующего года посольский караван прибыл в Чуйскую долину. Заночевали в большом доме богатого согдийца, которого окружающие величали «дихкан». Дом больше походил на крепость: он был трехэтажным, со множеством узких комнат, полужилих коридоров, толстые его стены выполнены из сырцового кирпича. После изнуряющей

жары здесь было удивительно прохладно. И все же византиец, лежа на мягком ложе, всю ночь ворочался: донимали кошмары.

Рано поднявшись, он спустился по лесенке со второго этажа во двор. Утро было на диво хорошее. Воздух пропитан ароматами.

Земарх потянулся и широко зевнул. Это был крепкий высокий мужчина в расцвете сил. Несмотря на бессонную ночь, имел вид человека, которому все удается в этом мире. А разве не так? Он занимал далеко не последнюю ступень в иерархии византийских придворных чинов, был стратигом (военачальником) восточных городов, принадлежал к высшему сословию государства — сенаторам, владел обширными поместьями на своей родине в Киликии, удачно женился, враз обретя жену-красавицу, богатое приданое и влиятельного тестя. Одно было плохо — жена оказалась ревнивой и обладала властным характером. Но ведь и Земарху не занимать силы воли, энергии и предприимчивости. При дворе он умел подать ценный, ко времени, совет, а когда нужно, то и спрятаться в тень. Будучи ответственным за содержание и безопасность послов Тюркского каганата в столице мира, он за короткий срок научился сносно говорить по-согдийски, чем удивил не только завистливых соотечественников, но и самого посла, седобородого и до-родного согдийца Маниаха.

Нет, недаром Юстин II назначил его главой ответного посольства к могущественному владыке Сильзивулу. Далеко же занесла его судьба! Никогда еще нога ромея не ступала на столь отдаленные земли. Сам Александр Великий не добрался сюда.

Крепость-усадьба согдийца вольготно раскинулась на берегу маленькой речки с удивительно холодной водой. Всюду били хрустальные ключи. Двор и хозяйственные постройки стояли на искусственном возвышении; все это было окружено высокой стеной с узкими щелями — бойницами.

По верху стену украшали фигурные зубцы парапета, откуда можно было отбивать атаки нападающих. В стоячей воде широкого рва с подъемным мостом отражались привратные башни. Во дворе росли старые тутовые деревья, дававшие густую тень. За стеной они сливались в густую рощу. Кроме них, византиец заметил столетние абрикосовые стволы с темной лопнувшей корой, на которых зрели крупные сочные плоды.

Сзади послышалось вежливое покашливание. Земарх обернулся. К нему шел сам хозяин. Он был седебород и, как все богачи, толст, осанист. На нем новый халат желтого шелка, затканного большими кругами с диковинными птицами в середине, на ногах — щегольские сапожки из зеленого сафьяна. У хозяина и сегодня продолжается торжество: отдает замуж младшую дочь. И гостя приглашают к столу, Земарх в знак согласия наклонил голову.

Император, отправляя посольство, повелел собирать всевозможные сведения о тех далеких странах: о быте, обычаях, нравах, чтобы знать, с кем имеешь дело. Особое внимание следовало обратить на вооружение и организацию войска, на государственную структуру. И еще — на религию, которую исповедуют варвары.

В свите посла для этого было три ученых-нотария. Вопросами религии занимался отец Варсонофий, из монахов. Это был сухонький старичок с реденькой козлиной бородкой, проворный, как мышь. Маленькие глазки его с красными веками без ресниц шмыгали во все стороны, однако видели хорошо. Иногда в них загорался недобрый огонек непримиримого фанатика. Варсонофия отрядил сам константинопольский патриарх, из чего Земарх сделал вывод, что монах — патриаршее око при посольстве.

Сенатор поморщился. Ох, уж эти соглядатаи! Вся жизнь любого подданного империи, от жалкого поденщика и до сенатора, опутана сетью шпионажа и доносов. Шагу нельзя ступить, чтобы об этом тотчас не стало известно.

²⁵ Том XIII. В. М. Плоских

Вот и второй нотариий, евнух Исидор Мела, наверняка шпион самого императора: ведь его включил в состав свиты префект претории, главный шпион империи. Земарх с неприязнью представил жирного писца с женоподобным одутловатым лицом. Говорят, знаменитая вавилонская царица Семирамида придумала делать нежных отроков евнухами. Ну, если этот и был когда-то нежным отроком, то это время давным-давно миновало.

Лоснящаяся кожа с дряблыми отвисшими щеками, тройной подбородок, вечно жирные губы. Чревоугодник. Земарх как-то проверил его записи. Оказалось, толстяк Исидор интересовался в основном гастрономической стороной жизни народов. Его писания наполнены отчетами о том, что пьют-едят гунны, эфталиты, иранцы, тюрки. По дошедшим слухам (а у Земарха в собственном посольстве тоже были свои шпионы), Исидор Мела лелеял заветную мечту написать поваренную книгу, где собраны были бы рецепты блюд всех народов мира, и тем самым прославиться в веках.

Слава богу, хоть третий писец — человек надежный. Молодой, почти юноша, но весьма прилежный, с удивительно четким и красивым почерком. Зовут его, кажется, Сальвием. Или нет, Амосом... Уж этот-то не может быть чьим-нибудь шпионом, поскольку посол взял его с собой по просьбе собственной жены. Какой-то ее дальний бедный родственник, мечтающий сделать карьеру. Его записи стратег тоже читал. В отличие от стариков-нотариев, юный Амос живо интересовался брачными отношениями у варваров и тщательно заносил все сведения по этому вопросу. Посол усмехнулся. Пусть себе пишет. Зато все три писца дадут полную картину варварских нравов, а это, пожалуй, понравится императору. Армией же и государственным устройством займется он сам.

«...НЕ МОЖЕТ СТАТЬ ЖЕНОЙ ТАТА!»

Свадебный обряд шел своим чередом. Земарх, оказавшись почетным гостем, с любопытством наблюдал за обычаями чужого народа. Ради этого они задержались здесь на целых три дня. Глава согдийцев этих мест Маниах по просьбе хозяина дома остался сам и уговорил византийца сделать то же.

Позавчера была помолвка. Новая родня — со стороны жениха и невесты обменивались подарками. Чего тут только не было! И красиво окрашенные одежды из местного шелка, и слоеные пирожки, и сдобные хлебцы; жесткие (но очень вкусные) лепешки, которые пекут на стенках очагов во дворе; оленина, целебное мясо архара, фазаны, рис, пестрые яйца перепелок и многое другое. Все это тщательно записал Исидор Мела. Причем дарящие все время желали молодым богатства и плодородия во всем: в земных плодах, в скоте, в благополучном завершении начинаний, в многочисленном потомстве. Затем невесту повели в баню вместе с красавицами подружками. Там, по словам Маниаха, их будут угощать хлебом, пловом, медом и прохладительными напитками. Около бани (она находилась на хозяйственной стороне двора) толпились дружки жениха и музыканты. Амос тоже был там. Все веселились. Все — кроме жениха. Ему в это время брили голову.

Весь день продолжались свадебные развлечения: скачки, бои петухов, собак, борьба мускулистых силачей — пехлеванов. Выступали также местные мимы, танцоры и певцы.

На другой день вечером невесту переодели, заплели ей косы, лицо прикрыли белой кисеей. С наступлением темноты

появились многочисленные друзья жениха с факелами. Только его самого нигде не было видно. Земарху сказали, что жених прячется в толпе и даже накрылся халатом, чтобы уберечься от порчи, сглаза и зависти всяческих злых духов, которые живут в болоте среди тростников. Все опять веселились, музыканты играли на инструментах, отдаленно похожих на лиру или псалтерий. Подавали всевозможные мясные блюда, приправленные какими-то душистыми травами, среди них традиционное свадебное — похлебку из риса с мясом, заправленную кислым молоком (Исидор записал!). Жениха, наконец, обнаружили, переодели в новый костюм (подарок тестя) и осыпали просом — для безусловного обеспечения плодovitости.

И в заключение молодоженам вручили пиалу с медом диких пчел. Новобрачный, по обычаю, обмакнул туда палец и помазал губы себе и молодой жене. Пусть жизнь их и взаимное расположение будут всегда такими же сладкими!

— А когда родится сын, — шепнул Маниах, — отец этим медом намажет ему ладошки.

— Зачем же?

— Мы, посол, люди торговые. Верткие денежки должны сами липнуть к нашим рукам.

Византийцы дивились чужим обычаям. Юный Амос поспевал везде, широко раскрыв глаза и рот. Не отставал от него и толстяк Исидор: он тщательно дегустировал все блюда и неизменно спрашивал, как они приготовлены. Только старец Варсонофий был недоволен. Он нашептывал Земарху.

— Все они язычники, как персы... Ад, ад им уготован.

— Но я видел несколько человек с крестиками на шее, — заметил тот.

Варсонофий взмахнул сухонькими ручками, словно открещиваясь:

— Приверженцы ересиарха Нестория!.. Вон куда забрались от длани карающей! Эти христиане хуже язычников.

Каких лжеучений здесь только нет! Поверишь ли, стратиг, — Варсонофий изогнулся всем телом, словно увидел сатану, — я встретил здесь даже манихеев!.. И живут открыто. А ведь еще при блаженной памяти Юстиниане все они были осуждены на очистительный огонь костра!.. Пади ниц перед каганом и предай всех их немедленной казни!

— Здесь чужая страна и другие законы, — миролюбиво ответил Земарх. — И цели у нас совсем другие.

— Но помни всегда, стратиг, об интересах святой церкви! И помни, что за все наши деяния мы ответим здесь, на земле, перед Матерью-Церковью, своей совестью и перед мирской властью, а на небе — перед судом Божиим!

— Я всегда готов ответить за свои дела! — резко и надменно ответил Земарх (вельможная кровь зыграла). — Помни и ты, отец Варсонофий, смирение и борьба с гордыней — истинные добродетели служителя Церкви. Кроме того, непослушание начальствующим есть тягчайшее преступление против законов нашей империи. А теперь ступай и займись своими прямыми обязанностями.

Выслушав отповедь, Варсонофий злобно блеснул глазами, смиренно поклонился стратигу и засеменил прочь.

Наутро стали обряжать невесту для переезда в дом мужа (он уехал заранее). Земарх приказал членам посольства тоже собираться. Юный Амос, затаенно вздыхая, записал со слов Маниаха, что вечером, в сопровождении факельного шествия, невесту верхом на лошади отправят в дом мужа. Там ее трижды обведут вокруг очистительного костра и лишь затем она переступит порог своего нового жилища. Толстяк Исидор, покряхтывая, записал, что и в доме жениха гости полакомятся на славу.

Внезапно в толпе раздались испуганные возгласы: «Тюрки! Тюрки!». Земарх увидел десятка три всадников, въезжающих в ворота. Первым ехал на чалой лошади с перевязанным хвостом настоящий богатырь в кольчуге, кожаных штанах и мягких сапогах с загнутыми носками.

На голове — островерхий блестящий шлем с двумя крыльшками по бокам. Земарх услышал, как один из согдийцев шепнул другому:

— Вот они, дэвы...

Между тем всадник придержал коня, окинул толпу надменным взглядом узких черных глаз и сказал по-согдийски:

— Я Тагма-тархан¹. Кто хозяин?

Дородный хозяин и Маниах подошли к стремяни и почтительно помогли Тагма-тархану спешиться. Слуги растелили новые войлочные ковры и шелковые одеяла под тутовыми деревьями.

Всадники один за другим слезали с седел, снисходительно отдавали поводья скакунов подбежавшим хозяйским домочадцам. Потом уселись — ноги калачиком — и также снисходительно стали принимать угощение, поглядывая на толпу из-под век. Подавали им, в основном, только мясо на больших глиняных блюдах, которыми славились согдийские ремесленники. В отдельных чашах-пиалах — крепкий мясной бульон.

Когда гости насытились, хозяин и посол Маниах стали задавать почтительные вопросы: здоров ли тархан, здорова ли его семья, благополучно ли плодится скот?

Тархан важно кивал головой и поглаживал черные, как смоль, усы, тонкими дугами свисавшие по обе стороны рта. Потом сказал:

— Я вижу здесь большой свадебный праздник. Но я не вижу невесты. Пусть она поднесет мне айрана. Обычай позволяет это молодой хозяйке.

Хозяин хлопнул в ладоши. Тотчас выступила вперед невеста и с поклоном подала тархану большую чашу с кислым молоком.

Тагма-тархан принял ее и сказал:

¹ Тархан (тюрко-монг.) — феодальный титул.

Между тем всадник придержал коня, окинул толпу надменным взглядом узких черных глаз

— Тюркские женщины никогда не прячут своего лица. Даже ваш обычай позволяет открывать лицо невесты перед знатным гостем. Или я недостаточно знатен для вас?

Старый шелкодел покорно склонил голову в знак согласия. Стоящая рядом женщина проворно подняла белую кисею, закрывавшую лицо невесты. Тархан взглянул. Черные брови его полезли на лоб, даже кончики усов как бы приподнялись. Он повернул изумленную физиономию к хозяину и сказал:

— Она не из племени татов. Она не твоя дочь!

— Она моя приемная дочь, — почтительно отвечал шелкодел. — Двадцать четыре луны тому назад я купил ее, совсем молоденькую и слабую, у храброго воина. А потом растил как родную дочь. Вон какая стала красавица!

Тархан задал девушке несколько вопросов по-тюркски. Но та молча опустила глаза, а потом и кисею.

Тогда он повернулся к хозяину и решительно сказал, как бы предвидя просьбы и мольбы:

— Она из племени воинов степей. Об этом говорят ее глаза. Она не может стать женой тата. Я заберу ее с собой. Таков закон.

Хозяин резко вскинул голову. С языка рвались дерзкие слова, что нет такого закона, что он знает многих тюрчанок, ставших добрыми женами согдийцев и матерями согдийских детей, но... развел руками и низко поклонился: мол, все в руках закона и тархана.

Успокоившись, Тагма-тархан сказал:

— Я вижу йялвача¹ Маниаха, Но я не вижу йялвача ромейского кайсара².

И тархан еще раз оглядел толпу. Земарх и его свита были в легких шелковых халатах, поднесенных гостеприимным хозяином (конечно, и хозяина пришлось богато

¹ Йялвач (тюрко-монг.) — посол.

² Кайсар (тюрко-монг.) — правитель

одарить). Однако же тюрк сразу отличил наметанным глазом пришельцев от местных жителей — в этом можно было поклясться.

Встал посол Маниах и сделал представление по всей форме. Встал Земарх. Встал и тархан. Произошел изысканный обмен любезностями со всеми дипломатическими тонкостями, обильно сдобренный комплиментами в адрес обеих сторон.

Затем Тагма-тархан возвестил торжественно: — Рожденный небом великий тюрк, Мудрейший и Блистательнейший Сын Неба, каган Народа Десяти Стрел, ждет посланника великого ромейского кагана в своем кочевье. Не будем же медлить!

ДОЛГИЙ ПУТЬ К АЛТЫН-ТАГУ

Они ехали по широкой долине, окаймленной с юга величественной стеной белоголовых гор. Как раз перед этим, словно по заказу, прошли обильные дожди, и растительность, несмотря на зной, имела цветущий вид. Правда, дикие травы — злаки уже отколосились и пожелтели. Но византийцам встречалось и много ухоженных полей с культурными злаками. На полях еще задолго до восхода солнца уже работали загорелые до черноты люди. Нотарий Исидор Мела записал:

«Все здешние земледельцы — из народа согдиатов. Простые зовутся «кедивары», знатные носят титул «дихкан». Земля здесь очень плодородна и производит все плоды земные, но требует орошения из рек и ручьев из-за малых дождей и жаркого солнца».

Там и сям виднелись глинобитные стены селений, отдельные замки-усадыбы. Попалось даже три-четыре городка с мощными глиняными цитаделями. Вокруг них ютились домики ремесленников, земледельцев и мелких торговцев.

Очень разговорчивым и занятым собеседником оказался этот знатный тюрк! Земарх сносно говорил по-согдийски, тюрк тоже неплохо владел этим языком, так что они отлично понимали друг друга.

— Нет под Солнцем и Луной народа, могущественней нас, — говорил тархан.

— Наш меч дотягивается до врагов во всех четырех странах света. Наша нога стоит на шее всех, населяющих эти пространства. Ковыряющие землю мотыгой таты платят нам дань. Поэтому есть пословица: «Нет тюрка без тата».

В другой раз тархан сказал:

— Известно, что земля имеет четыре угла. В одном углу живет народ, который ты назвал именем «серы» (китайцы), а мы называем «табгач». В другом — презренные персы, не держащие клятв. В третьем — владения вашего кагана. В четвертом — народы холодных стран. Мы же, тюрки, занимаем пуп земли.

Земарх вежливо улыбался и думал про себя: «Сколь хвастлив и самонадеян этот тюрк! Ведь все разумные люди знают, что земля — это диск, омываемый со всех сторон великой рекой Океан. И нет у нее никаких углов.

К тому же еще со времен Гомера известно, что центр земного диска находится в Элладе. Но разве объяснишь это столь невежественному номаду¹?».

Они проезжали мимо согдийского кладбища. Там виднелось множество наземных склепов. Назывались они по-местному «дахма». Иногда на краю селений виднелись строения, похожие на храмы. Это и были храмы: зороастрийские, буддийские, несторианские или принадлежащие еще какой-нибудь религии, о которой не слышал сам отец Варсонофий, и поэтому только плевался да осенял себя крестным знаменем. По-видимому, во владениях тюркского кагана царила полная веротерпимость.

Восточная часть долины была гораздо уже. Слева шумела бурная река с рыжей водой. Стали реже встречаться селения. Зато чаще попадались войлочные шатры-юрты, одинокие и группами. Византийский посол увидел табуны коней сказочной красоты, пасущихся на тучных пастбищах. Это были и в самом деле лучшие в мире скакуны. Здесь их называли солнечными или небесными. Тагма-тархан пояснил, что выпасы эти — заповедные, а кони отсюда идут к кагану для его дружины и высших чинов государства.

¹ Номад (греч.) — кочевник.

А караван, миновав красивое и большое озеро,
вступил в заоблачные высоты

Всадники поднимались все выше и выше в горы. По ночам стало прохладнее. В кочевьях путников встречали сначала злобно рычавшие громадные собаки, а потом — гостеприимные хозяева, тотчас предлагавшие кислое молоко, напиток из кобыльего молока и мясо. Это уже были настоящие тюрки.

Византийцы никак не могли привыкнуть к тому, что мужчины-тюрки, словно женщины, носили косы. Их было разное количество, от четырех до семи, видимо, в зависимости от индивидуального вкуса владельца (а может, от чего другого). Но отдельные франты щеголяли набором из восьми-девяти косичек, подвивая их на концах.

Юный Амос завел дурную привычку кружить в опасной близости от того места, где располагалась на ночлег незадачливая новобрачная, отобранная Тагма-тарханом у гостеприимного согдийца.

Когда Земарх строго выговорил ему за это, Амос ответил:

— Светлейший патрикий... Это — не хозяйская дочь, которую решил увезти тархан. Это та самая девушка, которую я заметил в первый день приезда...

— Где заметил?

— В доме того дехкана. Она была среди служанок. Очень красивая и совсем не похожа на других согдианок...

— Что ты плетешь! — сказал Земарх сердито. — Эту девушку мы видели все три дня в убранстве невесты.

Амос отрицательно замотал головой и произнес:

— Когда приехал этот тюрк, в доме начался переполох... Невесту спрятали, а в ее одежды переодели вот эту самую девушку. Я все видел сам. Случайно...

Стратиг задумался. Он верил и не верил юноше. Если все это правда, то подтверждается его догадка, что отношения между согдиатами-земледельцами и тюрками-кочевниками далеки от идеала. Покоренные и поработители. Изворотливость слабых и прямолинейная самоуверенность сильных. Что ж, сведения эти весьма важны. Не все так уж

гладко в великом каганате! Еще раньше удивляло Земарха обилие кузнецов в открывшихся перед ним землях. И высоко в горах, и в знойных долинах — всюду его преследовал стук молотов о наковальню и запах каленого железа. Да, недостатка в мечах и стрелах у воинов кагана нет!

Теперь Земарх подозревал, что именно для создания у него такого впечатления и трудились кузнецы по приказу самого кагана на пути следования посольского каравана... Или действительно так богата металлом страна тюрок? Сомнения... думы... прозрения... опять сомнения... Горек хлеб дипломата!

А караван, миновав красивое и большое озеро, вступил в заоблачные высоты. По утрам не хотелось вылезать из-под теплых одеял. Воздух был леденисто-прозрачен. Было трудно дышать — в висках стучала кровь. На патках — изморозь. Вода в кожаных ведрах покрывалась тонкой корочкой льда. Даже не верилось, что там, внизу, осталось жаркое лето.

Но всходило солнце, становилось теплее. И тогда из ущелий выползали клубы тумана, и караван продвигался, словно в фантастическом сне: исчезали и появлялись то головы верблюдов без торса, то конский круп с помахивающим хвостом... А потом все это опять пропадало за белой волнистой пеленой... Затем начался спуск опять к лету.

Далеко внизу открылась панорама прекрасной высокогорной долины. Густые травы, испещренные мириадами цветов, ласкали и радовали глаз. Воздух был несказанно прозрачен, чист и свеж. Земарх вдыхал полной грудью и думал, что такой воздух должен быть в христианском раю. По ту сторону долины громоздилась величавая гора, вершина ее искрилась снеговым шлемом, будто сам бог воинственных тюрок застыл в угрюмом раздумье. Казалось, отсюда до горы — рукой подать. Но Земарх уже знал, что в горах зрение обманчиво.

Спутники-тюрки показывали на эту гору пальцами и благоговейно твердили:

— Алтын-Таг! Алтын-Таг! — что на их языке означало: «Золотая гора».

Повсюду в долине виднелись пасущиеся табуны, на склонах — отары, похожие на россыпи белых камушков. А в самом центре, в волнах цветущего разнотравья, поднималось несколько огромных шатров — окружавшие их белые юрты казались совсем крошечными.

— Каган! Каган! — истоиво шептали проводники, и Земарх понял, что это и есть ставка самого могущественного повелителя кочевых народов.

КАК ЗАКЛЮЧАЛИСЬ СОЮЗЫ...

На краю долины караван встретил сторожевой пикет. Среди воинов находилось несколько стариков-шаманов. Тагма-тархан пояснил, что эти люди имеют способность отгонять несчастья. И, согласно обычаю, всему посольству придется пройти через очистительный обряд.

«Эти безбожные язычники, — писал святой отец Варсонофий, — взяли все наши вещи, сложили их вместе, потом развели огонь сучьями дерева дивана, шептали на скифском языке нечестивые заклинания, и в то же время звонили в колокол и ударяли в тимпан над поклажею. Они внесли в круг ливановую ветвь, которая трещала от огня; между тем, приходя в глупое иступление и произнося угрозы, казалось, они изгоняли лукавых духов. Заблудшие! Они приписывают себе силу отгонять демонов и освободить людей от зла. Господи! Дай мне терпение! Ведь эти несчастные даже не ведают того, что злых духов можно изгнать лишь святым крестом и благочестивой молитвой».

Шатры кагана вблизи оказались еще внушительнее.

Византийскому посольству отвели несколько шатров поменьше и десяток юрт для слуг.

На следующее утро явился богато одетый тюрк (на нем был халат желтого шелка, наборный пояс с золотыми бляхами — знак высокой должности — и красные сапоги). Человек этот звался «тамгачы», в его обязанности входило все, связанное с приемом и обслуживанием посольских миссий. Каган ждал.

Перед шатром кагана стояла стража в длинных пластинчатых панцирях, в шлемах с бармицей и наушниками.

В левой руке — небольшие круглые щиты. В правой — булава. На поясе — длинный лук и колчан со стрелами остриями вверх. На другом — меч и кинжал. Это были воины из личной дружины тюркского повелителя и назывались они бори (волки).

Тамгачы услужливо откинул дверную занавесь, и Земарх переступил порог. Войдя, он распростерся ниц (согласно византийскому этикету), затем поднялся и отвесил низкий поклон, приложив обе руки к сердцу (согласно тюркскому обычаю). Присутствующие с величайшим интересом наблюдали за действиями посла и одобрительно кивали.

Земарх, наконец, поднял голову. Прямо перед ним, у противоположной стены, лицом к двери и к солнечному восходу, сидел каган. Он сидел на золотом троне — маленькой одноместной повозке о двух колесах. Такую утащит и одна лошадь.

Повелитель тюрков был дородным крепким мужчиной лет шестидесяти. Смуглое лицо с черными бровями, седыми подковами тонких усов и длинной узкой бородой показалось бы приятным даже на взгляд византийца, если бы не жесткое выражение властности. От огненного взгляда черных пронзительных глаз холодок пробежал по спине бесстрашного стратига. Справа и слева от трона сидели на корточках придворные в парчовых халатах. Словно почетные столбики-балбалы около изваяния героя. Все они показали Земарху на одно лицо: смуглая кожа, висячие усы, длинные жгуты бород.

Справившись с минутным замешательством, посол начал давно приготовленную и десятки раз отрепетированную речь:

— Наш великий император, избрав меня вестником, шлет тебе, повелитель бесчисленных народов, привет и пожелание счастья, благоприятного и благосклонного, любви и дружелюбия в сердце к ромеям. Одерживай, доблестный, постоянно верх над своими врагами и собирай добычу со своих

²⁶ Том XIII. В. М. Плоских

противников! Да удалится от нас всякая зависть, могущая расторгнуть узы дружбы! Мой император говорит: «Приязненны нам племена тюрок и все подвластные тюркам! И наше расположение к вам будет всегда неизменным!».

Неожиданно для всех каган вдруг заплакал. Он всхлипывал, тряся бородой. Из-под опущенных век по смуглой щеке скатились несколько слезинок и застряли в усах. Также неожиданно каган улыбнулся, вытер глаза и усы шелковым платком. Он заговорил, чуть хриловато и тихо, но Земарху показалось, что рокочущее эхо заполнило огромный шатер.

— Видели бы наши предки, какой почет оказывают нам, кагану Истэми из рода Ашина, потомку милосердной волчицы, посланники могущественного государя! Мы рады принять у себя человека от великого кайсара страны Ром. Пусть дружба и расположение между нами не иссякнут! Пусть мечи наши сольются в один меч, направленный в грудь общего врага!

Длинные ряды придворных-балбалов колыхнулись и раздался единый одобрительный вздох:

— Джакшы!

Затем последовала длительная процедура вручения даров. Принимал их все тот же тамгачы.

Осмотрев многочисленные и богатые подарки, каган Истэми сказал:

— Велик ваш повелитель! Дары действительно от могущественного государя! Они достойны и его, и нашей особы.

— Джакшы! — хором подтвердили присутствующие.

В числе даров было множество кусков драгоценной парчи, великолепные одежды, высокохудожественные ремесленные изделия из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней.

После этого начался пир. Но предоставим слово Исидору Меле:

Справившись с минутным замешательством,
посол начал давно приготовленную и десятки
раз отрепетированную речь

«Подавали еду в золотых сосудах: нежное баранье мясо, телятину и сладкое мясо молочных жеребят. Тюркские бараны очень крупные, и у них большие хвосты, волочащиеся по земле, мясо их считается лучшим в этих областях.

На следующий день каган дал пир в другом шатре. Все стены помещения были увешаны цветными шелковыми покрывалами. Истэми сидел на ложе, которое было целиком из золота, — записывал Исидор. — Здесь стояли и кумиры, различные видом. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы, и бочки тоже золотые... Опять пировали и говорили за попойкой, о чем было нужно».

А поговорить, конечно, нашлось о чем. В середине VI в. под властью тюрков оказался Согд, где во множестве производились хорошие шелковые ткани. Поэтому и тюрки и согдийцы были крайне заинтересованы в прямых торговых связях с Византией. Но «шелковый» путь проходил через Иран. Царь Хосров Ануширван вовсе не был намерен лишаться значительных доходов, которые он получал от перепродажи шелка.

Два-три года тому назад Истэми отправил в Иран посольство во главе с Маниахом. Главным был все тот же «шелковый» вопрос. Но Хосров, закупив привезенные ткани, приказал их сжечь на глазах согдийцев. Этим он хотел показать, что он не хочет ни обижать их, ни употреблять привезенного шелка, торговля которым обогатит каганат.

Каган Истэми, будучи тестем Хосрова, не поверил своим ушам, когда посланные, вернувшись, рассказали ему об этом. Он отправил второе посольство. На этот раз в его составе были лишь знатные тюрки. Но и оно потерпело неудачу. Из всего состава посольства вернулось лишь три или четыре человека. Все прочие по распоряжению коварного зятя-шаха были отравлены.

Этого Истэми уже не мог стерпеть. Он начал готовиться к войне. Вот почему и было отправлено в Византию

посольство Маниаха — в поисках союзника в войне и партнера по торговле.

Видимо, на двух пирах или «попойках», как записал Исидор Мела, не все важные «вопросы были решены». Поэтому на третий день Истэми опять дал в честь византийцев торжественный обед.

«В следующий день они пришли в другой шатер, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед шатром на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюд и корзин и много изображений четвероногих, сделанных из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркского князя».

Пир удался на славу. Приближенные кагана уже не казались Земарху на одно лицо. С помощью Маниаха Тагматархана он теперь вполне разобрался в сложной иерархии придворных чинов. По правую руку Истэми сидел шад — второе лицо в государстве. За ним скрестил ноги калачиком джагбу — представитель правого крыла «Народа Десяти Стрел». Он повелевал союзом «Дулу», в который вошло пять племен. За ним сидели тегины (царевичи) — братья, сыновья и племянники кагана, принадлежавшие к царствующему дому Ашина. Дальше шли тарханы и тутуки — воинские начальники и наместники кагана в покоренных странах.

Слева от трона первым сидел джагбу левого крыла «Народа Десяти Стрел». Он возглавлял другой пятиплеменный союз, называвшийся «Нушиби». За ним разместились элтеберы — вожди покоренных племен, влившиеся в каганат.

Все эти вельможные тюрки, кроме названных титулов, имели еще один чин — буюруков, то есть великих советников кагана...

Земарха, как почетного гостя, усадили сразу после джагбу правого крыла. Исидор Мела, в числе прочих

византийцев, пировал среди беков — знатных людей, не имевших определенного придворного титула. И, конечно же, он не преминул записать:

«Кроме нежного мяса в изобилии были рисовые хлебцы, творожные лепешки, дикий сотовый мед и фрукты. Разносили также варварское вино, забирающее разум» (Исидор выпил девять пиал кумыса: так поступить соблазнили его новые знакомцы, ибо девять — священное число тюрков).

Охая и хватаясь за голову, Исидор Мела все же нашел изъян в каганском угощении и записал: «Но мало было пшеничных хлебцов».

В эти дни, после всех пиров и переговоров, каган и его буюруки приняли важное решение: начать войну с персами. Земарх достиг цели: между империей и каганатом был заключен военный союз, направленный против Ирана.

Через несколько дней тюркская конница выступила в поход. Местом сбора всех войск была назначена Таласская долина. Когда прибыл туда каган, состоялось нечто вроде парада. Любо-дорого было смотреть на стройные ряды тяжелой латной кавалерии под знаменами с волчьей головой! Земарх пока еще только понаслышке был знаком с тактикой тюрков. Тяжелая конница атаковала сомкнутым строем с копытами наперевес. Ярость и упорство тюркских алпов (богатырей) во время таких атак были широко известны. За отборными частями шли бесконечные шеренги легкой кавалерии. Обычно она набиралась из простого народа — «кара бодун». Доспехи для нее изготовили из кожи и войлока. Легко вооруженные всадники осыпали противника дождем стрел, нападали с флангов, ложным бегством заманивали врага в засаду, преследовали разбитые части.

Когда Истэми проезжал на своем знаменитом гнедом скакуне по кличке Шалга (Шалый, Буян), войска разражались приветственными криками. Земарх смотрел, и грудь его распирало от гордости: какого могучего союзника он добыл своему императору!

Неожиданно для всех в Таласскую долину прибыло иранское посольство с богатыми дарами. Сгоряча каган отказался было принять послов и дары их. Но буюруки отговорили. Тогда был дан пир, на который пригласили послов как иранских, так и византийских. Но положение их оказалось разным. Византийцев усадили на самые почетные места. Истэми оказывал им всяческое внимание. На иранцев же он обрушил град упреков, припомнил все старые обиды. С негодованием говорил о коварстве своего зятя-шаха. Иранский посол отвечал весьма дерзко и с большим пылом опровергал упреки кагана. Произшла горячая перепалка.

Каган говорил, яростно сверкая глазами:

— Мне преклоняется вся земля, начиная от первых лучей солнца и оканчивая пределами запада... Я породнился с недостойным! Вы имеете десять языков и на кончике каждого висит обман. Речи ваши лживы и путь ваш крив. Чуждо и несвойственно тюрку лгать. Ваш же царь получит в надлежащее время наказание за все свои непрямые дела.

Иранский посол бубнил в ответ:

— Шахиншах велик! Среди других государей он — как слон среди муравьев...

— Пусть же его утацит птица Хуту, пожирающая слонов! — гневно кричал каган. — И если она не сделает этого, я пошлю его воинам стрелы Бюрта¹! Я отправлю их в нижний мир к Эрклигу²!

Окружающие все время одергивали иранца и советовали ему не перечить разъяренному владыке — ведь так можно лишиться и головы!

А в конце пира каган преподнес приятный сюрприз.

— Мы видим, — сказал Истэми Земарху, — что ты муж доблестный, полный сил. А воину-мужу не подобает долго

¹ Бог скорой смерти у тюрков.

² Бог нижнего (подземного) царства.

оставаться без женщины. Поэтому дарим тебе прекрасную пленницу по имени Лунная красавица из могущественного народа хырхыз. Эй, тамгачы! Отвести девушку в шатер посланника!

Когда Земарх вернулся в свое жилище, первым его встретил юный Амос со свитком и стилем-пером в руках. Амос был бледен, и губы его подрагивали, когда он произнес:

— Господин! Господин!.. Это та самая девушка...

— Какая «та самая», — сказал Земарх, но уже понял, что имел в виду нотариий.

— Та, что была невестой, которую отобрал Тагма-тархан у согдиата вместо его дочери...

Земарх шагнул в шатер. Прислонившись к столбу, пугливо замерла женская фигура. Стратиг окинул ее любопытным взглядом.

Одета она была в голубой кафтан с богатой вышивкой из желтых, словно золотых, ниток. Поверх кафтана — безрукавная накидка, отороченная мехом куницы. На голове — кунья же шапочка с тремя перьями филина.

Как она была хороша! Земарх с удовлетворением отметил это: значит, великий правитель — каган тюрок и тут отнесся к послу великой державы с должным почтением.

Какой-то дикой, — первобытной, на взгляд византийца, была ее красота. Широкие скулы покрывал природный румянец, что называется, во всю щеку. Смоляные дуги бровей, а под ними — пронзительный взгляд черных глаз: она только мельком подняла ресницы и тотчас опустила их. Но и этого было достаточно. В нем сенатору почудилась затаенная непокорность, даже свирепость. Что-то очень похожее на взгляд Истэми.

Стройный стан ее обнимало платье из тончайшего согдийского шелка — дибаджа, стянутое пояском. В маленьких ушах — золотые серьги. На грудь спускалось ожерелье из серебряных иранских монет. На ногах — башмаки

без каблуков с загнутыми носками, они расшиты стеклянным бисером и переливаются. Да, это настоящая амазонка, не то что надоевшие, всегда покорные рабыни, от которых отдает притираниями и ладаном. Земарх покосился на юного Амоса. Тот смотрел на тюркскую красавицу с таким восторгом, что даже уронил стиль-перо.

Посол недовольно засопел, и юный Амос, вздрогнув, схватился было за стиль, но Земарх сделал знак рукой и, помолчав, сказал:

— Кхм... Эту девушку не надо заносить в перечень подарков. Ведь правитель подарил ее лично мне.

Амос послушно склонил голову, а посол сердито думал: «Кто знает, не является ли этот юнец соглядатаем, представленным ко мне собственной женой? Зная ее характер, я не удивлюсь...»

Вечером Земарх и прекрасная пленница остались в шатре одни. А в соседней юрте всю ночь без сна на холодном ложе ворочался юный Амос...

...И ЗАВЕРШАЮТСЯ МИССИИ

Иранские послы, разобиженные, уехали. Византийцы же задержались в долине примерно недели на две: каган ждал сбора всех своих сил. Войска все подходили и подходили. Пастухи гнали многочисленные отары овец, табуны коней — надо было обеспечить армию продовольствием.

Время летело незаметно. Пирьы сменялись охотой. Тюрки, как отметил Земарх, были первоклассными охотниками и предавались этому занятию со всем пылом и страстью первобытных душ. Тамгачы поведал византийцу, что несколько лет назад каган Истэми послал Хосрову I Ануширвану четыре тысячи манов бесценного благовоения — мускуса (3328 кг). Для получения такого количества мускусных струй нужно было убить минимум 55 тысяч самцов кабарги.

В верховьях реки Талас существовал даже специальный олений заповедник для каганских охот. За убийство здесь оленя следовало беспощадное наказание, поэтому олени стада там сохранились.

Для византийцев наступило время отъезда. Договор вступил в силу. Бесконечная колонна тюркской конницы зазмеилась к иранской границе.

Вместе с византийцами каган Истэми отправлял и свое посольство. Возглавлял его Тагма-тархан. В качестве верительной грамоты сам каган вручил ему стрелу с золотым копьём и с личной печатью.

Девять раз по девять вьюков богатых и ценных подарков посылал Истэми правителю Византии. Среди них было

много тюков раскрашенного в разные цвета среднеазиатского шелка.

Послал каган своему «брату» Юстину II также знаменитый «камень победы» — отшлифованный и ограненный кусочек нефрита, вставленный в золотой перстень. Тюрки приписывали нефриту необыкновенное свойство способствовать победе того, кто его носит. Истэми желал успехов императорскому оружию.

Перед самым отъездом к Земарху явился тамгачы и вкрадчиво заговорил:

— Кагана, по нашему обычаю, следует отдарить за девушку...

— Но у меня уже нет ничего достойного повелителя, — ответил Земарх. — Все, что было, я уже вручил вашим людям.

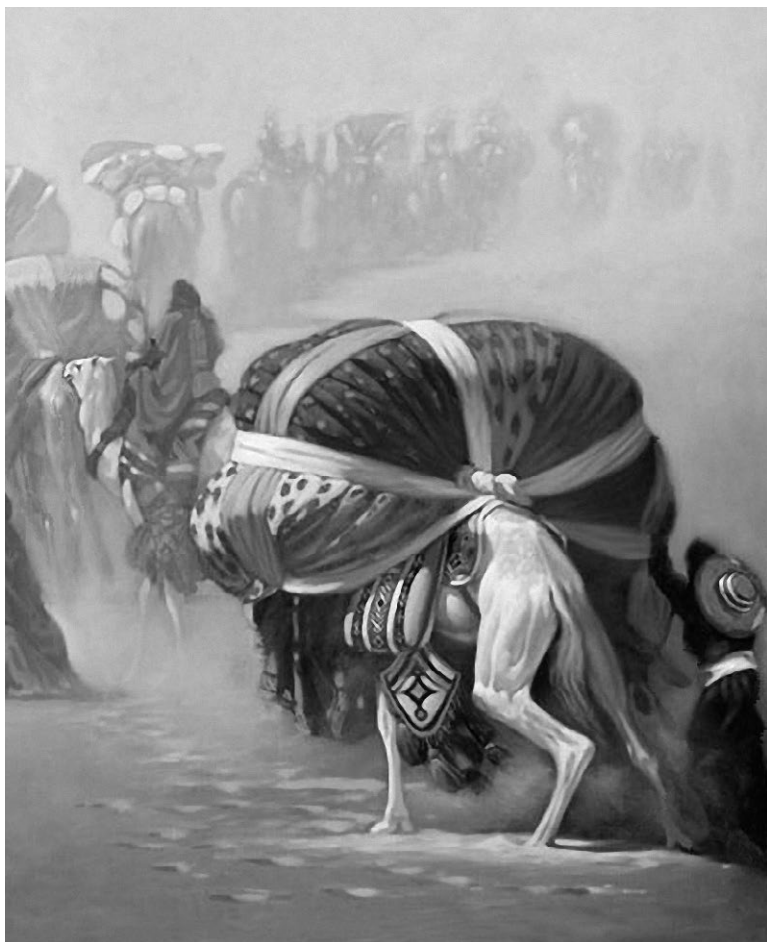
— Повелитель очень хвалил твоего жирного человека с женским лицом, — продолжал тамгачы так же вкрадчиво. — Это замечательный раб! Он лишен своего мужского естества, но не лишен разума и силы. У повелителя есть много красавиц-жен, и полужен, и совсем не жен, и такой раб очень нужен им в услужение. Тюрки очень преданы великому кагану, но в его гареме служить не могут...

— Но Исидор Мела не раб, он свободный человек из нашего посольства, — возразил Земарх.

Глазки у тамгачы превратились в щелочки, лучики собрались на висках, а рот растянула недоверчивая хитрая улыбка:

— Ойе! Разве посол великого кайсара из страны Ром не волен в своих людях? Или твой повелитель не облек тебя достаточным могуществом? Ты, наверное, шутишь. К тому же мы будем его очень хорошо кормить.

Земарх растерялся. Как объяснить этому болвану?.. А тот, встопорщив редкие усы, наклонился к самому лицу посла и доверительно стал шептать:

Девять раз по девять вьюков богатых и ценных подарков посылал Истэми правителю Византии

— Наш повелитель — да живет он вечно! — бывает в гнев очень страшен...

И тамгачы, округлив глаза, лязгнул зубами:

— Очень, очень, страшен!.. От гнева его плавятся горы, а на долины выпадает каменный град. Ойе!

Земарх мог бы поклясться, что этот вымогатель старается вовсе не для каганского, а для своего собственного гарема. И, однако, без толстого нотариуса отныне ему, как видно, придется обойтись. В самом деле, не ставить же под удар успех своего посольства из-за этого шпиона-чревоугодника.

— Придется просить помощи у Варсонофия, — размышлял он. — Пусть уговорит Исидора пострадать за веру.

Земарх еще подумал, что неплохо было бы вместе с толстяком оставить здесь и юного Амоса. И вздохнул. Тогда уж лучше не являться домой. От царского шпиона он избавится. Но попробуй избавиться от шпиона собственной жены!

Этот случай Земарх представил в официальном отчете так:

«Нотарий Исидор Мера остался в стране тюрок по собственному побуждению для проповеди истинной веры Христовой».

Вот и пришла к концу наша история. Мы не знаем, как сложилась дальнейшая судьба ее участников. Неведомо нам, как и где окончила свои дни прекрасная пленница. И, наверное, никогда не узнаем. Но одно можно сказать твердо: она была первой киргизкой, увидевшей голубые воды Босфора и берега далекой Европы...

СОДЕРЖАНИЕ

Под вуалью псевдонима (о творчестве Амана Газиева)	5
От автора	7
НА БЕРЕГАХ ЯКСАРТА	
Историческая повесть	
I. Саки, которые за Согдом	11
Нужна ли человеку жена	11
Праздник Ноуруз	16
Состязание	27
Гадание	37
Легко ли сделать доброе дело	49
Сватовство. 2-й день Ноуруза	51
Рассказ о подвиге Ширака	55
Поединок	62
Призыв Спитамена (рабство не бывает прекрасным)	74
Набор войска	81
Мавак и Зарина	90
II. Согдиана в огне	102
Шаги исполина	102
«Семь городов»	111
Деимах разоблачает Гесиода	121
На Спитамена!	127
Бегство	139
Гесиод борется	149
Яксарт	161
Битва	173
Согдиана в огне	182
Основание Александрии-Дальней	189
В царской долине	199
III. Завоеватель	206
Азиатский владыка	206
Заговор Гермояла	219
Спитамен	230
Предательство	238
В горном краю Рахшан	253

Конец борьбы	264
В Индию!	274
В Александрии – Эсхате	282
У переправы	287
Колонисты	296
Возвращение	315

НА БЕРЕГАХ ИССЫК-КУЛЯ

Историко-археологическая повесть

I. Подвиг Чжан Цяня	323
Ферганское чудо	332
Возвращение	335
Опала	340
II. Чжан Цянь в Чигу	343
Кочевники отступают	343
Конец опале	343
Второе посольство Чжан Цяня	346
Азиатский Колумб	351
Невеста Кунбага	353
III. Торговая война	362
Несговорчивые ферганцы	362
Первый поход	363
Второй поход	363
Давань в огне	364
IV. Как строили дворец в Чигу	366
V. Дикая традиция	372
VI. Шестнадцать веков	378
Гимн Великому Шелковому пути	378

ПОСОЛЬСТВО ЗЕМАРХА

Исторические картинки из жизни

Западно-тюркского каганата (568 год н. э.)

Шпион императора	383
«...Не может стать женой тата!»	387
Долгий путь к Алтын-Тагу	394
Как заключались союзы	400
...И завершаются миссии	410

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Аман Газиев

ТОМ XIII

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 28.10.2020. Заказ № 49.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 26 п. л.

Тираж 500 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

